ДЕМОНОЛОГИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Москва
РОССПЭН
1996

Общая редакция, составление и предисловие
М.А. Тимофеева

Переводы *В.А. Гафнера, С.А. Койранского, Н.В. Симоновой, М.А. Тимофеева, Е.А. Шервуд*

Примечания *Н.В. Симоновой, Ю.О. Суворовой, М.А. Тимофеева*

Демонология эпохи Возрождения (XVI — XVII вв.). Пер. с англ., лат., нем., франц. / Общая редакция и составление М.А. Тимофеева. — М.: Издательство «Российская политическая энциклопедия», 1995. — 464 с., илл.

Впервые российский читатель получает возможность познакомиться с демонологическими трактатами и памфлетами, появившимися в Западной Европе в XVI—XVII веках. Деяния дьявола и его подручных, демоническая иерархия, акты колдовства и связи с миром Тьмы, воспринимаемые как реальность — вот что привлекает внимание авторов этих произведений, среди которых Д. Гиффорд, Ф. фон Шпее, С. Сирано де Бержерак и другие известные деятели этого времени. Во второй части книги представлены различные точки зрения на это явление наших современников, пытающихся разобраться в причинах возникновения веры в дьявола и развернувшейся в эпоху Возрождения «охоты на ведьм». Книга снабжена примечаниями и редкими иллюстрациями, а материалы ее будут интересны широкому кругу читателей, поскольку большинство произведений переводится на русский язык впервые.

ISBN 5-86004-021-0

ДЕМОНОЛОГИЯ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Историки, затрагивавшие в своем творчестве вопросы, связанные с демонологией и ведовскими процессами, объясняли расцвет этих явлений в конце XV—начале XVII веков следующими факторами. Долгое время это трактовалось как результат обычной умственной неразвитости и недостаточного интеллектуального прогресса в указанный период*. Другие видели причины в экономическом, социально-политическом и духовном кризисе общества, охватившем Западную Европу, не вдаваясь, однако, в подробности. Наиболее часто встречается утверждение, что раздувание демономании (а следовательно, и развитие ее базы, научной демонологии) явилось ответом осажденной католической церкви на передовые идеи мыслителей эпохи Возрождения и гуманизма, чья «критика камня на камне не оставляет... от всякой религиозной мистики и мифологии»**. Однако до сих пор исследователям так и не удалось аргументированно объяснить, почему именно в светлую эпоху Возрождения с ее ярко выраженным интересом к человеку и наукам, в эпоху, более передовую, по их мнению, нежели средневековье, оформилась система ведовских процессов и появилась основная масса антиведовских и демонологических трактатов.

Демонические представления (народные ли, ученые) — явление очень сложное, вобравшее в себя все многообразие культурной традиции общества. Отраженная в памфлетах, материалах некоторых процессов, народная демонология представляет из себя сплав устойчи-

---

* Такая точка зрения господствовала особенно в популярной литературе XIX—начала XX века, см. наприм.: Канторович Я.А. Средневековые процессы о ведьмах. М., 1990; Орлов М.А. История сношений человека с дьяволом. М., 1991 и др.

** Богуславский В.М. Скептицизм Возрождения и Реформация. // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981, с. 22-23

вой дохристианской, языческой традиции, главным образом, в области представлений о добре и зле, отчасти знахарства и т.п., и некоторых представлений, укоренившихся благодаря влиянию книжной, христианской традиции. Последние в основном затрагивают моменты, определяющие функционирование демонической структуры (роль Божественного произволения, сила демонов, дьявола, ведьм и т.д. — все эти позиции взяты из области научной христианской демонологии). Шестнадцатый век действительно стал тем столетием, на которое пришелся всплеск народного интереса к демоническому, когда «вызванный к жизни социальным и политическим кризисом, распадом традиционных общественных связей и нравственных устоев, бурный рост иррационализма нашел свое выражение в демономании масс»*. Переломное время всегда побуждает людей обращаться к иррациональному, поскольку они не видят выхода в возможности использования имеющихся у них средств официальной светской, либо клерикальной идеологии. И здесь, как правило, всегда встает вопрос о соотношении средневекового и нового, гуманистического элемента в деле становления демонологии и развития демономании. Исследователи, изучающие эпоху Возрождения и изначально убежденные в ее прогрессивности по сравнению со средневековьем, обычно доказывают, что Возрождение неповинно в охоте на ведьм и что демонология не является продуктом ренессансного свободомыслия**, но представляет из себя один из итогов кризиса средневековья, чье существование хронологически совпало с началом нового этапа в развитии культуры, культуры Возрождения***. Однако, принимая этот тезис, вряд ли можно довольствоваться им как универсальным объяснением.

Действительно, можно и нужно говорить о кризисе церкви как организации (в меньшей степени о кризисе ее теоретической идеологии), о противоречии ее практической деятельности христианским моральным ценностям, однако сам по себе кризис, религиозные

---

* Горфункель А.Х. «Молот ведьм» — средневековье или Возрождение? // Культура Возрождения и общество. М., 1986. с. 169.

** Там же, с. 162, 170.

*** Там же, с. 165.

войны и т.п.* вряд ли могут быть привязаны только к средневековью. Кризис в церковной организации наблюдается перманентно, начиная с X века, и все усилия клюнийцев, Григория VII, Иннокентия III были кратковременны по результатам и не перебороли негативных (с точки зрения христианской доктрины) тенденций в этой области. Однако при всем том, что ведовство, магия, шабаш были известны всему обществу, явлений, подобных демономании XVI—XVII веков, равно и столь обширной антиведовской литературы, не было. И это тогда, когда вера в различных представителей нечистой силы была если не глубже, то органичнее, нежели в эпоху Возрождения. Отсутствовала та психологическая атмосфера, которая позволила церкви и государству, а также части общества оформить четкую идеологическую (демонология) и практическую (ведовские процессы) систему борьбы с этими явлениями. Условия, подтолкнувшие определенную (кстати, не столь уж и большую) часть народа в объятия дьявола, были созданы благодаря усилиям и самой католической церкви, и воздействию идеологии Возрождения, и участию в этом некоторых деятелей Реформации, чья религиозная нетерпимость хорошо известна. Роль социально-экономических и политических факторов здесь также громадна. Люди, занимавшиеся ведовской практикой, вероятно, не были удовлетворены тем, что могла предоставить им официальная церковь в области духовных запросов; равно не довольствовались они и ренессансной идеологией и культурой, которая в массе своей была им чужда не только потому, что носила, главным образом, городской характер и, скорее всего, была им попросту неизвестна**, но и потому, что ренессансный антропоцентризм в корне разрушал привычную для людей средневековья систему мироустройства, опровергая своими основными положениями все их миросозерцание. Несмотря на то, что эти люди вместо Бога ставили сатану и вся обрядность черной мессы и шабаша явля-

---

* Там же, с. 169.

** Вряд ли все-таки можно целиком согласиться со следующим утверждением С.М.Стама: «ренессансный гуманизм .. был идеологией раннебуржуазной, то есть антифеодальной, а это значит — народной». /Стам С.М. Гуманизм и церковно-реформационная идеология // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. с. 35.

лась своеобразным зеркальным отражением, пародией, отрицанием, тем не менее, переворачивания системы с ног на голову не происходило — человек оставался в подчиненном положении в рамках системы, возглавляемой только не Богом, а сатаной. Людей, знакомых с идеологией гуманизма (речь здесь должна идти, конечно же, о горожанах) и сознательно анализировавших ее возможные последствия, ощущавших на себе все ее влияние, особенно, если по складу ума они оставались людьми средневековья, не мог удовлетворить перенос центра всей системы видения мира с Бога на человека. Столь кардинальная реформация основ миропонимания неизбежно выбивала человека из морально-психологической колеи, поскольку в результате ему становились неясными в том числе и многие моральные императивы, которыми он руководствовался ранее и которые в привычной ему средневековой системы были все увязаны с Богом. «В своей борьбе за светскую человеческую культуру»* (словно раньше она не была человеческой), во время которой действительно произошел исторически позитивный сдвиг в области наук о человеке, особенно естественных, идеологи гуманизма совершили этот, на первый взгляд, незаметный перенос акцентов, имевший далеко идущие последствия. Если до того на протяжении столетий человеческое бытие определялось стройной, теологически разработанной системой, стержнем которой служило Божественное начало, то теперь этот стержень убирался, а центральное место занимал человек. Характерно, однако, что идеология Возрождения так и не смогла предложить обществу единую, отвечавшую интересам и запросам всех, моральную систему ценностей; очень быстро эта идеология подошла уже к своему человеческому кризису, нашедшему выражение, в частности, в творчестве У.Шекспира, М.Сервантеса, Б.Паскаля. Принцип антропоцентризма, разрушая всю традиционную систему мировоззрения, объективно способствовал высвобождению всех человеческих потенций независимо от их характера, хотя, безусловно, в своих трактатах теоретики гуманизма апеллировали к лучшему в человеке, одновременно пытаясь создать и известную систему моральных регу-

---

* Там же, с. 30.

ляторов. Однако поскольку наличие данной системы и ее работа ставились целиком в зависимость от человека, она сработать не могла. Постановка последнего во главу угла отодвинула на второй план то, что определяло (пусть и в теории) духовное и моральное бытие средневекового общества — Божественное. Ныне же это Божественное духовное ставилось в зависимость от биологического организма, человека, что прямо противоречило христианскому учению. Здесь можно даже говорить об известном формализме Возрождения, т.е. об обращении его в силу действия этого фактора к внешней стороне явления при его анализе и раскрытии, точнее, к проявлению как таковому, даже если оно и является результатом внутреннего, душевного процесса. Именно этим, на наш взгляд, объясняется отчасти интерес деятелей Возрождения ко всем внешним, физическим проявлениям жизни и деятельности человека и анализ и работа с этическими понятиями в приложении к человеку абстрактному, не конкретному. Вот почему нам кажется возможным говорить о том, что подобное мировоззрение, не оставлявшее места стоящему вне и выше человека моральному регулятору, морально-психологической опоре, и, скорее даже, его последствия, психологические условия, та житейская атмосфера, что создавалась в результате развития общества и воздействия на него идеологии Возрождения, по-своему способствовали неприятию, наряду с официально-церковными, и этих взглядов, заставляя обращаться к миру темных сил. Хотя, конечно же, действие этого фактора не следует преувеличивать.

Говоря о месте католической церкви в деле создания и изучения демонического пантеона, а также борьбы с ним, следует заметить, что именно ее идеологам принадлежит ведущая роль в создании самой системы демонических сил. Если посмотреть на то, какими чертами наделяет народная демонология жителей потустороннего мира, то картина эта будет, с одной стороны, не нова и традиционна, а с другой — на удивление бедна визуальными образами и скудно разработана (особенно в Англии). Можно сказать, что церковь сама отчасти является создателем той системы, против которой и боролась. Подавляющее большинство демонологических трактатов принадлежит перу церковных авторов, что вполне оправдано еще и

потому, что с XIII века колдовство постепенно начинает трактоваться как религиозное преступление, а следовательно, церковь считает своей обязанностью бороться с ним. Но только в XVI веке в трудах церковных писателей появляется детально расписанная иерархия демонических легионов и их предводителей (см. например сочинение Иоганна Вейера «О псевдомонархии демонов»), только тогда появляются подробные и красочные описания шабаша (М.Дельрио, П. де Ланкр). Вопрос же о том, почему церковь столь ревностно обратилась к борьбе с ведовством и магией именно в это время, очень сложен. Занося на страницы своих сочинений яркие картины деятельности зловредных демонов, объясняя их происками все, начиная от радикулита и кончая стихийными бедствиями, католические и протестантские писатели меньше всего, на наш взгляд, думали о необходимости напрямую бороться именно в этой области и именно такими средствами против гуманистического мировоззрения. Авторы многих трактатов, создавая их, зачастую имели ввиду более общественное спокойствие и порядок в государстве, нежели непосредственную полемику с носителями новой идеологии. Парадоксально, но факт — выступая вместе с тем и против традиционных народных верований и обычаев, писатели эти сохранили в своих произведениях многочисленные фольклорные мотивы, связанные с темными силами, сыграв тем самым положительную роль в деле сохранения культурного наследства. Однако обилие подобных сочинений говорит, конечно же, и о том, что сама церковь в лице некоторых своих представителей пыталась таким образом ответить на вопросы, поставленные перед ней кризисной ситуацией, сложившейся в обществе. Сделать это так, как она хотела, не получилось; объяснить все неудачи и неуспехи, исходя только из традиционной концепции добра и зла, уже не удавалось, поэтому демоническая тема к середине XVII века уходит в политической и культурной жизни большинства европейских государств на задний план.

Интересно и отношение самих деятелей Возрождения к проблеме ведовства. Оно было самым разным — от приятия (с известными оговорками) до провозглашения этого явления выдумкой невежественных и преступных церковников. Вместе с тем, некоторые известные деятели гуманистической культуры отдали солид-

ную дань вопросу борьбы с колдовством. Здесь можно назвать имена Жана Бодена, издавшего в 1580 году «Демономанию ведьм», английского короля Якова I с его «Демонологией» (правда едва ли не при жизни названного «самым просвещенным глупцом»). Справедливо сомневаясь в различных конкретных моментах колдовской практики (полеты на шабаш), они все-таки верили в козни дьявола и его деяния.

* * *

Предлагаемая нами книга имеет целью прежде всего познакомить читателя с теми трактатами, которые наиболее полно и оригинально раскрывают главные сюжеты и понятия демонологии XVI—XVII веков, причем не в «ученом» ее варианте, но, скорее, в народном, а точнее — как воспринимались идеи колдовства в различных социальных слоях тогдашнего европейского общества. Именно поэтому сюда не включены переводы текстов таких классических демонологических трактатов, как, например, «Муравейник» Иоганна Нидера или упомянутое сочинение Иоганна Вейера. Представленные трактаты, диалоги, памфлеты, письма дают возможность воссоздать картину понимания образа ведьмы, дьявола, Бога, демонов, ангелов именно (за редким исключением) на среднем, народном уровне. Этому способствует и социальный состав авторов этих произведений — от монаха и священника до профессионального литератора. Читая эти сочинения, можно легко проследить динамику изменений указанных понятий — от признания виновности ведьм, их равенства с демонами (Иоанн Триттемий) до отрицания их активной роли (Дж. Гиффорд) и полной невинности (Ф. фон Шпее, С.Сирано де Бержерак), от безапелляционного осуждения всех без исключения демонических сил до сочувственно положительного отношения к инкубам и суккубам (Л.-М.Синистрари). Характерно, что изменение позиций современников происходит, главным образом, в одной и той же среде, церковной, что еще раз говорит о сложности задачи и невозможности вынесения категорических суждений по данному вопросу. Показательно, что уже с начала XVII века в ряде стран происходит своеобразное разведение понятий «ведьма» и «дьявол», когда мир тем-

ных сил исследуется в отрыве от практикующих ведовство. В итоге, рационалистический XVII век фактически закрывает эту проблему, и интерес к ведовству и демонологии в европейских научных кругах угасает. Так продолжалось до 1830 года, когда появились «Письма о колдовстве» Вальтера Скотта, положившие начало новой эре в изучении этого культурно-исторического явления.

М.А.Тимофеев

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

"Вся земля преисполнена демонов..."

Иоанн Триттемий

Иоанн Триттемий

ТРАКТАТ О ДУРНЫХ ЛЮДЯХ И О КОЛДУНАХ

Иоанна Триттемия,
главы аббатства святого Якова
у Гербиполя,
некогда же аббата шпангеймского
трактат о дурных людях
и о колдунах

(III вопроса к Максимилиану I,
императору римскому)

Вопрос первый[1]: почему злые люди, плохие и дурные по отношению к вере, каковы те женщины, которых мы в просторечии именуем ведьмами, могут повелевать злобными духами, когда люди хорошие и ревностнейшие приверженцы христианской веры не могут ни добрыми духами управлять, ни вечно злыми?

Прежде чем ответить на этот вопрос, я скажу так: во всех деяниях божественного величия соблюдается неизменная соразмерность рода и порядка красоты, и неколебимость эта достигается сообразным расположением всех ступеней и градаций. Ибо без соответствующего порядка ничто не пребывает в этом мире. При таком порядке свобода воли[2], которую Создатель всяческих дал людям, не испытывает притеснения от жестокости власти, которой[3] пусть меньше останется в том порядке, который воспринял от повелителя своих творений первый человек. Вот почему никто из добропорядочных смертных, руководствующийся собственным желанием, равно и никто из злых людей, оставленных на произвол судьбы единственно из-за их хотения, благодаря Господу милосердному не является грешником. Подобным же образом мы возбуждаемся праведным желанием и добрыми духами, если подтверждаем своими трудами свою благочестивую веру во Христа, которую мы носим в своем сердце. Подобно тому, как следование доброй воле делает хороших людей равными по духу ангелам, так и испорченность злых людей делает их подобными демонам. Вот почему плохие и испорченные люди, чем более портятся из-за собственного злобного желания, тем более становятся по настроению подобными злым демонам. В свою очередь, тесная дружба возникает в результате схожести симпатий, а из нее постепенно проистекает и обоюдное доверие. Из доверия низшего к высшему рождается власть, либо настоящая, либо притворно-фальшивая. Итак, у порочных людей, власть которых кажется подобной власти демонов, она является результатом их необычайной порочности. Когда их стремления начинают подобным образом искажаться[4], они либо отвергают, либо преодолевают встречающееся им коварство демонов, либо же становятся такими, как и они. Ибо сами демоны между собой отнюдь не равны лукавством или умом, но иной в сравнении с другим гораздо превосходит его хитростью, быстротой мышления и неправед-

ностью своих страстей. Так, например, те из них, которые потрясают основы земли, больше связаны с ее верхними районами и населяют они пещеры и гроты; другие же по сравнению с ними гораздо слабее, причем дело доходит до того, что они боятся мечей, прутьев и угроз пугающих их людей. В отношении их можно думать, что это как раз те демоны, которых мы зовем энергуменами. Демоны же, находящиеся в большем отдалении от земли и более тонкие по природе, реже сталкиваются с людьми. В свою очередь, дурные люди из-за своей склонности совершают дела, наиболее полные разврата, становясь при этом необычайно похожими на демонов, которые даруют им свою дружбу[5]. В связи с этим, они становятся необычайно дерзкими и принимают верх демонов, подобием власти которых они пользуются, однако не реальной, насильственной, но ложной. Ибо демоны постоянно поддерживают раз подчиненных себе людей в состоянии порочности, притворяясь при этом, что их владычество поколеблено, а сами они охотно подчиняются им, будто бы по доброй воле склоняясь к повиновению[6]. Ибо, поистине, никто не возвысится властью выше демонов, кроме того человека, вера которого в господство Иисуса Христа Бога нашего становится должным образом приятной Богу, ибо так об истинно верующих в Господа Иисуса говорит Писание: «И он дал им власть над всеми демонами»[7]. Поэтому и управляют демонами им подобные плохие люди, которых дружба и связи с ними делают рабами и подчиненными. Так, если кто-нибудь из рабов, рожденных в грязи, надолго возвышается (что случается нередко) и, будучи связан дружбой, привлекается к управлению, без возражений получая все, что требуется, чтобы далее утвердить свое господство, хотя бы и равное королевскому, то возле него люди плохие и отвергнутые, состоящие в дружбе с демонами, обнаруживают более дерзкое бесстыдство и подражают им; я уж не говорю о тех проявлениях власти, которые они демонстрируют благодаря схожести своего дурного характера. Поэтому они и получают от демонов все, что ни потребуют, во всех встречающихся запутанных или, наоборот, ясных делах, за исключением того, что запрещено божественным постановлением — этого они обнаружить не могут. Однако не везде отвергнутые и дурные люди собираются вместе; делают это те, с которыми демоны заключают какой-нибудь договор, а

именно ведьмы, над которыми также устанавливает свое покровительство Дьявол, и те, которые сносятся с демонами и получили в народе название некромантов.

Есть два вида людей, которым позволено управлять демонами.

Во-первых, это те, которые, благодаря своей святости перед любимым господом, приняли от Него власть топтать голову древнего змея, каковая в первоначальной церкви была дана апостолам, Его последователям, а также ученикам, о которых в святом Евангелии Господь говорит: «Во имя мое демонов отвергают и как змей уничтожают»[8].

Второй же вид состоит из людей, которым ради порядка в Церкви Божией дано право изгонять демонов из тел людей. И это действо служителей экзорцистов происходит в Церкви Божией по распоряжению священника.

Опять же, есть два рода людей, желающих повелевать демонами, которые обнаруживают это, заключая запрещенные и вредоносные договоры с ними.

Первый зловреднейший род сих людей состоит из ведьм, которые вступают с демонами в соглашение, торжественно объявляя о том, что они добровольно отдаются им в собственность и поступают на постоянную службу. До какой степени сей зловреднейший род людей может творить злодеяния, не сможет описать ни один человек, живущий, о наимудрейший цезарь, в твоей империи. Ибо отрицая Бога как источник всего, и веру Христову, и святое крещение, они предлагают свой ум и тело демонам, приводя в расстроенное состояние своим колдовством людей и скот, причиняя им вред и даже убивая их. Нет такой болезни, которой (с позволения Божьего) они не могут наслать на людей, так как они, соблюдая статьи вышеозначенного договора, выставляют себя слугами демонов и делают все, что угодно, желая только сравниться с ними. Поэтому их и не терпят нигде, но, скорее, повсюду они гонимы Богом, творцом всего сущего, который предписывает следующее: «Не дозволяйте ведьмам жить»[9]. Одни из них колдовскими заклинаниями призывают демонов, другие привлекают их мольбами и жертвоприношениями, прочие же вызывают их на помощь своему нечестию посредством ужасных деяний и церемоний. Следовательно, не удивительно, что ведьмы кажутся властвующими над демонами, с которыми они стали схо-

жи нечестием воли и единодушным взаимным обращением к плохому в роде человеческом.

Второй род порочных людей, желающих повелевать демонами, это те, которых мы в просторечии называем некромантами[10]. Они говорят, что с помощью разного рода заклинаний они могут созывать демонов в круг, обнаруживать их в кристалле или закупоренном сосуде и делать их видимыми. Эти зловреднейшие люди, полные лживости и суеверий, совершают такие дурные дела, каких добрый человек не сможет себе даже и вообразить.

Чтобы привлечь себе на службу демонов, они используют, главным образом, безобразнейшие жертвоп риношения и совершенно открыто заключают с ними договор. Они распространяют множество различных гнусных книжечек, полных нечестия и лжи, с вписанными туда обманным образом именами древних философов и ученых, раздавая которые, они вводят в заблуждение многих неосторожных и любопытных людей, увлекая их в свою западню. Они сулят им невероятные небылицы, услышав которые, люди обманным образом и попадают от них в зависимость.

С помощью колец, подвесок, изображений, заговоров и заклинаний они, по их словам, могут уменьшить злых демонов и втиснуть их в круг, в кристалл или другое какое вместилище, и те на все вопросы дадут им отдельные ответы. Все они обещают это, однако в наше время мало найдется людей, которым указанным образом повинуются дурные и злобные духи, ибо Господь своим справедливым решением не дозволяет, чтобы любознательные и склонные к новому люди пренебрегали верой Христовой и при необходимости стремились получить ответ у демонов. Все же, кому повинуются злые духи, вызванные заклинаниями некромантов, не колеблясь, переходят к ним как соучастники на основе заключенного договора. Остальным же, которых явное большинство, злые духи отказываются повиноваться, хотя те и не боялись все это время заниматься безбожным искусством некромантов. И поэтому в наши дни начинают сильно распространяться разные тягости, и у многих охладевает любовь, и слишком усиливаются эти гордые и необычайно лживые люди; и сколько бы они не презирались демонами за свои скороспелые взгляды, им удается вводить в заблуждение многих стойких в вере людей. Поверь мне, цезарь,

что сии лживые люди, живущие в священной твоей империи, суть самые злобные; именно они являются тем глубоким источником, из которого появляются новые ведьмы и колдуны. Они обещают многое и все выдумывают. Ибо все, что ими по их книгам обещано, суть лживые выдумки, и ничего они не являют верующим, кроме преступлений, хитрости и необычайно искусных обманов. Когда же кажется, что они самым определенным образом связаны с демонами, то всем становится ясно, что от участия в их делах нужно как можно скорее бежать, словно бы от самых ужасных мук адовых. Ибо на деяния сих некромантов во множестве сбегаются демоны и, чтобы поддержать их в начатом коварном деле, они, если могут, дают им обеты. Когда же их вызывают с помощью заклинаний, они отвергают всякое сравнение с людьми, однако несмотря на это похищают умы вызывающих их.

Есть еще и некий род людей, сколь глупый, столь и преисполненный предрассудков — я имею ввиду тех, которые, не желая иметь сношений с демонами, пользуются, тем не менее, в своих делах различными фальшивыми приемами, свойственными демонам, причем совершенно недозволенными. Ибо они полагают, что внутри используемых ими предметов заключена великая и тайная сила, и ради этого они совершают различные ужасные деяния против веры Христовой. Поистине, не хватит времени, чтобы исчислить все их безумства, которыми они нас преследуют.

Необходимо также вкратце сказать и о том, почему добрые и справедливые люди не добиваются власти над демонами. Каким образом сходство наклонностей делает плохих и нечестивых людей равными демонам, таким же образом несходство наклонностей напрочь отталкивает от них добрых и справедливых. Между людьми несхожими и противоположными по устремлениям не может быть никакой дружбы, но постоянно возникает резкое противостояние и ненависть. Там же, где нет никакого сходства желаний, нет и тесной связи; там не может быть ни доверия в отношении друг к другу, ни взаимного тяготения при производстве чего-либо чудесного. Так же и ты, славный цезарь, будучи великим правителем, приближаешь к себе что-либо дружеское, но сопротивляешься совсем противоположному твоим нравам и отличному от твоего желания. Равно люди добрые и праведные, постоянно сопротив-

ляющиеся порочнейшему желанию демонов, не могут вступить с ними в союз, поскольку не хотят и не соглашаются быть связанными, но всеми силами их избегают и отказываются от подобных встреч. Вот почему лживо то мнение, по которому говорят, что демоны просто подчиняются их власти. Ибо не может быть прочна связь, если ей не предшествует сходство желаний; не может быть согласия между противоположностями; не может быть дружбы между непохожим. Однако демоны повинуются не всем дурным и проклятым людям, но, по крайней мере, тем, с кем они посредством договоров и соглашений объединяются в союз и которых они могут рассматривать не иначе, как своих верных. Услышав, что их призывают, они добровольно поспешают на встречу; однако при этом они говорят, что их к этому принуждают. Итак, нет ничего удивительного, наипревосходнейший цезарь, что дурные, злые и испорченные духи иногда, как говорят, повинуются людям, которых, как мы сказали, сближает с ними неблагосклонность и обычная людская злоба. Но всякому христианину не свойственно желать управлять демонами, опираясь на схожесть в дурных деяниях. Поэтому если кто в этой жизни пожелал иметь в качестве товарищей зловредных духов, то в будущем он будет вместе с ними гореть в адском пламени. Но так как честные и справедливые люди не могут управлять святыми ангелами Божьими, то они по доброй воле им уподобляются. Итак, думаю, что, опираясь на сказанное выше, будет легко ответить на вопросы, если мы вспомним о различиях в представлениях этих людей. Ибо сколь бы ни было много в Церкви Божьей устойчивых в вере людей, благочестие которых многим поможет обрести спасение, тем не менее, даже сегодня есть те, которые стремятся получить от ангелов награду, приводя в качестве основания либо святость, либо то, что они боятся демонов, либо свое тесное единение. Происходит то, что нынешние люди не управляют — по причине святости — злобными духами и не заслуживают дружбы святых ангелов. Если же кто стремится к той степени святости, что дает возможность совершать чудеса в Церкви, как когда-то делали святые, то они могут стать более могущественными и управлять демонами, а также иметь дружеское участие блаженных духов. Ибо определено, что святые и милые Богу люди в первоначальной Церкви Христовой были силь-

нее, содействуя установлению добра среди смертных, используя благодеяния добрых духов, нежели нечестие дурных дел. Многие чудеса может совершить прибегающий к заклинаниям, но подобное с помощью ангелов святых может сотворить любой ревностный почитатель Господа Бога.

Вопрос второй: откуда ведьмы обладают столь великой силой, что позволяет им совершать столь много разного и удивительного, притом одновременно, чего или сколько ни один добрый человек не смог бы совершить за всю свою жизнь?

Если мы пожелаем кратко ответитьа на этот вопрос, то обязательно скажем, что вся власть — от Господа Бога, без которого никакая тварь ничего сделать не сможет. Ибо говорит в священном Евангелии Христос: «без Меня ничего не сможешь сделать»[11], откуда очевидно, что власть делать что-либо даруется любому человеку от Господа Бога, а не откуда-нибудь, плохое ли люди будут совершать или хорошее. А вот что говорит великий Августин: «Воля Божия есть первая и высшая причина всех физических видов и душевных движений, ничто иное. И пусть каждому созданию в сей величественнейшей и огромной республике станет ясно, что не от тайной, невидимой, а также умопостигаемой высшей власти императора это устанавливается или разрешается, но по неизъяснимой справедливости распределения наград и наказаний». Вот почему, о цезарь, не должно сомневаться в том, что сия власть ведьм, при помощи которой (и при содействии демонов) они производят ужасные и невиданные деяния, дается им от Господа Бога, воле которого никто не может противостоять и без воздействия которого человек даже рукой двинуть не сможет[12]. Делают же выводы святые доктора, что ни демоны, ни ведьмы не смогут хоть что-то вообще сделать — человеку ли навредить, животному ли, — если Всемогущий Бог не пожелает, не согласится и не предоставит им власть сделать то, что они дурным желанием своим уже постановили сделать. Если же Бог не пожелает и не согласится, то ни одна тварь ничего сделать не сможет; в противном случае, если бы было возможно то, чего он не желал и с чем бы не соглашался, то из этого с необходимостью следует, что Бог бессилен и не может запретить то, что делается помимо Его воли. Но так как каждый человек, будучи тварным, зависит от Бога, то он ничего не

может делать без Его желания, благодаря которому он и делает что-либо, и может осуществить желаемое. Итак, все, что делают ведьмы, происходит с позволения Божьего, без воли которого они ничего не могут; ибо если Бог не согласится сделать то, что они хотят, то ни им, ни демонам не будет это позволено, ибо вся власть исходит от Господа Бога, под которым все существует и живет, ибо Он — первопричина всех вещей, и от Него мы принимаем свободу воли, от Него также мы можем получить то, что хотим; но многие люди считают, что не человеческим искусством совершают они те злодеяния, которые совершают, но при содействии демонов, которых Он сделал тонкими по природе[13] и после долгих опытов для производства мимолетных чудес. Не вызываются же удивительные эффекты, производимые ведьмами, тем, чем они пользуются при колдовстве? Это — головы мертвых, жабы, змеи, различные металлы, фигурки и тому подобное. Но происходит это от создавшего эти знаки Дьявола, который, преисполнившись гордости, стремится хотя бы по видимости сравняться с Богом. И действительно, как Всемогущий Бог установил в Церкви своей некие таинства, каковые должным образом при поддержке прислуживающих указывают на спасение и ведут к пользе и на благо людей, так и Дьявол, который не желает более, как быть сочтенным равным Богу, тоже вроде как некие таинства установил, в которых ему помогает вызванный, либо связанный с ним договорами работник, и если Бог позволит, то он творит зло, о котором просил; если же не позволит, то он, в общем, ничего не сможет сделать. Ибо творец всех деяний ведьм и некромантов — Дьявол, который через склонности своих посредников, выбранных им ранее, проводит в подвластную ему материю желанное деяние, иногда реальное, иногда же только кажущееся. Сами же ведьмы, уже испорченные своим желанием и фактом соучастия, вовлекаются через соглашение в договор с демонами, и получают от них самих некие знаки и символические отметки[14]. Их защитниками демоны вскоре и предстают. Ничего нет в этих пагубных действиях демонов сильнее, чем бездумная доверчивость ведьм, которая умножается договором и торжественным обещанием, ибо сколь более демонами, либо их знаками они будут совращаться в их веру, тем большего воздействия те добьются этим сотрудничеством. Слишком же злостная

испорченность настроения ведьм повергает их некоторым образом в гнев[15], так что демоны, собираясь, сразу завладевают их умом и приближают к себе, и, нападая на них, помечают, если то Бог дозволяет, их знаками и заключают с ними договора. Подобным же образом и Платон в книге «О поэтическом безумии» говорил: «Точно так же женщины-вакханки, не здравые умом, пьют мед и молоко из рек; здоровые же пить это не в состоянии». Лишившись души[16], похищенной демоном, и при участии последнего они способны к дурному делу. Мы доподлинно знаем, что ведьмы иногда пьют в быстрых потоках животное масло[17], которое никак иначе не может там появиться, как только с помощью демонов. Подобным же образом, если кто-либо навлечет на себя ненависть, человек ли, лошадь, то они просто жаждут их погибели, не думая ни о чем, но только о мщении, берут затем привычные и известные им для колдовства вещи, призывают демонов, демонстрируя сразу же установленные ими знаки и изображения, и если они что-то из-за отсутствия собственной храбрости не могут совершить, то тогда они следуют за их[18] распоряжениями. Другие же, которые не подчинились демонам и не заключили с ними договор, даже если они и знают подходящие средства для колдовства, равно и способ действования, сколь бы ни предъявляли эти знаки, редко все же добиваются успе-

ха. Потому что среди их знакомых демонов не имеется. Ибо необычайно надменный Дьявол с Церковью Христовой стремится сравняться, но, неприкаян, не может он уничтожить Тело Христово, какие бы значительные слова магических заклинаний он ни произносил; так и демон редко встретит такого человека, которого можно было бы подчинить себе с помощью договора, хотя при этом и читаются различные сильные заклинания и демонстрируются разные знаки и изображения. Ибо если он и встречает людей, расположенных к нему, но не заключавших с ним договор, то он не обладает такими колдунами на правах собственника[19]. Он — тот, кто с помощью нечестивых искусств созывает, используя ужасные заговоры, демонов в круглое блюдо, в зеркало или в какое-нибудь другое вместилище, но никакого эффекта не следует, потому что либо он противостоит власти Бога, либо же Дьявол презирает сего пытливого человека, не принесшего ему клятвы. Ибо три вещи необходимы для колдовства, без чего не может состояться и осуществление его: злобная и ведьминскими желаниями испорченная душа, близкое сотрудничество с Дьяволом, но прежде всего — божественное разрешение. И если одно из этих условий не совпадает с другими, то колдовство состояться не может. Ибо если Бог не позволяет, того ни сам Дьявол, ни ведьма сделать не смогут. И если Дьявол не пойдет навстречу желаниями дурной женщины, то она никакого колдовства не произведет[20]. И напротив, если будет отсутствовать ведьма, то дьявол не совершит никакого колдовства. Дьявол же использует наклонность неистовой ведьмы, словно бы искусный инструмент для действия, без которого он не может причинить зла. И как демоны отличаются по силе и изощренности уловок, так и ведьмы наделены силой не одинаковой, но каждая по-своему; так что и демоны встречаются с большим или меньшим различием в своей природе. Ибо многочисленны роды их и различаются они между собой по определенным степеням[21], характеру их местожительства, то есть тех мест, куда Повелителем были низвергнуты падшие ангелы.

Первый род демонов называется «огненным»[22]. Они носятся около высших слоев воздуха и до Судного дня никогда не спустятся ниже, но постоянно пребудут в подлунном пространстве. Они не имеют никакого сношения с живущими на земле людьми. О де-

монах, живущих около луны, святой Августин свидетельствует в своем труде «О христианском борении» следующим образом: «демоны не обитают на небе, где суть солнце и звезды, но все они вращаются в подлунных областях». Это о них, как я считаю, Апулей сказал, что сие демоническое движение есть движение огненных существ, потому что и Аристотель утверждал, что в раскаленных печах часто видят мятущиеся мелкие живые существа, которые весь свой век проводят в огне, потому что в огне они рождаются и в огне умирают, и в свое место, откуда они происходят, исчезая, возвращаются. У них нет никакого сообщения с колдуньями, потому что если они задерживаются в огне, то, по причине своей тонкости, они не могут сделать свое тело осязаемым или сотворить его из сгущенного воздуха.

Второй же род демонов называется «воздушным». Они, блуждая по небу, живут уже поближе. Если же некоторые могут спуститься ниже, то, сотворив себе тело из более сгущенного воздуха, они иногда являются видимыми людям. Часто, с позволения Божия, они приводят в волнение воздух, возбуждают громы и непогоды[23], и все вместе объединяется на уничтожение рода человеческого, подвигаясь свойством наклонностей страстей человеческих. Они наделены великой гордостью и завистью, создают беспрерывно волнения; тела их покрыты чем-то твердым, и находятся они не в одном месте, и не одну все они имеют форму, но многие из них часто меняются, в соответствии с многообразием состояния. Они вызываются заклинаниями ведьм и возбуждаются к смятению и злу. И вообще, нрав они имеют жестокий и грубый, полны смятения, вот почему они замышляют множество неожиданных козней, и когда они совершают свои нападения, то одни стремятся делать это втайне, а другие причиняют насилие открыто. Благодаря сотрудничеству с этими демонами, ведьмы настолько сильны для колдовства, насколько они могут последовать за главным участником из их сообщества. В житии святого Антония божественный Афанасий[24] говорил, что воздух полон демонами, о чем ранее вещал и Меркурий трижды величайший: «очевидно, что ни одна часть мира не лишена присутствия демонов». Святой же Амвросий[25] говорит: «полон мир добродетелей святых, ибо полон он испорченности». Вот почему и демоны Платона, мятущиеся

в воздухе, в виде плотного светящегося снега, видны желающим рассказать о них, если те в течение известного времени будут беспрестанно смотреть неотрывным взглядом в небеса на сверкающее солнце, но я не знаю, вызывается ли объект в воздухе из реальной сущности, либо же застланный взор представляет фальшивые образы, причем не без ущерба для чувств. Тем не менее, доказательства этому легко получить из данных частных опытов.

Третий род демонов мы называем «земной». Они, в чем мы почти не сомневаемся, были низвергнуты с неба на землю за свои прегрешения. О них святейший отец и мученик Христов Игнатий Богоносец писал некогда в одном послании к жителям Эфеса так: «Нет ничего лучше, чем иметь мир, в котором уничтожено все оружие[26] как небесных, так и земных духов»[27]. Из этих демонов одни пребывают в лесах, а также в рощах, устраивая ловушки охотникам. Другие же обитают в открытых полях, и ночью они заставляют блуждать путешествующих; некоторые из них прячутся в недоступных местах, а также в пещерах. Остальные же, менее грозные и беспокойные, наслаждаются тем, что задерживают людей в темноте. И ведомы они не одной страстью, но разными, так как все они обуреваемы различными страстями, однако все они преисполнены злом. Одни из них любят постоянно страшить людей видениями, другие предпочитают завлекать слушающих их предсказаниями о будущем, желая вызвать удивление. Некоторые из них действуют с таким усердием, что люди, непонятным образом приведенные в неистовство, либо мучимые меланхолией, пугаются, расстраиваются здоровьем или умирают, о совершении чего мы чаще узнаем по опыту. Так, святой Иоанн Златоуст в третьей книге «О провидении, к монаху Стагирию»[28] говорит: «Чрезмерное уныние вреднее всякого демонского действия, потому что и демон, если в ком властвует, то властвует через уныние, а если уничтожились уныния, то и от демона не потерпишь никакого вреда». Сей род демонов несомненно знаком колдуньям из-за переменчивости настроения и легкомыслия, так как они больше любят заставлять дрожать многих, нежели подчиняться власти какой-либо женщины. Иногда же они задерживаются и обещают безумным женщинам, будучи вызваны заклинаниями в зеркале, бокале или кристалле.

дать им ответы, и если кто собирается причинить им какое-то зло на их пути, то они об этом предупреждают. И этот род ведьм достаточно многим отличается от остальных, потому что то, что те насылают с помощью колдовства, эти сулят исцелить. Вот почему церковь запрещает христианам доступ к ним, ибо своим колдовством они многое отрицают.

Четвертый род демонов именуется «водяной», потому что они, погрузившись во влагу, обитают вблизи рек и озер, полные злобы, тревоги, беспокойства и коварства. Они возбуждают бури на морях и, погружая в водяную бездну корабли, отнимают тем самым жизнь у многих людей. И эти демоны присваивают себе видимое тело, и чаще они являются в виде особей женского пола, в мужском же обличии встречаются реже, потому что живут они в сырых местах и, ведя изнеженный образ жизни, как правило, очень нелегко принимают образы других. Вот почему в древности издавна называли наяд и нереид, водяных нимф лицами не мужского, но женского пола. У нас же общим названием для водяных женщин служит слово «вассерфрауэн». Одни живут в местах более безводных и засушливых, и каждый раз, являясь видимыми телесно людям, они превращаются в мужчин. Другие же пользуются личинами зверей в зависимости от того, какими страстями они охвачены. Святые же ангелы состоянием никогда не меняются, но всегда являются однообразно в мужском обличии. И нигде мы не сможем прочесть, что добрый дух пребывает в видимой форме женщины, либо какого-то зверя, но всегда в обличии мужском. И действительно, демоны чаще видны у ручьев и источников в виде женщин, которые иногда водят хоровод, иногда волосы по женскому обычаю распустят, подчас же разговаривают с людьми, поддразнивая их различным образом. И сей род демонов не имеет привычки общаться с ведьмами.

Пятый же род называется «подземным». Эти демоны обитают в пещерах и гротах, а также в отдаленных расселинах. И вот они-то по своему характеру суть самые худшие. Более всего эти демоны нападают на тех, кто выкапывает шахты, добывает металлы и ищет спрятанные в земле сокровища. Желая погибели роду человеческому, они устраивают в земле трещины, воздымают огнедышащие ветры и расшатывают основания зданий. Иногда ночами они, как бы отрядами сой-

дя с гор, водят на поле удивительные и невиданные хороводы, после чего, словно устрашась приказа какого-то предводителя, в спешке исчезают как по сигналу и возвращаются в свои убежища. По временам среди них звучит грохот жерновов; иногда же, считая себя духами, они принимают обличье людей, ушедших из жизни. Ничего они не хотят более, нежели страха людского и почитания. Нам же доподлинно известно, что неких простаков они иногда приводили в свои потаенные, расположенные в горах убежища и там, являя удивленным необычайное зрелище, в роскошных жилищах представали перед ними обманным образом как бы в виде их живущих ныне друзей. Из этих демонов одни являются возлежащими на сокровищах[29], которые упрятала в землю алчность человеческая, но обычно людям не удается взять их назад — они их скрывают, охраняют и иногда переносят с места на место. И сей род демонов никаких сношений с женщинами-ведьмами обычно не имеет.

Шестой же род демонов называется «светобоязненный», потому что они необычайно боятся света и ненавидят его, ибо в дневное время они каким-либо образом тела себе сотворить не могут, но делать это способны только ночью. Вот почему демоны этого рода разгуливают в сумерках, непроницаемые и абсолютно мрачные, раздираемые холодными страстями, коварные, беспокойные и грозные. Ночными часами они насильно удерживают случайных прохожих и очень часто (с позволения Бога) либо дыханием своим, либо прикосновением кого-то уничтожают. Но с ведьмами этот род демонов не встречается, и заклинаниями их вызвать нельзя, потому что бегут они света и голосов человеческих, но в то же время они расположены ко всяким потрясениям воздуха и к различным злодеяниям, потому что из всех других они наиболее тонкие и самые безрассудные. Некоторые из земных демонов, пребывая на более низких ступенях, как было сказано, прислуживают ведьмам, но все же они почти не могут совершать значительных злодеяний. Итак, становится очевидным, что вся сила ведьм, благодаря которой они сотворяют столь удивительные вещи, дается демонам ограниченной Господом Богом, и когда Он не разрешит, то ничего произойти не может.

Вопрос третий: почему Всемогущий Бог, будучи справедливым и являясь мстителем за дурные поступ-

ки, допускает, чтобы такие злодеяния могли совершаться во вред роду человеческому, при которых тяжко страдают не только грешники, но и многие невиновные люди.

На этот вопрос, недавно заданный мною в присутствии твоего величества, никто не ответил. Все, что ни дозволяет Всемогущий Бог милосердный и праведный, благой и справедливый, он дозволяет справедливо, ибо справедлив Он и нет у Него суровости, но все, что совершается, что делается и что дозволяется, Он судит справедливо. Поэтому, когда нас спрашивают, почему Господь разрешает твориться дурному, мы отвечаем, что он это потому дозволяет, что Он справедлив. Да не покажется твоему величеству, о цезарь, что мы привели нелепый ответ, поскольку никто не дает предварительной оценки божественной справедливости прежде, чем ему будет позволено по справедливейшему решению совершить зло; таковую оценку можно будет дать, если Он не позволит в нынешнем мире случиться дурному. Ибо если не позволить совершаться дурному, то человек уже не сможет грешить и точно явится безгрешным, что не свойственно его природе, которой с самого начала создатель всего дал свободу воли. Вот почему человек, являясь тварью, а не творцом, неизбежно обращен как к добру, так и ко злу.

Он зависит от Высшего создателя всех тварей точно так же, как все зависит от своей причины. Творить же оставлено одному Богу, который нетленен и вечен; Он же может изменить по необходимости любое тленное, которое сохраняется по доброте Творца до тех пор, пока Он не допустит свободного течения дел. Ему невозможно, да и не к лицу делать так, чтобы человек по характеру своей природы создавался безгрешным; собственно, это-то и радует Творца всяческих, неизменного и вечного. Всякий раз, когда человеку говорится, что он не может грешить, то отрицается свобода воли, явным образом отнимается возможность действовать, но подтверждается стремление к добру. И каждый раз, когда дар сей дается твари, благодеяние это не является милостью природы. Ибо Писание говорит, что Бог с самого начала создал человека и оставил его в руке своего решения. Ибо он не может, как он сам говорит, чтобы смертный человек с самого начала был чем-то недоволен, но пусть он имеет свободу воли и не отваживается на грех. Ибо святейший предстоятель Авгу

стин говорит: «Первая свобода выбора была возможность грешить, последняя будет более славная — невозможность грешить». Итак, если человек не сможет грешить, пусть он не имеет власти над своей волей. Поэтому сколь бы всемогущий Бог ни желал, чтобы не было греха, однако Он справедливо допускает, чтобы люди грешили и совершали дурное, ибо когда остается свобода выбора, то человек получает по заслугам и за добрые дела, и за свои добровольно совершенные безобразия и дурные поступки. Ведь никто не делает добро и не грешит вопреки своей воле. Итак, всемогущий Бог справедливо допускает, чтобы люди, которым Он с самого начала дал свободу воли, грешили и плохо поступали. Существует много доводов, приводившихся недавно святыми докторами касательно того, по какой причине Всемогущий допускает, чтобы такие дурные деяния совершались при содействии демона. Их мы по порядку вкратце и приведем.

Первый довод заключается в том, что проявляется превосходство Божественной власти, которая только одна является неизменной и сверх того надолго установленной. Всякая же изменяемая тварь несравнима с неизменным Творцом. Поэтому в книге Чисел сказано: «Бог не обманывает как человек и не меняется как сын человеческий». В книге пророка Исайи говорится так: «Бог искренен без чрезмерной строгости, справедлив и истинно праведен»; в книге же Товита написано: «Справедлив ты, Господи, и весь суд Твой правильный, и все пути Твои — милосердие, истина и правосудие»[30]. И в книге святого Иова мы читаем: «Нет от Бога нечестия и от Всемогущего неправосудия»[31]. Ибо дело каждого человека он возвращает ему и воздает каждому сообразно пути его. Ибо каждый, кто правильно понимает свое невежество и немощь, явным образом признает, что ничто не может сравниться с его создателем, ибо Господь поступает справедливо, позволяя человеку грешить, дабы и его свобода выбора продолжала существовать, и превосходство великого Бога становилось известным людям.

Второй довод состоит в том, что неизреченная мудрость Господа становится известна смертным; она способствует возникновению добра из наших дурных деяний ради умножения в мире совершенства, когда грех одного по отношению к другому становится преступлением. Ибо если Он не допустит, чтобы случилось дур-

ное, то кто из нас поймет, что такое добро? Ибо творит и устраивает Господь добро, зла же Он не творит, но известно Ему, что содеянное нечестивыми происходит не беспорядочно. Ни коварство людское не имеет влияния на произволение Божье, ни сам человек не может сделать то, чего Бог не допускает.

Третьим же доводом того, что Всемогущий Бог допускает, чтобы творились дурные дела, является Его желание простереть свою милостивую доброту на тех, кто согрешил и сотворил покаяние, чего никто не сможет обнаружить, если Он не позволит твари согрешить. Ибо если не будет грешника, то Господь не сможет стать сожалетелем. Однако все мы во многом ошибаемся, и, посчитав нужным снизойти, благой Творец обнаруживает свое сострадание при встрече с виновным. Вот почему святой предстоятель Августин говорит: «Если безгрешный человек не затронут болезнями, врача не ищут; если целитель не находится, то болезнь не заканчивается, ибо, там, где много греха, много и благодати, которая одна только отделяет спасенных от пропащих, соединенных им с самого начала творения в одну массу». Поэтому милосердие Господа выше всех Его дел.

Четвертый же довод о божественном соизволении заключается в том, что справедливость Творца простирается на тех, которые согрешили и не раскаялись, ибо если все будут делать добро и никто не будет грешить, то у божественного правосудия не будет тех, кого следует наказать. Поэтому пусть имеет место справедливость и пусть тварь с божественного соизволения грешит. Ибо справедлив Господь, воздающий каждому по деяниям желания его.

Пятый довод составляют условия существования человеческого достоинства, потому что если Бог не позволит грешить человеку, то будет еще хуже, если оказывать насильственное давление на его нрав. Ибо если люди и лишены разума, то они, однако, имеют перед собой свободное движение природы, которому и следуют; при этом человек, по всей вероятности, руководствуется низменными стремлениями, если у него, конечно, не будет свободного выбора воли. Бог дозволяет человеку свободно распоряжаться своим желанием, над которым не властны ни короли, ни князья.

Шестой довод — это возможность заслужено хвалить добродетель человеческого постоянства, то есть

когда мы воздаем хвалу какому-то человеку по справедливости, потому что, имея возможность совершить что-то, он этого не совершил, но, ободренный милостью Божией, он постоянно сохраняет доброту своего желания.

Седьмой довод вопроса о том, почему всемогущий Бог дозволяет, чтобы демоны совершали столь ужасные дела, состоит в том, что те, кто сманивается презренной и лживой истиной, вводится в обман изобретателем лжи дьяволом[32] и низвергаются глубоко вниз. Ибо неизбежно, что колдуны, а также ведьмы, отвергающие необходимость следовать спасительному учению Христа, обманываются демонами и увлекаются ими в преисподнюю на вечное наказание. Они добиваются одобрения демонов, врагов всего рода человеческого, а Спасителя мира, которому одному они должны поклоняться, они не уважают. Вот почему справедливо, когда тот, кто, по стихийному произволению забрасывая истину, становится приверженцем лжи, увлекается дьяволом на погибель. Восьмой довод состоит в проявлении божественной власти, чья мощь и сила простирается на весь тварный мир. Ибо когда Всемогущий Бог некогда дозволил дьяволу большее и тот не пожелал малого, он не стал самым сильным врагом рода человеческого и подчинился во всем божественному Величию. Ибо Дьявол ничего не может совершить сам по себе, но все, что он делает, происходит с соизволения Господа Бога. Итак, первопричина всего, по которой Всемогущий Бог дозволяет совершаться дурным делам — справедливость, которая изначально сохраняет в нерушимом порядке свободу, предоставленную каждой твари. Потому что, поистине, власть всякой твари, зависящей от своего творца, связана и ограничена; и сделано все это для того, чтобы дьявол не мог совершить всего, что он хочет, и чтобы человек не подвергался соблазну великим желанием. И если воля на самом деле свободна, то сила ограничена определенными и неизбежными преградами. Так же, как если бы демоны могли делать все, что они захотят, так и человек никогда бы не был в безопасности, а они приводили бы все в упадок. Скованную же власть демонов хорошо показывает пример истории святого Иова, на которого Сатана больше не осмеливался нападать, хотя ему и было дано божественное разрешение. Ибо никто в наше время, сколь справедлив бы и смел он ни был, не мо

жет сопротивляться гневу демонов, если они могут вредить выбору людей, пользуясь своею властью. До того, как совершились страсти Господни, они гораздо в большей степени, нежели впоследствии, пользовались предоставленной им свободой, однако искупительная смерть Христа, распятого за нас на кресте, ее сильно приуменьшила. Как Спаситель говорит в Евангелии: «Ныне князь мира изгоняется вон». Ибо смирение Христа и твердость святых сильно ограничили дерзость демонов; а потому подстрекателей злых дел следует называть открыто, то же касается и других им подобных. Дьявол ни в чем не усилится против нас, если только не почерпнет силы из наших грехов. Писание остерегает нас, призывая: «Сопротивляйтесь дьяволу и он убежит от вас». И снова: «Не давайте места дьяволу». Поэтому, завершая речь, сказанную к разъяснению предложенного вопроса — почему Бог позволяет совершаться злым делам — я со всей уверенностью заявляю, что доводы были предоставлены удовлетворительные. Ибо если воля демонов всегда враждебна, то власть не может быть несправедлива, поскольку если кто желает совершить дурное, то у него есть право выбора, а это дурное он может совершить только с разрешения Божьего. О том же, как Он относится к совершающим дурные деяния, уже было сказано. Но почему всемогущий Бог допускает, чтобы демоны нападали на людей, используя ведьм, на людей, крещеных во имя Святой Троицы и верящих в единородного сына Господа, Иисуса Христа? Ведь нападая на тела и дела дурных, нехороших и неверных людей, они удерживаются от доступа и нанесения вреда добрым и верующим людям; поистине, приговор, позволяющий такое, справедлив. Однако ныне чаще добрые и непорочные люди ослабляются дурными деяниями демонов, временами лишаясь жизни; делается это для того, чтобы мы молча переносили потерю преходящих вещей, что нередко претерпевают и околдованные; многие при этом начинают опасаться, отчего Господь Всемогущий позволяет совершать все это, Он, кто ничего не позволяет совершать несправедливо.

Предлагаемый вопрос ничем не отличается от тех, которые я почерпнул у древних правоверных ученых, так что, насколько смогу, я вкратце и по порядку изложу необходимые доводы. И первым доводом станет следующее — это испытание веры христиан и опыт не-

порочности, когда те, кого демоны бичуют своими злодеяниями, узнают через страдания плоти, какую веру и любовь к Богу хранят они в глубине души. Нетрудно быть терпеливым, живя спокойно и счастливо, однако когда во время невзгод ожидают помощи от Спасителя верующим с обычным терпением, то это гораздо весомее и говорит о настоящей вере христианской. Святейший Иов, повествуя о своих мучениях, рассказывает, сколь постоянно он верит в Бога; а ведь и до этого, в спокойной обстановке, он, не колеблясь, сохранял чистоту веры. В то же время следует отметить, что те, кого злодеяния демонов или людей каким-либо образом делали нездоровыми, и они, желая вернуть себе здоровье, ходили ко всяким заклинателям и колдунам и советовались с ними сами, либо через других людей, такие люди выступают против предписаний Бога и церкви. Предпочитая здоровье бренной плоти Господу, они ищут спасения не у Христа, но у дьявола и его слуг. Они предпочитают обращаться к имени дьявола и быть здоровыми, но бесплодными, нежели немного претерпеть во имя любви Христовой и затем вечно радоваться с Ним. Кто же не обращается к колдунам в силу запрещения божьего, предпочитая жить, соблюдая заветы Господни, в скудности и печали, нежели выступать против Него, будучи богатым и телесно здоровым, тот воистину Бога любит и самым точным образом обретает чистоту веры христианской. Среди христиан, о святейший цезарь, не терпят дурных умом и уклонившихся от веры, которые излечивают околдованных с помощью колдовства и через посредничество демонов раскрывают кражи и факты прелюбодеяния, которые предсказывают будущее по камням и зеркалам. Умоляю тебя, не выслушивай тех, кто игнорирует божественные законы, сих слуг демонов, говорящих, что в твоем государстве они полезны потому, что знают, как устранить результаты злодеяний с помощью самих злодеяний. Ибо столь пагубная забота о теле приводит к смерти души, заставляя людей отступать от Бога — творца всего сущего и быть привязанными к нечестивым, отступавшим от веры демонам, с которыми после смерти они осуждаются на вечные муки.

Второй довод, почему всемогущий Бог допускает, чтобы колдовство наносило вред ни в чем неповинным людям, заключается в умножении добродетелей, дабы через мучительное испытание и терпение они заслужи

ли на небесах достойный их венец славы. Ибо говорит святой Августин: «человек не знает, что он может вынести, а что не может; и иногда он устрашается того, что не может делать того, что он, все-таки, мог бы сделать; когда же к нему приступает некто распрашивающий, человек изыскивает у себя самого то, что было первоначально спрятано в нем, а он о том не знал». Блаженной памяти архиапостол Петр, когда неожиданно настало испытание, обнаружил скрытую доселе болезнь, о которой ни он, ни другие не знали[33]. Итак, высшим испытанием для человека является неожиданное, что и засвидетельствовано в Священном писании: «Сосуды гончара испытывает печь, а праведных людей — испытание мучением». Легко терпеть процветая, поскольку душа не затрагивается никакими заботами и хотя многие праведники испытывают мучения, Господь наш Иисус Христос освободит их от всех этих несчастий.

Третий довод божественного дозволения заключается в защите смирения, поскольку человек верный и праведный всегда боится Бога и никогда не действует по своей смелости или рассуждению. Вот что говорит Писание о дурных людях: «они не трудятся как люди, а потому их не будут бичевать вместе с людьми». Вот почему они охвачены гордыней, и утаивают они зло свое и нечестие, и полагают, что невзгоды их будто проистекают из-за достигнутого. Бог сожалеет о том, что временами он позволяет обрушивать на добрых и праведных людей различные невзгоды; в благоприятное же время эти люди не могли быть унижены. Однако многие, делаясь униженными в несчастии, впоследствии возвышаются. Осторожное изображение дурных деяний делает доброго человека богобоязненным, и он усердно взывает о помощи, дабы, укрепившись против нападения демонов, он смог обеспечить себе безопасность. Ибо никто, обуянный гордыней и полагающийся только на свои силы, не чувствует себя в безопасности от злодеяний демонов, поскольку таких раздувшихся от спеси людей оставляет защита Божья и он, вне сомнения, становится доступным злодеяниям демонов.

Четвертый довод состоит в необходимости разделения добрых и злых людей. Ибо говорит Писание в Деяниях апостолов о добрых и милых Богу людях — «через многие невзгоды мы должны войти в Царствие Божие»[34]. И святой Павел, друг Христа, в одном посла-

нии говорит: «Все, кто желают жить набожно во Христе, пусть претерпят гонение». Также наимудрейший царь Соломон в Притчах повествует: «Которого любя ругает Господь, с тем он поступает, будто отец с сыном»[35]. Нет ничего славнее для христианина, чем ради Господа терпеливо переносить невзгоды, плохие ли люди их причиняют, либо демоны. Ибо дьяволу и его слугам дана власть нападать на хороших и праведных людей, однако те не приходят в замешательство, словно стадо старых баранов, но души их преобретают наибольшее и определенное утешение. В самом деле, когда праведный человек живет хорошо, не вредя никому и никому не нанося ущерба, не причиняя никому несправедливости, и любит Бога своего всем сердцем, боится и благоговеет перед Ним, со всем рвением защищая Его предписания и, тем не менее, страдает от колдовства, вредящего телу ли, делам его, а нередко тому и другому, этот человек истинно блаженный, ибо, будучи испытан, воспримет он венец жизни, каковой сулил Господь Бог тому, кто любит Его. Всякий, праведно живущий в единении с верой католической христианской церкви и терпеливо переносящий в этом мире дурное из любви к Господу, несет на себе определенный знак, говорящий о том, что он находится у Бога в постоянной милости. О плохих же и дурных людях написано так: «Живут нечестивые, богатства их поддерживают и создают им уют. Дома их безопасны и спокойны, и нет над ними бича Божия; жизнь свою они проводят хорошо, а затем в какой-то момент нисходят в преисподнюю». Но тут очевиден признак проклятия: если такой человек удачлив и здоров, но живет плохо, в грехах и пороке, он Богу неугоден.

Пятый довод состоит в том, что всемогущий Господь позволяет хорошим и праведным людям страдать от дурных и злых людей ради очищения всеми способами души. Ибо как говорит Писание: «Нет на земле праведного человека, который совершает только доброе и не грешит». Но поскольку Господь ни один грех не оставляет без возмездия, Он, из сострадания, устанавливает добрым людям за их вину временные наказания; нечестивые же и злые караются вечным судом. Из сострадания Он заменяет раскаивающимся вечное наказание на временное, которому они неизбежно подвергаются или в этом мире, или после смерти, в чистилище. Так как, поистине, пытки в чистилище ужасны и

тяжелы, сострадательный Господь обычно очищает тех раскаявшихся, которых Он любит, в этой жизни путем наложения разных телесных тягот и невзгод в их делах. Ибо дурные деяния безбожников полезны для добрых и праведных людей в качестве врачевания, а сотворяющим эти деяния — в качестве осуждения.

Шестой довод доказывает, что человек, околдованный благодаря натиску демонов, вновь приходит к раскаянию и в сердце своем обещает, что обязательно исправит свою жизнь. Потому что всемогущий Бог не вдруг карает нас, когда мы грешим, но до заранее установленного времени ожидает, когда мы исправимся. Если же мы отказываемся раскаяться, к нам приходит, когда мы того не ожидаем, мститель за дурное, которого мы, грешники, в спокойное время гордо не признаем, в невзгоде же, наконец, запоздало принимаем. Святой пророк в лице Бога говорит, восклицая, следующее: «Если они пренебрегают законом моим и моего сына, и не поступают по решениям моим, и не защищают мои поучения, я укрощу их немилость железом и грехи их плетьми, и сострадание мое не распространится на них, но не наврежу я в истине моей».

Седьмым же доводом, почему всемогущий Бог дозволяет, чтобы дурные деяния демонов подавляли добрых и невинных, является то, что ими уничтожается слишком большая возможность грешить. Ибо есть много бедных и слабых, Богу угодных, добрых и покорных, и униженных, которых скудность и телесная болезнь сохраняет в любви к Богу; и есть те, которые, будучи богатыми и возвышенные почестями, быстро низверглись от предложенной святости в бездну порока. Не ведут к спасению всех тех, кто имеет здоровье, почести и богатства, равно как более продолжительная жизнь не всегда делает человека лучше. Кроме того, всемогущий Господь, желая распространить на избранных им свое сострадание, разрешает подвергать различным бедам людей добрых, праведных и невинных. И, то через демонов, то через плохих людей, то посредством различных других мер и деяний Он лишает таких людей богатства и почестей, каковые, по Его мнению, плохо использовались, покуда в бедности и унынии, храня смирение, они не поймут, как, проживая в богатстве и почете, они в действительности в меньшей степени оберегали себя. Также Он позволяет насылать на них многие великие недуги и причинять им, обла-

дающим цветущим плотским здоровьем, наивысшие душевные страдания. Кроме того, Он позволяет доводить человека с помощью колдовства до смерти с тем, чтобы лишить возможности грешить тех, кто неправедно пользовался земными благами в этой жизни. Вот что говорит Писание о праведном муже: «Похищен он, но не изменит лукавство разум его, и не обманет притворство душу его».

Восьмой довод божественного позволения состоит в том, что люди, почитающие таинства церкви, обладают великим мужеством в борьбе против всех дурных деяний злобствующих духов. Ибо тому, кто должным образом почитает таинства и обряды католической церкви, реже досаждают своими нападками демоны. И очень часто мы слышали из собственных признаний самих колдунов, что они, слушая мессу и используя вещи, благословенные церковью, значительно ослабляли могущество демонов. Ибо не напрасно славили они в церкви Бога, и есть среди них такие такие, которые для укрепления божественной защиты показывают демонам знаки устрашения. Ничуть не сомневаясь, мы можем сказать о мальчиках и детях, крещенных во Христе и умерших когда-либо из-за происков демонов или людей, что все это позволило совершить божественное провидение ради спасения, ибо оно все обновляет к лучшему и приводит в порядок земное. Однако часто бывает и так, что дети погибают вследствие колдовства, а также из-за преступлений родителей.

Допрос и признание известных ведьм в Челмсфорде в графстве Эссекс перед судьями ее королевского величества в 26 день июля 1566 года

Вступление

Недавно в город славный сей,
О Челмсфорде веду я речь,
Прислали главных трех судей,
Чтобы законы уберечь.
Известный королевский суд
Стал правосудие чинить,
И трех преступников ведут,
Чтоб их дела искоренить.
Три местных дамы Сатаной
Заражены презнатно были[1],
Но духа грешного дела
Своею смертью искупили.
Читайте ниже вы о том,
О чем они суду сказали,
И как бумаги подписали,
Признавшись в колдовстве своем.
К деяньям злобным присмотрись,
Ты, дорогой друг, и молись,
Дабы забрал Бог поскорей
От нас сих ведьм со свитой всей.
Тут я кончаю и надеюсь,
Что ты прочтешь мои слова,
И правду, наконец, узнаешь,
Когда поймешь, что прочитаешь.

ИХ ДОПРОС И ПРИЗНАНИЕ, СДЕЛАННОЕ ПЕРЕД ДОКТОРОМ ХОУЛОМ И МАСТЕРОМ ФОРТЕСКЬЮ В ТОМ ЖЕ СУДЕ И ДОСЛОВНО ВОСПРОИЗВЕДЕННЫЕ В ТОЙ СТЕПЕНИ, В КАКОЙ ЭТО ОКАЗАЛОСЬ ВОЗМОЖНЫМ; И СНАЧАЛА ПРИЗНАНИЕ ЭЛИЗАБЕТ ФРЭНСИС, КОТОРАЯ СКАЗАЛА СЛЕДУЮЩЕЕ.

Впервые она познакомилась с искусством ведовства в возрасте двенадцати лет благодаря своей бабушке, которую звали матушка Ив из Хатфилд Певерилл, ныне покойной. Когда она учила ее, то советовала девочке отказаться от Бога и Слова Божьего и отдать свою кровь Сатане (так она называла его), которого она явила ей в образе белого пятнистого кота[2], научив ее кормить его хлебом и молоком, что эта девочка и делала. кроме того, она научила ее вызывать его, называя при этом имя — Сатана, и держать его в корзинке.

Когда оная матушка Ив отдала ей своего кота Сатану, то Элизабет сначала захотела, чтобы сей кот (а называла она его Сатана) сделал ее богатой и зажиточной, и он пообещал ей, что выполнит это желание, спросив ее при этом, что она хочет иметь, а она отвечала — овец[3] (ибо, по ее признанию, сей кот разговаривал с ней странным глухим голосом, но так, что она понимала), и он тотчас доставил на ее луг овец в количестве восемнадцати голов, черных и белых, которые оставались у нее некоторое время, но затем все они исчезли, причем сама она не знает как.

Также, когда она получила этих овец, она решила заполучить себе в мужья некоего Эндрью Байлса. Человек этот был небедный, так что кот пообещал, что все так и будет, но, сказал он, сначала она должна согласиться на то, что этот Эндрью будет оскорблять ее, что она и сделала.

И после того как сей Эндрью оскорбил ее, он не женился на ней, вот почему она попросила Сатану уничтожить все его добро, что он тотчас же и сделал; однако она, будучи неудовлетворена этим, попросила его притронуться к телу Эндрью, что было сразу же исполнено, после чего сей мужчина скончался.

Также, каждый раз как он делал для нее что-нибудь, говорила она, он требовал у нее капельку крови, каковую она ему и давала, прокалывая себе кожу

иногда в одном месте, иногда в другом. Там, где она делала подобные уколы, и до сих пор виднеются красные пятна.

Также, когда этот Эндрью уже умер, она начала подумывать, а нет ли у нее ребенка. Поэтому она попросила Сатану уничтожить его, и он посоветовал ей взять некую траву и выпить приготовленный на ней настой, что она и сделала, и ее ребенок в тот же миг погиб.

Также, когда она решила выйти замуж во второй раз, он пообещал помочь ей в этом, имея ввиду Фрэнсиса, каковой и является ее мужем в настоящее время, но при этом сказал, что он не столь богат, как другие, желая тем самым добиться ее согласия на внебрачную связь с оным Фрэнсисом, что она и сделала, в результате чего зачала дочь, родившуюся через три месяца после их свадьбы.

После того как они поженились, жизнь их проходила вовсе не так спокойно, как ей бы хотелось; они постоянно (по ее словам) ругались и ссорились, вот почему она захотела, чтобы ее кот Сатана убил этого ребенка, бывшего тогда в возрасте около полугода. что тот и сделал. Но и тогда она не обрела желанного спокойствия и попросила его напустить хромоту на Фрэнсиса, ее мужа, и он исполнил требуемое. Однажды утром он пробрался в башмак Фрэнсиса, улегся там, словно жаба, и когда он попытался надеть свой башмак, то кот коснулся его ноги. Фрэнсис сильно удивился и спросил, что это было, однако она запретила мужу убивать его, и тут Фрэнсиса одолела такая хромота, от которой его уже никогда не смогли излечить.

После всего этого, когда сей кот прожил у нее лет пятнадцать или шестнадцать, и, как говорят некоторые (хотя и неверно), она устала от него, пришла она к матушке Уотерхауз, своей соседке[4] (бедной женщине) в тот момент, когда та суетилась у печки, и попросила дать ей пирожок, взамен чего она пообещала принести ей такую вещь, которая будет исправно служить ей всю ее жизнь. И оная матушка Уотерхауз дала ей пирожок, после чего Элизабет принесла ей этого кота в фартуке и научила всему, что услышала в свое время от своей бабушки Ив, сказав, что она должна называть его Сатаной, давать ему свою кровь, хлеб и молоко. Больше на этом дознании она ничего не сказала.

МАТУШКА УОТЕРХАУЗ ИЗ ХАТФИЛД ПЕВЕРИЛЛ, ШЕСТИДЕСЯТИ ЧЕТЫРЕХ ЛЕТ, БУДУЧИ ДОПРОШЕНА В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ, ПРИЗНАЛАСЬ В СЛЕДУЮЩЕМ

Во-первых, она получила этого кота от жены упомянутого Фрэнсиса в том порядке, как было указано выше, и та сказала, что его должно называть Сатаной и что если она будет высоко ценить его, то тогда он сделает для нее все, что она пожелает.

Затем, заполучив его, она (решив испытать его возможности) попросила его убить своего собственного поросенка, что он и сделал; и за труды она дала ему цыпленка, которого он потребовал от нее, а также капельку своей крови. И так она продолжала поступать всякий раз, когда он что-то для нее делал — она прокалывала руку или щеку и капала этой кровью ему в рот; он же, напившись, опять ложился в свою корзину, где она и держала его; места, где она колола себя, до сих пор видны на ее коже.

Также она сказала, что когда ее оскорбил некий отец Керси, она взяла своего кота Сатану, положила в передник и отнесла его на дерево, росшее перед ее домом, и приказала ему погубить трех свиней оного отца Керси; сделав это, он возвратился назад и рассказал ей об этом, а она вновь вознаградила его, как и раньше, дав ему цыпленка и каплю своей крови. Этого цыпленка он съел подчистую, так что она не могла найти ни единой косточки или перышка.

Также она призналась, что, поссорившись с некоей вдовой Гуддэй, она попросила Сатану утопить ее корову, что он и сделал; она же вознаградила его, как и раньше.

Также, поссорившись со своими соседями, она подобным же образом убила у них трех гусей.

Также она призналась, что поскольку она никак не могла отдохнуть, в чем она очень нуждалась, она попросила Сатану разрушить пивоварню.

Также, когда ей не понравилось чье-то масло, она делала так, что у этих людей творог испортился за два или даже за три дня вперед.

Также, поссорившись еще с кем-то из своих соседей и его женой, она попросила Сатану погубить их посредством кровавого поноса[5], отчего тот мужчина и вправду умер, а она вознаградила его, как и до этого.

Подобным образом она призналась, что поскольку с мужем они жили не совсем мирно, то она попросила Сатану убить его, что он и сделал лет девять назад, и с тех пор она числится вдовой.

Также она сказала, что если она хотела, чтобы он что-нибудь для нее сделал, то она должна была прочитать «Отче наш» на латыни.

Также оная матушка Уотерхауз призналась, что она превращала этого кота в жабу, делая это следующим образом. Она держала его в корзинке, наполненной шерстью, но со временем, по бедности, она была вынуждена пустить ее в дело. Тогда она взмолилась во имя Отца, и Сына, и Святого Духа[6], прося превратить кота в жабу, и тотчас же кот превратился в жабу, так что теперь он мог жить и в пустой корзинке. Также она сказала, что как-то раз, когда она шла в Брекстед, и было это незадолго до ареста, Сатана сказал ей, чтобы она поспешила домой, ибо у нее будут большие неприятности, и что вскоре она будет повешена или сожжена; больше на этот раз она ничего не сказала.

ДЖОАН УОТЕРХАУЗ, ДОЧЬ ОНОЙ МАТУШКИ УОТЕРХАУЗ, ВОСЕМНАДЦАТИ ЛЕТ, ВО ВРЕМЯ ДОПРОСА ПОКАЗАЛА СЛЕДУЮЩЕЕ

Во-первых, что ее мать в эту зиму учила ее своему искусству, но она ничему не научилась; также она не помнила и имени «этой вещи». Она сказал, что видела ее в руках матери только один раз, и что она была похожа на жабу, и что войдя совершенно внезапно, она услышала, как ее мать призывает ее что-то сделать, произнося при этом имя «Сатана». Ибо она не всегда и не все говорила своей дочери и никогда не показывала ее до этого случая.

Также она призналась, что когда ее мать пошла в Брекстед, она захотела хлеба, но, не найдя его, отправилась к соседской девочке и попросила ее дать ей кусок хлеба с сыром. Когда же та отказала ей и ничего не дала, или дала слишком мало, она вернулась домой и сделала так, как делала ее мать, вызывая Сатану. Он явился к ней (как она говорит), по ее мнению, из башмака ее матери, который стоял под кроватью; он был похож на большую собаку и, явившись, спросил, чего она хочет.

Сначала она испугалась, но потом сказала, что хочет, чтобы он напугал эту девочку (при этом она назвала имя); затем он спросил, что она даст ему, и она отвечала: «Рыжего петуха», а он возразил: «Нет, ты отдашь мне свое тело и душу»[7]; она же была так напугана и столь сильно желала избавиться от него, что пообещала это сделать. И тогда он пошел к этой девочке, приняв обличье страшного пса с рогами на голове[8], и сильно напугал ее, и даже преследовал ее. Ныне же эти ведьмы не могут (как говорят они) вновь вызвать его сюда, потому что они не хотят, чтобы он появлялся. Больше же, сказала она, я ничего не делала, однако этот ее поступок открыл все остальное.

ВТОРОЙ ДОПРОС И ПРИЗНАНИЕ МАТУШКИ АГНЕС УОТЕРХАУЗ И ЕЕ ДОЧЕРИ ДЖОАН, СДЕЛАННОЕ ПОСЛЕ ОБВИНЕНИЯ, С ВОПРОСАМИ И ОТВЕТАМИ АГНЕС БРАУН, ДЕВОЧКИ, ЗА КОТОРОЙ ОХОТИЛСЯ ЗЛОЙ ДУХ, СПЕЦИАЛЬНО ПРОИЗНЕСЕННОЕ ПЕРЕД СУДЬЕЙ САУСКОТОМ И МАСТЕРОМ ДЖЕРАРДОМ, КОРОЛЕВСКИМ ПРОКУРОРОМ, 27 ИЮЛЯ 1566 ГОДА, НЕ МЕНЕЕ ЧУДЕСНЫЕ, СКОЛЬ И ПРАВДИВЫЕ

Признание Агнес Уотерхауз, сделанное в 27 день июля месяца в год 1566 в Челмсфорде перед судьей Саускотом и королевским прокурором М.Джерардом.

Сначала, будучи спрошена, виновна она или нет в предъявленном ей обвинении в убийстве человека, она созналась, что виновна, а затем, после свидетельских показаний, данных против ее дочери Джоан Уотерхауз, она заявила, что у нее был белый кот, которого она просила уничтожить скотину у соседй, а также чтобы он погубил одного человека, что тот и сделал. Когда же у нее возникла необходимость удалиться от своего дома на две-три мили, она стала раздумывать, как ей поступить с котом. Тут кот и она решили, что он, то есть кот, станет жабой, после чего она должна будет его запереть и дать ему молока, и он будет питаться им до тех пор, пока она не вернется домой. Между тем, ее дочь была в одном соседском доме, расположенном неподалеку. Там она попросила Агнес Браун, девочку лет двенадцати, дать ей

кусочек хлеба и сыра, на что упомянутая Агнес ответила, что у нее ничего нет, и, кроме того, нет ключей, чтобы достать все это из кладовки. После чего упомянутая Джоан пришла домой, сердитая на эту девочку Агнес Браун, и тут она вспомнила, как ее мать расхаживала взяд-вперед по комнате и выкликала «Сатана, Сатана!». Она сказала себе, что попробует сделать точно так же, и затем принялась расхаживать по дому и звать Сатану. Тут к ней явилась черная собака и спросила, что ей нужно. Она, по ее словам, испугалась и сказала: «Я хочу, чтобы ты испугал Агнес Браун». Тут он спросил, что она даст ему, а она ответила, что даст рыжего петуха, на что он сказал, что этого недостаточно. Тогда она спросила, что же ему в таком случае надобно, и он ответил, что ему нужны ее душа и тело. В конце концов, убоявшись его самого и услышав такое предложение, она отдала ему свое тело и душу[9]. Тут королевский прокурор спросил ее: «Как же вы сделали это перед лицом Господа?» «О, господин, — отвечала она, — я верю, что Господь смилостивится надо мной», и тогда он сказал «правильно говоришь», и затем он ушел от нее, после чего она услышала, что он действительно испугал эту Агнес Браун.

Затем приказали вызвать упомянутую Агнес Браун, и она вошла, и ее спросили, сколько ей лет, а она ответи-

ла, что, наверное, двенадцать, после чего королевский прокурор спросил ее, что она может сказать: а она ответила, что в такой-то день (называя при этом определенный день) она сбивала масло и тут к ней подошло нечто, похожее на собаку, но с физиономией обезьяны. У него был короткий хвост, а вокруг шеи — цепочка с серебряным свистком (так она думает); голову его венчала пара рогов, а во рту он держал ключ от кладовки с молоком, и тут, мой господин (сказала она), я испугалась, ибо он скакал и прыгал в разные стороны, а потом уселся в крапиву. Тут я спросила его, чего он хочет, а он отвечал, что он хочет масла, а я сказала, что у меня ничего для него нет, а он ответил, что все-равно сходит и достанет, и затем он понесся к двери кладовой, чтобы вставить ключ в замок, но я сказала, что он ничего там не найдет, а он ответил, что что-нибудь да найдет. После чего он открыл дверь и залез на полку и там положил ключ на свежий сыр, и, пробыв там немного, он вышел наружу, закрыл дверь и сказал, что он насбивал мне масла. Затем он ушел. Далее девочка рассказала об этом своей тетке и послала за священником. Он же, прийдя, приказал ей молиться Богу и взывать к имени Иисуса. Но на следующий день, мой господин, он вновь пришел ко мне, держа во рту ключ от нашей кладовки, и тут я спросила его: «Во имя Иисуса, что тебе нужно?» Он же положил ключ и сказал, что, взывая к этому имени, я произнесла дурные слова, после чего сразу же исчез. Тут тетя моя подобрала ключи, ибо они были у него на протяжении двух дней и ночи, после чего мы вошли в кладовку, где увидели след масла на сыре. Через несколько дней он пришел опять, но во рту он держал шелуху от фасоли. Здесь королевский прокурор спросил, что это было, и другие судьи задали тот же вопрос, на что она отвечала: «Мой господин, я спросила его во имя Иисуса, что это у тебя, а он положил все на землю и сказал, что я произнесла дурные слова, и удалился. Позже он вновь пришел сюда, держа во рту кусочки хлеба, и я спросила его, что он хочет, а он ответил — масла, и опять ушел, и с тех пор, мой господин, я не видела его вплоть до прошлой среды, то есть до 28 июля»[10]. А почему, спросил королевский прокурор, он был с тобой в прошлую среду? Он был со мной, отвечала она. А что он сделал с тобой, спросил прокурор. Мой господин, отвечала она, он пришел с ножом в зубах и спросил, не умерла ли я еще, а я ответила, что, слава Богу, нет, и тут он сказал, что коль я не умерла, то он

пронзит меня этим ножом прямо в сердце и сделает так, чтобы я умерла. И тут я сказала: «Во имя Иисуса, положи нож», но он отвечал, что он не бросит нож своей любимой дамы, а я спросила его, кто эта дама. А он кивнул головой в сторону вашего дома, матушка Уотерхауз. Затем королевский прокурор спросил упомянутую Агнес Уотерхауз, что она скажет на это и та попросила девочку описать форму ножа, и Агнес Браун сказала, что это был нож типа кинжала. Тогда ты лжешь, заявила Агнес Уотерхауз. Почему же, вопросил прокурор. Мой уважаемый господин (сказала та), она говорит, что это кинжал, а у меня дома нет ничего подобного, у меня есть только большой нож. Вот почему она лжет, мой господин, честное слово. Джоан Уотерхауз сказала, что она также лжет и в том, когда говорит, что у него лицо как у обезьяны, ибо то, что приходило к ней, было похоже на собаку. Ну хорошо, сказал королевский прокурор, можешь ли ты вызвать его сейчас, чтобы он предстал перед нами. Если сможешь, то мы скоро отправим тебя из тюрьмы. Без веры, сказала Агнес Уотерхауз, я не могу, ибо это можно делать только с верой, как это делали я и моя дочь; тогда я могла бы быстро его вызвать, но сейчас у меня нет над ним власти. Итак, сказал королевский прокурор, обратившись к Агнес Уотерхауз, когда это твой кот сосал у тебя кровь? Никогда, отвечала та. Ну ладно, сказал прокурор, давай-ка посмотрим, и тут тюремщик снял с нее платок и на лице у нее обнаружились различные пятна, одно из которых было даже на носу. Тут королевский прокурор сказал: ну что, добропорядочная Агнес, когда он в последний раз сосал твою кровь? Я утверждаю, сказала она, что в последние две недели ничего не было. После чего суд удалился на совещание.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ ПРИЗНАНИЕ МАТУШКИ УОТЕРХАУЗ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ, СДЕЛАННОЕ В 29 ДЕНЬ МЕСЯЦА ИЮЛЯ, 1566 ГОДА

Во-первых (уже приготовившись принять смерть), она призналась чистосердечно, что она была ведьмой и пользовалась своим отвратительным колдовством на протяжении пятнадцати лет, и совершила множество отвратительных деяний, в чем она искренно и чистосердечно раскаивается и просит простить всемогущего Бога за то, что она испортила его святое имя своими

греховными поступками. Она верит, что будет спасена благодаря Его неизъяснимому милосердию. И будучи спрошена присутствующими, она призналась, что посылала своего Сатану к некоему Уардолу, своему соседу, портному (обидевшему ее), для того, чтобы навредить ему лично и нанести ущерб его имуществу. И этот ее Сатана отправился туда для того, чтобы исполнить ее пожелания, но потом он вернулся, так как не смог совершить этого злодеяния. Она спросила его, в чем дело, и он ответил, что Уардол оказался настолько крепок в вере[11], что он не смог нанести ему вреда; позднее она вновь неоднократно посылала его (но все напрасно) для того, чтобы причинить ему какой-либо ущерб. И, будучи спрошена, приучена ли она ходить в церковь на общую молитву или богослужение, она ответила положительно, а на вопрос, что она там делала, она отвечала, что делала то же, что и другие женщины, и от души молилась, а на вопрос о том, что она говорила, молясь, она отвечала, что читала Отче наш, Богодице Дево, Верую, после чего они спросили, по-латински или по-английски, а она отвечала — по-латински, а они спросили, почему она читала их на латыни, а не по-английски, зная, что государственной властью[12] и согласно Слова Божия установлено, что все люди должны молиться на английском языке и на родном наречии, которое они лучше понимают, а она ответила, что Сатана никогда не позволял ей произносить это по-английски, но все время только на латыни; по каковой причине, а также из-за совершенных ею множества других преступлений, в которых она призналась, она скорбит, раскаивается и просит милости Божией и всеобщего прощения, отдавая таким образом свою душу и надеясь обрести счастью со Христом, ее Спасителем, который высочайшей ценой бесценной крови своей искупил ее грехи. Аминь.

О самом злобном деянии некоей негодной ведьмы, о подобном которому никто не слышал в Англии уже много лет. Рассказывается об одном человеке, Ричарде Берте, слуге мастера Эдлинга, из Вудхолла, приход Пиннер, графство Мидлсекс, что в миле за Харроу. Совершено в марте 1592 года и еще раз признано соответствующим правде Дж.Б., магистром искусств.

Гексастикон

О ведьмах злобных в этой книге речь пойдет,
О том, как на простых людей они влияют,
Как, что-то бормоча, злодейства совершают.
Восславим Господа, который их побьет!
Бог изгоняет их, но тут же Сатана
Приводит новых ведьм — и нету им числа[1].

Левит 20.6: «И если какая душа обратится к вызывающим мертвых и к волшебникам, чтобы блудно ходить вслед их, то я обращу лицо Мое на ту душу, и истреблю ее из народа ее»[2].

САМОЕ ЗЛОБНОЕ ДЕЯНИЕ НЕКОЕЙ НЕГОДНОЙ ВЕДЬМЫ В ОТНОШЕНИИ ЛИЧНОСТИ НЕКОЕГО РИЧАРДА БЕРТА

О, учтивый и благосклонный читатель! Столь долго, сколь живем мы в сей юдоли печали и жалком состоянии нашем, все мы, даже лучшие из нас, не устаем повторять, что пребываем мы в состоянии непрерывной войны, ведя смертельную и опаснейшую схватку с врагом. Враги наши, с которыми мы должны сражаться, суть таковы: мир, плоть и Дьявол; двоих из них (таково уж наше слепое упрямство) большая часть людей считает своими друзьями, в то время как на деле они суть подручные нашего архиврага; при этом они своей многоразличной дружелюбностью обманывают этих людей, ища в действительности их телесной и духовной смерти.

Самым главным нашим врагом является Сатана, творец всего зла; в Писании мы видим много имен, объясняющих его злобную натуру. За свою жестокость он прозван Аввадоном, разрушителем, ибо в отличие от какого-нибудь обычного недруга он не удовлетворяется смертью и погибелью тела, но замышляет и окончательное разрушение души, нестерпимо мучая их обоих. За свое умение он позывается вором, ибо он изобретает множество способов, употребив которые, он может исхитрившись и как бы невзначай обрушиться на благочестивых людей. За злобу свою он получил прозвище «Дьявол», обвинитель, ибо все время, день и ночь, он занят тем, что обвиняет совесть праведников.

За свою хитрость он получил прозвище «дракона», ибо со времен Адама, на протяжении многих тысяч лет, не нашлось ни одного достаточно мудрого или осторожного человека, который смог бы противостоять его уловкам; он же ранил и травил их до самой смерти. За свое могущество он прозван львом[3], ибо подобно тому, как преисполнено силой огромное тело льва, так и в его хвосте кроется необычайная сила и мощь.

Мы нисколько не сомневаемся в том, что сей враг, наш Аполлион, могущественнен и достаточно силен, чтобы бороться против таких малодушных трусов и упрямых, но нерешительных людей, каковыми являемся мы. Но для того, чтобы сделать свою победу еще более прочной и не испытать поражения в достижении своих целей, он привык использовать силу своего хвоста — то есть своих околдованных рабов, которых он определил исполнять все свои желания в отношении безобидных людей, что уже многократно и проделывалось самыми разными способами. Но обычно он никогда не выказывает своей ловкости, силы и своего могущества непосредственно через своих слуг, но делает это с помощью коварных торговцев семенами фальшивого учения[4] и занимающихся чародейством ведьм; одни соблазняют ум и душу, другие нападают на бренную плоть, вводят в заблуждение и улавливают в свои сети умы людей.

Я ничего не говорю об этих ложных торговцах, но хочу, Господь свидетель, рассказать о проклятых ведьмах, об их злобе и заклинаниях, ненавистных взору Божьему, ненавидимых хорошими людьми и приносящих вред себе самим, показывающих, какую власть и превосходство получает благодаря соизволению Божьему отец греха Сатана над грешниками, преданными мирской жизни.

Некто Ричард Берт[5], слуга одного джентельмена по имени мастер Эдлинг, обитающего в Вудхолле в приходе Пиннер в Мидлсексе, находящемся в миле за Харроу-он-зе-хилл, направлялся на гумно своего хозяина, расположенное неподалеку от окраины этого города. Его сопровождал огромный мастиф. Неожиданно он увидел перед собой зайца, кинувшегося в сторону от него. Решив натравить на него собаку, Ричард совсем позабыл о цели своего путешествия. Однако собака не только отказалась бежать за зайцем[6], но стала прыгать вокруг хозяина; при этом она иногда падала на землю, испуская жалостливые вопли, так что каждый мог сказать, что эта игра была явно не для нее. Ричард же, загоревшись, последовал за зайцем и увидел, как тот вбежал в дом матушки Аткинс, которая уже была известна в качестве ведьмы. Тогда, прочитав молитву и воззвав к имени Господа, он с уверенностью сказал: «Прочь, ведьма!»

Это было первое (то есть то, что он назвал ее ведьмой), что потом и привело к трагедии Ричарда Берта. Случилось так, что месяц спустя Ричард Берт встретил ее около сарая своего хозяина и сказал «добрый день». Однако она как упрямая женщина, опасная оса, распространяющая заразу ведьма, пришла в ярость, завидев его, и, склонив голову, не произнесла ни слова.

На следующий день, то есть в среду, 8 марта, он опять пришел на хозяйское гумно, чтобы поработать там и заодно поухаживать за некоторыми животными, а поскольку он не хотел возвращаться, чтобы не прерывать работу, он захватил с собой обед — хлеб, масло, сыр, яблочный пирог и бутылку доброго пива. Прийдя на место, он положил узелок с едой и приступил к делу. Проработав до двенадцати часов, он, согласно заведенному порядку, а также почувствовав приступ голода, решил пообедать; однако обед его продолжался недолго, поскольку увидел он сидевшего в соломе напротив него ужасного черного кота, который вдруг начал со страшным шумом ворошить эту солому.

Этот человек, ужаснувшись, поднялся с места. Держа в руку кусок пирога (потому что сему голодному бедному молотильщику вовсе не хотелось прерывать столь добрую трапезу), он вдруг услышал голос, говоривший ему: «Уходи!» «А куда же мне отсюда уходить?» спросил он. В ответ дух произнес следующее: «Иди, но оставь здесь все свои вещи и нож».

Несчастный простак, продолжая по-прежнему держать в руке кусок яблочного пирога, подошел к выходу из сарая, когда внезапно почувствовал, что его оторвало от земли и понесло по воздуху. Проносясь над лежавшими внизу полями, он увидел работников своего хозяина, однако он не мог позвать их, хотя с головой у него, вроде бы, было все в порядке. Так он долетел до Харроу, где на склоне одного холма находился значительных размеров водоем; Ричарда протащило через этот пруд, в котором он оставил свою шляпу, ставшую впоследствии свидетельством его мучений, но остановиться он не мог; его тащило все выше и выше. Он пролетел над вершиной этого холма, над высокими деревьями у городского собора. Все это он помнит очень хорошо и по мере того, как его несло дальше, он, по его словам, попал в некое место, полное огня, где услышал такие скорбные причитания и рыдания, что,

казалось, будто все проклятые демоны ада подвергаются пыткам в этом Лимбо[7].

Итак, вы узнали, в сколь странное место был перенесен сей Ричард Берт; остается лишь рассказать об отличительных признаках этого места.

Во-первых, говорит он, было очень жарко и очень темно, темнее, чем в стране киммерийцев[8], в воздухе витали отвратительные ароматы и отовсюду исходило зловоние; было шумно, откуда-то доносились крики, причем настолько сильные, что, казалось, одновременно говорят миллионы различных голосов, но вокруг не было видно ничего, за исключением пламени, которое вызвало у него во рту такую нестерпимую жажду, что, вспомнив о пенни, оставшемся у него в кошельке, он стал оглядываться по сторонам в поисках пивной.

Прислушиваясь однако к этим голосам и думая, что некоторые из них обращаются к нему, он сказал: «Но здесь для меня нет никакой работы». В ответ он тут же услышал: «Не думай об этом. Но ты будешь свободен лишь при условии, что все сохранишь в тайне и не расскажешь об этом никому, когда вернешься домой». На что он ответил: «Но ведь мой хозяин спросит, где я был?»

Тут вдруг он почувствовал, что язык во рту сложился вдвое, ноги загорелись, руки задымились, куртка сорвалась со спины и упала в огонь, и он, стремительно воспарив над канавами и изгородями, рухнул затем в болото и грязь, исцарапавшись при этом о какие-то шипы и колючки, так что вид у него был такой, что смотреть на него было и страшно и одновременно жалко.

Возвратившись назад в Пиннер[9], где обитал его хозяин, он сначала напился воды из канавы, а затем в таком виде отправился к одному своему знакомому, который также изредка работал у мастера Эдлинга. Я, правда, не могу сказать, решил ли он пойти туда потому, что дом его друга был ближе всего, либо же потому, что он отсутствовал уже четыре дня подряд.

И вот, воскресным утром, как было заведено, его хозяин решил пойти той же дорогой в церковь. Не зная, что несчастный Ричард Берт растерял его овец, он спросил своего слугу, не привел ли к нему какого-нибудь человека. «Почему же какого-то, — ответил тот, — это же ваш человек, сэр, Ричард!» «Мой человек? — спросил он. — Этого не может быть». И тут, несказанно удивившись, он молча воззрился на него.

Наконец, он попросил его рассказать, что же, во имя Господа, с ним произошло, и хотя тот не мог говорить, однако, помня, вероятно, о чем-то, он постоянно указывал, делая какие-то знаки, на дом, где жила матушка Аткинс, причем все его существо источало столько страха и злобы, что все, что ни попадалось ему в руки, тут же разрывалось им в клочья.

Тем временем собравшиеся решили, что следует послать за приходским священником, которого звали мастер Смит, и джентельменом мастером Бербриджем из Пиннер Парк. Подойдя к этому бессловесному созданию, они выразили свое сожаление по поводу его горестного положения и, окружив его заботливостью, начали работать над ним. Они разрезали ему зубы, открыли рот, отсоединили палец от языка и с большим трудом разогнули его. Первые слова, произнесенные им, были таковы: «Будь проклята матушка Аткинс, будь проклята матушка Аткинс, она околдовала меня». После чего он не успокоился, но сказал, что может даже поговорить с ней.

Мастер Бербридж и мастер Смит послали за ней. Когда же она пришла, то этот Ричард набросился на нее и не остановился, пока не раскровянил ей все лицо, приговаривая при этом, что он делает богоугодное дело, с помощью которого он сможет излечиться. Все так и произошло, о чем свидетельствует и сама жизнь, ибо с тех пор он определенно поправился и теперь ходит в церковь.

Таково, вкратце, описание всех тех тревог и злоключений, которые пришлось претерпеть, как говорится, в полной мере, этому бедняге Ричарду Берту. Все это произошло 8, 9, 10 и 11 марта этого года, и именно в эти дни он отсутствовал, проведя их, как уже известно, вышеупомянутым образом[10].

Но оставим теперь Ричарда Берта и поговорим немного о матушке Аткинс. Из достоверных сообщений из Пиннера следует, что упомянутая матушка Аткинс как-то раз пришла в дом мастера Бербриджа за молоком и случилось это в то самое время, когда служанки были заняты на маслобойне, так что желаемого она получить не смогла. И как только она вышла за дверь, тут же сливки начали подниматься и бурлить в чанах так, что в конце концов они вырвались наружу, растеклись по кухне и попали в сливное отверстие; так что все их хозяйство в этот день понесло убыток, ибо

все пролилось на пол и сделать уже было ничего невозможно.

О, восставшие против Господа! Враги рода человеческого! Вымогатели! На вас даже огонь тратить не хочется! На счет этой женщины относили много различных жестоких и свирепых деяний, однако мы подведем итог и закончим все таким образом.

Вскоре после описанных событий упомянутая ведьма пришла на участок некоего Грегори Кулсона, чтобы попросить его помочь ей (ибо живет она милостыней и милосердием добрых людей), однако увидела, что он сильно занят своими делами — думаю, он метил овец; произнеся свою просьбу и видя, что он не оставляет своего занятия и хочет довести его до конца, она изрыгнула из себя облачко дыма. Через какое-то время после того как она ушла, а он закончил свою работу, он выпустил во двор двух овец. Внезапно они начали очень быстро бегать взад и вперед, и носились так до тех пор, пока не околели.

Джордж Гиффорд

Диалог о ведьмах и колдовстве

*Диалог о ведьмах и колдовстве,
в котором открыто показано,
как Дьявол обманным путем вводит
в заблуждение не только ведьм,
но и многих других людей, ввергая их
дурным образом во многие
великие греховные деяния.*

Написано Джорджем Гиффордом,
слугой слова Божьего в Мальдоне.

Почтеннейшему господину Роберту Кларку, одному из баронов казначейства Ее Величества.

Ваша милость! Прошло уже несколько лет с тех пор как я опубликовал один небольшой трактат, касавшийся ведьм[1], с целью показать проделки Сатаны и все его коварные деяния, дабы невежественные люди не поддавались его обману и не совращались с пути истинного. Однако заблуждения такого рода оказались гораздо большими, а грехи — к которым он с помощью ведьм склоняет многих — более тяжкими, нежели об этом обычно думают. Подобные вещи случались во многих местах и, как я думаю, все это было весьма неожиданным для людей[2]. Несомненно, однако, то, что благодаря лишь тяжкому осуждению Божию дьявол собрал в своих руках столь сильную власть, о которой мне раньше-то и слышать не доводилось[3]. Ибо когда люди просветляются, слыша глас Божий, обращающийся к ним, они справедливо отказываются от дьявольских поучений и не следуют его примеру. Однако ныне о Сатане говорят на каждом углу, о нем слышно повсюду, в него верят. О нем говорят чародеи, колдуньи, ведьмы[4]. К его слову прислушиваются. Он уже замыслил совершить нечто, и в наши дни это претворяется в жизнь, этому следуют. О высшем же провидении Господа всемогущего и всей земли повелителя сказано нам в Писаниях следующим образом: без Него даже стрела не сможет упасть на землю. На голове нашей сосчитаны все волосы. Демоны же ранят и убивают людей, изничтожают животных и других тварей, причиняя им физические страдания, однако все демоны ада сковываются и сдерживаются сим высшим Провидением, так что им не под силу даже перышка выдрать из крыла бедолаги крапивника без особого на то позволения, даваемого им Правителем всей тверди земной. Тем не менее, нас заставляют поверить в то, что именно по просьбе ведьм и ради удовлетворения их гневных желаний, их духи увечат и убивают как людей, так и животных. А затем, дабы распространить подобное мнение в обществе, эти коварные духи выдают их, заставляя при этом открыто признаваться, что именно они совершили все эти деяния, которых никогда не смог бы сделать — по просьбе человека — ни один демон. Ибо

если бы они могли совершать подобное, то тогда не было бы нужды их уговаривать. Иногда Бог дает демону силу, чтобы тот смог побеспокоить людей и животных, причинить им телесные страдания. Если он может, он сделает это по просьбе и по призывам ведьм, однако абсолютно невозможно себе представить, что именно их призывы придают ему известную силу или что он не будет делать позволенного Господом ему совершить до тех пор, пока они не призовут его и не нашлют на кого бы то ни было. В теле человека и животного кроется множество болезней, посеянных им[5], и именно с их помощью он доводит людей до хромоты и даже до смерти. При этом он держит ведьм в кулаке; он, можно сказать, создает их. Желая же закрепить плоды своих трудов, он действует с помощью колдуний другого рода, которых в народе зовут знающими людьми и мудрыми женщинами[6]. Через них он являет свои многоразличные приемы, желая, чтобы к нему стремились и почитали его словно Бога. Подобные вещи укореняются в сердцах людей, заставляя их, таким образом, бояться ведьм; они вызывают подозрение и возбуждают слухи среди множества невинных; одни попадают в разряд виноватых, других приговаривают к смерти — в общем, много проливается невинной крови. Вот почему я и хочу показать в этом трактате (в меру моих скромных возможностей), сколь искусно дьявол осуществляет все это. Сделал же я это в форме диалога для того, чтобы разговор наш был доступен людям простым и не очень ученым. Я осмеливаюсь предложить сию книжицу вашей Милости, но не потому, что считаю вас нуждающимся в подобном наставлении, ибо вы страстно преданы Евангелию и столь тверды в вере в высшее Провидение, что мне было радостно видеть и слышать то, сколь благоразумно и правильно поступала ваша Милость в суде, когда возникали подобные ситуации. Вот почему я предлагаю вам эту книгу в качестве свидетельства своей благодарности за то расположение и доброту, которую вы выказывали мне, и предлагаю вашей Милости принять ее. Если она послужит к исправлению умов слабохарактерных людей, то я буду очень рад.[7] Если же я ошибаюсь в чем-либо, изложенном ниже, я готов это исправить.

Вашей Милости покорный слуга

Джордж Гиффорд[8]

Участники:

Сэмьюэл. Дэниэл. Жена Сэмьюэла. М.Б. — школьный учитель. Добрая женщина Р.

Сэм: Вот мы и встретились, мой старый друг. Я рад, что ты выглядишь столь же хорошо, как и все твои друзья, живущие в твоей деревне.

Дэн: Надеюсь, что все они пребывают в добром здравии... По крайней мере, они были таковыми, когда я прибыл сюда. Однако меня огорчает другое — ты выглядишь необычайно бледным. Ты что, болел недавно?

Сэм: По правде говоря, нет. Слава Богу, со здоровьем у меня все в порядке, хотя мне кажется, что в последнее время меня немного мутит от мяса.

Дэн: И что же, дружище? Ты решил заботиться обо всем мире? «Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть», 2 Кор.7.10. Сие есть великий грех, проистекающий из неверия и сомнения в Божественном провидении, если человек хочет встать над мирской печалью.

Сэм: Я и в самом деле обеспокоен, но не от того, о чем ты сказал. Ибо у меня, слава Богу, такого желания в жизни не возникнет.

Дэн: Но может быть это беспокойство проистекает из осознания греховности? Если так, то все может перемениться к лучшему.

Сэм: Нет, нет. Причина мне неизвестна.

Дэн: Тогда я позволю себе задать тебе вопрос, что же, все-таки, это такое? Умоляю, ответь мне. Я же друг тебе, не так ли?

Сэм: Да-да, конечно, я всегда считал тебя своим хорошим другом и я уверен, что ты дашь мне самый лучший совет, поскольку внезапно выяснилось, что мы проживаем в очень плохой деревне[9]. Я даже думаю, что в одной из самых худших в Англии.

Дэн: Почему же? А я-то себе думал, что ты обитаешь в прекрасной деревеньке, на свежем воздухе и благодатной земле.

Сэм: На воздухе... Воздух-то здесь ни при чем, тут люди дурные.

Дэн: Дурные люди? Где бы человек ни жил, он везде наткнется на них. Богохульники, лжецы, ругатели, бродяги, пьяницы, прелюбодеи, гуляки, игроки в кости, высокоумные гордецы — они повсюду, и их очень много.

Сэм: Нет, их я не имею ввиду, дело вовсе не в них Ведьмы, эти старые, пользующиеся поддержкой дьявола ведьмы — вот кто беспокоит меня[10].

Дэн: А что ты сделал такого, что думаешь, будто тебя околдовали?

Сэм: Нет, нет. Думаю, что ни один злой дух не сможет нанести мне никакого ущерба, хотя я достаточно наслышан о том вреде, который они причиняют людям. они насылают на них хромоту и убивают их скотину Да-да, они преследуют взрослых и детей. Говорят, что в этом округе очень мало городов и деревень, но зато в каждом из них обязательно сыщется одна-две ведьмы Во время своих пеших прогулок я вижу то тут, то там — скажу тебе это как другу! — какого-то зайца. Сознание подсказывает мне, что это ведьма, либо какой-то бесовский дух. Причем он всегда пристально смотрит на меня. А иногда у себя во дворе я встречаю уродливую ласку, шмыгающую туда-сюда, да в сарае — огромного отвратительного кота. Он мне тоже не по душе.

Дэн: Но тебе ведь еще ни одна ведьма ничего не сделала, не так ли?

Сэм: Знаешь что, я не могу этого сказать, но боюсь что может быть и сделала, поскольку в нашем городе тоже живет парочка таких, а я их не люблю. Особенно одну из них, старуху. Уж как я старался угодить ей словно своей матери, давал ей все, что она хотела, и тем не менее, я думаю, что она все время смотрит на меня исподлобья. У меня есть свинья, которая обычно ела вместе со всеми другими и, по-моему, она была совершенно здоровой еще вчера. Так вот, сегодня утром ее нашли околевшей. У моей жены было пять кур и все они сдохли. Так одни соседи предлагали сжечь кого-нибудь, петуха или эту свинью; другие советовали мне попросить помощи у какого-нибудь чародея[11] до того, как они[12] причинят мне еще что-либо. Вот я и хочу сделать, как лучше.

Дэн: А есть тут у тебя какой-нибудь чародей, который и взаправду помогает?

Сэм: Есть, говорят, тут один. Он живет в двадцати милях отсюда в городке Б. и уже помог многим. В двух милях отсюда живет один мой приятель. Так ему крупно не повезло: он потерял двух коров из трех, да четырех свиней. Так ему даже не дали и 15 шиллингов за свинью. Ну вот он и пошел к тому самому человеку и сказал, что он подозревает одну старуху в этом округе

Он рассказал мне, что тот человек показал ему в куске стекла, сказав при этом, что у той женщины ходят в подручных три или четыре чертенка, которых кое-кто называет духами. Так вот, разрази их гром, один похож на серого кота, второй на ласку, а третий — на мышь! Жаль, что деревня никак от них не избавится! Кроме того, тот человек поведал ему и том, что она намеревается сделать. Все это случилось полгода назад и с тех пор у него в доме все в порядке. Кроме того, в двадцати пяти милях отсюда, в Р.Х., живет одна очень известная женщина. К ней все приходят тогда, когда почти вся надежда уже потеряна. Дочь моего соседа — а девочке всего десять лет — одолела хромота, причем у нее так болела спина, что она даже сидеть не могла. Он пошел к этой женщине и она сказала ему, что где-то рядом с ними живет некий недобрый сосед, за которого ее должны были, по предварительной договоренности, выдать замуж. Точнее же она пообещала рассказать в том случае, если отец сходит домой и принесет что-нибудь из ее одежды, в чем она, то есть девочка, предварительно должна проспать всю ночь. Сосед мой вернулся домой и повязал своей дочери вокруг шеи небольшое полотенце, лежавшее обычно на столе. Наутро он вернулся к этой женщине, прихватив, естественно, полотенце с собой, и она сказала ему, что девочка действительно околдована, и рассказала, что в данном случае следует делать Получив лекарства, он вылечил дочь в течение этого же дня и она ожила, став обычной шустрой девчонкой. А у другого моего соседа жена постоянно о чем-то беспокоилась; так он тоже пошел к этой же женщине и она сказала ему, что его жену преследует какой то дух. Я не знаю, что она посоветовала ему сделать, но его жена в одночасье повеселела. Я слышал также, не знаю, правда это или нет, что она постоянно носит с собой Евангелие от Иоанна или какую-то часть его.

Дэн: Но если у тебя есть такие искусные знахари, тогда чего же тебе бояться?

Сэм: Знаешь, я даже решился было пойти, но одни советуют мне идти к тому мужчине в городок Б., а другие — к той женщине в Р.Х. Я же теряю в раздумиях время, а между тем меня могут погубить до того, как я получу средство к избавлению. Кое-кто вообще советует мне избить эту ведьму до крови и пригрозить ей виселицей. Ох, если бы я знал, что лучше, так давно бы уже сделал.

Дэн: Я думаю, что главная опасность заключается сейчас в том, что ты сидишь на двух стульях.

Сэм: Это правда. Если бы я знал наверняка хотя бы об одном из этих людей, то пошел бы к нему. Но я рад, что сегодня встретил тебя. Прошу, посоветуй, что мне делать. Надеюсь, ты не откажешь.

Дэн: Видит Бог, я дам тебе самый лучший совет, на который способен и который, как я думаю, пойдет тебе на пользу, если, конечно, ты ему последуешь. Мне очень жаль, что все так сложилось, но скорее всего ты действительно околдован.

Сэм: Околдован? Ты думаешь я околдован? Но у меня же ничего не болит!!! Ты говоришь страшные вещи...

Дэн: Нет, я не думаю, что эта старуха околдовала тебя или твое тело. Наверное, околдован твой разум, околдован слепотой и неверием для того, чтобы увести тебя от Бога и заставить поклоняться ему (дьяволу. — Пер.), обращаясь при этом за помощью к демонам. Грустно мне видеть, как дьявол[13] околдовывает тысячи людей и они бегут за ним и даже приносят ему жертвы.

Сэм: Я никогда не подчинюсь дьяволу! Поклоняться ему?! Тьфу на него!!! Я ненавижу его всем сердцем! Думаешь, я буду искать помощи у него? Нет, мы найдем средство против него. Я думаю, что он никогда не старался делать людям добро и никогда никому не помог.

Дэн: Впрочем, дело обстоит здесь не так, как мы себе представляем, но так, как учит Слово Божие[14]. Ведь хотя человек и думает, что он не поклоняется дьяволу и не ищет помощи у демонов, более того, никогда об этом и не думает, о чем его постоянно убеждают, мы, тем не менее, с помощью Слова Божьего обнаруживаем, что он поклоняется им и прибегает к ним, ища помощи.

Сэм: Так значит ты думаешь, что ведьм нет? Но не страдал ли Господь, видя, что слабым людям наносится вред? Или ты думаешь, что такие искусники помогают людям с помощью дьявола? Мне бы очень хотелось убедить тебя, но я слишком слаб в Писании. Однако у нас здесь есть учитель; говорят, он хорошо знает священные тексты, да к тому же сведущ и в латыни. Кстати, сейчас он — а зовут его М.Б. — должен прийти ко мне домой. Так вот, я прошу тебя объединить ваши усилия

в этом направлении и обсудить суть дела. Вы же люди ученые.

Дэн: Это было бы недурно, однако на все нужно время, а я собирался сходить в одно место по важному делу.

Сэм: Умоляю тебя, согласись! Четыре, пять часов — ведь это так мало!

Дэн: Ну хорошо, я пойду с тобой.

* * *

Сэм: Жена, я привел своего друга, так что прошу тебя, встреть его как полагается.

Жена: Очень вам рада. Но знаешь, муженек, вообще-то я сильно сержусь на тебя и едва сдерживаюсь оттого, что ты не пошел попросить помощи против той старой стервы. Этой ночью у нас сдохла еще одна курица. Другие ведь находят средства от этого! К нам сейчас пришел М.Б. и рассказал, что добрая женщина Р. всю прошлую неделю никак не могла взбить масло. Она так и работала без отдыха, пока не отослала своего мужа к той женщине в Р.Х.; когда же он возвратился, они бросили горсточку жара в сливки, произнося при этом определенные слова, как было наказано той женщиной, и у них получилось хорошее, мягкое масло, какое они делали раньше. А эту старую мерзавку я встретила сегодня утром. Боже, с каким выражением — словно охотник на жертву — взглянула она на меня, а, отходя, что-то там пробормотала! Я даже расслышала кое-что. «Ах, — сказала она, — твой муж честный человек, но я слышала, что он презирает меня». Ты знаешь, у меня внутри все перевернулось. Но тут я набралась мужества и исцарапала ее. Правда потом я испугалась, что могла ведь с ней и не совладать — она же такая здоровая тетка. Я хочу, чтобы ко мне пришла добрая женщина Р. И прошу тебя, дорогой мой, сходи, пожалуйста, к той самой женщине. Ты доберешься туда за полдня.

Сэм: Жена, прошу тебя, успокойся. Я попросил моего старого друга поговорить на сей счет с М.Б., потому что он сказал мне, что мы впали в глубокое заблуждение.

М.Б.: Насколько мне позволяют мои знания и способности, я думаю, что небольшое рассуждение на эту тему может сослужить нам известную службу. Слово

Божие явственно показывает нам, что ведьмы существуют. Кроме того, оно повелевает нам приговаривать их к смерти. И из нашего опыта мы слишком хорошо знаем о том множестве зол, которые они могут нам причинить. И если у кого-то вдруг появляется способность оказать помощь в борьбе против них, то как мы можем в такой ситуации отказаться? Разве мы не пьем, когда хочется пить? Разве мы не одеваем теплую одежду, когда нам холодно? Достойно сожаления если кто-то вступается за ведьм, это создания не набожные.

Дэн: Что касается меня, то я не собираюсь защищать ведьм, и я вовсе не отвергаю того, что с их помощью дьявол творит свои деяния. Их действительно следует приговаривать к смерти. И мы действительно должны искать средство избавиться от них. Но, как я уже сказал моему другу, дьявол околдовывает всех с помощью ведьм и ведет их от Бога к тому, чтобы они следовали ему, приносили ему жертвы, поклонялись ему, подчинялись его воле, совершая множество ужасных грехов и вовлекаясь в разнообразные греховные деяния.

М.Б.: Если вы имеете ввиду, что ведьмы и колдуньи очарованы дьяволом, что они отказываются от Бога и следуют за ним, поклоняются и подчиняются ему, приносят ему жертвы и совершают множество тяжких грехов, то я согласен с вами, ибо я считаю, что они сами склоняют свои шеи перед ним, в противном случае ему было бы очень трудно работать с ними. Но если вы думаете, что поиски спасительных средств в стремлении уничтожить их приводят к тому, что люди совращаются и сбиваются с пути дьяволом, то я скажу, что ваши речи поспешны и глупы, ибо эти люди страстно выступают и против ведьм, и против дьявола. Они бросают ему вызов, сопротивляются ему, желая уничтожить его орудия. Так что, если бы вы были ученым человеком, вы бы увидели, что противоположности не могут существовать в одном и том же предмете, в одно и то же время, в одной и той же части и в одном и том же отношении: как же тогда возможно, что человек ненавидит дьявола, борется с ним и его делами, и тем не менее, следует ему?

Дэн: Я знаю, что обычно ведьмы и волшебники сначала совращаются с пути истинного, после чего становятся слугами Сатаны: именно они его прислужники, а не наоборот, как вы заметили. Но я действительно

имею ввиду то, что многие обольщаются и отвращаются от Бога, начиная следовать дьяволу, именно благодаря воздействию ведьм и колдунов. Да и говорю я это не о тех, кого побеждают благочестием, но о тех, кого обращают с помощью слепого гнева и дикой ярости. Если же я говорю это поспешно и необдуманно, как вы изволили заявить, и если вы, по-вашему, знаете все, а я ничего, то тогда меня можно будет опровергнуть с еще большей легкостью. Но я говорю это настолько искренно и так смогу оправдать сказанное мной Словом Божьим, что все ваше знание и умение не сможет опровергнуть моих слов. Во-первых, вас подведет собственная логика. «Противоположности не могут существовать в одном и том же предмете, в одно и то же время, в одной и той же части, в одном и том же отношении». Должен заметить, что вы слепы и заблуждаетесь насчет этих противоположностей говоря, что первая из них — ненависть к дьяволу, неприятие его личности и его деяний находится в них (людях. — Пер.), когда на самом деле она существует только в их представлении. Потому что если люди говорят и думают, что они отвергают дьявола и его деяния, одновременно будучи околдованы через неверие и обман и следуя за дьяволом и исполняя его повеления, то неужели их речь и слепое воображение заставят вещи существовать реально? Что из того, если бедная нищенка-бродяга думает, что она королева, и говорит об этом. Что, она действительно больше не нищенка и не просит себе хлеба на пропитание? И вшей на ней больше нет?

М.Б.: Знаете ли... Если люди чистосердечно выступают против дьявола, не приемлют его самого и его трудов, неужели вы будете судить их сознание и говорить, что они не приемлют его лишь в воображении, поклоняясь и следуя ему в действительности? Не есть ли Бог единственный Судья сердец человеческих? И потом: вы, может, сравниваете людей, пребывающих в здравом уме, с сумасшедшими и не совсем нормальными?[15]

Дэн: Я знаю, что лишь Господу дано проникнуть в глубины сердца человеческого, достигнув того, что спрятано в потайных его уголках. Но коль эти явления являются перед всеми, то, как говорится, дерево познается по плодам[16]. Если человек основательно исповедует веру Иисуса Христа, во всем следуя слову Божьему, после чего начинает строить свою жизнь по-новому,

творя добро, то вряд ли возможно кому-нибудь осуждать его и говорить, что он лицемер, делающий все это ради суетной славы. Возможно, что Господь, различающий тайные намерения души, видит и то, что собирается делать лицемер[17]. С другой стороны, если он провозглашает на словах, что не приемлет дьявола и его деяний, но при этом, когда его привлекают к испытанию словом Божьим, внезапно оказывается, что он совращен, запутан дьяволом в сети заблуждения, неверия и греховных деяний, в каковых он выполняет волю Сатаны и восславляет его вместо Господа Бога, то можем ли мы сказать, что это хороший человек лишь потому, что он произносит такие слова и имеет подобные представления, и что он не приемлет дьявола и его деяний? «Горе тем, которые зло называют добром, и добро — злом», Ис.5[18]. Должно заметить, что все они находятся в очень плохом положении, кроме тех, кто раскается и отвратится от Сатаны. Вот почему я говорю, что верующий человек может ошибаться в каких-то из этих вопросов по причине слабости в вере и по невежеству. Именно поэтому здесь не следует спешить с оценками. Поскольку же вы находите мою вину в том, что я сравниваю людей сумасшедших и нормальных, то я должен сказать, что именно из-за вашего неведения вы считаете, что не существует двух видов сумасшедших: первые, это находящиеся не в своем уме касательно дел земных, а вторые — касательно дел духовных и небесных. Есть такие, которые направляют свой разум на объекты этого мира, и такие, которые, думая о предметах духовных, бывают настолько же неправы, как та нищая бродяжка, мнящая себя праведницей-королевой. Разве не говорил св.Апостол, что «они не приняли любви истины, Бог пошлет им сильное заблуждение, так что они будут верить лжи», 2 Фес.2[19]. Что это, как не совращение, порча и околдовывание Сатаной умов людей, которых он ведет к обману и заблуждениям, заставляя их верить, что они поклоняются Богу, когда на самом деле они поклоняются демонам?

М.Б.: Вы думаете, св.Павел имел ввиду именно это? То есть, что Сатана околдовывает умы человеческие, вводя людей в заблуждения, и ведет их к неправде, заставляя при этом верить, что они поклоняются Богу, в то время как они поклоняются дьяволу?

Дэн: Св.Павел действительно говорит о пришествии великого Антихриста в силе Дьявола. Так что те, кто совращен Антихристом и поклоняются ему, думают, что оказывают почести Богу. Однако слушайте, что говорит св.Иоанн: «И удивился весь мир, и последовал за зверем, и поклонился тому дракону, который дал власть зверю; и они поклонились зверю», Откр,13[20]. Да потом посмотрите в 12 главу Откровения и там вы найдете, что этот Дракон, которому поклоняются паписты вместо того, чтобы почитать Бога, есть сам Дьявол.[21]

М.Б.: Воистину, ваши слова мне очень понравились и я убедился, что дьявол совращает и околдовывает умы человеческие. Что же касается того, чтобы поискать помощи против ведьм, чародеев и чародеек, то я не думаю, что к ним следует относиться так строго. Может быть, я ошибаюсь, но одно я знаю наверняка: если слово Божие укажет мне на мои ошибки, то упорствовать я, конечно, не буду. Давайте же дружески обсудим этот вопрос и не обижайтесь на меня, так как я, со своей стороны, буду говорить обо всем, что я знаю или о чем думаю.

Дэн: В свою очередь, я хочу попросить вас выслушать все мои высказывания. И давайте во всем этом деле следовать от одного пункта к другому, останавливаясь только там, где мы будем расходиться во мнениях. И пусть слово Божие будет единственным Судьей среди нас.

Сэм: Мне это нравится. Добавить тут нечего, так что я сижу и слушаю вас.

Дэн: Итак, какой вопрос мы будем обсуждать первым?

М.Б.: Я слышал, что вы сказали, если, конечно, я не ошибаюсь, что существуют такие ведьмы, которые действуют с помощью дьявола. Прошу Вас, скажите, вы думаете, что это так и есть? Я знаю, что некоторые думают иначе.

Дэн: Это настолько явно подтверждается Св.Писанием и явствует из опыта, то есть, что существуют ведьмы, действующие с помощью дьявола или, лучше сказать, сам дьявол действует с их помощью, что желание доказать противоположное будет свидетельствовать лишь о придирчивости людей, желающих сделать это.

М.Б.: Я рад, что в этом пункте мы придерживаемся единого мнения. Надеюсь, что и в дальнейшем все бу-

дет обстоять подобным же образом. А что вы скажете насчет следующего утверждения: что ведьмы имеют своих духов, некоторые одного, некоторые больше — двух, трех, четырех или даже пятерых; одни из них выступают в одном обличии, другие — в другом: в виде кота, ласки, лягушки, мыши. Кормят их ведьмы молоком либо цыплятами, иногда позволяют им слизывать капельки крови.[22] Ведьмы вызывают их, когда их кто-нибудь обижает, при этом они подстрекают духов нанести обидчиками вред — ранить их или убить, или погубить их скот.

Дэн: В этом заключается необычайное заблуждение и великий обман. Здесь дьявол ведет невежественных людей к грубым ошибкам, благодаря которым он ввергает их во многие прискорбные прегрешения.

М.Б.: Тогда я должен заявить, что вы заблуждаетесь, если отрицаете все эти вещи, говоря, что все это одни иллюзии. Подобное уже неоднократно доказывалось, хотя бы даже многочисленными признаниями самих ведьм. Я же, в свою очередь, испытываю беспокойство по сему поводу и могу, приведя множество фактов, рассказать о подобных случаях. В течение этих пяти лет я жил в одной деревне и был там у нас один зажиточный человек. И вдруг в течение десяти дней у него сдыхают три коровы, его бык ценой в 10 фунтов охромел, самого его прострелило в спину, а дите его в возрасте семи лет отправилось в мир иной. Он пошел к той женщине в Р.Х. и она сказала ему, что на него наслала порчу некая ведьма. При этом она добавила, что в его городке живут три ведьмы и один колдун. Она спросила его, кого из них он более подозревает. На что наш мужчина ответил, что ему подозрительна одна старая женщина. После чего он заставил эту старуху предстать перед мирским судом и ответить на все вопросы. Наконец, после долгих запирательств она созналась во всем. И что же там выяснилось? У нее было три духа: первый в виде кота, которого она называла Легконог, второй — в виде жабы. Его звали Ланч. Третий же был похож на ласку и носил кличку Хитроумный. Она поведала суду, что этого Легконога ей продала шестнадцать лет назад некая матушка Барли из В., попросив за него лишь печеный пирожок. При этом она сказала, что кот сослужит ей хорошую службу и что если она захочет, то сможет посылать его по своим поручениям. Котом этим она пользовалась недолго, од-

нако ласка и жаба исправно исполняли обязанности: кот погубил корову, ласка — лошадей, а жаба насылала порчу на людей. Всех их она послала (по собственному признанию) против этого человека. Ее приговорили к тюремному заключению и там она почти сразу же и скончалась. Я могу вам порассказать много чего такого, но жить более в этом месте я не собираюсь.

Дэн: Ну, насчет меня вы ошибаетесь. Я не говорю, что этих вещей не существует; просто я думаю, что дьявол с помощью подобных явлений обманывает и совращает невежественных людей и ведет их к заблуждениям и прискорбным грехам. Вот почему давайте проверим каждое положение, высказанное вами, и вы увидите, что ничего иного там нет.

М.Б.: Именно это мне и хотелось бы услышать. Вы, значит, признаете, что они имеют в услужении духов, кто-то одного, кто-то больше, и что те существуют в указанном обличии. В какого же рода заблуждения вводятся тогда подобные люди?

Дэн: Во-первых, учтем, что существует огромное множество, иными словами, армия демонов, что мы видим уже в Евангелии. Много демонов поселилось в человеке, вот почему говорит Христос: «Как твое имя?» и слышит ответ: «Легион, ибо нас множество», Марк.5.[23] Так что демонов существует необычайно много, причем все они ведомы столь великой ненавистью к Богу и столь великим желанием достичь того, чтобы Его поносили и позорили, сгорая при этом от бешеной злобы и ненависти к людям, что они все свои усилия соединяют воедино, помогая и продвигая друг друга во всех своих деяниях. Об этом даже в Писании говорится, то есть то, что они выглядят, словно один единый Демон. Вот слова св.Петра: «Противник ваш, дьявол, ходит, как рыкающий лев, ищущий, кого бы он смог поглотить», 1 Пет.5.[24] В 12 главе Откровения все демоны составляют того огромного красного дракона.[25] И Спаситель наш являет, как они превращаются в одного, когда говорит: «Если Сатана будет отделен от Сатаны, или если Сатана потребует Сатану, как устоит его царство», Мф.12.[26] Так что теперь все так или иначе имеет один результат, связана ли ведьма, как она считает, с одним духом или со многими: каждый из них действует не поодиночке, но с помощью других. Вот почему, если такой мужчина или женщина водят знакомство с одним демоном, то это равняется тому,

как если бы они имели своими друзьями сотню демонов. Более того, эти демоны — духи, они не имеют чего-то подобного телу, хотя и могут появляться в неких образах, как то сделали некогда чародеи перед очами фараона, когда их жезлы были обращены в змей, Исх.7.[27] Вот почему один демон может выступать в виде четырех или пяти, а четверо или пятеро демонов могут казаться одним единственным. Все это — показ единого во многом и наоборот — проделки Сатаны.

М.Б.: Тогда не думаете ли вы, что чем больше демонов, тем могущественнее Сатана?

Дэн: Это так, но тут почти ничего нельзя различить, ибо если ведьма и проделывает что-то, так ей и один демон может явиться в десяти образах и наоборот.

М.Б.: Ну да, с этим можно согласиться. Прошу вас, продолжайте.

Дэн: Теперь нам следует отметить, как Св.Писание изображает нам демонов. Это могущественные ужасные духи, властные, гневные и жестокие, сравнимые с тем огромным страшным красным драконом, Откр.12[28], или с прожорливым и голодным львом, который начи-

нает реветь после молитвы, 1 Петр.5[29], и с названными св.Павлом князьями, властителями и правителями тьмы этого мира[30]. Итак, поскольку они принимают форму таких жалких тварей как кошка, мышь, жаба и ласка, то мы видим, сколь коварно скрывают они свою тиранию и власть, осуществляемую ими над сердцами слабых. Более же всего нам необходимо знать, сколь сильного врага, противостоящего всему и вся, мы имеем. Так что следует нам воспарить к Господу Богу, дабы наделил он нас своею силой в борьбе против них.

М.Б.: Хорошо, но что же вы подразумеваете под этим? Я вовсе не отрицаю, что Писание действительно обрисовывает нам этих демонов как могущественных и злых духов. Вероятно, они действительно таковы, хотя и являются перед нами в виде кота или ласки.

Дэн: Что касается меня, то я не говорю, что они не могущественны и не ужасны потому, что появляются в таких вот образах, но признаю, что подобная форма их появления нужна для того, чтобы скрыть и спрятать их силу и эффективные действия, которые они производят в темных людских сердцах. И заметьте, пожалуйста, хорошенько, что сила демонов кроется именно в сердцах людей. Они ожесточают сердца, ослепляют духовное зрение; благодаря же телесной похоти и желанию они ввергают их в гнев, злобу, зависть и подстрекают к жестоким убийствам; они возбуждают в них гордость, высокомерие и тщетную славу, ведут к буйству, распутству и прочим отвратительным вещам.[31] Над всем этим они трудятся постоянно и с такой действенностью, что без силы славных страданий и воскрешения Господа нашего Иисуса Христа, которую мы обретаем в вере, им невозможно противостоять, вот почему они и выступают в роли некоей прислуги, занимающейся порчей напитков, делают их жирными, не дают сыру свариться, а маслу сбиться, морят кур и свиней, на людей напускают сухотку и т.п.

М.Б.: Но может быть они не делают всех этих вещей сразу?

Дэн: Возможно, но я считаю, что пока они занимаются крупными делами, как, например, возбуждают тиранов или злых людей преследовать, поносить и оскорблять Евангелие,[32] повергающее их ниц; разделять королей и королевства и разжигать между ними войны и ненависть, а несогласие и ссоры между мужем и женой, привнося таким образом всюду кутерьму и беспо-

рядок, они, должно быть, занимаются и пустяками, но этим они так настраивают умы людей, что те их не могут видеть, да и просто не обращают внимания на их роль во всем этом.

М.Б.: Я понимаю то, что вы под всем этим подразумеваете, но мне никак невдомек, к чему вы ведете? Разве видящие все содеянное ведьмами не признаются, что все упомянутое вами — дело рук дьявола?

Дэн: Невежественные люди, сильно запуганные ведьмами, на словах действительно признают все то, как вы и сказали, но кода речь заходит о настоящем деле, то тут они все отвергают. Ибо дьявол постоянно осаждает душу человека, стремясь метнут в нее все свои ужасные стрелы, Эфес.6,[33] желая до смерти изранить ее с помощью греховных злодеяний. «Дьявол ходит вокруг, как рыкающий лев, ища, кого бы он смог поглотить», 1 Петр.5. С помощью обмана, используя при этом ведьм, демоны заставляют слепых людей представлять, что они никогда не подойдут близко к ним, разве что в случае, если ведьмы рассердятся и нашлют их на кого-нибудь. Так что их легко можно отвадить, если сжечь какое-либо живое существо, например, поросенка или курицу, либо избив до крови саму ведьму. Думающие, что от них можно избавиться или подобным образом, или всыпав горсточку жара в молоко, на самом деле далеки от познания духовной битвы, в которой мы должны выступать под знаменем Христа против дьявола.[34] Еще менее они знают, как применять оружие Божие (как говорил св.Павел) для того, чтобы противостоять и победить его, Эфес.6.[35] Он может влиять на их души даже тогда, когда он просто слушает. Они же принимают его не в существующем виде, но через его посылы, когда в их телах появляется боль, а их добро и имущество несет какой-либо урон.

М.Б.: Я вовсе не отрицаю того, что демоны стремятся, главным образом, разрушить души человеческие. Но (как я понял) вы признаете, что они, будучи посланы ведьмами, и совершают все эти преступления. И все-таки я не вижу причины, почему люди не могут найти средства избавиться от таких напастей и изгнать с помощью чего-то подходящего этих демонов? Разве Слово Божие запрещает нам использовать их? Если я болен, разве не прибегну я к помощи лекарства? А если страдаю от жажды, разве не выпью воды? Да, я согласен с вами, хотя до сего момента я никогда не отмечал столь определенно, что дьявол действует здесь

необычайно изощренно — связываясь со всякими пустяшными вещами, он скрывает свое участие в более серьезном, словно бы его тут вовсе и нет поблизости. Но все дело в том, что я противостою ему именно в этих серьезных вещах; так разве мне нельзя использовать то, что нужно, и что избавит меня от него в вещах менее значительных? Я собираюсь, если, конечно, смогу, избавиться от него во всем.

Дэн: Но мы еще не пришли к тому, как ведьмы посылают дьяволов и как они наносят все эти телесные повреждения. Здесь-то и кроется основное коварство дьявола, с помощью которого он вводит множество людей в заблуждение. Однако мы как-то случайно упомянули о средствах избавиться от него, поскольку (как я уже говорил) думающие избавиться от него вышеописанным образом не ведают духовной борьбы. Еще менее известно им, как надо поднять все оружие Бога, чтобы побороть Дьявола. Порядок нашей беседы предполагает, что сначала мы говорим о том, кто кого посылает, затем обо всех телесных повреждениях, которые дьявол наносит, а уж потом о тех средствах, которые используются для того, чтобы победить его. Так что давайте вернемся чуть назад, если вы согласны с тем, о чем я сейчас говорил.

М.Б.: Я сделаю это с большой охотой, ибо таким образом мы ничего не упустим. Однако мне кажется, что мы с вами полностью единодушны в том, что ведьмы посылают своих духов и совершают много зла как в отношении людей, так и в отношении животных. Об этом нам говорит наш повседневный опыт. И если вы не будете отрицать того, что ведьмы являют в своей деятельности, то, я не сомневаюсь, по всем этим вопросам мы придем к согласию.

Дэн: Я говорю, что ведьмы посылают своих духов.

М.Б.: Так что же нам тогда нужно, чтобы подвести итог по этому пункту, на котором мы должны согласиться?

Дэн: Ну, хотя мы и сошлись на том, что одни посылают других, тем не менее, мы можем разойтись во взглядах на то, кто кого посылает. Для начала скажите мне: кто является слугой, ведьма или Дьявол? Кто из них командует, а кто подчиняется?

М.Б.: Как я могу ответить на этот вопрос? Считается, что он является ее слугой и тогда, когда ведьма чем-то неудовлетворена и хочет мщения, она нанимает его, что-

бы он сделал то, что ей нужно. Ведьмы сами неоднократно признавались в этом, и что касается меня, то я думаю, что никто не сможет опровергнуть этого.

Дэн: Выполняющие волю Божью суть дети и слуги Божьи. Выполняющие же пожелания Дьявола и подчиняющиеся ему суть дети и слуги его, Иоан.8.44; Деян.13.10.[36] Не правда ли?

М.Б.: Ну да!

Дэн: Эти демоны — правители тьмы мира сего, Эфес.6.12.[37]

М.Б.: Текст слишком ясен.

Дэн: Тьма мира сего вовсе не означает тьму ночи, являющейся лишь тенью земли, но это тьма духовная, состоящая в незнании Бога, неверии и грехе.[38]

М.Б.: Насчет этого я с вами согласен.

Дэн: Так не думаете ли вы тогда, что дьявол имеет свое седалище, свое владение и царство в сердцах невежественных и слепых неверных?

М.Б.: Должен с необходимостью заметить, что это так и есть. К этому меня подводит и слово Божие; он действительно князь тьмы.

Дэн: И есть ли в ком-нибудь еще большее неверие и темнота, чем в ведьмах, чародеях и в прочих, имеющих знакомство с дьяволом?

М.Б.: Я думаю, что неверие и тьма обуревают их больше, чем кого бы то ни было.

Дэн: А теперь сложите все, о чем вы сказали, вместе и посмотрите, не соответствует ли это тому, что ведьма является слугой дьявола, но не он ее прислужником. Он Господин и командир; она же подчиняется ему, выполняя всю грязную работу.

М.Б.: Да, это так. Однако хотя он и Господин, тем не менее, в определенных случаях она его использует. Ведьмы сами признают, что они вызывают их и посылают, куда надо; либо же нанимают их с тем, чтобы навредить кому-то лично или попортить скот у того, кем они были недовольны.

Дэн: Мне очень жаль, но вы глубоко заблуждаетесь. Прискорбно когда кто-либо совершает такого рода ошибки, особенно если это человек ученый и призванный учить других.

М.Б.: Слов ваших я однако не приму, ибо если вы будете отрицать и это, то глупо рассуждать о чем-либо далее. Я твердо стою на своей точке зрения, на том, что я знаю, и с нее меня не столкнуть. Послушайте же

меня. В одном большом городе жила матушка В. А у нее был дух, внешне похожий на ласку. Как-то раз ее очень сильно обидел некто Г.М. Прийдя домой, она вызвала своего злого духа, который лежал в корзинке с шерстью, стоявшей у нее под кроватью.[39] Пожелав наслать на этого человека мор, она сказала духу, что предоставляет ему возможность убить этого Г.М. И еще она сказала, что отдаст ему петуха, что впоследствии и сделала; и дух ушел. Почти сразу же тот мужчина свалился в постель, у него ужасно болел живот, за несколько дней он резко ослабел и вскоре умер. Эта ведьма была привлечена к суду, осуждена и повешена. Кстати говоря, она во всем призналась.

Дэн: Я уже говорил вам ранее, что отнюдь не отрицаю этих вещей; и, тем не менее, вы все-таки обманываетесь насчет их сути. Скажите, разве не правду говорил св.Петр — «дьявол ходит вокруг, как ревущий лев, ища, кого бы он смог поглотить», 1 Пет.5?

М.Б.: Ну и что?

Дэн: Как что? Неужели вы настолько просты, что воображаете, будто дьявол лежит в корзинке с пряжей, в уюте и тепле и совсем не шевелится, разве лишь тогда, когда его попросят или для чего-то наймут? Такие демоны договариваются о своих действиях, они энергичны и никогда не отдыхают, ни днем, ни ночью. Они никогда не устают, им никогда не бывает холодно, они не нуждаются в мягкой постели. Существуют, конечно, такие глупые шутки, с помощью которых он обманывает ведьм и околдовывает умы многих невежественных людей. И то, что вы говорите, будто его кто-то нанимает, тоже обман. А потому позвольте лишь задать вам два-три вопроса, либо, если понадобиться, чуть больше.

М.Б.: И что это за вопросы?

Дэн: Вы говорите, что ведьма приходит домой рассерженная. Кто, кроме дьявола, может смягчить и утишить гнев в ее сердце? Кто наполняет ее мозг злобой, желанием быть отомщенной, стремлением совершать разные пакости, как не дьявол? Не он ли правит ее сердцем? Скажите, что вы думаете по этому поводу?

М.Б.: Должен признать, что именно дьявол возбуждает в ней гнев и злобу.

Дэн: Так что он отнюдь не лежит дома в корзинке с пряжей, и никто его не нанимает. Следовательно, именно ведьма ходит у него в поденщиках, подчиняясь

ему и его указаниям, а не наоборот. А потому скажите мне, не похож ли дьявол на огромного красного дракона, Откр.12., сгорающего от злобы против Господа, преисполненного кровавой, жесточайшей ненависти против людей? И разве не он более готов на любое злодеяние, нежели какой мужчина или женщина?

М.Б.: Дьявол более жесток, чем кто-либо из людей. Отрицать этого невозможно.

Дэн: Так если никто не отрицает этого, и именно он производит зло и гнев в сердце ведьмы, то зачем ему надо еще и куда-то наниматься? Он возбуждает ее, и если возникнет необходимость, он сможет отвратить ее от желания использовать его самого. Так зачем ему быть в услужении? Разве он за кем-то ходит, за курами или за цыплятами? Он что, голоден, ему есть, что ли, хочется?

М.Б.: Нет-нет, однако считается, что дьявол предпринимает все это для того, чтобы доказать, будто бы ведьма принадлежит ему.

Дэн: Пусть будет так. В том, что вы сказали, есть что-то такое... На самом же деле он проникает гораздо глубже, ибо правда заключается в том, что он убеждает ослепленных людей, будто он почти не вмешивается в их дела. Но даже если ему что-то поручают или куда-то посылают, то и тогда во всем этом проявляется его вмешательство. Вот почему все и накидываются на старух, которых хоть как-то можно заподозрить в том, что они ведьмы, словно они представляют собой главную опасность для мира. Можно подумать, что все будет хорошо и все окажутся в безопасности, если их выгонят. Вот почему от них и начинают так бездумно избавляться.[40] Известно, что многие считают, будто ведьма, имеющая собственных духов есть нечто вроде человека, держащего дурных собак. Он может натравить их на чужую скотину и собаки ему подчинятся, ибо к этому существует склонность в их природе, хотя сами они никогда не начнут делать ничего подобного, разве им только прикажут. Так что здесь весь вред происходит от человека, у которого есть такие собаки. Люди думают, что деревня сможет избавиться от всех этих духов, если не будет никого, подзуживающего их или посылающего их на дело. Они думают, что в таком случае и сами они, и скот их будут пребывать в безопасности. Увы, несчастные создания! Как они заблуждаются!

Сколь мало понимают они в высшем Провидении Бога всемогущего, царящего над всеми нами.

М.Б.: Так, значит, вы думаете, что ведьм не следует изгонять? Или вы считаете, что жителям этой деревни не станет лучше, если они смогут избавиться от них?

Дэн: Что касается изгнания ведьм, то на сей счет Писание говорит вполне определенно: «Вы не должны позволить ведьмам жить», однако до этого пункта мы еще не дошли. Главное здесь вот что: может ли быть спокоен человек, если ведьм выгонят, как на том настаивают заблудшие и ослепленные люди?

М.Б.: Человек чувствует ту боль и те раны, которые они ему наносят, пусть даже люди изо всех сил стараются изгнать их. В этом нет ничего удивительного. Но было бы хорошо, если бы можно было очистить от них всю землю.

Сэм: Воистину, М.Б., я с вами полностью согласен. Я бы хотел, чтобы их всех повесили друг напротив друга. И тогда (я надеюсь) мы не будем так сильно бояться их духов. Но извините, я прервал вас.

Жена: А я бы хотела, чтобы тех, кого не повесят и не сожгут, прямиком отправили бы в ад. Если бы во всем мире оказалась всего лишь одна вязанка хвороста, я и то пронесла бы ее на себе целую милю, лишь бы только эту ведьму сожгли! Вот!

Дэн: Ну ладно, добрая женщина, попридержи-ка пока свой хворост и не утруждай свои плечи. Позволь лучше нам обсудить эту проблему еще немного. Прошу вас разрешить мне задать вам такой вопрос: наносит ли ведьма или дьявол вред человеку и домашним животным?

М.Б.: Ну, дьявол делает это своими собственными руками, хотя должен признаться, что все это может выглядеть и так, как вы сказали, то есть что дьявол совершает все это в голове у ведьмы, заставляя ее посылать его куда надо.

Дэн: У дьявола есть свое царство и находится оно во тьме и неправедности греха. У него нет ни прав, ни власти над тварями Божьими, он не настолько силен, чтобы убить муху или утащить зернышко из какого-нибудь амбара до тех пор пока ему не дадут для этого силы. Вы знаете, что когда Христос изгнал бесов из одержимого, они попросили разрешить им войти в стадо свиней.[41] Вот и скажите мне, кто дает дьяволу эту власть тогда, когда его посылает ведьма, кто дает ему силу убивать и

насылать порчу на людей и зверей? Ведьма ли это делает? Или вы думаете, что он сам обладает силой творить все эти злодеяния, но только тогда, когда она посылает его? А может, по-вашему, силу ему придает тот факт, что ведьма его куда-то посылает?

М.Б.: Действительно, над этим вопросом стоит задуматься. Несомненно, что дьявол не обладает необходимой силой до тех пор, пока ему ее не дают. Он не может ни прикоснуться, ни ранить, ни навредить никакому созданию; он в силах только искушать и вводить в соблазн. Кроме того, я убежден, что только Господь может наделить его такой силой свыше, но никак не ведьма.

Дэн: Давайте тогда объединим два следующих положения: дьявол может только вредить, но никто не может наделить его такой силой, ни мужчина, ни женщина, но только Бог. Но теперь скажите мне, не были ли люди достаточно странным образом введены в одно жестокое заблуждение? Ибо если они предполагают, что дьявол есть нечто вроде палача Господнего и обнаруживают, что он обладает некоей силой, данной ему досаждать, вредить и волновать людей телесно, либо каким-то иным образом, то, зная наверняка, что это исходит от Господа, они понимают (как это и есть в действительности), что Бог недоволен ими за их проступки. И они стремятся к Нему и застенчиво умоляют простить и освободить от этого врага, желая вооружиться многомощным оружием веры для того, чтобы отбить его нападки и противостоять ему, как того желал сам Господь, 1 Петр.5.[42] Нет ничего более худшего для человека, чем впадать в греховное заблуждение, думая, что ведьмы сами сделали все это, руководствуясь своим гневом, и не понимая, что происходит сие от людских грехов и неверия. В этом нет никакого покаяния, никакого прощения не вымолят они себе, но еще более будут вспомоществовать дьяволу, используя те средства, которые предписал он через разных искусных волшебников, скребя когтями и царапаясь, испытывая жажду от крови жертв, распаляясь яростью против тех, кого они представили в образе ведьм, что зачастую бывает неверно, поскольку люди думают, что если обычное колдовство ведьм отсутствует, то не должно быть и стольких бедствий и зол. Словно бы и не осталось на земле грехов и неверия, или исчезло спра-

ведливое возмездие и кара Божии, или будто у Него уже нет демонов, исполнителей его гнева.

М.Б.: Поистине, слова ваши нагнали на меня страху, ибо выходит, что и я виновен во всех этих прискорбных вещах. По крайней мере, вы обрисовали это именно так. Однако, по воле Божией, я буду более внимательно думать над этим делом. Сам я говорил со многими, стремившимися к этим искушенным людям, желавшими использовать их помощь, согласно определенным предписаниям, что, по вашим словам, равно стремлению к помощи дьявола. Этот вопрос мы должны сейчас же разрешить, поскольку я твердо определился и насчет одного места из вашей речи, так что хочу вас спросить: вы оправдываете ведьм в силу того, что именно Бог, а не они, дают силу дьяволу? Думаете ли вы, что демоны будут губить людей и их скот, если их насылает не ведьма? Последуют ли все эти злодеяния, если ведьм не будет?

Дэн: Я же сказал, что только Бог, а не ведьмы дают демонам силу мучить и изводить людей. Это столь же очевидно, как и то, что вряд ли найдется человек, обладающий такой силой. И признать это необходимо. Однако данное утверждение вовсе не обеляет ведьм, ибо их грех состоит в связи с дьяволом и в том, что они представляют, будто именно их духи совершают все эти злодеяния по их просьбе и наущению.[43] Ибо на самом деле дьявол, обладая силой причинять вред или зная, что смерть либо тяжелые болезни настигнут и человека, и животное, вводит ведьму в гневное состояние и подбивает ее дать ему какое-нибудь поручение. Что касается другого вашего вопроса, то, говорю я вам, мы видим еще в Писании, что если бы ведьм не было совсем, то и тогда человека все-равно преследовал бы дьявол, нанося вред его здоровью и благосостоянию. В отношении же благочестивых людей Господь использует Сатану, причиняющего им боль, либо вредящего материально, с тем, чтобы проверить их веру и терпение, как то нам достаточно ясно являет пример святого Иова. Было бы глупостью и недалекостью говорить, что ведьмы натравили на него демонов, желая уничтожить его самого и его детей.[44] Более того, я считаю необычайной глупостью, если какой-то человек думает, что ныне Господь не карает своих детей за проступки с помощью Дьявола. Кроме того, нет сомнения, что демон, обладая силой, данной ему вредить, использует

все свое умение и будет стремиться сделать так, чтобы его послала ведьма, и он постарается сделать это известным, так что это будет казаться исходящим не от Бога, но от несчастной разгневанной женщины. Обращая же свое внимание на таких злых людей, провоцировавших Бога своими безнравственными поступками и неверием, разве не увидим мы в Писании, что злой дух был послан Богом на царя Саула,[45] который досаждал и преследовал его? Был ли этот дух послан ведьмой? Или, может, ведьма наслала тех духов в Евангелии,[46] которые вошли в стадо свиней и погнали их? Не Бог ли дал им силу и послал их? Неужели мы будем настолько тупы, чтобы думать, что Он не посылал дьявола против неблагочестивых людей для того, чтобы досаждать и вредить им? Ранее я уже говорил, что в том, что Сатана представляется посланным ведьмами, кроется его большое мастерство. На самом же деле его послал Бог и никто, кроме Бога, не мог этого сделать. Помимо этого, мы должны предположить, что в телах людей и животных существуют естественные причины, вызывающие прискорбные мучения и болезни, могущие повлечь за собой даже смерть. Их нельзя сокрыть в тайне, поэтому дьявол знает о них, особенно если они ведут к каким-то последствиям. Затем он начинает сноситься с ведьмой, он злит ее, она насылает его, а уже после этого данный человек или животное внезапным и странным образом начинает чувствовать неудобство, заболевает и умирает. После чего эту ведьму начинают подозревать, ее допрашивают и она признается, что убила такого-то человека или уморила у того-то скотину, или навела порчу. Тут люди обычно становятся в тупик и удивляются, как же это ведьма смогла нанести человеку вред, наслав своих духов, поскольку сами они признаются, что духи их врут и силы никакой они не имеют, но что вред наступил вследствие действия естественных причин. Для того же, чтобы еще больше запутать людей и заставить их поверить, что странные и неожиданные заболевания происходят от ведьм, дьявол приводит в действие другой вид колдунов, мужчин и женщин, которые говорят его словами, а им, как вы знаете, должно верить. Они говорят, что потерпевшие были околдованы, что их преследовали феи и что вокруг, вообще-то, живет много ведьм, чуть ли не в каждом городе.

М.Б.: То, что вы сказали, без сомнения, очень правильно. Я даже и не знаю, как опровергнуть это. Остается только удивляться мастерству демонов в этих вещах, а также тому, что, обладая дарованной им властью причинять вред, они посылаются ведьмами, словно по просьбе последних, а также тому, что когда вред наступает, как вы сказали, по естественным причинам, они представляют все так, что кажется, будто это сделали они. Но вы действительно думаете, что все или, по крайней мере, большая часть всех зол, совершаемых сейчас, дело рук демонов, если уж мы говорим, что это не ведьмы? Хотя я и должен признать, что ведьмы не могут дать демонам никакой власти, равно как и они не могут повлиять на кого-либо, посылая ведьм, но разве не может быть так, что Бог дает дьяволу силу и власть гораздо чаще именно благодаря существованию связанных с ним ведьм, чего могло и не быть, если бы последних вообще не существовало?

Дэн: Мастерство демонов таково, что без света Слова Божия даже самый мудрый человек на земле будет неизбежно обманут. Мы знаем, что существуют настолько коварные и ловкие люди, что другие не сразу могут распознать их. Так сколь же труднее сделать это по отношению к демонам, которые значительно искуснее и коварнее самых ловких из людей! Что касается того вопроса, который вы задали, то он, по моему разумению, достаточно сложен. Несомненно однако то, что Господь Бог, давая достаточно часто демонам силу вредить, делает это из-за ведьм, поскольку демоны связаны с подобного рода «орудиями». И действия эти — результат Его отношения к неверности людей, которые не взирают на истинный небесный свет Его слова. Как говорит св.Павел, пророчествуя о пришествии Антихриста, Бог дал дьяволу силу через Антихриста для того, чтобы совращать людей с помощью лживых знамений и чудес из-за того, что люди не приняли любви истины.[47] И действительно, я не могу сказать, что дьявол получил эту власть исключительно для ведьм, но именно ради слабости людей, которые своей жизнью заслужили, чтобы он и впредь получал власть и с помощью ведьм совращал их. Здесь мы должны обратить внимание на одно общее заблуждение, которому опрометчиво следует большинство. Заключается оно в следующем: люди никоим образом не могут видеть, что Бог подвигается на эти действия их собственными пре-

грешениями, предоставляя, соответственно, дьяволу подобные «орудия», но обращаются против ведьм, словно те могут совершать все, что угодно.

М.Б.: Действительно, хорош я буду, если начну отрицать, что Бог дарует демонам власть вредить и совращать именно из-за наличия людских прегрешений. Но все-таки мне бы хотелось знать, не может ли так статься, что любой благочестивый и набожный мужчина или женщина не будет околдован? Мы же видели, что дьявол обладает силой, достаточной, чтобы справиться с Иовом.

Дэн.: Пример с Иовом не подходит для того, чтобы доказать, будто благочестивый человек может быть околдован, ибо здесь дьявол не был связан с ведьмой в борьбе против него. Однако данный пример доказывает, что не только благочестивые, но и очень благочестивые люди (как святой Иов, подобного которому не было на земле)[48] могут быть переданы для испытания в руки Сатаны с тем, чтобы их проверили искушением. И, как я сказал, там, где Сатана обладает властью, данной ему Богом, вредить телесно даже благочестивым людям для испытания их веры и терпения, он будет домогаться того (особенно, если это осуществимо), чтобы его послала какая-нибудь ведьма, а также постарается придать этому событию всеобщую известность. Но верные должны отвернуться от этой ведьмы и обратить свои взоры к Богу, ибо от Него исходит все. Когда же они будут испытаны, то Господь в добрый час освободит зависящих от Него на радость им и на славу, словно храбрых солдат. Вот почему не имеет значения, ведьма ли посылает Сатану против благочестивого человека, либо же он не имеет с ней никаких связей. Преодолей дьявола, и ты преодолеешь всех. В самом деле, дьявол господствует среди наиболее невежественных людей, которые, когда он вступает с ними в контакт, воспринимают всякие яркие слова как нечто, сказанное ведьмой. И многие ныне начинают смущаться и колебаться; равно и вера их колеблется. Если он имеет власть (думают они) над знающими Писания, то чем тогда последние лучше в профессиональном отношении? Над ними, как и над другими стоит ведьма. Таким образом, им может показаться (что с ними, собственно, и происходит), что средства к спасению и помощь должно искать в другом месте, нежели в Писа-

ниях. Вот почему они и идут искать помощи там, где ее искать не следует.

М.Б.: Хотя я и убедился, что бесполезно обращаться к этим хитрецам за помощь против ведьм, но, прошу вас, давайте-ка обсудим еще вот что. Существует достаточно много различных явлений, которые чудесным образом убедили меня думать об этих людях хорошо, более того, я стал считать, что Бог дал им знание и мастерство для того, чтобы совершать добродеяния. Ведь мы видим множество людей, нашедших у них помощь и освобожденных от напастей, свалившихся на них благодаря демонам. Вот почему мне прежде всего хотелось бы узнать, как могут они быть настроены против ведьм, если они сами связаны с демонами и, таким образом, тоже являются колдунами? Как тогда они могут думать о каком-то добре и милосердии, о сожалении по отношению к нищим? Или как Сатана преследует Сатану?[49] Ибо они без сомнения, изгоняют демонов из некоторых людей.

Дэн.: Я бы хотел ответить на ваши вопросы касательно желания обрести помощь у искусных мужчин и женщин, но прежде скажите мне вот что: вы точно определились в отношении проблемы посылки духов и того вреда, который они наносят? А то мне кажется, что вы уже перешли к другим вопросам.

М.Б.: Я не могу сказать, что понял смысл всего того, о чем вы говорили, но теперь я уверен, что прежде очень сильно заблуждался, и в этом я нынче признаюсь. Но если вы пожелаете, мы остановимся на этом вопросе еще немного.

Сэм.: По правде говоря, мне и самому хочется, чтобы вы поговорили обо всех этих вопросах более подробно, потому что хотя я и внимательно выслушал все сказанное вами, однако последнее, прозвучавшее в ваших речах, я так и не смог понять. С вашего позволения, М.Б., я задам своему другу пару-другую вопросов. Итак, примерно в семи милях отсюда, в В.Х., жил один здоровый мужчина, некто М. Все соседи знали его превосходно. Однако в течение полугода он высох от какой-то болезни, после чего и умер. В связи с этим его жену посетили какие-то подозрения; она пошла к одному чародею, не знаю, правда, куда, решив узнать, отчего ее муж скончался. Тот сказал ей, что он умер потому, что был околдован. Затем он спросил ее, не подозревает ли она кого-нибудь, живущего по соседст-

ву. На что она ответила, что есть одна женщина, которая ей не нравилась, некая матушка В. Как-то раз она поссорилась с ее мужем и через два дня он заболел, чтобы больше уже никогда не поправиться. Тот чародей показал ей изображение этой женщины в стакане, причем так ясно, как мы сейчас может видеть друг друга. Она была в той же самой одежде, в которой она была в тот час, ибо носила она старую красную шапку с углами, такую, какую обычно носят женщины. В ней она и появилась в этом стакане. Чародей научил жену покойного, каким образом следует привести эту колдунью к признанию. Ну вот, она последовала его совету, пришла домой и сделала так, что ту колдунью задержали и преставили перед мирским судом. Ее расспросили столь умело, что в конце концов она призналась в убийстве этого мужчины. Затем ее отослали в тюрьму, судили, приговорили к смерти и казнили. Стоя около виселицы, она выражала раскаяние и просила всех простить ее. Она сказала, что у нее был один дух в образе желто-серой кошки. Она появилась у нее, по ее словам, когда эта женщина сидела около огня; в тот момент она поссорилась с одним соседом. Она захотела, чтобы отмщение Божье снизошло на него и всю его семью. Эта кошка попросила ее не бояться, сказав, что не причинит ей никакого вреда; она уже служила некоей даме в Кенте на протяжении шести лет, но теперь ее хозяйка умерла и если эта женщина не против, то она будет прислуживать ей. А так как, сказала эта кошка, тот мужчина разозлил тебя, то я, если ты хочешь, нашлю порчу на его скотину. Женщина послала кошку и та убила трех свиней и одну корову. Заподозрив что-то, этот человек сжег заживо еще одну свинью, и эта кошка, по словам женщины, больше туда никогда не ходила. Вскоре она поссорилась с этим самым М., послала к нему кошку, которая сказала ей, что она наделила его такой болезнью, от которой уж точно не избавиться. И правда, этот мужчина умер. Итак, не кажется ли вам, что эта женщина говорила сущую правду? Неужели она будет выдвигать в свой адрес смертельные обвинения? Разве не была эта кошка ее слугой? И не она ли посылала ее? Разве не она убила этих животных и этого человека? Что вообще следует об этом думать?

Дэ.: Ты предлагаешь нам частный пример, так что давайте действительно внимательно исследуем в нем

все, касающееся этой ведьмы, вплоть до того момента, как жена потерпевшего отправилась к этому искусному чародею. Так ты говоришь, что эта кошка пришла к ней, когда та находилась в страшной ссоре с одним из своих соседей и ругалась, призывая отмщение Божие на головы его и его близких?

Сэм.: Она действительно так сказала. Я слышал это своими собственными ушами, потому что присутствовал при казни.

Дэн.: Тогда скажи мне, кто распалил ее такой дьявольской яростью, что она начала ругаться и слать проклятия, призывая отмщение Божие обрушиться на головы этого мужчины и его близких? Разве не кошка?

Сэм.: По правде говоря, я думаю, что все это сделал в ней Дьявол.

Дэн.: Прекрасно, стало быть, ты видишь, что все это представление началось с кошки.

Сэм.: Ты называешь это представлением? Для кого-то это была вовсе не игра.

Дэн.: Да-да, под конец ведьма сработала совсем не так, как было задумано в ее пьесе. Однако я утверждаю, что обманщиком здесь выступает Сатана. Разве не он предложил свои услуги? Разве не он подбил ее послать его с целью навредить этому человеку? И скажи мне, неужели она настолько сильна, чтобы его посылать, а он только и ждет этого? Или ты не принимаешь во внимание, что именно он царствует в ее душе, направляя ее на подобные поступки?

Сэм.: Я абсолютно убежден, что именно он властвует в ее сердце.

Дэн.: Тогда, если она — его рабыня, а не он — слуга ей, то нет необходимости подбивать его или упрашивать, ибо если она посылает его куда-то делать то, чего он совершить не в силах, либо же он не видит, каким образом можно явить всем свою злокозненность, то он сможет легко отговорить ее от этого. Смотри: эта кошка идет и убивает человека, или, к примеру, корову или свинью. Так как она сможет доказать, что все это совершила именно эта кошка?

Сэм.: Как она докажет? Но ведь так и случилось с этим мужчиной, который потерял всю свою скотину. А она все это видела и слышала.

Дэн.: Эта кошка лжет, не так ли? Ибо говорят, что такие коты известные лжецы.

Сэм.: Словам этой кошки я действительно не верю, однако на деле все так и случилось.

Дэн.: Но раз уж эта свинья и корова подохли, уверен ли ты в том, что именно эта кошка убила их? Не могли ли они умереть по какой-либо естественной причине? Ведь ты же знаешь, что и этот мужчина, и скотина его были абсолютно здоровы и вдруг внезапно умерли.

Сэм.: Странно, однако, что они могли умереть от естественных причин — ведь все это случилось именно после того, как послали этого кота.

Дэн.: Это вовсе не странно, если принять во внимание то, что я рассказал тебе, и ты это легко поймешь. В телах того мужчины и животных существовали известные естественные причины боли, страданий, ломоты и даже смерти, однако они были настолько глубоко сокрыты, что и самым опытным врачам не удавалось обнаружить их. Дьявол же все это видит, а потому может с легкостью вычислить то время, когда они приведут к закономерному результату. После чего он вступает в игру, создавая видимость, что все это произошло, якобы, исключительно из-за его вмешательства. Если при этом у него есть какая-нибудь ведьма, которую можно использовать, он возбуждает к действию определенные причины, приводящие ее в гневное состояние, а затем он уже может выступать в роли посланника, при этом он говорит ей, что сделает то-то и то-то. Если же у него нет такой ведьмы, он все-равно разожжет споры между кем-либо одним и другими людьми, посеяв среди них семена подозрительности, ведь его величайшее желание — пролить невинную кровь.

Сэм.: Однако вопрос-то вот в чем: как может кошка сделать все это?

Дэн.: Я уже говорил тебе, что демоны обитают все вместе и могут необычайно быстро и мастерски проделать такое, что находится далеко за пределами человеческого разумения. Иногда в руках дьявола оказывается данная ему власть вредить и наносить увечья людям. Допустим, что он имеет эту данную ему власть и убивает ту скотину, о которой мы уже говорили; однако теперь мы стоим перед вопросом — кто, по-твоему, наделил его силой бить и убивать? Ведьма дала ему такую силу или Господь Бог?

Сэм.: Конечно же, ведьма не может дать ему такой силы.

Дэн.: А может, он получил эту силу уже после того, как она послала его?

Сэм.: Я не могу этого сказать.

Дэн.: Тогда заметь себе вот что: у дьявола была власть доставлять неудобства этому человеку, используя имущество последнего. И он сделал это, но сделал обманным путем. Господь дал дьяволу силу, чтобы властвовать над добром святого Иова. Тот тоже действовал с помощью определенных средств, использовав савеян, которые увели его быков и ослов. Дьявол использовал также и халдеев, которые увели прочь его верблюдов, Иов 1[50]. Но даже и в таких случаях, обладая силой наносить удары, он будет послан какой-нибудь ведьмой, хотя все это он может совершить и без нее; действуя же таким образом, он преобретает очень многое, что мы, впрочем, и увидим, когда будем говорить о тех средствах к избавлению, которых алчут все люди.

Сэм.: Странно, однако, то, что у этого человека, после того как он сжег свинью, больше ничего не происходило.

Дэн.: Знаешь ли, Дьявол не выносит ни жареного мяса, ни огня. Он очень боится, что, сжигая этих животных, могут спалить и его. Если на него попадут шипящие красные угли, то они могут так повредить его, что его повелительница сможет обойтись и без него, если она пожелает, чтобы он больше никогда не возвращался. Однако обо всем этом мы поговорим потом, в свое время[51].

Сэм.: Судя по твоим словам, дьявол вообще необычайно искусен.

Дэн.: Он настолько искусен, ловок и находчив, что ни одно земное существо не сможет избежать того, чтобы не быть совращенным им, если, правда, у этого человека не окажется небесного Божественного слова. Однако давайте поговорим все-таки о том человеке, которого ведьма, по собственному признанию, убила с помощью своего кота.

Сэм.: Ну да, я думаю об этом так; тот чародей сказал женщине, что ее муж был загублен с помощью колдовства. Ведьма призналась во всем перед смертью, а этот кот сообщил ей, что убийство было совершено.

Дэн.: Значит, вся эта компания — лица, которым можно верить?! Этот чародей ручается, что тот мужчина был заколдован до смерти. А кто сказал ему это?

Сэм.: Его дух, сделавший так, что ведьма появилась в том бокале.

Дэн.: А кем, по-твоему, был этот самый дух — ангелом или демоном?

Сэм.: Одни чародеи говорят, что у них есть дух Моисея, Илии или какого-нибудь другого святого.

Дэн.: Дьявол сам может принять обличье ангела света[52]. Те же, кто думают, что чародеи имеют дело с каким-то другим духом, а не с Сатаной, вряд ли что понимают. Сатана свидетельствует, что этот человек был доведен до смерти благодаря колдовству.

Сэм.: Сатана-то свидетельствует, да верить ему нельзя. Но сама ведьма созналась во всем.

Дэн.: А кто сказал об этом той ведьме?

Сэм.: Ее кошка, которую она послала.

Дэн.: А кто эта кошка, ведь демон, не так ли? Тогда вспомни пословицу — «спроси об украденном у вора». Все это дело основано на показаниях демонов, но они вовсе не приносили никаких клятв. Если мы не доверяем показаниям людей до тех пор, пока они не присягнут, то как мы можем верить слову демонов?

Сэм.: Так значит ты думаешь, что этот человек был убит не ведьмой?

Дэн.: Возможно, что Господь наделил Сатану силой нанести вред телу того человека, после чего он под каким-то предлогом и был послан ведьмой. Но скорее всего его тело зачахло и иссохло по какой-то естественной причине, о которой дьявол не знал[53], вот почему кажется, что, быв послан, он и сделал все это, хотя на самом деле у него не было силы даже коснуться его. Ибо несмотря на то, что Господь наделил дьявола властью наносить некоторым людям телесные повреждения за их гнусные грехи, большинство людей, о смерти которых ведьмы думают, что она приключилась по их желанию и с помощью их духов, на самом деле умирает от естественных причин.

Сэм.: Тогда получается, что ведьм самих обманывают, над ними насмехаются, если дьявол заставляет их верить, что именно он совершает эти убийства, хотя на самом деле он ничего такого не делает[54]. Так что, имея силу, данную ему Богом, вредить людям и животным, он может делать это и делает без помощи ведьмы, используя ее, таким образом, в качестве прикрытия для своих самых мерзких поступков.

Дэн.: Я рад, что ты правильно понял все сказанное мною. Подумай-ка хорошенько обо всех этих случаях и ты увидишь, что это действительно так.

Сэм.: Однако я прервал М.Б. Прошу вас, продолжайте.

Дэн.: Дело, к рассмотрению которого мы теперь подошли, заключается в помощи и средствах, находящихся в руках чародеев, а именно за них и борются люди, выступая против ведьм. Так что, если вы не прочь предложить ваши вопросы, я постараюсь на них ответить.

М.Б.: По правде говоря, я вижу, что возражать здесь бесполезно, однако я хотел бы высказаться по поводу тех вещей, которые ввели меня в заблуждение. Я вижу, что человек ищет средств, чтобы избавиться от демонов, и я думаю, что это просто дар Божий, когда Он дает это тем, кого мы называем чародеями, для того, чтобы они совершили много добрых дел. Если у человека пропадает какая-то вещь или, допустим, что-то крадут, то многие люди отправляются к ним и находят там помощь. Я знаю один случай, когда была выкрадена чаша для причастия. Церковная стража поехала к некоему мудрецу и он дал им указания, в какое время и где они должны стоять, поскольку компания, укравшая эту чашу, должна была прийти туда. Он пообещал наверняка, и, действительно, все так и произошло. Или еще. У одного человека была дочь, девочка пяти лет; так с ней случилось несчастье. И отец ее, будучи в неизбывном горе, не знал, что делать. Тогда кто-то посоветовал ему сходить к женщине, жившей в десяти милях от него, и принести ей что-нибудь из одежды, в которой эта девочка лежала в постели. Так он и поступил, и эта женщина сказала, что его дочь околдована и что если он не обратится к спасительным средствам вовремя, то он свою дочь потеряет. Она попросила его взять какую-нибудь старую одежду, одеть в нее девочку и уложить спать, а на утро снять и сжечь. При этом он должен смотреть: если одежды будут гореть черным пламенем, значит девочка была околдована. А еще она сказала, что ведьма несомненно вернется к ним домой. Он последовал ее совету и точно, туда пришла какая-то старуха, которую он, собственно, и подозревал, причем это произошло тогда, когда эти вещи еще горели. Тогда мужчина без особых трудов набросил на нее свой плащ и стал царапать ее

до тех пор, пока у той по лицу не заструилась кровь. Через два дня девочка встала на ноги. Я мог бы поведать вам о многих странных вещах, но о них я знаю лишь по рассказам, хотя этим сообщениям можно полностью доверять. Был тут один мясник, а у него сын, мальчонка по имени Джон. И вдруг у этого мальчика открылось множество болезненных ран. Родители накладывали на них целебные мази, но ни одна из них не могла ни очистить их, ни облегчить боль. Как-то раз отец посетовал на это одному своему другу и тот предложил ему сходить к одному очень искусному человеку. Тот так и сделал и на вопрос о том, кого он подозревает, тут же получил ответ — ему показали в бокале некую старуху, жившую одиноко в небольшом домишке неподалеку от них. Отец Джона рассказал этому чародею, что эта женщина ушла из их округа и что теперь трудно сказать, как можно добраться до нее. Но тот подсказал ему, каким образом можно ее настичь. Вырви, сказал он, волосок из головы твоего сына, положи его в одежду и сожги все это. И я ручаюсь, что она поспешит домой так быстро, как только сможет. Но сожги это не в камине, а где-нибудь снаружи, потому что если ты сделаешь наоборот, у тебя может быть много хлопот. Мясник пришел домой и сделал все, как ему сказали. И эта старуха появилась очень быстро — она вошла в дом, подошла к мальчику и сказала: «Джон, исцарапай меня». Он стал царапать ее, пока не пошла кровь, и если до того ничто не могло излечить его от болячек, то теперь они сами исчезли. Что же должно думать простому человеку насчет всего этого?

Дэн.: Действительно, вы рассказали нам о людях, получивших помощь из рук чародеев, и нет сомнений, что таких примеров можно привести великое множество. У кого-то что-то пропало, у кого-то что-то украли, кого-то беспокоит здоровье. И вот они приходят к ним, влекомые своими болезнями и утратами, а там им говорят, что надо проделать определенные действия и таким образом они освобождаются от своих горестей и страданий. Однако мы должны помнить, что получают они эту помощь, если, ее конечно, можно так назвать, исключительно из рук дьявола. Так неужели вы думаете, что человек действительно может прибегать к помощи, оказываемой дьяволом?

М.Б.: Направляясь к этим людям, некоторые вообще не убеждены, что они ищут помощь у демонов. Они считают, что эта сила — дар Божий, данный им Богом для того, чтобы помогать другим.

Дэн.: Я и вправду склонен думать, что многие люди действительно мыслят подобным образом. Но почему тогда все это происходит? Бог ли с помощью Духа своего открывает, где находится потерянная или укращенная вещь? Ангел ли то небесный или душа некоего умершего человека появляется в кристалле или бокале, показывая облик компании, укравшей вещь, или все-таки это ведьма?

М.Б.: Я слышу скорее ваши раздумья по этому вопросу, нежели четкий ответ на мои слова.

Дэн.: Такие демоны заставляют верить язычников в то, что они боги, обеспечивая таким образом себе людское поклонение и оказание божеских почестей[55]. Благодаря своему коварству, они обладают большим запасом средств, с помощью которых они могут достигнуть этого: они принимают различные личины и, находясь в них, дают различные ответы, если их о чем-то спрашивают. При этом они действуют очень умело: когда они не могут точно сказать, что должно произойти, они дают это предсказание в туманной форме, так что все можно воспринимать двояко. Вот почему надо смотреть, какой ответ вы услышите, ибо он и раскрывает сущность этих богов. Если же они знают, что получится на самом деле, как они знают все, относящееся к королевствам и монархиям всего мира по писаниям пророков, или же разные сведения, проистекающие из предсказаний гадателей, как, например, когда демон сказал Саулу, что он будет убит, потому что он видел, что Бог оставил его, и ослабели тогда сердца израильтян, а филистимляне преисполнились мужества[56], то тогда обо всем этом они рассказывают откровенно. Кроме того, принимая облик мужчины или женщины, они раскрывают вещи, долгое время считавшиеся таинственными, как, например (и в этом я убежден), пророчества Сивиллы[57] у язычников. Такова же была и девушка в Филиппах, о которой упоминается в Деяниях апостолов[58], приносившая большую выгоду своим хозяевам с помощью колдовства, — из нее апостол Павел изгнал дьявола[59]. Эта девушка вещала о пропавших и украденных ве-

щах и на нее очень надеялись все, решавшиеся обра титься к столь странному человеку.

М.Б.: Позвольте, я вас слегка прерву. Дьявол не мо жет пребывать одновременно во многих местах. Как же он мог, оставаясь в девушке, говорить о том, что делалось в местах отдаленных? Как мог сказать дьявол о том, где находятся украденные или потерянные вещи лежащие не только где-то далеко, но к тому же и в укромном уголке? Каким образом мог он показать личину вора или ведьмы? Может ли он одновременно сидеть на месте и видеть спрятанные вдалеке вещи?

Дэн.: Да, мы не можем говорить о том, что демоны могут быть в нескольких местах сразу, либо же, находясь в одном месте, видеть нечто, творящееся где-то вдалеке. Но в этих своих действиях они объединяются для того, чтобы создать свое царство, повести людей за собой, заставя их искать у них помощи и поклоняться им. Кто-то из них находится здесь, иные — там, н отовсюду они подбивают неверующих прибегать к помощи подобных людей, а затем сами вступают в дело ибо они также идут туда и они знают, к примеру, то вора, которого они подбили на кражу, так что им со всем нетрудно добиться сходства в лице и одежде; во почему они и могут сказать, где находятся вещи, которые он спрятал, пусть даже они и будут необычайно маленькими. Вот каким образом дух, как то мне, по крайней мере, кажется, говорит о словах, произнесенных и о делах, сотворенных где-то далеко. Короче говоря, есть много людей, занимающихся этим, и он есть практически везде, где подобные вещи случаются.

М.Б.: Всем, что касается этого вопроса, я удовлетворен. Вы показали, как демоны поступают с язычниками, говоря из идолов, женщин и мужчин.

Дэн.: Именно так. Они вновь и вновь наносят изощренные раны в сердца христиан. Используя ведьм качестве своих орудий, они заставляют их поверить что именно они совершают множество злодеяний, посланные ими, чего на самом деле нет, но поскольку они обладают данной им Богом властью наносить другим вред, то будет казаться, что все это они делают из-за гнева и ради удовольствия ведьмы, его посылающей, причем само дело либо так или иначе обнаружится, либо же будет казаться, что его силой подчинила себе заклинающая его, либо же он признает, что его послали такой-то мужчина или такая-то женщина, л

бо же сама ведьма признается во всем этом. Вот почему люди и думают над тем, как спастись от ведьм и бегут к кудесникам для того, чтобы узнать, что им следует сделать, чтобы защититься от гнева ведьмы, который она обрушит или уже обрушила на них; как им избавиться от ее духов и сделать так, чтобы она не послала еще раз и т.д. Вот какая картина откроется перед дьяволом и тогда он покажет, на что способен. Через этих чародеев он учит разным ужасным мерзостям и поношению имени Божьего; людей заставляют поверить, что они обладают спасительным средством от демонов, посланных ведьмами, и что они способны излечивать от ведовских чар.

М.Б.: Я не знаю, как может человек объяснить или утверждать, что духи, являющиеся им в кристаллах, бокале или в воде, каким-то образом говорящие с ними и показывающие им все эти вещи, суть ангелы святые или души замечательных людей, таких, например, как Моисей, Самуил, Давид и другие, хотя я и слышал, что сами чародеи принимают их за таковые и думают, что они действуют с их помощью против демонов.

Дэн.: Неважно, во что Сатана заставляет верить своих слуг, прибегая к помощи различных чар. Все это вредно для христианина, вредно даже позволить зародиться у себя в голове мысли, что все это совершается силой и мудростью Духа святого, либо с помощью ангелов и добрых духов, либо что чародеи делают все это в пику демонам. Они действуют с помощью умения, полученного от злых духов. Они сами стремятся к демонам, и те охотно бегут навстречу к этим болтунам.

М.Б.: Я и в самом деле убедился, что они ищут демонов, но мне хочется увидеть и доказательства этого, почерпнутые из Слова Божьего.

Дэн.: Касаясь всех духовных вопросов, как, например, обладание силой в борьбе против демонов и знание того, как избежать всех опасностей, создаваемых ими, я хочу сказать, что нам нигде не узнать об этом, как только у благословеннейшего Господа Бога нашего. Но и от Него непосредственно узнать мы ничего не сможем, но единственно из Его Слова Святого, ибо в нем являет Он нам всю полноту воли своей. Вот почему когда Господь руководил через Моисея народом Израиля, Втор. 18, Он говорил, что они не должны, прийдя в эту землю, учиться поступать, согласно гнусностям этих язычников, перечисляя различные виды бывших

орудиями Сатаны, которых тот использовал для совращения многих людей с помощью прорицаний, изучения времен, предсказаний, обманов, творимых с помощью демонов, использования знакомых духов, предсказаний и обращения к умершим[60]. Он также сказал и о средствах, показав, во-первых, что он должен отвергнуть от народа, ибо они послушали этих болтунов и прорицателей, и сказал, что каждый, делающий подобное, совершает мерзость в отношении Господа, вот почему он и желает, чтобы Его народ не прислушивался к ним, но слушал только Его. Затем Моисей сказал: «Пророка Господь Бог ваш поднимает для вас из братьев наших подобного мне, его будете слушать»[61].

М.Б.: Выходит, этими словами вы доказываете то, что мы должны стремиться единственно к Господу, но не к тем, кто действует помимо Его слов.

Дэн.: Если вы прочтете это место, Втор.18, и хорошенько отметите все нужные места[62], вы увидите, что его текст не только показывает, что они стремятся к демонам, спешащим в свою очередь к таким чародеям и колдунам, ибо пророки, которых Бог поднял, дабы объявить свою волю, повелевают нам не совершать подобных вещей, но также и говорит, что все они пребывают в мерзости перед Господом из-за использования их, либо стремления к ним.

М.Б.: Я вижу, что это не просто грех, но грех ужасный — стремиться к таким людям. Увы, многие даже не думают о том, что они на самом деле ищут демонов, отправляясь к подобным людям по поводу украденных вещей, либо желая обрести некую помощь и спасение в борьбе против ведьм.

Дэн.: Конечно, многие люди отказываются прислушиваться к голосу Бога и Его наставлениям. Они презирают слово Его и таким образом начинают прислушиваться к демонам. Всякий же, стремящийся к действующим с помощью демонов, равно и впервые видящий их нападки, должен покаяться за это, причем не как за какой-нибудь легкий грех. Это большая гнусность — пойти за помощью к дьяволу; это означает поставить его на место Бога и почитать его, как Бога. Подобные вещи проистекают из неверия и недоверия помощи, получаемой от Господа, как мы видим на примере царя Саула, который, не получив ни ответа, ни утешения от Бога, которому он столь прискорбно не повиновался, отправился к колдунье. Сей язычник

сказал: «Flectere si nequeo Superos, Acheronta monebo», если я не смогу упросить богов, я спущусь к демонам[63].

М.Б.: Сомнительно, однако, чтобы не было вообще защиты для тех, кто ищет помощи у людей, связанных со знакомыми духами. Но у меня помимо этого есть еще ряд вопросов. Например: как эти чародеи, если они имеют дело с демонами, используют правильные и хорошие слова, желая всем приходящим к ним, чтобы они поступали так-то и так-то во имя Христа, уча их пользоваться при этом словами и изречениями из Писания.

Дэн.: В этом тоже проявляется великая хитрость Сатаны. Как бы он мог тогда совращать людей, если бы он не использовал все свое искусство для прикрытия своих делишек, желая показать, что демоны тут словно и ни при чем, а все зло, которое они причинили, можно излечить, лишь упомянув имя всемогущего Господа. В этом также кроется и самая что ни на есть мерзость, в том числе оскорбление и ужаснейшее осквернение благословенного имении Божьего и Священных Писаний ведьмами, колдуньями, заклинателями и разными дьявольскими искусствами. Подобному человеку сопутствуют эльфы и духи; он должен внушать людям заклинания, составленные из каких-то фраз, перемежающихся именем Господа, либо же носить с собой какую-нибудь часть Евангелия от Иоанна или что-то в этом духе. Подобные вещи используются против воров и против демонов, посылаемых ведьмой. Чего же более может желать Сатана, как не того, чтобы святые вещи претерпели бы поношение? Очень трудно вызвать его в бокале, кристалле или в какой-то емкости с водой, трудновато вам будет и связать его, если вы будете спрашивать его о той или иной вещи именем и властью Христа. Заклинатель связывает его именем Божьим и силою страданий и воскресения Христовых[64], заставляя его таким образом служить себе. И все это — его собственные деяния, ибо его никто не принуждает, не притесняет, но он сам стремится к богохульству. О (говорят простаки), что за добрая женщина! Она говорит о Господе и о Христе и все делает ради них; сколь хорошим словам она меня научила и какой вред может получиться от использования этих слов? Увы, несчастные! В какое положение попали вы, если стали учиться правильным словам у дьявола? Не произношение нуж-

ных слов и не ношение с собой части Писания защищает от демонов; хитрость Сатаны как раз и заключается в том, что все эти святые вещи используются им совсем неправильно, даже если этот человек и будет доверять произносимым словам и выражениям. Дьяволу можно противостоять, только вооружась силой веры, когда Священное Писание запечатлено в вашем сердце, а душа ваша преисполнена данной им силой. Именно от этого Сатана уводит людей своими словами, приучая их к помощи другого рода, поскольку называние только лишь имени Божьего или произнесение высказываний из Писания не свяжет Сатану, потому что он тоже может делать это вместе с нами.

М.Б.: А каким образом этот демон может сострадать людям и оказывать помощь попавшим в беду? Ибо ведь многие получают помощь от этих кудесников. Дьявол жесток и он напрягает все силы, чтобы сотворить зло. Именно это преследуют многие, причем подобные вещи могут быть сделаны даже с помощью силы Господа.

Дэн.: Эти демоны такие же сострадательные, как и голодный прожорливый лев, который рычит, попросив что-нибудь, словно ужасный дракон, уничтожающий все вокруг своей злобой и кровожадностью[65]. Они, конечно, могут показать, что делают людям добро, преследуя, однако, жесточайшие и убийственные цели — они желают завлечь людей в самые глубины ада. Ибо если они могут помочь хоть немного их телам, то это означает предание и души и тела вечному проклятью. Надо очень сильно остерегаться, когда Сатана предлагает помощь. Это хуже, чем когда он противостоит открыто и явно стремится нанести вред.

М.Б.: Но тогда получается странная вещь: они не связаны с Божественной силой, но прибегают к услугам дьявола, желая удержать демонов от злодеяний. Как же один демон может изгонять других? Наш Спаситель говорит, что один Сатана не изгоняет другого Сатану, ибо тогда его царство было бы поделено и не могло бы существовать[66].

Дэн.: Да-да, несомненно, Сатана не прогоняет Сатану, ибо Спаситель наш показал причину всего этого. Один дьявол всегда готов продолжать работу другого, но никоим образом не выгонять его и не мешать ему.

М.Б.: Именно это и заставляет меня задуматься. Мы видим, что дьявол уходит и не возвращается; и

если это делается не властью демонов, как вы о том сказали, то тогда это должно происходить с помощью Божественной силы.

Дэн.: Дьявол изгоняется там, где чародей лечит и не демонической силой, и не Божественной.

М.Б.: Из всего того, что вы сказали, эти слова нравятся мне менее всего. Ибо если Сатана не изгоняется ни дьявольской, ни Божественно властью, то что это за сила, которая может его изгнать? Если вы покажете мне эту третью силу, то премного меня удивите, ибо об этом я никогда и не слыхивал.

Дэн.: Для того, чтобы изгнать его, вовсе не нужно третьей силы, ибо он вовсе не изгоняется.

М.Б.: Я уже говорил, что нам нет смысла обсуждать этот вопрос, если вы будете отрицать все, что подтверждается многочисленными свидетельствами. Подобные случаи были во многих местах и каждодневно мы видим, что из одержимых изгоняется дьявол[67], и что если он досаждает людям и мучает их, либо их скотину, они находят средство против него.

Дэн.: Я вовсе не отрицаю того, что некоторые одержимые Сатаной и мучимые им, были освобождены от него. И тем не менее, от дьявола нельзя избавиться таким образом. Он лишь приостанавливает свою деятельность по введению людей в заблуждение, удерживает наиболее грешных от осквернения имени Божьего и поклонения себе, при этом еще глубже проникая в них.

М.Б.: Прошу вас, расскажите, как же происходит то, что он добровольно отказывается от своих деяний. Ведь вы так сказали? Неужели он с готовностью и добровольно позволяет исчезнуть своему влиянию, которое он имел на людей? Разве он не желал наносить людям вред?

Дэн.: Он вовсе не позволяет исчезнуть своему влиянию, наоборот, на деле и оно, и вред, им причиняемый, увеличиваются, когда всем кажется, что от него наконец избавились. В Писании он назван «старым змеем» — ведь он учил колдовству, вот почему изгнать его с помощью колдовства невозможно. Тем не менее, внешне всем кажется, что чародей связывает его; он может использовать даже имя Божье и силу страстей Христовых. Кажется, что чародей изгоняет этой силой дьявола из околдованного человека, чье тело он мучает и беспокоит. И он добровольно перестает мучить его, дабы заклинание претворилось в жизнь, уводя таким

образом человека от Бога, заставляя его следовать и поклоняться ему и искать помощи именно у него. Даже если человек испытывает телесные муки, либо же дьявол обрушивает болезни на его скот и он ищет помощи у чародеев и чародеек, следуя предписанным ими путем, в результате чего, вроде бы, оказывается в безопасности и он, и его скотина, тем не менее, Сатана не отступает под этим натиском, но прекращает производить все те муки, которые он сам может с легкостью причинять как телу, так и душе. И если не будет видимости избавления, то как заставить человека искать помощи у людей, действующих подобным образом? Как же иначе получат все эти колдуны и чародеи возможность ужаснейшим образом проклинать и богохульствовать в отношении славного имени Божьего?

М.Б.: Получается, что они дорого покупают эту помощь из рук подобных чародеев.

Дэн.: Да, что может быть куплено более дорогой ценой, нежели то, когда человек навсегда теряет и душу, и тело, покидая Господа и следуя за дьяволом.

М.Б.: Что же тогда должен думать человек относительно всего того, что не связано с дьяволом и имеет верные пути обнаружения ведьм, и всего ими сотворенного?

Дэн.: Хотя все эти люди и не управляются дьяволом напрямую, я имею ввиду, что у них нет знакомых духов, которые бы с ними разговаривали[68], тем не менее, ими движут дьявольские хитрости, которые также суть мерзость перед Господом. Ведь все те разновидности колдуний, которые перечисляет Господь, Втор.18, не связаны напрямую с демонами. Ибо одни из них наблюдают за временем, зная о счастливых и несчастливых днях и часах. Если он и идут покупать или продавать что-либо, они выбирают для этого нужное время. Другие колдуют по следу зверей, по полету птиц, по встрече с зайцем или лисой, по руке и тысяче подобных вещей. Некоторые используют стул и пару прямых дощечек, произнося при этом определенные слова. Некоторые прибегают к заклинаниям против зубной боли, другие — при лихорадке, либо желая прекратить кровотечение из носу, или когда говорят о ворах, или когда у них не получается масло и сыр, когда не настаивается эль. Кажется, что из всех ведьм эти и вызывают сильнейшее отвращение; в то же время, они

действуют с помощью дьявола, так что поэтому мы и называем их ведьмами и колдунами.

М.Б.: Мы считаем ведьмами тех, кто имеет своих духов, и не считаем таковыми использующих то, чему этих людей научили чародеи. Ибо это вовсе не значит, что они делают что-то с помощью дьявола. Вот почему мы думаем, что вряд ли их можно называть ведьмами и колдунами.

Дэн.: Однако название колдовства относится ко всему, что связано с властью дьявола, с его ухищрениями. Без сомнения, некоторые виды ведьм ужаснее других, однако даже самые «невинные» из них суть мерзость перед Господом, как нас учит Второзак. 18[69], и незнание не может служить здесь оправданием. Для чего тогда, по мнению этой ведьмы, нужен был дух Моисея, появлявшийся в магическом кристале, и разве не колдун этот человек? Ваша соседка, у которой масло никак не подойдет и которая бросает в молоко горсточку жара, произнося при этом определенные слова и думая, что делает она это с помощью Бога, удаляя тем самым дьявола? Разве она не ведьма, прибегающая к тому, чему ее научил не Бог, но дьявол? Разве она не ведьма, коли ищет помощи у демонов? Сжигающие одежды, в которых лежали их дети, для того, чтобы узнать, не околдованы ли они, либо желая привести сюда эту ведьму, равным образом действуют с помощью и по наущению дьявола; то же самое и насчет царапания, ибо Бог не учил подобным вещам. Так что, они ведь тоже колдуны? По чьему приказу и благодаря какой силе оказалась дома ведьма, когда начали жечь волосы сына мясника, о котором вы рассказывали? Не было ли все это сделано силою Сатаны и по его наущению? И не являются ли люди, занимающиеся подобными вещами, учениками ведьм и, таким образом, тоже колдунами? Те же, кто прибегает к чародейству и заклинаниям, кем они могут быть, как не колдунами? Я считаю, что женщина, которая прибегает к гаданию, выстригает волосы и занимается прочей ерундой, при которой имя Господа неизбежно оскорбляется, совершает все это благодаря действенной помощи Сатаны. Бог же предоставляет естественную помощь, и эту помощь, воспринятую из рук Его, мы можем использовать против естественных напастей, однако он не предоставляет нам ничего сверхъестественного. Вот по-

чему смешны все эти люди, пытающиеся избавиться от демонов и болезней.

М.Б.: Вы говорите о вещах естественных, а мы видим, что природа заключает в себе множество тайн: так, например, алмазы тверже железа. Почему же тогда во всех этих естественных вещах не может быть какой-то силы?

Дэн.: Бесспорно, в природе существует много таинственных явлений. Этим и занимаются натурфилософы, да самые умные из врачей. Можно подвесить что-то на шею и избавиться от приступов малярии и точно также можно одеть какую-то вещь, которая облегчит лихорадку и т.п. Именно благодаря этому Сатана получает возможность осуществлять свои злодеяния и устраивать различные хитроумные фокусы. Так как природа являет нам множество тайн, то эти люди делают особое кольцо, привязывают к нему, согласно положению небесных светил, нитку и опускают его в миску или чашку с водой, в результате чего там действительно можно многое увидеть. Подобным же образом они говорят, что следует раскалить докрасна подкову, положить ее в ясли и подержать их над огнем, чтобы изгнать оттуда дух ведьмы. А тот, у кого заколдован скот, сжигает живьем курицу или поросенка, чтобы изгнать дьявола. Но могут ли эти естественные вещи изгнать его? Что делают эти ведьмы, сжигая что-то и желая, якобы, изгнать демонов? Разве Господь учил делать что-либо подобное? Сжигают ли они ради Господа или же, скорее, это настоящее жертвоприношение Дьяволу? Во времена Закона сжигаемые жертвы предназначались Богу; дьявол же делает то же самое ради себя, но в среде язычников. Однако теперь он, благодаря своим проискам, осуществляет то же самое посредством и руками этих людей, которые, говоря, что они христиане, поклоняются таким образом ему. Он в свою очередь прекращает вредить им, их скоту, преобретая тем самым дополнительные преимущества.

М.Б.: Если это так (хотя я не в силах сказать это), то получается, что во всех местах, где мы видим ведовство и колдовство, их великое множество. Ибо я вижу, что много людей в подобных делах прибегают к помощи и силе дьявола, к которому они так или иначе стремятся. Кроме того, я удивляюсь и тем разнообразным явлениям, которые возникают тогда, когда люди ждут помощи дьявола. Давайте-ка теперь немного по-

говорим и об этом. Дьявол знает о вещах прошедших и настоящих, но только Бог знает, что будет совершено в грядущем. И если эти знахари используют помощь дьявола и только его, то как они могут столь точно говорить о вещах, которые произойдут в будущем?

Дэн.: Только лишь Богу дано знать, что произойдет в будущем. Но Господь Бог через пророков своих и апостолов явил множество вещей, которые неизбежно произойдут в грядущем. Сатана может лишь предполагать, когда совершится то или иное событие. Он — очень внимательный наблюдатель в том, что касается некоторых вещей, и может угадать очень многое, особенно тогда, когда он обладает силой, данной ему творить и совершать что-либо. Тут он может и будет предсказывать это. Короче говоря, Господь своим справедливым решением дает ему силу совращать нестойких.

М.Б.: Прошу вас поподробнее осветить то, о чем вы сказали.

Дэн.: Хорошо. В чем вы сомневаетесь?

М.Б.: Я понимаю так, что Дьявол угадывает вещи предреченные и бдительно надзирает за путями их осуществления. Но вы сказали, что он говорит о том, что будет, тогда, когда он сам работает над тем, что предсказывает. Приведите, пожалуйста, несколько примеров.

Дэн.: Но разве нужен лучший пример, нежели тот, когда вы рассказывали о церковных сторожах, пошедших к тому знахарю узнать о воре, укравшем их чашу. Можно сказать так: если тот знахарь попросил их пойти в такое-то место, в какой-то день и в такой-то час, сказав, что туда прийдет укравший эту чашу, то как мог сказать дьявол, если это было день или два спустя, что этот человек действительно прийдет в это место в указанный час? Прежде всего, вы должны заметить, какой силой обладает дьявол, руководя мыслями этого вора. Он подбил его украсть эту чашу. Он же подбил и церковных сторожей пойти к тому знахарю. Он же назвал место и время, на которое он в определенный час подвигнет прийти этого вора. И в назначенное время он приводит его туда, ибо он, заставив его украсть, смог также с помощью тайного внушения подвигнуть его прийти в это место. Дьявол же сказал, что и та ведьма очень быстро вернется домой — я имею ввиду ту, что околдовала сына мясника. Он, обладая властью над ее сердцем и сделав ее ведьмой, также

знал, что сможет заставить ее поспешно вернуться домой. Он выполняет то, что некая больная личность считает безусловным деянием этого знахаря. Возможно, тот и может сказать по запаху одежды, был ли в ней дьявол (если она пахнет его запахом)[70], и тогда он говорит, что данный человек был околдован. «Возьмите одежды, в которых лежал больной, и сожгите их; если пойдет черный дым, то, значит, так и есть, и тогда эта ведьма появится здесь, но только пока они горят». Итак, если Господь дал дьяволу силу мучить и доставлять физические страдания больным людям, и если он несомненно подбил ведьму на то, чтобы она послала его, то разве не легко будет ему сделать это пламя и дым черными и заставить саму ведьму прийти на это место? Если же у него есть сила мучить, но нет ведьмы, которая послала бы его, то его величайшим желанием будет сделать человека виновным в пролитии невинной крови. Так что разве трудно будет ему, с позволения Бога, который своим справедливым приговором дает ему силу совращать людей, прислушивающихся к демонам, таким образом, сделать пламя черным, либо, по меньшей мере, сделать так, чтобы оно им таковым казалось, и заставить подозреваемую женщину подойти и войти в дом, хотя она может и не быть ведьмой? Он творит тысячи подобных дел и, как искусный фокусник, может представлять их тут и там.

М.Б.: Действительно, в такой момент в дом может войти ни в чем не повинный человек. Я слышал, хотя и не могу сказать, насколько это соответствует действительности, что в таких случаях происходят разные вещи. Например, по просьбе знахаря люди впиваются пальцами в хлеб и в тот момент, пока они так делают, приходит ведьма, а через несколько дней оказывается, что у нее все лицо исцарапано ногтями. Еще я слышал об одной старухе, которая вот так вот вошла, а через несколько дней ее увидели всю исцарапанную, словно она продиралась через кусты или ее одолел лишай.

Дэн.: Глубина сатанинского заблуждения заставляет ослепленных людей становиться колдунами и связываться с ним. В данном случае, например, он знал о расстройстве здоровья, которое проявилось в небольших оспинах или в чем-то наподобие этого, и если он может склонить кого-то войти туда, тем более, что этот человек готов это сделать, то чего же тут странного, если он делает так, будто все происходит из-за ногтей?

М.Б.: Да, в этом видно большое мастерство Сатаны.

Дэн.: Однако мы не можем представить всей изощренности его проделок, равно не дано нам увидеть ту тайную силу, с помощью которой он управляет умами невежественных людей, выполняя, таким образом, все свои предприятия. В этом — величайшая хитрость Сатаны.

М.Б.: Действительно, кажется невероятным и необычайным, что дьявол может управлять умами людей, вести их к тому-то и тому-то. Они же тем временем об этом вовсе не подозревают, думая, что выступают против дьявола. Однако я сомневаюсь вот в чем. Я признаю, что дьяволу легко сказать, где находится потерянная или украденная вещь, однако откуда он имеет власть излечивать больных и страдающих от язвы? Бесспорно, число людей, идущих к подобного рода знахарям, велико. Вы говорите, что он помогает телу, но может и погубить душу. Он делает так, что люди стремятся к нему, ставя его таким образом на место Господа. Ибо обычно человек думает, что помочь ему — не в силах демонов.

Дэн.: Да-да, все действительно так и происходит и во всем этом мы видим необычайную ловкость дьявола. Вы сказали, что очень много людей получают помощь, приходя к знахарям. Однако я уверен, что их отнюдь не столько, как вы говорите.

М.Б.: О, очень много. Есть и такие, которые об этом никогда не говорят, ибо подобные вещи некоторым не нравятся.

Дэн.: Да, и многие возвращаются домой, одураченные пустыми разговорами, поскольку эти ответы — простое мошенничество.

М.Б.: Возможно, что они приходят слишком поздно, когда сделать уже ничего нельзя. Если же они прийдут сразу. то им могут и помочь.

Дэн.: Ну да, дьявол говорит то, что может удовлетворить этих невежественных людей, которые готовы поверить во все, что он говорит, и плясать под его дудку. Например, когда кто-нибудь приходит к знахарю из-за своего ребенка и спрашивает, не смертельно ли он болен. Если тот знает, что смертельно, то говорит, что ребенка околдовали, но что время ушло и помочь уже нельзя; ребенок вряд ли проживет еще день-два. Отец возвращается домой и видит, что дитя уже умерло, либо же оно умирает в течение двух-трех

дней. И дьяволу верят. Другой болен и сильно страдает. В ответ он слышит: «Сатана (ибо он послал их) видит, что болезнь пошла на убыль и причина, вызвавшая ее, постепенно исчезает. Через несколько дней этот человек прийдет в чувство». Тут ему говорят всякую чепуху, он соблюдает все эти указания и все проходит. Понятно, что все прошло бы и так, без дьявольской медицины, однако Сатане начинают доверять еще больше. Некто болеет и чахнет. Сосед говорит ему, что, возможно, его околдовали и что было бы неплохо послать узнать, что это. Он посылает, но дьявол не знает, сможет ли больной выздороветь или нет. Он говорит, что, похоже, его действительно околдовали, и научает, что надо делать, хотя при этом и сомневается, будет ли какая-нибудь польза или нет, но независимо от того, умрет сей человек или все кончится благополучно, доверие к Сатане сохранится и не будет поколеблено. И он дает таких советов очень много. Кроме того, мы должны помнить, что человеческое воображение — вещь необычайно сильная, касается ли то продолжения болезни или ее ослабления. И именно Сатана обманывает людей, ибо кажется, что его лекарства что-то делают, хотя на самом деле это всего лишь плод воображения этих несчастных.

М.Б.: Конечно, есть и различные фокусы, но мне кажется, что вы уж слишком все преувеличиваете. Я не вижу, как ему может помочь человеческая фантазия.

Дэн.: Воображение может нанести серьезный урон, это знают все. Так почему же оно не может помочь человеческому сознанию, тем более этого человека ободряют, заставив поверить, что он получает помощь?

М.Б.: И тем не менее, едва ли можно доказать, что такая помощь когда-либо оказывалась действенной.

Дэн.: Показать-то это нетрудно, ибо доказано, что дьявол может делать то же, что и человек. Я слышал об одном подобном случае. В Лондоне жил некий мужчина (как о том сообщают), который был знаком с другим человеком по имени Фитс. И вот, у этого Фитса была черная собака по кличке Бомелиус. Вскоре тот парень вообразил, что Бомелиус — дьявол и что он чувствует его действие внутри себя. Сильно огорчившись, он пожаловался одному своему знакомому и тот сказал, что у него есть друг, который может изгнать Бомелиуса. Тогда этот мужчина приготовил завтрак и

они вдвоем пришли к нему. Лечение было таково: этот «врач» заставил его раздеться и велел встать возле сильного огня и, несмотря на то, что тот был достаточно толстым человеком, намазал болящему все тело маслом и подвязал к животу гладкий камень. Этот мужчина почувствовал облегчение и впоследствии сильно благодарил своего исцелителя.

М.Б.: Я знаю, что человек может выдумать кучу всяких глупостей, и хотя одна фантазия может изгнать другую, не излечивая, таким образом, на деле никакой болезни, тем не менее, из этого не следует, что человеческое воображение может помочь излечить настоящую болезнь.

Дэн.: Нет, фантазия делает многое, даже там, где есть настоящая болезнь. Человек боится, что он околдован; из-за этого его сознание пребывает в постоянном волнении, что приводит в расстройство все тело, производя в нем большие изменения, и влечет за собой разные несчастья. Итак, если его разум избавлен от всех этих образов, то и его физические беспокойства, проистекающие от них, исчезают. Большинство сатанинских лекарств имеет именно такое происхождение.

М.Б.: Но существуют еще болезни, которые реально присутствуют в теле и которые происходят не по причине каких-то там страхов и фантазий. Их же лечат! Но как, скажите мне, можно их излечить с помощью воображения? Конечно, если все это появилось по причине волнения, возникшего в душе человека, то от этого можно избавиться, успокоив его.

Дэн.: Да, но так иногда получается и при телесных недугах, причиной которых является не воображение, но другие страсти. Я могу привести вам один пример, о котором рассказывал некий очень уважаемый и ученый врач. Эту штуку проделал какой-то проныра-слуга. Дело было в Германии. У одной женщины постоянно слезились глаза и потому она плохо видела. Что касается самого слуги, то он снимал у нее комнату. Однажды он пообещал излечить ее и сделал так: он повесил ей на шею какую-то записку и строго предупредил, чтобы она ни под каким видом не снимала и не читала ее, ибо тогда уже точно ничего не поможет. Женщина поверила в это и стала такой веселой и уверенной в себе, что перестала плакать (ибо частый плач и слезы отравляли ей глаза), и постепенно влага в ее глазах пришла в норму, да и сами глаза излечились. Говорят, что когда она потеряла эту

записочку, то, огорчившись, она вновь заплакала и глаза опять разболелись. Кто-то эту записку нашел, открыл и прочитал. Там было написано по-немецки, так что если перевести на английский, то получится так: «Дьявол щиплет тебя за глаза, наполняя их своим калом». Так что, разве это не было средством излечить ее глаза? Если подобное снадобье оказывает свое действие, то глаза лечить уже не надо. Однако не следует думать, что Сатана имеет в своем распоряжении меньше средств, чем все люди на земле вместе взятые, ибо они все-таки лишь его ученики. И там, где человек терпит неудачу, он может сделать то, что нужно, используя болезнь сознания этих людей. И вы услышите, как они говорят, используя какие-то чары, что вы должны поверить в то, что это поможет, иначе вообще никакой пользы не будет. Так что, если хорошо присмотреться, то большая часть всех этих ваших многочисленных историй просто обман.

М.Б.: Хорошо, пусть все, что вы сказали, будет правдой. Однако остается еще много вещей, в которых демоны оказывают помощь. Что вы скажете о мальчике, который вылечился в несколько дней после того, как исцарапал ведьму, а до того его болезнь была ужасной и совсем не лечилась? Что вы скажете о том случае, когда не получилось масло, а с молока не удалось снять сливки? Что вы скажете о сожжении живых существ, например, поросенка или курицы, и прекращении после этого болезни? И, наконец, что вы скажете о помощи тем людям, которых наверняка допекает дьявол, причиняя мучения их телам?

Дэн.: На все это можно ответить в нескольких словах: в тех случаях, когда он может нанести вред человеку или скотине, молоку или маслу, он может помочь, просто отойдя в сторону; когда же он прекращает течение болезни, то это, как я говорил ранее, он делает особенно охотно, ибо, устраняя ее, он делает так, что люди устремляются к нему и иногда становятся даже настоящими колдунами. Если какой-нибудь демон донимает или мучает человека и тот хочет постом и молитвами избавиться от него, начиная сразу же молить об этом Бога, то он без особых хлопот покидает его, хотя и не желая этого, ибо он уступает силе Господа и прогоняется Им. Но когда он причиняет боль, как было в рассказанном вами случае с сыном мясника, и они ищут его помощи и следуют его предписаниям, пуская, например, кровь ведьме, то он уходит, ис-

пытывая удовольствие — я имею ввиду, что он прекращает мучить тело, при этом никуда конечно же, не исчезая, но скорее проникая еще глубже и еще прочнее укореняясь в душе. Вот так все и происходит в остальных случаях. Сколь охотно перестанет он донимать курицу, ибо для того, чтобы доставить ему радость, эта курица будет сожжена заживо. Его помощь — не что иное, как прекращение в нанесении вреда, если, конечно, у него есть сила вредить.

Сэм.: Странно, однако, если все это так. Получается, что в этих местах тысячи обманутых. Говорят, что к той женщине в Р.Х. за одну неделю пришло как-то сорок человек, и многие из них были вовсе не такими, как ты рассказал. Но я помешал, так что прошу тебя, продолжай.

Дэн.: Дьявол может вводить в заблуждение миллионы людей и даже самые мудрые в этом мире, если они не научаемы Господом и не принимают во внимание Его учение, самым законным образом могут стать учениками дьявола.

М.Б.: Если все это обман, то, значит, ведьмы не убивают, не наводят порчи, но, по всей видимости, дьявол мастерски губит людей и причиняет боль в случае, когда болезнь имеет естественное происхождение, заставляя ведьму поверить, что все это он сделал по ее просьбе. А когда Господь дает ему силу, то он подбивает ее, чтобы именно она послала его, будто бы он сам не может чего-то сделать или вмешаться в какое-либо дело до тех пор, пока его кто-то не пошлет. Учитывая, что вся ответственность лежит на Сатане, видимо, нет никакой причины приговаривать ведьм к смерти; однако Писание приказывает делать это[71].

Дэн.: Священное писание говорит, что ведьм следует приговаривать к смерти. Тут вы совершенно правы. Но если вы думаете, что слово Божье предписывает не оставлять их никоим образом в живых, ибо они губили людей и животных, насылая своих духов, из-за чего люди становились одержимыми, а их тела претерпевали мучения, то вы очень сильно заблуждаетесь, ибо, конечно, вы никогда не узнаете от тех, кто испытал муки и кого терзали злобные духи, что Дух святой пребывает и на ведьмах. Причины, по которым их следует приговаривать к смерти, таковы: они водят знакомство с демонами, каковые суть проклятые враги Господа; они совращают людей, заставляя их следовать

дьяволу и заниматься сатанинскими деяниями; у них в распоряжении находятся нетвердые в вере личности[72]. И хотя они никогда не собираются убивать людей или причинять им боль, но хотят делать только добро, как они сами думают, тем не менее, если они связываются с демонами, то за это и должны умереть.

М.Б.: Стало быть, вы думаете, что всех этих знахарей, к которым столь много людей спешит за помощью, поскольку считается, что они делают добро и вовсе не вредят, следует уничтожить. Но давайте посмотрим, что говорит об этом Писание.

Дэн.: Да, они, должны умереть, потому что приносят величайшие несчастья. Считается, что другие ведьмы, которые имеют духов, причиняют зло, потому что дьявол, по предписанию Бога, творит это злодеяние, показывая, что он делает это по предложению ведьмы. И то, что, как кажется, приносит добро, на самом деле доставляет зло, причем совершается все это многими путями, как то с легкостью может увидеть любой человек. Что же касается текста Писания, показывающего, что она должна умереть, то об этом читай сначала 22 главу книги Исход, стих 17, где говорится: «Не позволь колдунье жить».[73]

М.Б.: Это место говорит о колдунах, которые посылают на злое дело своих духов[74]; других же нельзя назвать колдунами.

Дэн.: Но именно о колдунах идет речь тогда, когда призывают приговаривать их к смерти и при этом используют слово Mecasshephah; именно о них идет речь и именно им противостоял перед лицом фараона Моисей, когда воочию они превратили жезлы в змей[75]. И в один род заключает Господь всех тех, кто действует с помощью дьявола. Ибо существует их огромное множество видов и все они названы[76] во Втор.18, и называются они «мерзостью перед Господом»[77], и никакой мерзости нельзя позволять оставаться среди людей Господа. То же и в том месте, где он говорит: «Да не найдутся у вас такие-то и такие-то», перечисляя всех их[78]. Так что следует не только желать, чтобы никто не занимался подобными вещами, но должно уничтожать тех, кто это делает.

М.Б.: Я должен согласиться с тем, чему выносят приговор слова Божии. Однако существует еще одна, труднейшая, вещь — как доказать их вину.

Дэн.: А почему вы считаете, что труднее всего доказать вину ведьмы или колдуна? Чем, как не доказательствами, определяется вина убийцы? Если существует настоящее подозрение и этот человек в ходе расследования признает совершенный поступок, то это и является достаточным доказательством. Если же этот субъект все отрицает, а двое или трое заявляют на основании известного им, принося при этом торжественную клятву, что он виновен в содеянном, то это тоже достаточное доказательство. В отношении этого Господь приказывает Моисею, чтобы никого не умертвляли до тех пор, пока против него не выступят по меньшей мере два свидетеля, Второзак.19, ст.15.

М.Б.: Я думаю, что если этот человек все отрицает, особенно, когда дело идет о жизни, то тут, конечно, надо делать в соответствии с законом Божиим, чтобы было хотя бы два свидетеля. Так можно поступать с убийцами, ворами, но что касается ведьм, то я не вижу выхода[79]. Они настолько тайно сносятся со своими духами, что их почти нельзя уличить в содеянном исключительно за счет категорических показаний свидетелей, говорящих прямо о том, что они слышали или видели, как они посылали своих духов. Кроме того, редко когда ведьма вообще сознается. Ибо общеизвестно, что дьявол имеет над ними такую власть, что не позволяет им делать признания.

Дэн.: Тогда я понимаю, почему вы считаете, что добиться от ведьмы признания тяжелее всего, коли и свидетельские показания, и ее собственные не всегда удается получить. Но что же тогда делать дальше?

М.Б.: Я считаю, что если существует какая-то вероятность, подозрение, общеизвестные слухи, чему есть достаточно удовлетворительных доказательств, а еще лучше, если есть поступок, за который следует повесить, то так можно будет избавить от них эту местность.

Дэн.: Так вы думаете, что их духов повесят вместе с ними и таким образом эта земля будет избавлена и от ведьм, и от духов, а люди и скот заживут спокойной жизнью.

М.Б.: Я все-таки достаточно умен, чтобы так не думать, хотя, по правде говоря, чуть этого не сделал. Ибо я считаю, что если все ведьмы будут повешены, то тогда их духи уже не смогут найти людей[80], которые будут нанимать их, либо посылать, чтобы они навредили человеку или скотине. Но я сознаю собственную глу-

пость, ибо Господь единственный предоставляет демонам возможность наносить вред и испытывать благочестивых людей, а также беспокоить, мучить и досаждать грешникам, и они будут делать это, даже если повесить всех ведьм на земле. Я знаю, что им не нужно, чтобы о них заботились или давали какую-то работу.

Дэн.: Но не боитесь ли вы, что если будут повешены все подозреваемые, то среди них может вдруг оказаться лишь несколько действительно виновных людей? Вы же видите, что многие, казненные по обвинению в колдовстве, после смерти объявлялись невиновными.

М.Б.: Я скажу вам все, что я думаю по этому вопросу. Ведьмы поднимают бури, они наносят вред посевам и плодовым деревьям, несут людям чуму, а скотине ящур. Они насылают на людей своих духов, делая их хромыми, убивают детей и домашний скот; их духов нельзя заметить, от них нельзя отгородиться дверью и стенами, как от воров и убийц, но они приходят, если их посылают, и причиняют много зла. Вот почему я думаю, что было бы весьма полезно приговорить всех подозреваемых к смерти, пусть даже кто-то из них и невиновен, потому что в таком случае уже наверняка никто не уйдет от наказания.

Дэн.: А вы не думали, сколь это ужасно — пролить невинную кровь?

М.Б.: Да, это так, но я думаю, что будет гораздо лучше, если кого-то приговорят по ошибке, чем оставить одну ведьму, которая будет убивать людей и вредить им.

Дэн.: Так значит вот почему вы настаиваете на том, что надо приговаривать к смерти всех подозреваемых (хотя могло случиться и так, что среди них были и невиновные) с целью избежать больших беспокойств, поскольку в противном случае несколько спасшихся ведьм смогли бы мучить и убивать людей. Лучше по ошибке приговорить несколько человек к смерти, чем если демоны будут мучить, убивать или насылать хромоту на многих людей. И что, вы действительно так думаете?

М.Б.: Не совсем. Вы утверждаете, что злые духи наделяются силой, чтобы допекать людей и животных, исключительно от Бога. Они этого жаждут, они смотрят, когда и где Он позволит им начать действовать, а где будет испытывать веру и терпение с помощью своего правосудия, как это Он делал с Иовом. Это Он посылает его[81], когда ведьма хочет послать демона; это всего лишь предлог, она не может дать демону силу и

он сделает то, что хочет, даже если она об этом не думает. Когда Господь желает настигнуть и покарать грешника, Он дает разрешение демону, так что все это происходит вовсе не по воле разгневанной ведьмы, но причиной этого является собственная слабость людей, каковая и вызывает у Господа чувство недовольства. Таким образом, они дают оружие в руки своему врагу.

Дэн.: Следовательно, поскольку существуют эти два положения, то есть что Бог через Сатану вредит некоторым образом и испытывает своих детей (как, утверждаете вы, Он сделал с Иовом) и что Он использует его в качестве палача, чтобы терзать и мучить грешников, как было, когда Он послал злого духа мучить царя Саула[82], постольку и злодеяния, совершаемые злобными духами, не прекратятся, хотя бы и были повешены все ведьмы и заклинатели в мире. Посмотрите лучше на причины, если мы отказываемся от подобных выводов. Если ты боишься Бога, а Сатана поражает тебя, то будь тверд в вере и терпении и жди освобождения своего от Господа. Если ты преодолеешь соблазн, то будешь благословлен и получишь венец, Иак.1.12. Если твои грехи спровоцировали Господа и враг коснулся твоего тела или имущества, пади ниц и пребудь в смирении, посте и молитве, и умоли Господа умерить его нерасположение; не смотри на ведьм, не ищи причин там, где их нет, не ищи помощи у демонов, не будь учеником колдуний, не совершай мерзостных вещей осквернением имени Господа и возвеличиванием Сатаны, не испытывай жажды по крови невинных, как это часто бывает.

М.Б.: Я согласен со всем этим; конечно, проливать кровь невиновных — огромное зло.

Дэн.: Из текста Священного писания мы видим, что пролитие крови невиновных — ужаснейшая вещь пред взором Господа всемогущего; и очень прискорбно, когда земля полита кровью невинных. Есть лишь одна особая причина, когда Сатана связывается с ведьмами: он стремится проникнуть в виновных, находящихся под подозрением, и он думает, что благодаря его помощи ведьмам во всех городах появится много зловредных колдунов, так что ему удастся многих ввести в разгневанное состояние, чтобы все думали о его присутствии или прямом участии даже в самых ничтожных делах. Вот тут-то все судьи и окажутся виновными в пролитии крови ни в чем неповинных людей, осудив их как виновных на основании их клятвенных за-

верений. Все эти подозрения основываются на пустых домыслах и представлениях, иллюзиях, возникающих из слепоты, неверия и страха перед Сатаной, который живет в невежественных людях.

М.Б.: Если вы допускаете, что все это происходит благодаря мастерству Сатаны, делающего многих людей виновными в пролитии крови невинных даже путем использования их клятвы, что более всего ужасно, то что, по-вашему, должны делать все судьи и суды, когда любой человек может быть обвинен по подозрению в колдовстве?

Дэн.: Что я им посоветую? Я бы пожелал им быть очень осторожными и осмотрительными, дабы не стать виновными в пролитии крови ни в чем неповинных людей. И если обвинять, так только основываясь на твердых доказательствах и неколебимых основаниях, ибо презумпция не оправдает и не извинит их в глазах Господа в том случае, если будет пролита кровь невиновных.

М.Б.: Иногда получается так — особенно, если обвиняется вор, убийца — что прямое свидетельство отсутствует, но определенные конкретные обстоятельства даже усиливают уверенность суда в том, что этот человек виновен. Кажется, данной практики придерживаются, главным образом, в отношении ведьм, поскольку их связи очень тесны и сокрыты; кроме того, считается, что дьявол обладает столь большой властью над ними, что он не позволит им признаться.

Дэн.: Вы привели два соображения, чтобы доказать, что при определении виновности ведьм предположение и вероятность, по-видимому, имеют более силы, нежели в случае с ворами и убийцами. Первое, это то, что их связи тщательно скрываются; второе — то, что дьявол не позволит им признаться. Действительно, человек, предполагающий, что ведьмы причиняют необычайные страдания, просто горит от желания повесить их, надеясь, что после этого он станет свободным, и, убедив себя таким образом, о чем вы уже упоминали, он думает, что лучше всего приговорить к смерти всех подозреваемых. Что же касается воров и убийц, то пусть люди обратят внимание на то, как они полагаются на предположения до тех пор, пока они не становятся реальными, ибо мы видим, что порой суд обвиняет невиновных, что совсем нехорошо, особенно если это делается на основании их клятвенных заявлений.

В вопросах, относящихся к вере, доказательства должны быть особенно четкими, потому что здесь хитрость Сатаны, желающего погубить невинных, присутствует в гораздо большей степени, чем в других случаях. Тут нужно использовать особую мудрость и такт. А что касается тех, кто признается, то здесь Сатана приобретает себе больше выгоды именно благодаря их признанию, нежели если они будут запираться. Он скорее заставит их раскрыться и признаться, чем будет настраивать их на отрицание.

М.Б.: Этих вещей мне понять не дано, да я в них и не разбираюсь. Я лишь прошу вас объяснить мне их так, чтобы я смог понять то, что вы в это вкладываете, и увидеть резонные основания ваших утверждений.

Дэн.: Тогда необходимо остановиться на этом вопросе поподробнее. Давайте начнем с последнего.

М.Б.: Уж если вы начнете с последнего, то потом расскажите и о тех соображениях, по которым Сатана раскрывает ведьм, подводит их к признанию и обнаруживает их, а не утаивает и не скрывает их деяния. Должен, правда, заметить, что большинство людей думает иначе, основываясь, вероятно, прежде всего, на фактах, с одной стороны, и на разумных основаниях с другой.

Дэн.: Я знаю, что люди думают именно так, как вы сказали, однако я сильно удивлен, видя, как практический опыт и разум доказывают противоположные вещи, что я и постараюсь показать. Когда речь идет о разумных основаниях, вы считаете, что демоны, действуя одновременно хитростью и коварством, делают то, на что направлены их самые сокровенные желания и устремления.

М.Б.: И именно поэтому дьявол ни в коем случае не будет разоблачать своих ведьм, потому что ему надо скрываться для того, чтобы совершать различные злодеяния.

Дэн.: Действительно, это могло бы стать хорошим основанием для доказательства того, что Сатана получает свою силу от ведьмы, или что он не может ничего делать, пока она не пошлет его, или что ему необходима ее защита, или что он никуда не вмешивается, но приглашается единственно для того, чтобы утолить ее злобу. Однако совершенно ясно, что все это ерунда, и именно он использует ведьм и заклинателей для того, чтобы совершать еще большие злодеяния. Отсюда с неизбежностью должно следовать, что раскры-

тие ведьм ему выгоднее, нежели возможность держать все их деяния в тайне, ибо если об этом никому не будет известно, то как тогда он сможет заставить людей думать, что он совершает все эти злодеяния по наущению ведьм? Каким образом удастся ему тогда увлечь столь большое количество людей за демонами, дабы они искали у них помощи? Каким образом он сможет тогда подбить их прибегать к запретным и проклятым заклинаниям, к колдовству, оскорбляя таким ужасным образом благословенное имя Божие и Его святое слово? Или как тогда он приведет людей к многочисленным заблуждениям, заставляя их даже жаждать крови невинных? Все это и еще многое другое ему удается успешно делать благодаря разоблачению ведьм.

М.Б.: Но как можно подтвердить это положение реальными фактами? Я, например, не сомневаюсь, что он не желает, чтобы его даму (как говорят некоторые) обнаружили.

Дэн.: Вы правильно сказали, внешне он не желает, чтобы его ведьма была обнаружена. Но на самом деле это только так кажется, ибо он заставляет и ее, и всех остальных поверить — даже раскрывая ее тем или иным способом — в то, что делается это им неохотно и против его желания.

М.Б.: Прошу вас, поясните это на примере.

Дэн.: Когда человек чувствует, что он заражен чумой и записывает это на счет Сатаны, то он поступает так: идет к знахарю и тот показывает ему в бокале или кристалле облик этой ведьмы. Стало быть, кто на этот раз раскрыл ее?

М.Б.: Это сделал дух данного знахаря, а не дух ведьмы, с которым она имеет дело.

Дэн.: Но вы-то сами в этом не уверены, потому что это может быть тот самый демон, с которым она связана; и именно он показывает ее отражение. Никто другой не сможет сделать этого лучше.

М.Б.: Я не думаю, что он будет удаляться от нее так далеко.

Дэн.: Да, но вы должны помнить, что ведьма, связанная с каким-то духом, имеет отношения не с одним демоном, но с многими, ибо большинство их объединяется вместе. Когда один из них отправляется, неся данное изображение знахарю[83], остальные остаются на месте. Но что происходит, когда получается так, как говорите вы? То есть когда какие-то другие духи откры-

вают их сущность. Вы думаете, они делают это против воли духа ведьмы? Но отделен ли Сатана от Сатаны?[84] Откроет ли Сатана личину Сатаны, чтобы создать себе препятствие? Помните, о чем учил наш Спаситель касательно этого предмета.

М.Б.: Следовательно, если все обстоит так, то вы не считаете достаточным доказательством в деле против ведьмы, даже для суда, если она признана виновной на основании собственного заявления, когда какой-либо знахарь с помощью своего духа обнаруживает ее.

Дэн.: Это одно из самых неудовлетворительных доказательств, которые вообще существуют, ибо если даже он и говорит правду, раскрыв подлинную сущность некоторых людей, что подтверждается и их собственными показаниями, то все-таки он делает это, ведомый неправедной целью. Вот почему его слова лживы, ибо отец лжи желает единственно обвинить невиновных, чтобы иметь возможность сделать этого человека ответственным в пролитии их крови и заставить людей поверить, что вокруг них существует множество ведьм, подбить их к изучению заклинаний и колдовства, но, главным образом, для того, чтобы к нему имели возможность стремиться все плохие люди. Итак, если он искусно разоблачил кого-то для того, чтобы завоевать себе больше доверия, то может ли человеческое решение, основанное на клятве, опираться на подобного рода свидетельства? Если дьявол приходит в суд и говорит, что человек, дело которого он расследует, колдун, то должны ли члены суда верить ему? Или же им следует сказать, чтобы он принес клятву и свидетельствовал уже на ее основании? Если же этого не будет, то почему они должны верить тому, что он сказал данному знахарю?

М.Б.: Да-да, у меня нет никаких сомнений относительно того, что все это он мастерски проделывает, имея перед собой лишь отвратительные и ужасные цели, и что его свидетельству, если оно делается добровольно, не должно оказывать никакого доверия. Но что вы скажете насчет его свидетельских показаний, когда ему приказывают и заставляют во имя Божие говорить правду? Ведь тогда он если и захочет скрыть что-либо, то уже не сможет.

Дэн.: Чародей, который предполагает, что его[85] ограничивает в действиях имя и сила Господа, обязующие его говорить правду, сильно заблуждается. Его ведь никто не ограничивает и он рад, что славнейшее

имя Господа подвергается столь ужасному оскорблению и что он может привести человека в это скопище всех мерзостей.

М.Б.: Нет, я не имею ввиду волшебников, но когда благочестивый человек пытается воздействовать молитвой.

Дэн.: Вы, вероятно, имеете ввиду следующее: если мужчина или женщина одержимы дьяволом, допустим, что это так (сделаем это для того, чтобы отличить их от многочисленных притворщиков, как частенько бывало), то все эти одержимые собираются в одном месте и взывают к Господу, заставляя Сатану сказать им во имя Христа, как он пришел сюда и кто его послал.

М.Б.: Вот-вот, именно это я и имел ввиду. Некоторые одержимые действительно требуют у дьявола ответа, кто послал его, и он признается, что такой-то человек прочел заклинания и отправил его сюда, или что его послала какая-то ведьма. Разве это не убедительно?

Дэн.: Когда кто-нибудь одержим дьяволом, то человеческие страсти, любовь, горе проявляются очень ярко, показывая, что могут сделать люди, попавшие в эту беду. Они должны самым незамедлительным образом умолять Господа выказать свое милосердие и изгнать дьявола. Учение Св. писания подтверждает это, но для людей, которые будут обсуждать его слова и спорить с ним, я не вижу никакой опоры в слове Божием, особенно если при этом они хотят заставить Сатану удалиться. Ведь он — палач Господа, Бог послал его и мы можем лишь просить Господа убрать его, но разве у нас есть власть приказывать ему убраться, если сам Господь послал его?

М.Б.: Согласен, человек не имеет власти, однако люди упрашивают и даже требуют от него во имя Господа уйти отсюда.

Дэн.: То, о чем я говорю, не обязательно происходит, однако давайте поразмыслим над следующим сравнением. Принц недоволен своим подчиненным за проявленное неуважение. Он посылает офицера арестовать его и посадить в тюрьму. Будет ли он или кто-либо другой просить этого офицера именем принца оставить его на свободе и не вмешиваться в это дело? Не будут ли направлены их действия на умиротворение принца, дабы он дал команду этому офицеру воздержаться от исполнения приказа? Так что, когда Бог посылает Сатану, своего палача, единственное, что можно сделать, так это про-

сить Господа смилостивиться, ибо тогда сей мучитель уже не будет действовать столь долго.

М.Б.: Как же соотносится то, что вы говорите, с тем, что мы читаем в Деяниях апостолов, когда святой Павел приказывает дьяволу оставить некую служанку, жившую в Филиппах?[86]

Дэн.: Святые апостолы и другие члены первоначальной церкви обладали необычайной властью, данной им, чтобы изгонять дьяволов, излечивать болезни, и они пользовались этой самой властью под руководством и водительством Святого Духа. Вот почему мы не можем принимать все это за единое правило.

М.Б.: Однако мы видим, что демонов иногда изгоняют.

Дэн.: Это получается лишь тогда, когда обращаешься к Господу с молитвой; иначе нам только будет казаться, что они связываются нашими просьбами и изгоняются. Но как можно доказать, что отец лжи может быть связан и заставлен с помощью молитвы во имя Господа и силы Его говорить правду? Какие гарантии есть у нас, что из уст его мы слышим правду? Мы говорим ему: «Мы призываем тебя, во имя Господа, сказать нам, кто послал тебя. Кто послал тебя? А?» «Матушка Джоан, это она», ответит он. «Но мы опять призываем тебя сказать нам, во имя Господа, кто послал тебя». «Сюда меня послал чародей Л.Б. (скажет он)». Должны ли мы думать, что он сделал это, подчинясь силе? Или же члены суда должны быть уверены в том, что он говорит правду?

М.Б.: Дьявол, находящийся в одержимом человеке, сказал, что сюда его направил такой-то человек. За это указанный чародей был приговорен к смерти. Кстати, он во всем признался. А еще был случай, когда дьявол, живший в человеке, сказал, что его послала некая женщина, что последняя, в общем-то, и признала.

Дэн.: Все это свидетельствует лишь о том, что я и так не отрицаю. Господь дает дьяволу возможность овладеть человеком. То же, что он посылается чародеем или ведьмой, служит здесь лишь в качестве предлога. А человек думает, что демон поселяется в нем по их просьбе. Некоторые при этом считают, что подобное состояние даже несколько ограничивает действия демона, поскольку он управляет только их разумом. Однако затем дьявол охотно разоблачает этих людей, преследуя множество целей, стремясь, главным образом, породить колдовство, чародейство и заклинания, делая так, чтобы за ним по-

шли люди и чтобы он мог заставить их среди всех этих бедствий начать заботиться о ведьмах и чародеях, словно те могут причинять какие-то мучения, и не обращать внимания на Господа, так что, разоблачая определенных ведьм и мошенников, он сможет завоевать доверие людей и ему станут верить даже тогда, когда он будет возводить фальшивые обвинения, так что он сможет оросить землю кровью невинных жертв. Вот почему все люди должны обратить внимание на то, как, не взирая на свои клятвы, они выносят приговоры, особенно в случаях, касающихся жизни и смерти, как бы их к этому ни принуждали: все это — результат необычайной хитрости и искусства дьявола.

Сэм.: Разрешите и мне сказать кое-что. Ты говорил, что дьявол охотно разоблачает ведьм и волшебников, и делает это ради каких-то своих целей. Но я много слышал о недавно произошедших случаях, которые, помоему, говорят о прямо противоположном, то есть когда он с прискорбием воспринимает весть о том, что они признались и раскрыли свои секреты.

Дэн.: Нет, он только внешне воспринимает все это как дурное событие. Давайте лучше посмотрим на эти случаи и ты в точности увидишь, что он обманывает и покрывает лишь то, что не соответствует его действиям.

Сэм.: Ну, я слышал от людей, полностью заслуживающих доверия, как не так давно одна женщина стала подозревать другую в том, что она — ведьма и что каким-то образом уже успела навредить ей. Она подговорила одного джентльмена послать за подозреваемой, а затем, обвинив ее в его присутствии, она оставила ее этому джентльмену, который, идя рядом с ней, начал увещевать ее и призывал отказаться от дьявола, оставив сей грешный путь. Пока он ее так уговаривал, а она упрямо доказывала, что она обычная женщина, неожиданно на некотором расстоянии от них появилась то ли ласка, то ли рак, пристально смотревший в их сторону. Погляди (сказал этот джентльмен), вон там сидит твой дух. О, мистер (отвечала она), это какое-то хищное животное, а их тут повсюду видимо-невидимо. И вот, пока они подходили к этому месту, существо исчезло из вида, однако оно иногда появлялось и опять смотрело на них. Конечно (сказал джентльмен), это твой дух. Но она по-прежнему начисто все отрицала и тут вдруг ее рот резко перекосило на сторону. Тогда этот джентльмен немного нажал на нее и

она во всем призналась. Она заявила, что, посылая своего духа, вредила людям и убивала их. Джентльмен же, не будучи членом суда, отпустил ее домой, решив открыть это дело кое-кому из судей. Когда она подходила к дому, ей встретилась другая ведьма, обратившаяся к ней с такими словами: «Ах ты, холера! Что же ты наделала! Ты предала нас всех». «Как же нам теперь

все это исправить (спросила та)? Что скажут остальные?» «А ты пошли своего духа и пусть он коснется этого человека (посоветовала ее подруга)». Тогда она действительно послала своего духа и тот джентльмен внезапно увидел возле себя огненную вспышку. Но он тут же обратил свое сердце к Господу и с ним ничего не случилось. Возвратившись, дух сказал, что он ничего не мог сделать по причине сильной веры последнего. «А что, — спросила другая ведьма, — у него нет ничего, к чему можно было бы прикоснуться?» «У него есть ребенок», ответила другая. «Так пошли своего духа, — посоветовала предыдущая, — и пусть он коснется этого ребенка». Тогда ведьма послала своего духа, тот коснулся ребенка, отчего он заболел и умер. Ведьмы же признались в содеянном и были повешены[87].

Дэн.: А для чего ты вообще упомянул об этом случае?

Сэм.: Чтобы показать, сколь неохотно идет дьявол на то, чтобы ведьмы признавались и рассказывали о своей деятельности. Нет никаких сомнений, что когда тот джентльмен уговаривал ее, дьявол как бы отвлекал ее, боясь, как бы она не призналась. А когда она не послушалась, он перекосил ей рот. Когда же она призналась, дьявол нажаловался другой ведьме и таким образом натравил ее на ребенка.

Дэн.: Дело здесь предельно ясное — он весьма охотно разоблачает их. Правда, вы, может быть, думаете над тем, почему он появился в виде определенного животного и даже подтолкнул ее к признанию, приведя в замешательство и дав тем самым этому джентльмену явное доказательство, особенно когда он перекосил ей рот. Но почему же тогда он заставил другую ведьму подбить ее (в чем она призналась) послать того духа? А сделал он все это потому, что хотел еще больше осветить данное дело и вывести их обеих на всеобщее обозрение.

Сэм.: Но что же двигало им, когда он разоблачал ведьм? Что он мог поиметь от этого?

Дэн.: Лучше спроси, чего он не смог бы заиметь. Именно поэтому нынче во всех странах люди бьют тревогу. Ведьмы словно дали команду своим духам увечить и убивать, однако в действительности делают это не они, но дьявол, посылающий духов. Он знает о той власти, которой наделил его Господь, дабы он причинял страдание и муки; он действует через ведьм, он заставляет других бояться их, вот почему и получается, что ведьм вполне можно обвинить в совершении

всех этих преступлений. И он же находит самые различные средства, чтобы раскрывать все это. Именно он подвигнул тех ведьм на то, чтобы они послали его против этого джентльмена. Ему прекрасно известны его возможности, а потому он возвращается. И разве Господь не дает ему власти вредить иногда своим верным? Но разве может он повлиять на всех, у кого нет веры? Если бы мог, то уже давно большая часть мира была бы им уничтожена. Однако таких людей — по сравнению с исповедывающими истинную веру — к счастью, слишком мало. В таком случае его следовало бы послать к детям, которые еще не имеют веры, но разве не вера родителей питает Божескую опеку, защищающую и детей, и их самих? Мастерство же Сатаны заключается в следующем: он знает по некоторым признакам, имеющимся в организме ребенка, что в течение определенного времени он заболеет и умрет. Но за убийцу этого ребенка примут его, и будет считаться, что именно он обладает такой властью, делая все, что захочет. Ибо он обладает властью, данной ему Богом, каковую и применяет в данном случае. Если он каким-то образом поражает ребенка, то неужели ты думаешь, что он совершает все это единственно для того, чтобы доставить удовольствие ведьме? Или же ты считаешь, что он никогда ни о чем подобном не думал, и лишь она подтолкнула его на это? Разве не расхаживают тут и там легионы демонов, ища, кого бы поглотить?[88] Разве они не ждут, когда Господь даст им возможность нанести удар? Неужели мы все еще настолько глупы, чтобы думать, что эта женщина должна просить или умолять их причинить кому-то зло? Смотри на Господа, ибо эти злобные духи играют в нашей игре все роли, вводя в заблуждение и ведьм, и всех остальных.

Сэм.: Я расскажу тебе еще один случай, также произошедший недавно. Одну женщину заподозрили в колдовстве и в том, что она причинила вред чьей-то скотине. Ее допросили и она призналась, что у нее был дух, который жил в старом дереве, сидя в дупле которого, он часто вел с ней беседы. И каждый раз, когда ее кто-то обижал, она приходила к этому дереву и отправляла его, прося погубить скотину обидчика. И вот ее уговорили открыто признаться во всем и пообещать навечно расстаться с такой неблаговидной деятельностью. Но после того, как она сделала подобное признание, к ней, когда она была совсем одна, пришел этот дух. «Ах, — сказал

он, — ты призналась и все раскрыла. Смотри, я ведь могу порвать тебя на кусочки». Она испугалась, однако он взвившись вверх, лишь взял ее с собой. Несколько недель спустя она сильно прогневалась на одного мужчину. Она идет к этому дереву и дух ее спрашивает: «Зачем это ты пришла? Кто прогневал тебя?» «Какой-то мужчина», — сказала эта ведьма.«И что ты хочешь, чтобы я сделал?», — спросил дух.«У него есть две лошади, — отвечала она. — Они пошли вон туда. Коснись их обеих или хотя бы одной из них». В общем, одна лошадь пала в эту же ночь, а другая едва не околела, но ее в конце концов все-таки выходили, правда с тех пор она еле ходит. Думаю, здесь все ясно: он рассердился на то, что она все открыла. Однако когда она пришла к дереву, он забыл о своем недовольстве и с готовностью пошел на дело.

Дэн.: Ты думаешь, что здесь все ясно. Здесь действительно все ясно, если учесть ту связь, которую демоны обычно используют. Но ты и вправду думаешь, что Сатана квартирует в дуплистом дереве? Ему что, больше уже делать нечего? Неужели он перестал быть тем львом, ищущим, кого бы поглотить?[89] Неужели он сменил свою кровавую и жестокую сущность того ужасного дракона[90] и отказался причинять людям вред, делая это лишь тогда, когда какая-то разгневанная женщина просит его пойти и убить корову или лошадь? Неужели он настолько состарился, что человеку стало под силу обнаружить его мастерство или даже стать более умелым, нежели он? А может быть во всем этом и нет никакой хитрости?

Сэм.: Ты думаешь, что в этих вещах кроется коварство?

Дэн.: Думаю ли я так? Лучше-ка скажи, что ты на сей счет думаешь. Чем же это может быть, как не коварством.

Сэм.: Но ведь его целью было (по-моему, этого демоны хотят больше всего) причинить вред людям.

Дэн.: Я этого не отрицаю, ибо все его умение направлено именно на это. Но что ты имеешь ввиду, говоря слово«вред»?

Сэм.: Ты же видишь, что в данном случае он погубил скотину этого человека.

Дэн.: Может быть, это действительно сделал он. Но ты-то откуда знаешь?

Сэм.: Ты же слышал, что по ее просьбе он пошел и убил одну лошадь и чуть было не погубил вторую.

Дэн.: Я бы не рискнул так утверждать. Кто сказал тебе, что он погубил одну и едва не убил вторую лошадь?

Сэм.: Ведьма сама призналась во всем содеянном.

Дэн.: А ей кто это сказал?

Сэм.: Ее дух сказал ей, что сделал так, как она просила.

Дэн.: Да-а, личность достойная доверия... И, судя по всему, весьма послушная.

Сэм.: Ну почему, мы же видим, что все произошло согласно ее показаниям.

Дэн.: Что ты имеешь ввиду?

Сэм.: Ну, она признала свою вину, этот дух рассердился на нее, потом она повздорила с тем мужчиной и из-за этого его лошадь сдохла. Она призналась, что посылала духа. Разве здесь возможно простое совпадение?

Дэн.: Когда она пришла к дереву, дух спросил ее: зачем ты пришла? Кто разозлил тебя? Так?

Сэм.: Да.

Дэн.: Ты что, воображаешь, что дьявол лежал там и ничего не знал до тех пор, пока она не пришла и не сказала ему?

Сэм.: А зачем нужно было ему ее спрашивать, если он обо всем уже знал?

Дэн.: Потому что он коварен. Он заглянул ей в душу и воспламенил там гнев, обеспечив таким образом все случившееся между ней и тем мужчиной. Кроме того, он знал, что уже в это время лошади страдали чем-то, что должно было послужить причиной их смерти. Либо же это Господь дал ему силы поразить их. Тогда он написал на ее сердце, чтобы она вновь пришла к дереву. С виду он был рассержен из-за того, что она призналась, но на самом деле он хотел, чтобы эти вещи стали всем известными. Если бы он не знал, что лошадь умрет по естественной ли причине, действие которой стало усиливаться, либо же благодаря данной ему силе, то он бы не стал делать так, чтобы она пришла к дереву в этот момент. Даже если ее гнев, без его участия, завел ее столь далеко, он мог быстро придать ему нужное направление. Ибо велика сила Сатаны, манипулирующего сердцами таких людей.

Сэм.: Но я заметил то, что ты упустил. Могло ведь случиться так, что Бог иногда дает силу дьяволу, даже посылая ведьму.

Дэн.: Я говорил, что Господь в справедливости своей дает Сатане силу вводить людей в заблуждение, ибо лю-

ди отказываются любить Его правду. Но из этого не следует, что дьявол получает возможность вредить потому что на дело посылается ведьма. Это происходит по вине человека, ибо сила дьявола увеличивается грехами людскими. Господь же оскорбляется и насылает (как говорит ап. Павел) сильный обман. Но есть ли у тебя еще примеры, с помощью которых можно доказать, что дьявол не желает, чтобы ведьмы были обнаружены?

Сэм.: Я слышал о многих подобных случаях, но ты говоришь, что все это хитрость, и что дьявол заставляет людей думать, что все совершенное зло — дело его рук.

Дэн.: Дьявол заставит людей поверить, что он делает все это, только тогда, когда он сможет это осуществить. Вот почему ему выгодно, когда он причиняет зло, не держать этого в тайне, но провозглашать во всеуслышание.

М.Б.: А что вы скажете на это. Одна ведьма была задержана на основании сильного подозрения и предстала перед судом. Он повел дело таким образом, что она, как я слышал, призналась. Признание это было следующего рода: у нее было два духа, один в виде ласки, другой — мыши. По ее словам, они делали для нее множество вещей. Как-то раз она даже обвинила некую женщину, жившую в десяти-двенадцати милях оттуда, которую (вполне возможно) она и не знала, и тем не менее, назвала по имени, в колдовстве, причем при этом сказала, что у нее есть во рту такое место, откуда ее дух сосет кровь[91].

Дэн.: Дьяволу легче всего сказать ведьме, что такая-то женщина или такой-то мужчина занимаются колдовством и носят на теле определенную тайную отметину. Ведь на протяжении нескольких последних лет он обвинил с помощью ведьм и чародеев людей, необычайно религиозных и благочестивых. Люди должны помнить, что они основываются не на его свидетельствах. Он не должен вмешиваться в это дело, а любое его вмешательство должно быть отброшено, так как все это он проделывает с необычайным коварством.

М.Б.: Безусловно, свидетельство дьявола не должно само по себе иметь силу в суде до тех пор, пока оно не будет подтверждено какими-то неоспоримыми доказательствами. Но что вы скажете по поводу следующего случая? Некая ведьма была осуждена и, уже стоя у виселицы, она рассказывает не только о том, что она сделала, но также и о том, от кого она получила своего духа. Де

лала она это с сожалением, ибо готовилась покинуть земную жизнь. Полагают, что в подобном случае в ее словах не содержалось ни капли лжи или голословных обвинений. Она сказала, что этого духа ей доставила одна женщина из другого города. Кстати говоря, ее уже давно подозревали некоторые соседи. Тогда ее арестовали и доставили в суд, однако она упрямо отрицала, что является ведьмой и что когда-то доставляла духа другой ведьме, ныне обвинявшей ее. Вопрос вот в чем: не являются ли свидетельства женщины, сделанные ею перед смертью, достаточным основанием для суда, чтобы признать ту, вторую, виновной? Здесь-то у них в распоряжении уже не свидетельства дьявола, но женщины, сообщенные ею пусть и не под присягой, но перед лицом смерти, что, на мой взгляд, не менее весомо.

Дэн.: Подобное свидетельство может показаться достаточным основанием для суда и ее назовут виновной, хотя дело идет о жизни и смерти. Но если хорошо к нему присмотреться, то мы увидим, что это не так.

М.Б.: Может быть вы хотите сказать, что оно не совсем неоспоримо, поскольку оно — единственное свидетельство?

Дэн.: Нет, не только поэтому, но и потому, что это свидетельство точно такого же человека.

М.Б.: Я привел этот пример потому, что женщина раскаялась. И пусть она раньше была плоха, но теперь-то ей можно верить.

Дэн.: Я не имел ввиду то, что если она ведьма, так ей и верить нельзя. Но если она никогда не раскаивалась, то ее свидетельство слишком слабо, потому что она сильно заблуждается, думая, что говорит правду, хотя на самом деле это вовсе не так, но сплошной самообман.

М.Б.: Вы имеете ввиду, что дьявол мог заставить эту женщину думать, что другая принесла ей духа, а в действительности же этого не было?

Дэн.: Да, именно об этом я и говорю.

М.Б.: Нет, мне никогда не понять, как это может произойти.

Дэн.: Вам следует помнить, что дьявол обманывает женщин разными способами, заставляя их верить в вещи, которых в действительности не существует. В Германии да и в других странах демоны так вводят ведьм в заблуждение, что заставляют их поверить, будто именно они поднимают бури с грозами и молниями. Демоны ведь знают, когда произойдут подобные вещи — бури,

громы, и распускают слухи, заставляя ослепленный мир поверить, что все эти великие деяния Господни суть не Его, но дьявола. Именно по этой причине он жаждет проявиться в них. Такие демоны заставляют ведьм поверить, что именно по их просьбе они губят людей и животных, нанося различными путями вред, в то время как многое случается естественным образом, а кажется, будто это сделали они. То же и в остальном, в отношении чего они наделены силой действовать — они подбивают ведьм, делая при этом вид, будто это те посылают их. В некоторых местах такие демоны заставляют ведьм верить, что они приобретают личину волков, раздирающих и рвущих на части овец, что они собираются вместе на празднества, что иногда они переносятся по воздуху, каковых вещей на самом деле не существует, однако демоны самым строгим образом держат ведьм в подобном заблуждении[92]. Дьявол может обмануть женщину даже так, появившись в образе другой женщины, приносящей ей мышь или кота. В умах, страдающих от меланхолии, он может создать весьма прочную выдуманную им картину, когда будет казаться, что такое-то дело произошло, а в действительности этого никогда не было. В подобных случаях человек должен быть особенно рассудителен, иначе он очень быстро будет обманут коварством Сатаны и ввержен в великий грех.

М.Б.: Если это так, то как будет суд выносить приговор, осуждающий ведьму? Получается, что ни она не убивала, ни дьявол не делал этого по ее просьбе.

Дэн.: Согласно слову Божьему, ведьма должна умереть, но не потому, что она убила человека, ибо этого она сделать не может (если это не те ведьмы, которые убивают с помощью яда, либо полученного ими от дьявола, либо приготовленного по его рецептам), но потому, что они связаны с дьяволом. Так что если суд найдет доказательства того, что она связана с демонами, то она может и должна быть признана виновной в колдовстве.

М.Б.: Если будет обнаружено, что ведьмы виноваты в том, что имели связь с дьяволом, но нельзя будет сказать, что они убили человека, то суд не приговорит их к смерти.

Дэн.: Следовало бы пожелать, чтобы закон был более совершенен в этом отношении, вплоть до того, чтобы сия мерзость была искоренена. Эти чародеи и колдуньи, которые, будучи связаны с духами и прибегая к заклинаниям, внешне делают добро, на самом деле

ведут людей к многочисленным прегрешениям. Что же касается остальных, водящих знакомство с демонами и использующих волшебство, то всех их следует уничтожить, дабы остальные видели и боялись.

М.Б.: Вы никогда не получите такого свидетельства дьявола, которое примет суд. И что вы скажете тогда людям? Что был кто-то, кто теперь умер, а перед смертью сказал, что все они околдованы. И вы точно скажете, что это сделал тот-то и тот-то. Вопрос как раз и заключается в этой похожести.

Дэн.: Они околдованы на самом деле, ибо их сознание затуманено дьяволом. И вы не услышите от них ничего, кроме того, что для них человек — ничто, и уж в этом они не сомневаются.

М.Б.: То, что вы сказали, отчасти, может, и верно, но я лично знал женщину, которую очень многие считали ведьмой. И действительно, когда она бывала разгневана, то случалось много странных вещей. Это вы не считаете реальным доказательством? Она, конечно, все отрицает, однако все это происходит и случившееся говорит само за себя.

Дэн.: Вы должны рассказать их нам и тогда мы увидим.

М.Б.: Случилось так, что она разозлилась на одного человека, а у него была свинья, которая внезапно сдохла. Другой думал, что не нравится ей, и у него заболела лошадь. Третий не мог сидеть на стуле во время работы. В общем, за девять-десять лет таких случаев было много. Одни видели дьявола размером чуть больше кошки, с огромными глазами. Кто-то варил пиво, но оно не густело. Третий видел в ее доме нечто размером с ягненка, играющего около окна. Еще одного часто посещал какой-то дух. Некая старушка, находившаяся в безутешном настроении, видела эту женщину, стоявшую возле нее всю ночь; по ее словам, именно она околдовала ее. Таких случаев было великое множество, так что их невозможно даже перечислить. И если бы она не была ведьмой, разве могло бы все это произойти?

Дэн.: Я уже сказал, что там, где Сатана имеет отношения с ведьмой, он делает так, что во всех случаях, когда он обладает властью, полученной от Господа, кажется, будто он не делает ничего, но направляется исключительно по просьбе ведьм. В тех случаях, когда мы встречаемся с болезнью, хромотой или смертью, наступившими вследствие естественных причин, он дела-

ет так, что заставляет ведьму поверить в то, что это ее рук дело. И все это — только для того, чтобы оно обнаружилось. Там же, где у него нет возможности связываться с ведьмами, он старается постепенно посеять в некоторых людях сильное подозрение в отношении того или иного мужчины или женщины. Так что, если уж он начал, то от своего не отступится, и будет делать это со всею силою и изобретательностью. Если человек страдает от мучительной болезни и невежествен настолько, что отказывается от веры в Божественное провидение, воображая, будто все делает дьявол, посланный ведьмой, то тот, в свою очередь, вводит его в еще большее заблуждение, заставляя поверить, что за ним стоит именно эта ведьма. Люди, подозреваемые в колдовстве, не могут появиться здесь. Кто тогда делает это, как не Сатана? Кто-то боится, что на него натравит дьявола человек, которого он подозревает в занятии колдовством — таким образом, он дает дьяволу еще больше власти над собой независимо от того, что он будет делать — наносить кому-то вред или просто являться ему. Ибо Сатана постоянно является всем людям, используя любой случай, и ему совсем не надо, чтобы его посылала какая-то женщина или какой-нибудь мужчина. Те же, кто думает, что злой дух приходит и появляется перед ними из-за того, что они рассердили какую-то женщину, в результате пославшую его, необычайно слепы. Разве Сатана, если он обладает возможностью причинять зло или знать, что произойдет, не в силах с помощью своей хитрости заставить подумать пострадавшего человека, что виноват именно тот, кого он подозревает, так что в итоге станет казаться, будто все зло произошло по вине последнего? Или вот человек, со страхом идущий по темной улице, принял котенка или собаку за уродливого дьявола. Например, не так давно один спаниель, поплавав где-то в воде, с цепью на шее подошел к дверям дома некоего человека. Кто-то заметил его в темноте и сказал, что это было нечто, размером с жеребенка и глазами, величиной с блюдце. Тогда этот человек решил подойти поближе и спросить, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, что это за явление. И тут собака заговорила — а отвечала она на их языке — и сказала:«Сук». Так стало известно, кто это был. Если дьяволу известно, что ухудшение здоровья должно наступить вследствие естественных причин, он делает так, что этих людей кто-

то обижает и все начинают думать на человека, которого потерпевшие подозревают. Либо же он обманным путем порождает в них чувство недовольства и мысль, что болезнь могла прийти от той или иной персоны. Если же он на самом деле мучает человека, овладев его телом, то ему нет смысла по-прежнему лгать и говорить, что его послала какая-то женщина.

М.Б.: А не бывает ли иногда и так, что он верит, будто его послала какая-то женщина, в чем последняя и признается в ходе расследования?

Дэн.: Да, но я говорю о тех случаях, когда у него нет связи с ведьмами, и он старается, чтобы все подозревали невиновного, делая тем самым людей виновными в пролитии крови невинных. Иногда он говорит правду, но верить ему можно только тогда, когда он врет. Так что пусть люди в простоте своей не думают, что он говорит правду, пусть и ради дурных целей.

М.Б.: Вот это-то изо всего остального и кажется мне наиболее странной вещью, то есть сколь много может случиться, хотя бы это и была сплошная видимость, из-за недовольства подозреваемой особы. Некоторые вещи, я так думаю, делает Сатана — например, когда не получается пиво, масло, сливки. Все-таки подозреваемый человек не является колдуном.

Дэн.: О, сэр! Хитрость Сатаны во всех этих делах невероятна. И я знаю, что обычно (как говорят) считается твердо доказанным, что данный человек является колдуном, если все результаты его действий обнаруживаются одновременно. Но ведь для опытного демона сделать это совсем нетрудно.

М.Б.: Так значит вы не думаете, что общественного мнения достаточно для того, чтобы суд с уверенностью вынес приговор?

Дэн.: Опыт показывает, сколь опрометчиво поступают люди, осуждающие того или иного человека за колдовство на основании простого подозрения. Сила, наличие которой приписывают ведьмам, рождает во многих страх, заставляя их быть такими доверчивыми. Многие заходят при этом настолько далеко, что если они могут заставить детей обвинить своих собственных родителей, то они думают, что совершили необычайно хороший поступок.

М.Б.: Вы говорите, что свидетельство дьявола не следует принимать, пусть даже и будет известно, что он неоднократно говорил правду, ибо когда он говорит прав-

ду, он делает это, имея ввиду дурные цели. И вы считаете дьявольским свидетельством не только то, что он говорит, когда от него этого требуют, но и когда выступают чародеи, которые не могут сказать ничего, кроме внушенного им. Более того, если я не перевираю, вы сказали, что свидетельство ведьмы касательно многих вещей, сделанное ею перед смертью, не является чем-либо отличным от свидетельства дьявола, ибо он обманул ее, заставив поверить в несуществующие вещи. Помимо этого, вы говорите, что ни подозрения, ни общественное мнение и суждение не могут иметь веса, чтобы повлиять на суд, так как Сатана слишком хитер и вмешивается во все это. Тогда как суду обнаружить ведьму? Какие доказательства должны они иметь на руках?

Дэн.: Люди должны приносить клятву об имеющейся связи, и если будет обнаружена их причастность к колдовству, тогда и может пойти речь о жизни и смерти. Это — наиболее важное; отсюда следует, что должны также быть и соответствующие показания надежных свидетелей, либо же признание самой ведьмы. Ибо если свидетельство окажется фальшивым, что вполне возможно, так как все, исходящее от демонов, следует подозревать в этом, либо же будет основано на слухах, случайной схожести, каковая может оказаться результатом хитроумных проделок Сатаны, как было с большинством людей, то что тогда скажут члены суда Господу, не будучи уверены, а только опираясь на клятву? Поступая таким образом, они вполне могут осудить и невиновного, как часто случалось у нас.

М.Б.: Вы ошибаетесь в одном — признание ведьмы судом виновной не обязательно связано с пролитием крови.

Дэн.: Я вовсе не заблуждаюсь, однако если суд только по подозрению определил человека виновным в убийстве скотины, то он сразу приговаривает его к тюремному заключению, ставит к позорному столбу и не только обесчещивает его навсегда, но если за этим вновь последует новое подозрение и арест, то это будет означать неизбежную смерть[93]. Так что вы видите, сколь тонкая грань отделяет их от пролития крови. Но если даже человека не убивают и он спасается, пребывая в заточении или стоя у позорного столба, а в дальнейшем никогда не попадает вновь под подозрение, то разве не прискорбно и не позорно то, что он был осужден судом за колдовство? Я говорю о тех случаях, ко-

торые основаны на подозрении, либо же на свидетельствах, исходящих от Сатаны. В этих случаях человек может быть абсолютно невиновен.

М.Б.: Иногда получается так, что, опираясь на подозрения и общественное мнение, судьи попадают на верный путь и человек, не признающийся в колдовстве в ходе расследования и предъявления обвинения, признается, когда уже зачитан приговор.

Дэн.: Допустим, что суд, опираясь на свидетельства Сатаны, подозрения и молву, иногда нападает на след, что, по-моему, бывает очень редко; однако для людей, приносящих клятву перед лицом Господа, это не основание, ибо они клянутся в том, что свидетельствуют на основе слухов, либо же все-таки необходима полная уверенность насчет прозвучавшего признания и обнаруженных свидетельств. Если человек считается колдуном лишь на основании подозрения, без всяких доказательств, то суд поступит справедливее, если освободит его, а не осудит, ибо какое основание получают они в результате сделанного подобным образом признания и как они найдут то, чего не знают?

М.Б.: Я считаю, что эти люди нарушают закон, осуждая невиновного на основе недостаточных доказательств, особенно если была принесена торжественная клятва. Но если они на правильном пути, пусть это делается и на основании слухов, то я не вижу, почему они должны причинять кому-то вред: осуждая виновного, судьи не делают ничего плохого.

Дэн.: Я не говорю, что членов суда следует обвинять в смерти всех невинно погибших, либо же в неправильном отношении к какому-то конкретному человеку. Я спрашиваю о том, что они скажут перед лицом Господа относительно осужденных исключительно на основании слухов. Представьте, что некто был обвинен в уголовном преступлении; подозрения касательно его виновности необычайно сильны, однако он может быть и абсолютно невиновным. Что должен делать в таком случае суд? Должен ли он поставить на карту жизнь человека, исходя исключительно из подозрения? Пусть он действительно будет виновен, но вина его известна Господу, и ни один человек не сможет обнаружить этого, вот почему они оправдают его. Или они выдвинут какие-нибудь обвинения? Смогут ли они обнаружить то, что им не дано знать? Ведь в этом случае они не смогут осудить невинного человека?

Сэм.: Подожди, дай я немного подумаю. Я еще не очень хорошо разобрался во всех этих делах, касающихся раскрытия и обнаружения ведьм. То, что ты говоришь, кажется мне несколько странным. Я сам много раз был в суде, когда там слушали дела ведьм, и мы признавали их виновными, опираясь на общественное мнение, подозрение и на такие свидетельства, которые ты отвергаешь. Действительно, случалось так, что перед смертью вдруг мы слышали, что они невиновны, однако это не поколебало моей уверенности в том, что они — ведьмы. Ибо говорят же, что дьявол имеет над ними такую власть, что не позволяет им признаваться.

Дэн.: А что заставило тебя думать, что дьявол не желает, чтобы они признавались? Ты же видишь, что некоторые признаются во время допроса и в момент казни. Может быть, дьявол имеет также власть и над наиболее закоренелыми ворами и убийцами?

Сэм.: Да, это так, но он не очень беспокоится, когда воры и убийцы делают свои признания, поскольку это не затрагивает его в такой степени, как признание ведьм.

Дэн.: Что, ты думаешь он не хочет быть обесславленным или не желает, чтобы к нему плохо относились? Так все-таки, что следует делать, если ведьмы признались? Когда вор или убийца признается в своих грехах, то это, что ни говори, первый шаг к покаянию. Однако если дьявол может помешать им или удержать их от признания, то он сделает это. Совершенно ясно, что он просто стремится к тому, чтобы ведьмы во всем признались; ему же это так важно. Он заставит человека думать, что ведьм здесь в сто раз больше, чем их есть на самом деле. Он разоблачит их через своих колдунов и знахарей. Больше всего он хочет, чтобы люди думали, что он делает все — и бури, и необычные лихорадки, и все болезни, которые обрушиваются на людей и животных. Именно по этой причине он заставляет людей поверить и даже признаться в том, чего на самом деле не было; в том, что он совершал то, чего на самом деле никогда не совершал, да и не мог совершить. Так и будет, если мы, конечно, не станем отрицать власти и провидения Божьего над всем миром.

Сэм.: Если Сатана получает столь огромную выгоду, разоблачая их, то в чем тогда кроется причина убежденности людей, будто он хочет скрыть все свои деяния и не позволяет ведьмам признаваться в совершенном ими?

Дэн.: Все это проистекает из ошибочной уверенности и боязни, что ведьмы совершают много злодеяний и что по их просьбе и наводке духи проделывают все это. Если уж Сатана столь добр и услужлив, то почему он не принесет ей хоть сколько-нибудь денег?[94] Он же знает, где они и в чьих карманах лежат. Он говорит ведьме, что может сделать так, чтобы человек охромел. Он говорит, что может убить лошадь. И иногда он говорит, что может и непременно (если она этого хочет) убьет человека. Словно это в его власти — совершать все эти деяния, только просьбы ему не хватает. Интересно, могут ли все эти демоны принести хоть одно пенни из дома того человека, чьих коров или лошадей они, по их словам, погубили[95]. Заклинатель, говорит этот демон, может вселить его в человека и вызвать оттуда. Пусть он попробует сделать так, чтобы этот демон залез хотя бы в сундук, если, конечно, сможет, и принес оттуда что-нибудь. Если же демоны не смогут этого сделать, то будь уверен, что они не смогут показать ничего в деле по убийству или ранению, как они делают в большинстве случаев, или что они там еще совершают. Все это происходит только с позволения Божьего, а вовсе не ради удовольствия какой-то ведьмы. И для какой цели должны тогда служить все эти проделки и фокусы, если ведьмы будут хранить молчание и ни о чем не говорить.

Сэм.: И все-таки, ради собственного удовлетворения, я хочу просто изложить некоторые мои соображения о тех случаях, с которыми мне доводилось встречаться. Не так давно в суде, членом которого я являлся, рассматривалось дело по обвинению одной старухи в колдовстве. На заседание пришло восемь или десять человек, которые и давали против нее показания. Всех деталей я, конечно, не помню, однако и их главные свидетельства большой ценности не представляют. Одна женщина, принеся присягу, заявила, что ее муж на смертном одре сказал, что он был околдован, ибо его давным-давно укололи иглой. И далее он сказал, что его наверняка околдовала эта женщина. Вообще-то он ее и в грош не ставил и считал, что она рассердилась на него, ибо как-то раз она попросила у него взаймы пять шиллингов, а он ей не дал. Эта женщина, также под присягой, заявила, что она абсолютно уверена, что та старуха — ведьма, и что это она убила ее мужа. Затем вошел мужчина и рассказал такую историю. У меня раньше были крепкие и здоровые ноги, сказал он. Эта старая женщина поссо-

рилась со мной из-за ребенка. Она сказала, что рассчитается со мной. Три дня спустя у меня так заболело колено, что я просто не мог стоять. И с тех пор, как только я подумаю об этом, меня каждый раз посещает такая же боль. Затем вошел еще один человек, невысокого роста, на вид очень честный. Так он сразу заявил, приняв присягу, что она ведьма. Как-то раз я рассердил ее, сказал он, но скоро раскаялся, потому что ждал, что что-то случится. И вот на следующую ночь я увидел такое зрелище, которого до того мне не доводилось видеть ни разу. Внезапно проснувшись, я увидел рядом с собой огромное лицо, такое огромное, какие обычно рисуют у сарацинов. Оно смотрело прямо мне в глаза. После этого я не мог прийти в себя, наверное, дня два. Затем вошла еще одна женщина, у которой в результате тяжелой болезни умер ребенок. Приняв присягу, она заявила, что именно эта старуха убила ее дитя. Затем появился мужчина, который сказал, что хотя он и не знает наверняка, но ему кажется, что когда-то она рассердилась на него, потому что она пришла к нему попросить цветочных горшков, а он их ей не дал. И сразу вслед за тем он услышал у себя в ухе свистящий голос, сказавший ему, что он околдован. На следующий день у него так разболелась спина, что он не мог даже прямо сидеть. Он сказал, что послал узнать к знахарке, и та сказала, что он околдован той женщиной, которая приходила за цветочными горшками. Однако, по ее словам, он должен был вылечиться от этого, что и случилось в течение десяти дней. Так он сказал. Потом вошли два или три добропорядочных горожанина, которые заверили собравшихся, что, по общему мнению, она была ведьмой. Мы нашли ее виновной, ибо что еще можно было сделать; ее осудили и казнили. Находясь на помосте, она начала молиться, а после ее смерти выяснилось, что она была невиновной, так что все эти обвинения были с нее сняты. Ты думаешь, мы поступили плохо?

Дэн.: А ты как думаешь? Ты уверен в том, что она была ведьмой? Разве не могло быть, что она невиновна и ты пролил невинную кровь?

Сэм.: Если она и была невиновна, то что нам-то оставалось делать? Мы поступили согласно показаниям свидетелей, принесших присягу, которые поклялись, что они безоговорочно считают ее ведьмой и что она совершила все указанное.

Дэн.: А если кто-то поклянется, что они думают так, то будет достаточно, чтобы на основании моей клятвы заявить, что это не так?

Сэм.: Нет, ты же видишь, о чем они рассказывали и что заставило их думать таким образом.

Дэн.: А не могли ли вы все заблуждаться в своих оценках, касательно всех этих случаев, в результате чего вы думали именно так, как думали, и считали, что знаете, в чем тут дело, поскольку эти люди поклялись вам?

Сэм.: Если свидетель приносит ложную клятву, то суд все-равно действует согласно его показаниям; и он свободен от наказания, так как эти свидетельства даны человеком, принесшим присягу.

Дэн.: Если свидетель четко показывает, что, по его мнению, дело обстояло так-то и так-то, произнося при этом клятву, суд будет действовать согласно его свидетельства до тех пор, пока не поймет, что его клятва ложна. Но как сделать это свидетельство достаточным, если человек только думает и не может высказать необходимого основания своим объяснениям? Во всем этом остается видеть лишь стремление человека доказать, что данная женщина неизбежно должна оказаться ведьмой. Та женщина говорила, что ее муж признался ей перед смертью в том, что старуха его убила потому, что он не одолжил ей пять шиллингов. Но разве это доказывает, что она околдовала его? Может ли дьявол убить ради удовольствия, только для того, чтобы доставить радость этой ведьме? Здесь следует скорее думать о том, что он скончался от какой-то болезни, зародившейся от расстройства его тела, о которой дьявол знал и так повел дела с той или иной старухой, что это вполне могло повлечь за собой подозрение в колдовстве.

Сэм.: Ты видишь, что здесь происходило такое, чего не мог сделать никто, кроме дьявола.

Дэн.: В действительности, то огромное лицо, которое, как ему казалось, видел тот мужчина, было лишь призраком дьявола. Однако разве этого достаточно, чтобы доказать, что демон появился перед ним после того, как он вызвал недовольство у той женщины, а стало быть, это она и послала его? Но разве не Сатана постоянно является людям и, если он получил на то соизволение Господа, ужасает их с помощью вот таких призраков? Особенно если человек чего-то боится и обладает сильным воображением. А какие основания высказала та женщина, абсолютно уверенная в том, будто

эта старуха убила ее дитя, доказывающие, что это так и было? Если она только так думает, и тысячи людей делают то же самое, лишь полагаясь на ее воображение, то разве тебе этого достаточно, чтобы вовсю клясться, что это так и было? Что до свидетельства той знахарки, сказавшей, что мужчину околдовали и от этого у него заболела спина, поскольку он кому-то там отказал в цветочных горшках, то это — свидетельство дьявола, о чем я уже говорил раньше. Так что значат слухи, основанные на таких соображениях?

Сэм.: Так значит ты думаешь, что мы должны все это отвергнуть, не так ли?

Дэн.: Ну, я бы просто не стал произносить столь опрометчивых клятв.

Сэм.: Но ведь могло быть и так, что она была ведьмой, хотя после ее смерти сказали, что она таковой не являлась.

Дэн.: Да, скорее всего она действительно не была ведьмой. Ибо что могло заставить ее отвергать это ввиду смерти? В том, что она ведьма, ее обвинял дьявол, ибо прямые свидетельства против нее давал именно он.

Сэм.: Ты хочешь сказать, что это дьявол говорил устами той знахарки, будто эта женщина — ведьма.

Дэн.: А ты думаешь, что это был кто-то другой, не Сатана?

Сэм.: В то время я вовсе не думал, что это дьявол; но теперь я вижу, что это был никто иной, как он.

Дэн.: Ну, впредь будь умней и подумай над тем, что ты уже натворил.

Сэм.: И правда, я буду очень страдать, если окажется, что она действительно не была ведьмой.

Дэн.: Если она и была ведьмой, то оснований у тебя думать так очень мало. Но она не была ею, и ты отнял у нее жизнь и покрыл ее имя позором.

Сэм.: После того раза мне вновь довелось быть членом суда и у нас опять попалась одна женщина, на которую показывали, что она ведьма, хотя она и не убила ни одного человека. Против нее выступили пять или шесть человек. Первой была некая старушка, сказавшая, что, как она думает, она рассердила эту женщину и что два или три дня спустя как-то вечером она сидела дома у очага и тут появилось нечто, то ли жаба, то ли рак, которое начало подкрадываться к ее сердцу. Она схватила палку и сбросила его с себя, но внезапно ее словно что-то стиснуло. Следующая свидетельница сказала, что она

поссорилась с ней, после чего ее куры стали дохнуть одна за другой, и так продолжалось до тех пор, пока она не сожгла одну курицу живьем. Вошел третий свидетель, мужчина, и сказал, что она как-то раз сильно прогневалась на него, а у него была такая темная корова, которая в тот момент стояла на привязи у них в доме, потому что была зима и он боялся, как бы с ней не случилось чего плохого. И он в жизни бы не пошел туда, где она была, но, видимо, из-за ее заклинаний, он вошел в это помещение и поцеловал корову под хвост. Потом еще двое или трое свидетелей сказали, что, согласно общему мнению, она была ведьмой. Мы сочли ее виновной и она была приговорена к тюремному заключению и позорному столбу, хотя сама настаивала на том, что ведьмой она никогда не была[96].

Дэн.: А ты уверен, что была?

Сэм.: Я и вправду думал, что была, хотя многие из ее соседей думали, что это не так. Но как могли произойти все эти вещи сразу после того, как она разгневалась? Казалось, что все это дело рук дьявола.

Дэн.: Действительно, он настолько хитер, что мог изобразить все это. Пусть действительно дьявол явился той старухе в образе жабы или рака, и это он сковал ее тело. Но разве из этого с необходимостью следует, что его послала другая женщина? Он не может принять другой личины до тех пор, пока Господь не даст ему на это соизволения, дабы ввести в заблуждение столь невежественных людей. Ни одна ведьма не может дать ему возможности появляться перед людьми в видимом образе. Ему это даруется Богом, и Сатана постепенно гневается все сильнее и сильнее, после чего и появляется, так что кажется, будто причина кроется именно в этом.

Сэм.: Мы видим, что он является ведьмам и заклинателям.

Дэн.: Да, это так, но мы не должны думать, что он по своему желанию может принимать какой-нибудь образ, чтобы появляться здесь. То, что он является ведьмам и заклинателям, делается только по причине гнева Господня, так как Он желает строго наказать заблудших людей, не внимающих и не подчиняющихся словам Господа Бога. Ибо демоны связаны могущественнейшей силой Господа и Его провидением, и во всех случаях, когда Он ослабляет путы, они двигаются настолько, насколько Он им позволяет, ни на дюйм больше. Если человек любит темноту, а не свет, то демону

дается разрешение совершать тут самые разнообразные вещи. Некоторых он пугает уродливыми изображениями, другим он затуманивает мозги разными картинами, третьим вообше является в образе ласки, мыши или еще какого-нибудь мелкого животного.

Сэм.: Я думал, что Сатана может явиться в том виде, в котором он захочет, или который ему понравится если ведьма пошлет его куда-нибудь.

Дэн.: Ты сильно заблуждаешься. Ибо то, что его посылает ведьма, не дает ему никакой силы. Если же у него есть сила, то он без сомнения, будет являться всем и везде таким образом и в таком виде, какой будет ему необходим. Так что если он является кому-нибудь, то пусть этот человек думает, что это Господь разрешил дьяволу добраться до него, и пусть он уповает на веру чтобы противостоять ему, и на судьбу, дабы избавиться от обмана и заблуждения.

Сэм.: Но разве иногда он не появляется тогда, когда его посылают ведьмы?

Дэн.: Когда он обнаруживает, что ему разрешено появиться, он — если у него есть ведьма — делает так, будто она посылает его. Если же таковой нет, он все равно появляется и действует настолько, насколько ему дано силы и власти.

Сэм.: А что ты скажешь насчет кур той женщины?

Дэн.: А что я могу сказать, если они мертвы?

Сэм.: Я имею ввиду, не думаешь ли ты, что они были околдованы?

Дэн.: Господи! Ни одна стрела не упадет на землю без позволения Отца твоего Небесного. А чем курица лучше стрелы?

Сэм.: Да нет, меня удовлетворило то, что ты сказал насчет того, что дьявол не может ни коснуться чего-либо, ни убить, ни нанести вред, если не будет на то особого соизволения Господа. Ведьмы не могут дать ему никакой силы, хотя и думают, что это они насылают его, когда именно он подбивает их на все такие поступки. Давай больше не будем говорить на эту тему. Но все-таки, разве не ясно, что это дьявол погубил тех кур? Потому что после того, как эта женщина сожгла одну курицу, падеж прекратился[97]. Если Сатана не делал этого, то как все это могло прекратиться? Ты сказал, что он, обладая силой причинять вред, хочет и может прекратить это, хотя подобные деяния и осуществляются. Стало быть, если все это совершил демон, не

следует ли думать, что эта женщина и правда была ведьмой, приняв во внимание, что все происходило после того, как она сердилась? Пусть будет так, что Сатана, получив власть делать то, что он сделал, будет послан ведьмой (используя это в качестве предлога) и для того, чтобы сделать это очевидным, он посеет рознь между ею и той женщиной, дабы заставить людей думать, что он к этому не имеет никакого отношения, но, напротив, сам используется ведьмой потому, что ее кто-то рассердил. Так что нам ничего не остается делать, как назвать эту женщину ведьмой.

Дэн.: Но это весьма слабое основание для такого серьезного заявления. Для начала, нам неизвестно наверняка, действительно ли дьявол убил тех кур. Может быть, у них была какая-то зараза, которая — и он об этом знал — могла погубить их; он мастерски завершил дело, заставив двух женщин поссориться (а сделать это было проще простого). Куры в результате умерли, а людям могло показаться, что они были заколдованы. Но ты еще спросил: как могло случиться, что после сожжения одной курицы другие больше не умирали? Разве это не дело рук дьявола? Ну, а ты можешь сказать, что если бы эту курицу не сожгли заживо, то все остальные наверняка бы подохли? А что если это он сделал так, что ни одна курица больше не умирала, а он подбил эту женщину на колдовство, чтобы она сожгла эту самую курицу, дабы могло показаться, что именно в этом заключается средство, с помощью которого можно избавиться от демонов? Или же представь, что он обладал силой уничтожить всех этих кур, причем неважно, был ли он таким неумелым убийцей или просто выполнял свою работу с ленцой. Он мог быстренько погубить огромное стадо свиней, коли Христос дал ему на то право[98]. Разве бы он не смог, если бы у этой женщины было пять тысяч кур, поубивать их в один момент? Так что, он настолько глуп и туп, что убивает их по очереди и, не успев убить их всех, уже изгоняется? Если у него была власть убивать уже до того, как сожгли эту курицу, почему же он не убил остальных, когда эти люди решили сжечь ее? Возможно, он и не знал, что они собираются делать, и лежал себе в корзинке с шерстью[99], а, прийдя убить других, почувствовал этот дым и испугался.

Сэм.: Значит, ты думаешь, что он не убивал этих кур.

Дэн.: А откуда у тебя такая уверенность, что это сделал именно он? Ты пришел к этому выводу на основании данной тебе присяги; по этой же причине ты уверен, что его послала та женщина, но я ставлю сто против одного, что у него никогда не было такой силы, чтобы хотя бы прикоснуться к ним.

Сэм.: Ну, а что ты скажешь в отношении остального? Этот человек, которого заставили поцеловать зад у коровы?

Дэн.: Я думаю, что он просто сильно любил свою корову. Пусть этот человек научится познавать Господа и изгонит из головы все эти фантазии, чтобы дьявол уже не обладал никакой властью над ним, ибо он творит свои деяния в фантазиях, рождающихся в умах людей, и особенно ему это удается, если люди боятся его, как было и в этом случае. Сатана создает в их головах множество глупых представлений, и для того, чтобы заставить человека поверить, что он заколдован, он ссорит его с тем, кого можно заподозрить в колдовстве. Таким образом, ваш суд, принимая эти показания, осуждает множество невинных людей, потому что вы верите дьяволу и тому, что ведьмы могут делать, хотя на самом деле они этого сделать не в силах.

М.Б.: Я также слышал о многих случаях, когда люди были осуждены за колдовство, а перед смертью говорили, что они невиновны. И против многих из них выдвигались куда менее серьезные обвинения, нежели те, о которых вы сегодня упоминали.

Дэн.: Да, я говорил об этом. Человек очень редко думает о верховной власти и провидении Господнем над всем миром. Люди придают очень большое значение власти дьявола и гневу ведьм и столь сильно боятся их, что последним даже удается показать им, что можно сделать с помощью уловок Сатаны, вводящего их в заблуждение. Единственный способ для человека избежать всех ловушек, расставленных дьяволом, всех его ухищрений и злодеяний, так это внимать гласу Божьему, учиться от него Его животворным словом, преисполненным чистого света, который разоблачит его и разгонит темный туман, напущенный Сатаной, с помощью которого он сбивает человека с пути истинного. Он вооружит человека верою, дабы противостоять дьяволу, чего желал и святой апостол Петр[100], и сойти с этого пути, который ведет к страшным заблуждениям и мерзостным грехам, доводя таким образом чело-

века до полной погибели. Ну, а теперь я должен с вами проститься.

М.Б.: Я удовлетворен тем, что услышал по всем этим вопросам, и теперь я вижу, сколь глубоко заблуждался. И хотя вы уже собрались уходить, я, тем не менее, надеюсь, что мы как-нибудь встретимся еще раз. Храни вас Господь!

Сэм.: Должен тебя весьма поблагодарить. Знаешь, если вдруг будет возможность, заходи к нам. Мы будем рады видеть тебя в нашем доме.

М.Б.: А я-то думал, что дьявол не способен на такие коварные злодеяния, могущие довести до такого греха, как это чуть не стало со мной.

Сэм.: Конечно, странно видеть, как тысячи людей сбиваются с пути истинного и подвергаются обману, но все-таки многие понимают, в чем тут дело.

М.Б.: Да и для самых мудрых дьявол не по зубам, если только они не просветятся светом слова Божьего.

Жена Сэмьюэла: Эй, муж, вон идет добрая женщина Р.

Сэм.: Я хотел, чтобы она поторопилась.

Добрая женщина Р.: Ну, и с кем же вы тут сидите?

Жена Сэмьюэла: Я так хотела, чтобы ты пришла чуточку пораньше, потому что здесь был один человек, который сказал, что ты ведьма.

Добрая женщина Р.: Тут был кто-то, кто сказал, что я ведьма? Так проверь.

Жена Сэмьюэла: Да нет, правда, он говорил совершенно серьезно.

Добрая женщина Р.: Я ведьма? Да это ложь, хотя бы это сказал сам Господь Бог. Я бы хотела, чтобы вообще всех ведьм на свете повесили, да и их духов впридачу к ним.

М.Б.: То есть ты будешь рада иметь одежду, украшенную кожей повешенных ведьм и их духов впридачу?

Добрая женщина Р.: А что, у них есть меховые одежды?

Сэм.: Жена, зачем ты сказала, будто он назвал добрую женщину Р. ведьмой? Он же не говорил ничего подобного.

Жена Сэмьюэла: Послушай, муж, я очень внимательно слушала, что он говорил, и он сказал, что она ведьма.

Сэм.: Да он ее даже не знает. Так что откуда он мог сказать, что она ведьма?

Жена Сэмьюэла: Ну и что из того, что он не знал ее? Но разве он не говорил, что она сделала точно, как ведьма, когда взяла горсточку жара и бросила ее в сливки, когда не получалось масло?

Сэм.: Ха, точно, ты говоришь правду. Он сказал, что этому ее научил дьявол, точно так же, когда сжигают курицу или барашка и тому подобное.

Добрая женщина Р.: Это колдовство? Наверное, это вам сказал какой-нибудь ученый сухарь. Так этому учит дьявол? Нет, этому моего мужа научила та добрая женщина из Р.Х. За год мы получили от нее столько хорошего, сколько подобные знатоки не сделают за всю свою жизнь.

М.Б.: А кто, по-твоему, научил этому ту добрую женщину в Р.Х.?

Добрая женщина Р.: Да это ведь дар Божий. Я думаю, этому ее научил Дух святой Господа нашего.

М.Б.: Стало быть, ты не думаешь, что этому ее научил дьявол?

Добрая женщина Р.: То есть я должна думать, что этому ее научил дьявол? А вы когда-нибудь слышали о том, что дьявол научил чему-нибудь хорошему?

М.Б.: А ты уверена, что это было нечто хорошее?

Добрая женщина Р.: Но разве это плохо — изгнать злых духов из моих сливок?

М.Б.: Ты думаешь, дьявол испугался твоего уголька?

Добрая женщина Р.: Я знаю, что его прогнали и с тех пор мы от него избавились навсегда.

М.Б.: А мог ли уголь причинить ему вред?

Добрая женщина Р.: Да, мог; он и ведьме может причинить вред. В одном я уверена: больше он не прийдет. Равно и она не сможет заставить его вернуться, потому что огонь нанес ему раны. Она же не сможет заставить его вернуться назад, потому что и она пострадала от уголька.

М.Б.: Известно, что духов можно поразить только духовным оружием, так что твой уголь не может никоим образом причинить вред демону. А каким, скажи-ка, образом он мог повредить ведьме? Ведь ты не думаешь, что она сидела в твоих сливках, не так ли?

Добрая женщина Р.: Некоторые люди думают, что она именно там и сидит, поэтому когда они бросают эти угольки, они говорят: «Пусть этот уголь попадет тебе в глаз».

М.Б.: Ну, если она побывала в твоих сливках, то твое масло не очень-то чистое.

Добрая женщина Р.: Да это вы просто так говорите, М.Б. Я же знаю, что вы думаете точно так же, как и я, хотя и задаете мне эти вопросы. Я уверена, что никто не будет советовать более горячо обратиться за помощью к знахарям, чем вы.

М.Б.: Я так думал, но теперь мое мнение изменилось, так как я увидел, каким глупым я был. Мне очень жаль, что я так сильно заблуждался, советуя людям ходить к этим дьяволам.

Добрая женщина Р.: Послушайте, М.Б., кто это читал вам сегодня лекцию? Я уверена, что еще вчера вы думали совсем по-другому.

Жена Сэмьюэла: Вот-вот, дорогая Р. Я думаю, что и мой муж стал думать иначе. Тут с ними часа три или четыре разговаривал один умник.

Добрая женщина Р.: Так твой муж тоже думает иначе? Боюсь, что скоро ты потеряешь всех своих кур, а потом она пошлет своего духа против твоих уток и гусей, да и вас скоро погубит. Вы что, защищали ведьм?

М.Б.: Да никого мы не защищали.

Добрая женщина Р.: Но все-таки очень многие защищают их. Я думаю, они могут наколдовать так (не все, конечно, только некоторые), что человек провалится в ад, дабы напугать тем самым других, чтобы они защищали их. А ваши придирки, М.Б., я думаю, скоро прекратятся; посмотрим, не обрадуетесь ли вы, получив такую же помощь.

М.Б.: Помощи я буду просить... Да я отведу их к кузнецу, чтобы он посмотрел, нет ли на них какого-нибудь прокола или клейма[101].

Добрая женщина Р.: Вы шутите. Если бы у вас была лихорадка, как случалось с некоторыми, то вы тогда бы так об этом не судили.

М.Б.: Ты думаешь, что дьявол может убивать чужую скотину, насылать хромоту на людей и животных, и все это ради своего удовольствия. Ты думаешь, что если ведьма вызывает и посылает его, то он послушно выполняет ее приказания. А если она не нашлет его, то он не будет вмешиваться. Ты также думаешь, что когда он приходит, ты можешь изгнать его с помощью горсточки жара, либо же спалив заживо курицу или поросенка.

Добрая женщина Р.: Никогда не говорите мне, что это я так думаю, когда так думаете вы сами. И пусть

они говорят о том, что они могут делать, и все знатоки Писания в мире не убедят меня в обратном.

М.Б.: Я удивляюсь — не тому, конечно, что ты столь невежественна в этом вопросе — а тому, что и я думал точно так же, не видя своих собственных заблуждений.

Добрая женщина Р.: Заблуждений? Как это вдруг вы стали столь мудры? Я знаю, что их духи где-то прячутся, так как ведьмы воспитывают их; и когда какой-нибудь человек рассердит их, они вызывают этих духов и отправляют их. И посмотрите, что они просят их сделать, на что настраивают: когда такая ведьма разгневана, этот дух спрашивает ее: что мне делать? Такой-то человек доставил мне неприятности, говорит она. Пойди и убей его корову; он отправляется туда и делает то, о чем его просили. Иди и убей кур у такой-то женщины, и он идет. Некоторые из них не удовлетворяются тем, что совершают столь незначительные злодеяния, и тогда они говорят: пойди и сделай так, чтобы такой-то человек захромал, убей его или его ребенка. Так что они всегда готовы к исполнению любого приказания. И я думаю, что люди будут счастливы, если узнают, как от них избавиться.

М.Б.: Если я начну обсуждать этот вопрос с тобой, исходя из слова Божия, то ты увидишь, что все сказанное тобой неверно. Дьявол не может убить или повредить кому-то, даже самой жалкой курице. Если он обладает властью, то кто тогда сможет убежать от него? И, по-твоему, он заботится о том, чтобы его настроила и натравила какая-то женщина? Он — виновник всех зол и несчастий.

Добрая женщина Р.: Что вы говорите мне о слове Божьем? Разве не слово Божье говорит, что существуют ведьмы? А может вы думаете, что Бог будет терпеть дурных людей? Вы что, ренегат? Прощайте, мне больше не о чем с вами разговаривать.

М.Б.: Она и вправду упрямая. Тогда я тоже пойду.

Сэм.: Спасибо вам за компанию.

КОНЕЦ

Необычайное сообщение о шести самых отъявленных колдунах, которые своими дьявольскими деяниями погубили более четырехсот малолетних детей. Кроме того, нанесли вред другим людям; каковые за эти и другие подобные им преступления были казнены в княжеском городе Мюнхен в Верхней Германии 26 Июля 1600 года

Я уверен, что не найдется такого христианина, который смягчится сердцем, либо в восторге обратит свой взор к небесам, либо же не удивится, узнав о злодеяниях шести наиболее отъявленных колдунов, о которых он вообще когда-либо слышал. Ибо они (предав тела и души вечному проклятию) совершили столь много бесчеловечных убийств, столь много ужасных краж, грабежей и нарушений общественного порядка, портили скотину и урожай, вызывали град и бурю и тому подобные неприятности среди жителей Германии, что я думаю, что этот случай надо обязательно запомнить, дабы постыдный конец этих злодеев послужил нам хорошим примером к печали благочестивых и к устрашению дурных и коснеющих во грехе людей. Имена этих отвратительных преступников, а также перечисление их злодеяний следует ниже.

Первый, Пауль Гамперле или Поппенхамер.

Вторая, Анна Гамперле, жена упомянутого Пауля.

Третий, Симон Гамперле
Четвертый, Якоб Гамперле — их сыновья

Пятый, Ульрих Зеельтибаум, оружейник.

Шестой, Георг Смальтес, портной.

Эти шесть человек, которых уже много лет подозревали в том, что они занимаются колдовством, хотя для этого и не было достаточных доказательств, ныне собрались все вместе неподалеку от города Деттинген в какой-то пещере, где они многократно встречались подобным же образом и до сего времени. Думая, что о них по-прежнему ничего неизвестно окружающим, они начали заниматься своими привычными делами и благодаря своему колдовству подняли такую бурю с ветром, что все города и деревни понесли от этого большой урон.

Но Бог, не желая, чтобы эти отвратительные преступники оставались по-прежнему незамеченными, пролил свет на все их деяния. Благодаря вою собаки, сбесившейся из-за этой ужасной бури, некоторые из живших в округе пришли к упомянутой пещере или расщелине, где всех их арестовали и на следующий день, то есть 24 июня, представили перед правителем Мюнхена, который, сочтя их на основании распросов виновными, приговорил их к тюремному заключению.

Однако послушайте, что тут случилось: когда человек (или секретарь) правителя взял в руку бумагу, чтобы отдать приказ, то внезапно у него отнялись обе ступни, и произошло это все потому, что лодыжки у него вышли из связок, так что через три дня он умер.

Тогда правитель приказал офицерам обыскать их, и те нашли спрятанными под одеждой на теле мешочки со свиным навозом, которые, будучи извлечены, издавали такое зловоние, вынести которое не смог ни один человек. А на груди у Пауля Гамперле (который был у них главным заводилой) они нашли дьявольскую книгу заклинаний и сделанное на оловянной пластине изображение человека, держащего в руке свиток или книгу, на которой были написаны три слова «Маголл, Кумат, Хеллбеза».

Тем самым их зловредная деятельность была доказана столь ясно, что они тут же признались (без каких-либо затруднений) во всех убийствах и отвратительных поступках, которые они когда-либо совершали, о чем и говорится ниже.

Признание Пауля Гамперле

Пауль Гамперле или Поппенхамер, пятидесяти восьми лет, признался, что он придерживается ведовской практики с детства и что этому его обучала его старая бабушка, которая умерла много лет назад.

Также он признался, что за это время он с помощью ведовства и колдовства погубил около сотни маленьких детей.

Также он признался, что он наслал хромоту и сделал горбатыми самых зажиточных граждан Мюнхена, так как они не простили ему те деньги, которые он им должен.

Также он признался, что с помощью колдовства он избавился от двух своих дядей для того, чтобы завладеть им имуществом.

Также он признался в совершении десяти ограблений церквей, в пятнадцати убийствах на проезжих дорогах, в ночных ограблениях купеческих домов, которых он лично совершил двадцать семь, и никакой замок или дверь не могли остановить его, но с помощью колдовства он мог их отворить без всякого труда.

В конце концов он признался, что за всю свою жизнь он совершил восемь ночных поджогов соседских

домов, благодаря чему шестнадцать человек, мужчины, женщины и дети, сгорели в своих постелях. Кроме того, им было совершено множество других преступлений к великому несчастью всей этой земли.

Признание Анны Гамперле

Жена его, Анна Гамперле, шестидесяти лет, призналась, что за всю свою жизнь она с помощью колдовства также погубила примерно сотню маленьких детей.

Также она призналась, что она изуродовала, сделала горбатыми и к тому же просто убила с помощью колдовства девятнадцать пожилых людей.

Также она призналась, что с помощью колдовства она заставила залезть жену хозяина гостиницы в горящую печь, где она и сгорела; и подобным же образом она так довела мужа этой женщины, что он уткнулся головой в корыто, полное корма для свиней, и так задохнулся.

Также она призналась, что она в большом количестве портила скотину, рассыпая зерно по земле. И что она подожгла два стога сена, огонь с которых перекинулся на всю деревню. При этом она не помогала людям бороться с пожаром. Избави нас, Господи, милосердием Своим от этого!

Признание Симона Гамперле

Их родной сын, Симон Гамперле, двадцати двух лет, признался, что он с помощью колдовства убил тридцать малолетних детей, а кроме них — шесть стариков, на которых он подобным же образом наслал хромоту и горбатость, после чего убил.

Кроме того, он признался, что ограбил девять церквей, четыре раза грабил на дорогах, двенадцать раз — купеческие склады; ночью он нарушал общественный порядок и грабил шесть раз; часто с помощью града и бури наносил урон чуждой скотине и садам.

Кроме того, он признался, что с помощью колдовства он делал себя непобедимым[1], благодаря чему он один выступил против шестерых человек, ограбил их, а затем убил одного за другим. Я уже не говорю здесь о многих других случаях краж и убийств, которые он совершил.

Признание Якоба Гамперле

Другой их сын, Якоб Гамперле, двадцати одного года, признался, что он убил шестьдесят пять детей, а кроме них — пятерых стариков, которых он сначала делал горбатыми, насылал на них ломоту, а потом убивал.

Кроме того, он признался в ограблении пяти церквей, в десяти ограблениях купеческих домов, в четырех — на проезжих дорогах. Он поджег пять домов, нарушал порядок и грабил на улицах по ночам. Последнее он совершал несколько десятков раз.

Кроме того, он признался, что с помощью колдовства он сделал так, что буря унесла в реку стадо овец и все они утонули; буря же была столь сильной, что путешественники не могли даже проехать по дорогам. Он совершил много и других гнусных злодеяний.

Признание Ульриха Зеельтибаума

Ульрих Зеельтибаум из Деттингена, шестидесяти восьми лет, признался, что за всю свою жизнь он с помощью колдовства погубил семьдесят малолетних детей, а также наслал ломоту и умертвил тридцать людей приклонного возраста.

Кроме того, он признался в ограблении церквей и купеческих домов, в грабеже и ночных убийствах, в порче скотины и нанесении ущерба садам[2], причем делал он это столь часто и в таких количествах, что не смог даже перечислить все эти случаи.

Признание Георга Смальтеса

Георг Смальтес, портной из Пеона, шестидесяти лет, признался, что за всю свою жизнь он убил тридцать шесть малолетних детей и кроме того наслал ломоту на пятнадцать пожилых людей, убив их впоследствии. Думаю, что нет нужды перечислять убийства на проезжих дорогах, грабежи в деревнях, поджоги домов, ограбления церквей. Но в завершение следует сказать, что у этого человека было в обычае раскапывать по ночам могилы только что умерших людей и грабить их. При этом он забирал все, что там было, вплоть до последней тряпки. По-моему, нет ныне на земле людей хуже, чем эта шестерка.

Вот почему все христиане должны молиться, чтобы Бог в своей милости сохранил нас и всех остальных людей от подобных случаев и очистил от таких преступников землю, как Он уже делал, и пусть наградой им будет стыд и различные наказания. Молю тебя об этом, Боже!

Таковы были признания, сделанные перед правителем и другими бюргерами города Мюнхена. Эти люди выслушали обвинение, их признали виновными и вынесли им приговор. И 26 июля они были казнены таким образом и следующим порядком:

Во-первых, их доставили перед ратушей Мюнхена, где упомянутой женщине, помещенной между двумя ее сыновьями, вырвали обе груди, каковыми палач ударил ее трижды по лицу, после чего подобным же образом каждый из ее сыновей, сидевших обок нее, получил по три удара по лицу грудью их матери. Ей также нанесли шесть сильных ударов скрученным в жгут кнутом, после чего ей переломали обе руки на колесе и поместили на некое сиденье, специально приготовленное для этого[3]; затем тело ее было сожжено.

Остальным пятерым колдунам-мужчинам роздали по шесть ударов кнутом, переломали таким же образом руки, четверых из них привязали на том же самом месте к колу и сожгли. А Пауль Гамперле, отец и главный колдун, был живьем насажен на вертел и таким образом его постепенно зажарили до смерти, после чего его тело было сожжено дотла[4].

Итак, благосклонный читатель, ты услышал историю жизни и смерти этих шести самых отъявленных колдунов. И пусть никто не усомнится в ее правдивости, ибо об этом рассказывали не только многие почтенные люди, но и сам перевод этой книги был сделан с ее первого голландского издания.

А теперь упадем на колени и с сокрушенными сердцами помолим Господа, с чьего соизволения были совершены все эти злодеяния, дабы усмирил он гордыню и уменьшил злобу Сатаны, царствующего ныне среди людей, и наполнил сердца наши столь сильной верой, чтобы подобные нападки никогда не причиняли нам вреда, но чтобы мы могли служить Ему с совершенной любовью и благочестием, Ему, самому могущественному, Царю среди царей, которому власть, хвала и слава во веки веков. Аминь.

Фридрих фон Шпее

Cautio criminalis
или
О процессах против ведьм

ВОПРОС 47[1]

Может ли демон создавать видимость присутствия невиновных на ведовских шабашах?[2]

Я отвечаю на этот вопрос так: «да, может, хотя это только видимость, наблюдаемая, однако, всеми, кто принимает участие в этом действе». Каковы же основания утверждать подобное?

Основание 1. То, что такое может происходить, подтверждают примеры, следовательно, это возможно. Я знаю один монастырь, где произошло подобное событие, что и было отмечено в документальных актах. Один из монахов этого монастыря был обвинен большим числом ведьм в том, что он принимал участие в их шабашах. Они называли также лицо, с которым он, якобы, танцевал, и, полные раскаяния, перед лицом смерти подтверждали все это, в то время как по свидетельству всего монастыря в этот час обвиняемый вместе с другими монахами пел в хоре, вознося молитвы Господу. Заявители могли лгать, что является вполне обычным после применения пыток, и оговорить невиновного из злобы. Если же, наоборот, они не лгали (но так посчитали сами судьи), то они приняли призрак за действительность. Я могу назвать и других, набожных даже по мнению судей, перед которыми прошло немало ведьм, людей, здравствующих и поныне, которых также многократно обвиняли в том, что они плясали на ведовских шабашах. Можно привести и много других примеров, однако я не стану этого делать, поскольку они достаточно известны и сводятся к тому, что отдельные лиц были замечены на шабашах, в то время как неопровержимые доказательства свидетельствовали о том, что они находились в это время безотлучно в другом месте.

Основание 2. Дьявол может принимать обличие ангела света[3], об этом говорится в Священном Писании и в многочисленных примерах из житий святых. Следовательно, и невиновных он может представить в облике призрака, что дает основание думать, что Господь Бог позволяет ему многое.

Основание 3. Аргументы сторонников противоположного мнения не дают достаточно верных доказательств для опровержения нашего исходного тезиса, заключающегося в том, что во имя справедливости необходимо следовать в своих воззрениях здравому смыслу, а не

удовлетворяться словами других. Обращаю внимание на то, что я, поддерживая мнение о том, что демон может создавать призраки невиновных, не обязан доказывать свою правоту. Это скорее относится к возражающим мне, в том случае, если они станут отрицать мою точку зрения. Ибо дело состоит в том, что для меня мало что изменится от того, может ли демон сделать подобное или не может. Я ничего не хочу выводить из обоих утверждений и утруждаю себя лишь из-за радости знания, позволяющего предостерегать других. Но если в этом мне не сопутствует удача и знание мое никому не угрожает, то оно не принесет никому никакого ущерба и не будет представлять для кого-либо опасность. Мои же противники делают свои воззрения как бы фундаментом, с высоты которого позволяют себе судить о человеческой жизни. Поэтому им следует, если только они не легкомысленны, как можно ближе подойти к сложным и тяжелым проблемам, знание которых отнюдь не составляет фундамент их познаний, и изучить их.

Тот, кто отрицает, что демон может создавать образ невиновных, посягает на правила диалектики; долг исследователя и его обязанность — доказывать утверждение. Это, безусловно, относится не только к тем, кто отрицает, но также и к тем, кто согласен с данным утверждением. Под словом «согласен» (как мог уже убедиться читатель) следует понимать «согласен при условии...», а потому если каждый — согласен он или отрицает — воспринимает это положение как основополагающую истину и желает использовать его для дальнейших умозаключений, то он обязан его доказать. Противники положения о том, что демон может создавать образы невиновных, должны его обосновать, доказать, а затем уже проводить на этом основании процессы, поскольку иначе, отвергая доказательства, в этом случае они добьются противоположного результата. Однако с другой стороны, даже создав фундамент своих доказательств, они не намного улучшают свое положение.

Для нас достаточно приведенных оснований, чтобы осветить это сомнительное дело и чтобы в дальнейшем люди, не совсем сведущие в науках, ужасались деяниям дьявола и делали это с Божьего соизволения. Для нас же достаточно, что мы намекаем об этом судьям. Если они захотят выступить в процессе чистосердечно, не прибегая к жесточайшим пыткам, а опираясь только на прочный фундамент аргументов, они поступят как достой-

ные и осмотрительные люди; не сделав этого, нельзя добиться справедливого решения. Посмотрим же, какие доказательства приводит противоположная сторона.

ВОПРОС 48

Какие аргументы подыскиваются для доказательства положения о том, что демон на ведовских шабашах не может создавать образов невиновных людей?

Я отвечаю: Бинсфельд собрал эти аргументы воедино; на них же основывается и Дельрио[4]. Мне представ-

ляется весьма сомнительной достоверность всего исследования о колдовстве, поскольку аргументы Бинсфельда мы будем подвергать критике при повторном их изложении, а назвать их глубокомысленными я также не могу. Таким образом, я буду излагать по порядку аргументы Бинсфельда и только первый аргумент будет взять мной у Дельрио.

Аргумент I. Не стоит, наверное, описывать, как недавно один не очень умный борец с ведьмами хвастал словами Дельрио, ссылаясь на его книгу и приводя следующее положение, в котором Дельрио заявлял так: «Демоны хорошо умеют принимать образы[5] невинных людей и в таком виде присутствовать на шабашах, если в это не вмешивается Господь Бог. Однако я еще ни разу не читал о таком и не слышал, чтобы такое случилось» (кн.2, вопр.12, ном.5). И чуть ниже там же: «Если Господь это и допускает, то вскоре обман вскрывается и Господь позволяет или покаяться и за другие прегрешения или через страдания заслужить славу». Исходя из вышесказанного, сей духовный отец восклицает: «Видите, Дельрио сам ни о чем подобном не читал и не слышал. Кто же может поверить в то, что это случилось?»

Возражение 1. Этот аргумент доказывает слишком много и, в конечном счете, ничего. Он доказывает то же, что и другие многочисленные обстоятельства, из которых одни освещены тщательно, другие нет, поскольку Дельрио об этом не читал и не слышал. Я же, наоборот, много говорил и слышал об этом, так же как и многие вместе со мной.

Возражение 2. В настоящее время инквизиторы каждый день с помощью новых пыток вырывают из ведьм признания о неслыханных до сих пор преступлениях и ухищрениях и делают это, не взирая ни на князей, ни на народ.

Захоти я воспользоваться этим аргументом, лишь им одним, и все оспорить, поскольку Дельрио ничего не читал и не слышал об этом, что бы тогда сказали? Они были бы возмущены и начали бы уверять, что Господь разрешил совершать прегрешения каждый день. Почему они не хотят согласиться со мной, это множество нечитавших и неслышавших, в том, что демон может с разрешения Господа представлять на шабаше образы действительно существующих и невинов-

ных людей? Это неверие также является еще одним прегрешением каждого из них.

Возражение 3. Когда на людей доносят, что их видели во время сатанинского шабаша, то считается само собой разумеющимся, что они виновны и действительно физически там присутствовали. Затем их пытают столько, сколько нужно для их признания, а если некоторые выдерживают пытки и не признаются, тех быстренько сжигают живьем как закоренелых и упрямых грешников, поскольку они в любом случае виновны. Разве не достойно удивления, что Дельрио ничего об этом не слышал и не читал?

Возражение 4. Ты хочешь мне возразить, что не все происходит так, как я описал выше, что те несчастные, что выдержали пытки и мучения, не признав себя виновными, были, по закону, отпущены восвояси, а не сожжены. Что ж, это мне тоже пригодится. Если же немногие отпущенные были признаны невиновными, и это случалось не раз (по твоему утверждению), то как можно было не читать и не слышать об этом? Если эти люди оправданы, то кто тогда был на шабаше? Следовательно, и этот аргумент ничего не доказывает.

Аргумент II. У дьявола нет никакого желания имитировать присутствие невиновного на шабаше, следовательно... Это положение особенно недостоверно, потому что из Священного Писания известно, что Господь не угнетает и не искушает своих избранных, разве что только тогда, когда хочет испытать их добродетель, душевные качества и терпения. Это — учение Бинсфельда.

Возражение 1. Этот аргумент доказывает многое, а следовательно, ничего. Поскольку почти теми же самыми словами можно доказать, что демон не поразил все существо Иова, и он несет ответственность за смерть мучеников не только благодаря своему искусству и избранным им источникам мучений. Точно так же я могу сказать: «У демона нет никакой потребности в подобных деяниях. Он знает из Священного Писания, что Господь избранных своих не угнетает и не искушает, разве что только тогда, когда хочет испытать их добродетель, душевные качества и терпение».

Возражение 2. Пожалуй, не все те, чей облик принимал демон, являются Божьими избранниками. Некоторые способны творить зло, они могут быть злодеями, закосневшими в смертных грехах, даже если они

не имеют ничего общего с колдовством и, следователь-
но, в этом смысле невиновны. Но даже в этом случае
если у демона нет потребности принимать облик божь-
их избранников на шабаше, то необходимы дальней-
шие доказательства того, что обличье невиновных мо-
жет быть использовано на дьявольском шабаше. Так
что и этот аргумент ничего не доказывает.

Аргумент III. Бинсфельд считает, что учение о том, что демон не может являться в облике невиновного черпает особенную силу в сознании невиновного. Невиновные же, измученные страхом и заботами, не демонами ли представляется в обществе колдуний и ведьм? С другой стороны, если демон может совершать подобное, то, следовательно, все мы по заслугам будем пребывать в ужасе и страхе, а тело и душа по-настоящему будут подвергаться постоянной опасности. Однако чистая совесть абсолютно ничего не боится, следовательно это так.

Возражение 1. Этот аргумент доказывает многое, а следовательно, ничего. Похожими словами можно доказать, что любой невиновный человек, не заколдованный ведьмами или не подвергшийся воздействию других чар, может всю свою жизнь прожить несчастливым и что такого просто не бывает. Доказательство: кто из невиновных боится уже с утра того, что его в этот день не околдовали ведьмы? С другой стороны, если ведьмы могут подобное, тогда мы по заслугам будем пребывать в ужасе и страхе, думая, что из-за колдовских чар мы на всю жизнь останемся несчастными. Только чистая совесть ничего не боится; отсюда следует

Возражение 2. Невиновные спокойны и безбоязненны не потому, что верят в то, что дьявол не может использовать их обличье в своих целях или не доставит им неприятности, но потому, что уверены, что если даже их облик и будет использован, для них это не будет иметь последствий. Они уверены, что в суде сидят неподкупные мудрые судьи, которые, учинив процесс над ними по доносам людей, подчиняющихся дьяволу больше поверят нравственной чистоте обвиняемых, которая, по их мнению, говорит сама за себя.

Возражение 3. Я должен оспорить утверждение, гласящее, что там, где инквизиционные процессы над ведьмами проводятся с усердием и пылом и где судьи придерживаются мнения, о котором мы говорим, сопровождая процесс искусными отговорками, обвиняе-

мым (на самом деле невиновным) нечего бояться. Это не соответствует истине. Я знаю многих выдающихся, здравомыслящих людей, которые испытывали этот страх, причем подчас настолько сильный, что некоторые из них уезжали в другие места. Я знаю и таких, которые сами просили у меня и у других совета. Я знаю и людей, спешивших за советом и на исповедь в соседний город и бывших, на следующий день по возвращении, схваченными, поскольку это считалось косвенной уликой — они, якобы, пытались бежать, но попытка не удалась, поскольку Господь из мести помутил их рассудок и они возвратились назад. Когда же они пытались доказать, что все было не так, им никто не верил. Я знаю, сколь много справок пришлось дать мне по специфическим вопросам моих знаний и о том как вести себя, чтобы избежать смертного греха, не наговорив на себя и на других во время пыток, и о том, сколько в действительности людей проживает в данном месте, находясь в состоянии страха. Поэтому аргумент Бинсфельда не может быть им использован; наоборот, он скорее помогает мне против него. И, завершая, хочу сказать: если Бинсфельд в этих делах приобрел столь мало опыта и знаний, если он не читал и не слышал о том, что известно каждому, то что можно пожелать такому ученому и ему подобным? Они могут по-прежнему сидеть в своих кабинетах, как они это делали и до сих пор, награждая нас своими теологическими трудами. Однако я прошу об одном: чтобы люди, имеющие столь большой авторитет, перестали считать процессы забавной игрой и не побоялись подойти поближе к заключенным и почувствовать грязь темниц, если они, конечно, туда когда-нибудь попадут. Ибо из опыта известно, что дух и сила воображения постоянно возбуждают, а размышления смягчают человека.

Аргумент IV. То, что никогда не случалось при обычном стечении обстоятельств, можно считать вообще никогда не происходившим; если же это следует из фактов необычных, то это следует расследовать. Никогда, или крайне редко приходилось слышать уверенные и полноценные признания в том, что демон принимал на шабашах облик невинных. Наоборот, из опыта же известно, что замеченные на шабашах действительно виновны в колдовстве. Так, рассуждает Бинсфельд.

Я возражаю: последнее утверждение должно оспорить. Откуда Бинсфельду известно, что действительно

невиновные никогда не были представляемы чертом на шабашах, а потому все, кого обвиняют, достойны порицания и осуждения? Из достоверных признаний? Откуда он знает, что все обвиняемые в колдовстве и осужденные из-за этого, действительно виновны в занятиях колдовством? Наверное, из признания самих несчастных, как, по крайней мере, он сам утверждает. Но откуда он знает, что все эти признания действительно достоверны, а не получены вследствии мучений и под влиянием страха? Часто случается, что значительная часть доказательств выглядит недостоверно; так откуда же он знает, что те, на которых он постоянно основывается, не являются таковыми же, то есть вводящими в заблуждение. Горе тем, чья нога хоть раз вступила в камеру пыток; они уже никогда не вернутся назад, не подтвердив того, что только можно придумать. Здесь можно вновь сослаться на третье возражение на первый аргумент, приведенное выше. И потому я считаю долгом часто повторять, что не все мы являемся колдунами; единственным основанием для этого утверждения является лишь то, что нас не принуждали к этому пытками. Так утверждал и некий инквизитор одного могущественного правителя, сидя за пиршественным столом и находясь в сознании абсолютной своей правоты, а поскольку папа римский сам вложил в его руки инструмент пыток, то не удивительно, если и сам папа когда-нибудь признается в колдовстве. То же сделает и Бинсфельд, и я, и другие, за исключением немногих крепких духом. Вот почему этот аргумент также ничего не доказывает. Здесь можно еще раз обратиться, как уже указывалось, к третьему возражению на первый аргумент.

Аргумент V. Если демон может на ведовских шабашах принимать образы невиновных людей, то он может пожелать представить их в виде убийц, преступников, прелюбодеев, поскольку его главная задача — уничтожение безгрешных людей. Вот почему может быть и так, что человек, обвиненный в убийстве, грабеже, клевете и прелюбодеянии, защищаясь, может заявить, что он безгрешен, а во всем виноват дьявол, принявший его обличье и совершивший сие преступное деяние и т.д.

С помощью этого аргумента Бинсфельд хочет показать, что не в силах решить это те, кто действует со

стесненным сознанием, либо же нередко и в состоянии ослепления.

Я возражаю, так как практически из любого основания следует, что Бинсфельд и его приверженцы трактуют наше мнение очень избирательно и порицают они его постольку, поскольку сами слепы и не могут отличить умысла от безвредной выдумки. Вот почему если кто-то и не смог развязать подобные узлы, доверившись обманувшим его чувствам, то для нас это всеравно ничего не доказывает, поскольку мы знаем, как разрешить подобную ситуацию. Со всей очевидностью мы заявляем, что все утверждения Бинсфельда не могут быть сравнены с нашим конкретным случаем. И так дело обстоит практически всегда. Будь внимателен, читатель, и ты в этом убедишься.

Предположим, что есть место, о котором в точности известно, что там в определенное время и час появляются разные привидения для того, чтобы проводить время и делать различные дела, как то делают люди; предположим, что Семпроний обвиняет Гракха, то есть что кто-то видел другого человека в то время, когда было совершенно убийство. Однако у любого здравомыслящего судьи будет достаточно оснований сомневаться, был ли это настоящий Гракх, подозревая, что в том месте видели его пустую личину. Вместе с тем, было бы глупо отпустить Гракха восвояси без дальнейшего расследования и разбора доказательств. Точно так же обстоит дело и в нашем случае. Наши противники отстаивают положение о том, что демон имеет обыкновение являться в определенные часы в определенных местах, где происходят сатанинские празднества, шабаши, хороводы. Они также утверждают, что он постоянно меняет обличье, выступая то в одном, то в другом виде, и предстает в обликах мужчин, женщин, солдат, юношей, девушек, козлов, львов и т.д. И если кого-либо из них нет среди пляшущих, то, как утверждают наши оппоненты, демон сам принимает их обличье. Многое там происходит действительно, но еще больше там кажущегося. Ведьмы имеют обыкновение периодически есть, пить и спать в кроватях из слоновой кости, даже если они поглощают мертвечину и падаль, запивая ее желчью, и отдыхают под виселицами. Все же остальное можно считать иллюзией и вещью недоказанной, то есть то, что на таких празднествах необходимо присутствует большое количество всяческих ли-

чин, призраков, теней, привидений и масок. Поскольку же все мои оппоненты заявляют, что это возможно (о том, что я считаю возможным на сатанинских шабашах, я скажу позже), то каждого, оказавшегося на месте судьи, начинают терзать мучительные сомнения — он думает, не распространяется ли власть демонов и призраков всех видов настолько далеко, что становится возможным использование ими призрачных обличий людей, особенно уличенных в совершении смертного греха. Если же судья человек проницательный и здравомыслящий, то он, не колеблясь, усомнится (или называйте это как хотите), а был ли подозреваемый действительно в указанный час в данном месте или же это призрак подозреваемого, используемый демоном. Ведь отсюда никоим образом не следует, что меня следует подозревать и искать доказательства, говорящие об отличии призрака от меня самого, делая это лишь на том основании, что кто-то видел кого-то среди воров, убийц и прелюбодеев, либо же вообще прибегать к фокусам и приемам подобного рода. Все это разные вещи. Отсюда совершенно ясно, что данный аргумент Бинсфельда, который он считает неотразимым, отнюдь не является таковым; особенно видна его необоснованность — ведь его создатель просто слепо настаивает на нем. Только это он и подтверждает, ибо нам вовсе не видно того, что хочет увидеть с его помощью Бинсфельд. Можно, конечно, поговорить и о других сторонах этого аргумента Бинсфельда, однако то, что я здесь доказал, вполне достаточно для того, чтобы полностью лишить его какой-либо силы.

Аргумент VI. Бог не позволял демону принимать облик невинных, следовательно, он не может этого делать.

Я возражаю, ибо откуда у моих оппонентов такая уверенность в том, что Бог ничего этого не разрешал? Как мы говорили выше, Господь допускает и многие другие дурные вещи — гибель мучеников, младенцев, попрание священных облаток и прочие ужасные вещи. К тому же Бог позволяет демону создавать призраки разных людей, равно и их отражения в зеркале, воде, масле, существующие потом самостоятельным образом, так что многие доносчики, клеветники и разного рода свидетели, желая узнать, кто в каком конкретном месте занимается непотребными делами, направляются туда, где якобы околдован скот, где чья-то дочь выхо-

дит замуж, где кто-то умер. К сожалению, это становится весьма распространенным и обычным явлением. Демон чувствует себя при этом особенно хорошо и, как нам известно, смущает невиновных фальшивыми приметами. Я знаю одного достойного и ученого священника, очень хорошего человека, к которому одна похотливая женщина, ведьма, испытывала нестерпимый любовный жар, стремясь внушить при этом подобное же желание и объекту своих вожделений. Не было таких уловок и приемов, которых бы она не пускала в ход, но, убедившись в их бесплодности, она неоднократно с помощью демона создавала бесплотные призраки стойкого священника именно так, как об этом говорится в буллах папы римского. Почему же тогда демон должен принимать облик невинных людей только на шабаше, что он, конечно же, может?

Ты говоришь: если ему было разрешено принимать облик невиновных на шабашах, то уже упомянутое третье возражение не может быть выполнено, и тем самым государству может быть причинен непоправимый урон.

Возражение 1. Если это так, то откуда ты знаешь, что Бог не допустит этого вреда и убытка государству? Бог разрешил дьяволу переносить ведьм с места на место, творить колдовское зелье для их деяний и т.п., чего не отрицает ни один из моих оппонентов. Но разве это не беда? Сколь это достойно сожаления! О том, что Бог не знает ни о какой деятельности дьявола, в том числе и о том, что он принимает облик невинных на колдовских празднествах, не может быть и речи, ибо с говорящим такое надлежит спорить.

Возражение 2. Я оспариваю то мнение, что вышеуказанное положение верно. Ибо какой вред, спрашиваю я, может причинить невиновный человек государству? Может быть, он заключается в том, что невиновного по необходимости держали за виновного, обращались с ним как с виновным и т.д.? На это я отвечу так: умный и рассудительный судья здесь не виноват. Подобное творят недалекие и глупые люди, и в этом — вред государству. И в остальном позиция моих оппонентов полностью ошибочна. Они заявляют, что невиновные, чьи образы были использованы демоном, попадают в беду, поскольку их принимают за виновных и соответствующим образом к ним относятся. Тем самым они утверждают, что всякого, чей образ использо-

вал демон, необходимо считать виновным. Таким образом здесь возникает еще один вопрос: можно ли считать виновным человека, попавшего в такую ситуацию? Итак, круг замыкается, но остается вопрос: почему в своем большинстве эти люди должны считаться виновными из-за того, что их видели на колдовских шабашах? Потому что Бог не разрешает дьяволу использовать на шабашах образы невиновных. Но почему Господь этого не разрешает? Да потому, что все несчастье заключается в том, что всех замеченных там должно считать виновными. Здесь особенно видно, сколь мало соблюдают мои оппоненты правило диалектики: «А потому является В, что В является А». Но разве никто не разрывал этого замкнутого круга? Однако и до сих пор находятся ученые духовного звания, использующие это и вводящие власти и правителей в заблуждение; они никогда не возвращаются на верный путь, пользуясь покровительством своих настоятелей, так мало понимающих во всем этом. И если Бинсфельд думает, что это право сыновей Божьих — решать судьбы людей, то этот тезис ему следует расположить перед теми десятью вопросами, на которые я отвечаю. В заключение я должен коротко рассказывать кое-что о событиях в одном известном уголке Германии, обращенном ныне в прах и пепел. Некий князь предложил подойти к столу своему двум священникам, известным среди других людей своей ученостью и праведностью. Продолжая трапезу, князь задал одному из них вопрос: «Отче, считаете ли вы правильным то, что мы до сих пор подвергаем пыткам каждого, на кого укажет десяток ведьм, как на участника колдовского шабаша? Я очень боюсь, что путь, по которому нас ведет система доносов, может оказаться абсолютно неверным, поскольку дьявол, мастер на всякого рода уловки, мог бы позаботиться о своих приверженцах, а не отдавать их десятками в руки правосудия. Что вы думаете об этом?» На это спрашиваемый отвечает с чрезмерным усердием человека, занимающегося философией дома на печи. «Как может вас печалить то, что, несмотря на свой грозный характер, принесло столь много в копилку знания? Верить в то, что Бог мог допустить, чтобы образы невиновных использовались на шабашах, значит сомневаться в Господе нашем. Я не вижу никакого повода для сомнений и колебаний, которые могут возникнуть у судьи в отношении истинности све-

дений, сообщаемых в подаваемых доносах». Князь возразил, и между ними разгорелся серьезный спор. Однако поскольку священник постоянно пытался доказать свою правоту, князь положил конец спору, сказав: «Мне очень жаль, святой отец, но вы сами определили свой смертный конец, уйти от которого нельзя, если я посажу вас в темницу. Около пятнадцати ведьм признались в том, что видели вас на своих шабашах. И это не шутка, вы сможете сами прочесть составленные показания, в которых обо всем этом подробно написано. Согласно же вашему мнению, которое вы так отстаивали, вы должны понести заслуженное наказание». Тут доблестный муж оцепенел, потеряв дар речи и не зная, какой довод привести в свою защиту. Он замолчал и взгляд его остановился. И это вовсе не сказка, эту историю я изложил так, как это было, опустив лишь название местности и имя этого человека. Они здесь ни к чему. И вот что удивительно: почему демон должен и может принимать вид только лишь невиновных людей, ведь даже в Священном писании рассказывается, что он способен не только губить души, но и превращаться в ангела. Действительно, по словам Апостола (2 Кор. 11), он это постоянно совершает[7]. Вот почему этот аргумент также ничего не доказывает. А теперь рассмотрим последний из оставшихся аргументов.

Аргумент VII и последний. В связи с этим Бинсфельд считает, что истинное учение о том, что дьявол не может появляться на сатанинских шабашах в обличии невинных людей, защищается всеми учеными и во всех книгах, от «Молота» до сочинений Спины, Жакье и Лойерия[8].

Я возражаю: нашего мнения, если оно когда-нибудь будет обнародовано благодаря открытому обсуждению, будет придерживаться гораздо большее число людей. И это будет связано, в первую очередь, с тем, что оно истинно, а не с авторитетом его автора. Однако поскольку Бинсфельд исходит в первую очередь из весомости показания ведьм, то это действительно смешно. Это все равно что заявить: это учение правдиво потому, что ученицы защищают отца всяческой лжи. Великолепный довод! Своим собственным свидетельством ведьмы укрепляют свой авторитет. В Евангелии Христос говорит: «Если я предоставляю свидетельство о себе, то свидетельство мое ложно». Их же аргумент гласит: если сатана свидетельствует о себе,

то это свидетельство — правда. С удивлением гляжу я на то, куда это может завести. Вот почему, если мне позволено высказать собственное мнение, то я с полной уверенностью заявляю о своей убежденности в том, что показания, вырванные с помощью пыток — ложь, если речь в них идет о той или иной персоне, которую видели на шабаше. Я считаю, что большинство таких людей невиновно. Мне стало ясно и то, что если в ведовские процессы и было вовлечено несколько виновных, то за ними непременно последует череда абсолютно невинных людей. Под угрозой пыток и мучений невинный возводит напраслину на других, о чем они и не знают, и тем самым увлекает их за собой. Правды мы знать не хотим, но желаем, чтобы они сами признались во всех своих делах. Когда-нибудь это обязательно закончится. А потому я радуюсь, ибо у меня никогда не было сомнений в том, что ведьм на всем свете не так уж и много. Что касается их шабашей и плясок, то и здесь можно выразить сомнение в их реальности. Я же желаю, чтобы все это кто-нибудь когда-нибудь по-настоящему изучил. Своею книгой я хотел всего лишь всколыхнуть, раззадорить ученых, вовлечь их в обсуждение вопросов, сопровождающих процессы над ведьмами.

Каждый день вижу я, как многие из них позволяют увлечь себя близорукими и необдуманными заявлениями. Мне же нравятся те ученые, которые ничего не принимают на веру без сомнений, даже если весь народ верит в это. Однако при этом князья должны проявлять максимум внимательности, дабы в таких серьезных делах неосмотрительность не привела ко вреду, пусть даже во имя удовлетворения научной любознательности.

Сирано де Бержерак

За колдунов

Против колдунов

Государства и империи Солнца

ЗА КОЛДУНОВ

Месье. С тех пор как я имел честь видеть Вас, со мной произошло странное происшествие.

Утомленный чтением книги, которую я у вас когда-то одолжил и которую вы мне когда-то расхваливали, я вышел прогуляться, дабы развеять мрачные и нелепые фантазии, которыми наполняла меня ужасная глупость этой науки. Силясь соотнести свои мысли с воспоминаниями об этих мрачных историях, я постепенно углубился в ваш небольшой лес. Спустя, как мне кажется, четыре часа пути, я внезапно заметил метлу, странным образом оказавшуюся у меня между ног. Так, оказавшись вольно или невольно на ней верхом, я вдруг почувствовал, что лечу по воздуху. Наконец, не запомнив ни того, как я поднимался, ни самой дороги, я оказался посреди пустынной местности. Вокруг не было ни одной тропинки. Я без конца смотрел на свою метлу... Глушь эта показалась мне какой-то планетой[1].

Преисполнившись решимости проникнуть немного вглубь, я, не заметив никаких препятствий, двинулся вперед. Наконец, сильно устав, я опустился на колени, но тут я увидел нечто такое, что сильно удивило меня. На фоне Солнца синим светом светились звезды, далее находилась полная Луна, причем размерами она значительно превосходила настоящую. Три раза они исчезали и три раза воздух становился неподвижным, умолкали ручьи, птицы оставляли свое пение, рыбы словно стеклenели, а все животные тихо трепетали. Невероятная тишина, стоявшая кругом, внушала какой-то страх.

При свете Луны я увидел, как из глубины некоей пещеры вышел глубокий старец, облаченный в белые одежды. Лицо его было обветренно, взгляд грозен. Из-под густых и кустистых бровей глядели суровые глаза. Густая борода ниспадала ему на грудь. Голову его венчала шляпа, сплетенная из вербены, талию же охватывал пояс, сделанный из майского папоротника. На груди у него болталась полумертвая летучая мышь, а вокруг воротника обвивался железный ошейник, унизанный семью различными драгоценными камнями, каждый из которых являлся знаком отдельной планеты.

Одетый таким образом, в левой руке он держал треугольной формы сосуд, наполненный росой, а в правой — прут из бузины, один конец которого был окован пла-

стинкой, состоящей из разных металлов, второй же был сделан в виде небольшой ручки.

Поцеловав порог своей пещеры, он разулся и, что-то пробормотав, изрек какие-то непонятные фразы, после чего, пятясь задом, подошел к старому дубу, в четырех шагах от которого он нарисовал одна в одной три фигуры. Тут земля, подрагивая, сама собой приняла те самые очертания, которые он там изобразил. Кроме того, он написал там имена выдающихся людей, век, год, время года, месяц, неделю, день и час их жизни, даже королей определил он туда, поставив каждого на свое место; при этом он всем им кадил, но каждому особенным образом.

Закончив это, он поместил свой сосуд в центр этих кругов, открыл его, взял в зубы заостроенный конец своего жезла, затем улегся на землю, повернувшись лицом на восток, и уснул. Когда же минула примерно половина времени, на протяжении которого он спал, то я заметил, как в сосуд упало пять семян папоротника. Проснувшись, он вынул их оттуда, при этом два семени положил в уши, одно в рот, одно погрузил в воду, а оставшееся выбросил за пределы круга. Однако едва он выпустил его из руки, как я увидел, что его окружает более миллиона зверей и насекомых, не предвещавших своим появлением ничего хорошего. Этим своим прутом он дотронулся до лесной совы, лисы и крота, которые, издавая чудовищные крики, тотчас же вошли в круг. Он же медным ножом распорол им брюхо, вырвал их сердца и, завернув каждое в три листика с лаврового дерева, незамедлительно проглотил. Затем он вынул из каждого печень, после чего снова продолжал свои воскурения. Смешав росу (которая была у него в треугольном сосуде) и кровь в тазу, он погрузил туда чистый пергамент, держа его в правой руке; затем, издав четыре или пять раз какой-то ужасный вопль, он закрыл глаза и начал молиться.

Старик почти не шевелил губами, однако я слышал как у него внутри словно бы говорило разом несколько голосов. Подняв с земли пальмовую ветвь, он устремил ее ввысь, при этом изредка бросая взгляд на ноготь указательного пальца левой руки. Он был страшно разгорячен и взволнован, видно было, что его мучают какие-то судороги — внезапно он, охнув, упал на колени. Однако тут же он произнес три слова какого-то заклинания и силы вновь вернулись к нему. Теперь он

стоял прямо, не шатаясь, несмотря на чудовищные порывы страшного ветра, дувшего ему прямо в лицо и налетавшего на него, то как ураган, то как смерч. Казалось, что этот ветер хочет выйти из этого кольца. Но тут три упомянутых круга внезапно совершили круговое движение, из них вырвался поток огня, который, вращаясь, разделился на несколько шаров, с треском извергавших из себя раскаты грома.

Внезапно ясный и прозрачный свет рассеял эти мрачные метеоры. Посреди всего этого возник юноша, одной ногой опиравшийся на орла, другой — на рысь. Он подал чародею три склянки, наполненные неизвестной мне жидкостью. Тот же в свою очередь дал ему три волоса, вырвав один из макушки, а два других — из висков, после чего ударил его по плечу палочкой, которую держал в руке, и все исчезло. Все это происходило тогда, когда звезды начинали потихоньку бледнеть на фоне восходящего Солнца, постепенно сливаясь с небом.

Тут я засобирался было в путь, желая отыскать свою деревню, однако колдун, пристально разглядывавший меня, приблизился к месту, где я в тот момент находился. Несмотря на то, что он шел медленно, вскоре он поравнялся со мной. Подойдя, старик протянул мне свою руку, которая оказалась настолько холодной, что потом моя собственная рука еще долго не могла согреться. Затем он повел меня мимо полуразвалившихся лачуг в сторону ужасных развалин старого заброшенного замка, комнаты которого за миллион лет превратились в мрачные подземелья. Как только мы вошли, он, повернувшись ко мне, сказал: «Радуйся, что тебе пришлось лицезреть колдуна Агриппу,[2] душа которого через переселение душ когда-то одушевляла ученого Заратустру, владыку Бактрии.[3] Вот уже около ста лет прошло с тех пор, как я покинул мир людей и скрываюсь здесь, пребывая в здравии благодаря питьевому золоту. Вот почему мне не страшна никакая болезнь. Я пью это универсальное средство, омолаживающее меня и восстанавливающее в теле растраченные силы. Посмотри на эти три склянки, которые мне подарил Царь Огненных демонов.[4] Первая полна жидкости, во второй — порошок извержения, в третьем — масло талька. Между прочим, ты должен быть мне очень благодарен, ибо из всех смертных я выбрал именно тебя для участия в таинствах, которые я совершаю только раз в двадцать лет. С помощью моего волшебства я насылаю скудость или изобилие; я разжи-

гаю войны, подбивая на это Гениев, управляющих королями; я обучаю пастухов любить волков; я обучаю колдунов способу вращать сита; я подстрекаю фей танцевать при свете луны; я делаю так, что карточные игроки идут искать треф вчетвером под виселицей. В полночь я отправляю с кладбищ облаченных в суконные одеяния привидений, чтобы они потребовали у своих наследников выполнения данных им обещаний. Я приказываю демонам жить в покинутых замках и убивать проходящих, которые будут там останавливаться, и так будет до тех пор пока кто-нибудь решительный не принудит их показать, где находится клад. Бедных я делаю богатыми. Я помогаю ворам сжечь свечу, сделанную из жира висельника, чтобы усыпить хозяев, пока те совершают кражи. Я дарю людям летающий пистоль, который вновь возвращается в карман владельца после того, как он его потратил. Лакеям я даю кольца, с помощью которых они могут в течение дня побывать в Орлеане и вернуться обратно в Париж. С помощью привидений я могу все в доме перевернуть вверх дном — они опрокидывают бутылки, стаканы, тарелки, при этом ничего не разбивая и не проливая. Стариков я обучаю излечивать лихорадку с помощью заговоров. Накануне праздника св.Иоанна я бужу спозаранку местных жителей и они, не позавтракав и не совершив молитвы, идут собирать травы. Колдунов я обучаю искусству становиться оборотнями. Я же заставляю их ловить и поедать детей, встречающихся им на дорогах. Я посылаю к опечаленным людям большого черного человека[5], который обещает сделать их богатыми, если они захотят отдать ему свои души. Нарушивших подобный договор я лишаю зрения. Тем же, кто читает колдовские книги без понятия, вызывает меня и ничем не одаряет, я сворачиваю шею. Но я мирно ухожу обратно, если вызвавший меня дарит мне старый башмак, волос или пук соломы. Всем пришедшим на шабаш я предлагаю поцеловать в зад козла, сидящего на табуретке. Их я обильно угощаю несоленым мясом. Если же кто-нибудь посторонний, не знающий обычаев, осенит себя крестным знамением, то все исчезает. Сам же он окажется в пустынном месте, где-нибудь посреди терновника, в трехстах лье от родных мест. Я обнаруживаю в постели развратников: женщин с инкубами, мужчин с суккубами. Тем спящим, кто не перекрестился перед сном, я посылаю ночной кошмар в виде бесконечно длинной мраморной комнаты. Я обу-

чаю, как избавиться от врагов: надо сделать их восковые изображения, проколоть их или бросить в огонь. Тогда вашего недруга постигнет та же участь, что и его изображение. У колдунов я лишаю чувствительности те места на теле, где козел оставил свой след. Я внушаю крестьянам, чтобы они положили под порог хлева клок волос

или жабу, если они хотят наслать порчу на находящуюся там скотину. При этом надо произнести троекратное проклятие, дабы овцы, переходя через порог, постепенно чахли. Я даю деньги, которые потом превращаются в дубовые листья. Я предоставляю чародеям обыкновенного демона, который сопровождает и защищает их от всего, что беспрестанно затевает св. Мартин. Чтобы доставить суккубу околдованного человека, я научаю делать треугольную лепешку и давать ее в качестве милостыни первому попавшемуся нищему. Я превращаю оборотней ударом вил между глаз. По моему желанию колдуны могут чувствовать, когда их бьют, но только если это делается палкой из бузины. Я обучая изготовлению свидетельств, порче, волшебству, изготовлению печатей, талисманов, гаданию по волшебным зеркалам и звездам. Я обучаю их находить омелу, траву заблуждения, гамаши, магнитный пластырь. Я посылаю лемуров, домовых, ларвов, ламий, призраков, манов, привидения.[6] Наконец, я — Дьявол... и обер-егермейстер леса Фонтебло».

С этими словами чародей исчез. Все растворилось и покрылось густым черным туманом. Я же обнаружил себя в своей кровати, сердце мое трепетало, тело же сильно ослабло от душевных мук. Я чувствовал себя настолько уставшим, что даже не имел сил написать Вам письмо.

Месье, ваш покорный слуга.

ПРОТИВ КОЛДУНОВ[7].

Месье. Скажите честно, неужели мое последнее письмо не повергло вас в ужас? Что бы вы ни говорили, но я думаю, что явление вам большого черного человека[8] есть результат эмоционального состояния вашей души или, по крайней мере, вашего сознания. Ранее я точно так же пугался привидений, однако теперь я слишком был взволнован, чтобы описать всю эту ужасную картину. Теперь же, желая загладить свою вину, я нарисую широкое полотно этого явления во всем его свете, со всеми особенностями и оттенками.

Представляете ли вы себе, сколько по всему миру сожжено колдунов, уличенных в заключении договора с дьяволом; сколько несчастных призналось на костре в том, что они участвовали в шабаше, и на допросах говорили своим судьям, что на этих пиршествах они ели детей. Однако нельзя верить каждому слову человека, ибо

человек может сказать все, что угодно[9]. Ибо если даже с личного дозволения Бога душа может вернуться на землю, чтобы попросить кого-нибудь помолиться за нее, то значит ли это, что привидения или духи, если они все-таки имеются, столь легкомысленны, чтобы брать на себя ответственность за безрассудные причуды невежественной деревенщины, или же появляться на поле, когда в придурковатой голове сельского пастуха усилится приступ черной меланхолии, или же, словно сокол на руке нетерпеливого охотника, поддаваться на приманку и по капризу сей презренной особы исполнять всякие шутовские пляски. Да, я вовсе не верю в колдунов, хотя некоторые великие умы придерживаются иного мнения, и я не уступлю никакому авторитету, суждения которого не согласуются с доводами разума или же не исходят от Бога. Ни Аристотель, более сведущий, чем я, ни Платон, ни Сократ не убедят меня в чем бы то ни было, если то, что они говорят, не согласуется с разумом. Ибо разум — единственный мой владыка, которому я добровольно подчиняюсь. И потом, я знаю по опыту, что очень часто бывало так, что более великие умы отступали перед более низменными, а падение с большой высоты всегда сильнее. В конце концов, и отцы наши ошибались, ошибаемся нынче и мы, а наши потомки тоже будут ошибаться после нас.

Нельзя придерживаться того или иного мнения лишь только потому, что это суждение великого философа. Что касается меня, то я презираю тех педантов, которые в качестве доказательства к своим речам приводят не аргументы, а ссылаются на высказывания авторитетов, как будто эти изречения более достоверны, нежели другие доводы. Тем не менее, я мог бы поверить и им, если бы мне предоставили философию, основные положения которой невозможно было бы подвергнуть сомнению и где все было бы между собой согласовано. В противном случае, можно показать все, что ни захочешь, ибо обычно соотносят принципы с воззрениями, а не воззрения с принципами. Кроме того, даже если уступить авторитету этих великих мужей, даже если признать, что эти принципы сформулированы прежними философами, необходимо иметь ввиду и то, что эти древние, подобно нам, писали не все, что думали. Очень часто законы и религия их страны принуждали их сообразовывать свои суждения с интересом и потребностью политики.

Вот почему я не поверю в колдунов до тех пор, пока мне не докажут их существование.

Если же кто-нибудь сможет мне это доказать, приводя более обоснованые и серьезные доводы, чем мои, то не сомневайтесь, я не скажу ему: «О, месье, вы тот, кого я ждал. Я отрекаюсь от своих взглядов и принимаю ваши!» В противном случае, как бы ловкач взял верх над дураком, если бы думал то же самое, что думает дурак? Он должен быть в состоянии справиться с толпой, делая при этом вид, что уступает чувствам большинства, дабы не противиться всеобщему настроению. Напротив, философ должен составить себе представление об обывателе, но не судить как обыватель. Я же не столь безрассуден, чтобы, избавившись от тирании чужого авторитета, необоснованно устанавливать собственную. Вот почему я и сообщаю мотивы, побудившие меня рассказать о привидениях, а чтобы избавиться от этой химеры, необходимо на многое обратить внимание.

Прежде всего, во всех историях, рассказанных мне о колдунах, настораживает то, что их действие обычно происходит за три—четыре сотни лье от данной местности. Я подозреваю, что подобная отдаленность рассчитана на то, чтобы отбить желание и возможность убедиться в достоверности рассказанного. Прибавьте к этому то, что ватага людей, переодетая в котов, находится посреди поля, где уж конечно нет никаких свидетелей. Вера же какой-нибудь одной старухи в столь необыкновенное происшествие должна вызывать подозрение, ибо в сельской местности облапошить простаков куда как легче. Она бедна — нужда заставила ее лгать ради денег, она стара — возраст помутил ее рассудок, с годами она становится болтливой — и вот она выдумывает эту сказку, чтобы занять беседой своих соседок, с возрастом слабеет зрение — и вот она принимает зайца за кота, годы делают ее боязливой — и вот ей привиделось пятьдесят человек вместо одного.

Давайте-ка посмотрим на этих колдунов. Вы увидите грубого мужлана, которому не хватает ума распутать мешающую ему нить, у которого величина опасности убивает способность мыслить, который не может оправдаться, который даже не осмелится ответить надлежащим образом из-за опасения, что дьявол говорит его ртом. Но получается так, что если он не говорит ни слова, то каждый кричит, что он уличен своей совестью, и его тотчас же бросают в костер. Но неужели дьявол, который преж

де мог превратить в кота, так глуп, что теперь не может превратить его в муху, чтобы дать ему возможность улететь? Но, говорят они, дело в том, что колдуны, едва попадают в руки правосудия, сразу же лишаются всякой колдовской силы. О, клянусь честью! Это прелестный довод. Получается, что метр Жан Гийо, преобретя должность судьи за двадцать тысяч экю, преобретает и власть над дьяволом. Поистине, дьявол испытывает большое уважение к мошенникам!

Я также заметил, что все эти волшебники стремятся быть нищими, словно Диогены[10]. О Боже! Возможно ли, чтобы человек, и так обрекший себя на вечные муки ада, желал бы к тому же жить в нищете, голоде, постоянно боясь при этом оказаться возведенным на костер на городской площади на глазах у всего населения? Чтобы оградить несчастного от правосудия, Сатана должен был давать ему не листья дуба[11], а пистоли для покупки должности. Однако вы видите, что до сих пор демоны оказались столь глупы, что не могли додуматься до подобных хитростей. А за что вы осуждаете бедного пастуха, которого недавно засадили в тюрьму и накануне сожгли? За то, что его уличили в том, будто он читал молитву «Отче наш» применительно к волку. Ха! Простите ему, что он это без конца повторяет, усмотрите в этом полный вздор, к тому же более безобидный, чем ношение амулетов и вера в их силу, за которую, однако, еще никого не сожгли. Его казнили, говорят, еще и за то, что он, якобы, околдовал стадо, сделав это то ли с помощью заклинаний, то ли с помощью тайных свойств каких-нибудь ядов. Я не думаю, что двадцать четыре буквы алфавита содержат в себе тайный умысел, а вредные свойства яда, при использовании которого нельзя ни открыть рта, ни сжать челюсти, ни двинуть языком, могут либо заразить овец чумой, либо вылечить их от болезни. Вы мне возразите, что это могло быть сделано в силу договора с дьяволом. Я не встречал в хронологии даты, когда он заключил договор с человечеством, по которому при произнесении определенных слов, оговоренных в соглашении, он должен уничтожать людей и скотину, а при произнесении других исцелять.

Возможно, вы согласитель со мною, что колдовские слова не имеют никакой силы, а все волшебники, произнося их, на самом деле используют ядовитые свойства трав, которыми и заражают скот. В таком случае, почему бы их не сжечь как отравителей, а не как кол-

дунов? Они признаются (возражаете вы), что были на шабаше и призывали бесов овладеть телами каких-то людей, которые и правда оказались одержимыми. Что же касается путешествия на шабаш, то я убежден, что мази, используемые ими для натирания тела еще во время бодрствования, как раз и вызывают видения[12] когда им кажется, будто они вылетают на метле через трубу и прибывают туда, где должны пировать, танцевать, заниматься любовью и целовать козлиный зад Эти видения столь сильно поражали их воображение что даже такие детали, как метла, зажатая между ног поле, над которыми они пролетали, козел, пир, дамы, увиденные во сне, воспринимались ими после пробуждения как реальные вещи.

Что же касается одержимых, то я выскажу вам свое мнение с той же откровенностью. Во-первых, среди них на одного мужчину встречается десять тысяч женщин. Неужели дьявол такой развратник, что с таким рвением добивается соединения с женщинами? Нет, это не так, но я разгадал причину. Женщина — более легковерна и дерзка, чем мужчина, следовательно, по природе более склонная к притворству. Она тотчас же возомнит о себе сверх меры, стоит только ей начать терзать себя латынью, гримасничать, прыгать, принимая различные бестыдные позы. Когда же обман будет обнаружен, они станут надеяться, что эти причуды припишут некоторому удушью матки и, на худой конец, простят как недуг половых органов. Вы, может быть, возразите, что подобный обман не имеет ничего общего с теми, кто действительно одержим.

Остановимся на этом и, не оскорбляя взглядов обывателей, скажем, что одержимые существовали как прежде, так и теперь. Я вовсе не сомневаюсь в том, что они существовали прежде, ибо Священное писание уверяет, что ворожеи-халдейки посредством колдовского искусства загнали демона в мертвое тело пророка Самуила, и он заговорил; Давид заклинал с помощью игры на арфе Саула, который в итоге стал одержимым, а спаситель наш, Иисус Христос, изгонял бесов из евреев, загоняя их в стадо свиней[13]. Но надо думать, что как только Бог пришел в мир, власть дьявола прекратилась.

Вот почему я не верю в одержимых наших дней и не буду верить, пока церковь не прикажет этого делать. В таком случае я должен верить в одержимого дьяволом кающегося грешника Гоффриди, монахинь

из Лудена, девицу из Эвро лишь только потому, что они кувыркались, гримасничали и прыгали*. Как! Они могли разговаривать только на латыни! Некоторые отвечали даже довольно убедительно, пытаясь — истязая этим себя — повторить фразы из требника вслед за экзорцистом, читавшим его текст с пафосом. Вы видите их притворство, прислушайтесь же к их богослужению и вы убедитесь, что, не зная вечерню, они начинают драть горло, едва заслышат «Gloria Patri».

Что я еще нахожу очень забавным, так это ту путаницу, которая происходит при выполнении одержимыми тех или иных приказаний экзорциста. Всякий раз заклинатель, произнося священное имя Бога, повелевает целовать землю. Дьявол, находящийся внутри одержимого, слушается, и все выглядит очень благочестиво. Когда же приказание повторяется, но несколько в иных выражениях, неопытный одержимый, не разбираясь в богословких тонкостях, краснеет и ругается до тех самых пор, пока экзорцист не успокоит его более понятными словами, после чего он вновь продолжает увещевание. Мне приходилось наблюдать и такое: по мере того, как священник повышал свой голос, дьявол усиливал свой гнев, при этом слова могли ничего не значить, но действовать лишь в силу того, как экзорцист их произносил — во весь голос или наоборот; таким образом, заклинание злых духов наводило ужас на присутствующих, так как экзорцист, устав кричать, постепенно переходил на зловещий шепот. В ответ одержимые или очень сильно кричали, или же из них невозможно было вытянуть ни слова даже за целые сутки. Однако притворство показалось мне слишком грубым. Да и почему я обязан думать, что все это обезьяничание совершает дьявол, в то время как человек может проделывать это более искусно: изгибаться колесом — я часто это видел в

* Луи Гоффриди, кюре церкви в окрестностях Марселя, был сожжен как колдун в 1611 году, с помощью дьявола, которому он передался, он соблазнил 16 летнюю девицу, его прихожанку именуемую Мадлен де Демандол — Монахини из Лудена, из монастыря Урсулинок в Лудене, на которых кюре Урбен Грандье навел порчу и был приговорен к сожжению в 1634 году — Дело Мадлены Бован, девицы из Эвро, дело совсем недавнее Матюрен Пикар, кюре, и его пособник Тома Бутье с помощью дьявола пытались обворожить эту монахиню и ее подруг из Лувье, и были сожжены вместе с нею по решению парламента Руана 24 августа 1647 года Это дело занимало общественное мнение в течение пяти лет — прим авт

исполнении цыган; прыгать — кто этого не может, кро ме паралитиков; ругаться — уж это встречается на каж дом шагу.

Если бесы, как вы утверждаете, способны делать не вероятное, пусть они убедят нас в этом. Пусть они пе ренесут башни собора Парижской Богоматери в Сен-Дэ ни и при этом протанцуют испанскую сарабанду. Тогда мы и поверим.

Говорят, что дьявол ужасный сквернослов, но он ни когда не подстрекал одержимых злословить насчет дру друга. Наоборот, они испытывали взаимное уважение и не могли поступать иначе, так как первая же оскорблен ная нарушила бы тайну. Почему, преподобный отец, ваш суд не рассматривает те злодеяния, которые творит дьявол? Дьявол (говорите вы) — отец лжи. Почему же на днях был сожжен колдун и всего лишь за то, что его на звали дьяволом? Потому что, отвечаю я, подражая всем, дьявол — отец лжи. Признайтесь, признайтесь, мой пре подобнейший, что дьявол говорит истину или ложь по мере того, как угодно вашему лукавству. Но, о Боже, я содрогаюсь при виде того, как этого дьявола бросают в святую воду[14]; неужели это настолько святая вещь, что он не может выдержать ее без ужаса? Я вообще удивлен как он в таком случае отважился войти в человеческо тело, которое Бог создал по своему подобию, Бог, способ ный видеть с недосягаемой высоты, узнающий своего ре бенка благодаря преобретенному крещением возрожде нию, обозначающий елеем храм Святого Духа и дарох ранительницы святых мощей. Как он, дьявол, посме войти в это место, более святое, нежели вода, над кото рой просто произносят несколько молитв? Однако у на налицо хороший результат — я имею ввиду одержимого необычайным образом неистовствующего при виде под носимого к нему креста. О, месье экзорцист, вы бесподоб ны! Однако известно ли вам, что в природе нет ничего что бы не имело креста, так как все имеет длину и шири ну. Так, крест, который вы держите, в сущности не крест, а черное дерево; и тот, другой — не крест, а сереб ро. Тем не менее, оба они — кресты, потому что в них пе ресекаются длина и ширина. Итак, если этот одержи мый и без того имеет сто тысяч длин и сто тысяч широт, составляющих кресты, то зачем ему представляют но вые? Тем не менее, мы видим женщину, которая прини мает озадаченный вид, когда к ее губам подносят еще один крест. Какой обман! Но сколько бы ни приговари

вали одержимых к испытанию водой, к ежедневным ста ударам плетью, этого не излечить и это никогда не прекратится.

Это вовсе не означает, что я сомневаюсь в могуществе Творца и не признаю авторитета церкви, но все эти великие колдовские деяния я назвал бы дурацкой болтовней или credo[15] тех, кто слишком сильно верит.

Я замечаю, что мое письмо несколько затянулось, однако это действительно тот вопрос, который побудил меня тщательным образом отделать сей набросок. Думаю, однако, что вы извините подобную назойливость человеку, который дал обет быть до смерти вашим покорнейшим слугой, месье.

ГОСУДАРСТВА И ИМПЕРИИ СОЛНЦА[1].
(фрагменты)

Наконец, наш корабль показался в гавани Тулона; воздав сначала благодарность ветрам и звездам за благополучное путешествие, мы обнялись и распрощались. В отношении меня капитану не оставалось ничего другого, как довольствоваться лишь честью перевезти на корабле человека, свалившегося с неба, поскольку в лунном мире, откуда я прибыл, деньги исчисляются в небылицах. Итак, ничто не мешало ехать до Тулузы к одному из моих друзей. Я горел желанием его увидеть, предвкушая ту радость, которую доставлю ему рассказом о своих приключениях. Не буду надоедливым, повествуя о том, что происходило со мной в пути; я уставал, отдыхал, страдал от жажды, хотел есть, и я пил и ел прямо как те двадцать или тридцать собак, которые составляли свору моего друга. И хотя я выглядел неважно, — худой и почерневший от загара, — он все же узнал меня.

От восторга он повис на моей шее; трепеща от радости, поцеловал более ста раз и увлек меня в свой замок, где тотчас же восторженные слезы уступили место словам:

— Наконец-то, — воскликнул он, — мы живы и будем жить, несмотря ни на какие случайности, которыми фортуна разнообразит нашу жизнь. Но боги милостивы! Значит, неверен тот слух, что вы сгорели в Канаде в огромном костре вместе с изобретенным вами механизмом. Ведь среди тех, кто принес мне грустные известия, были две или три заслуживающие доверия

персоны, — они видели и трогали эту деревянную птицу, унесшую вас, и рассказывали, что, к несчастью, вы вошли внутрь в тот момент, когда поднесли огонь, и скорость ракет, сжигавших все вокруг, подняла птицу высоко, и присутствующие потеряли вас из виду. Они уверяют, что вы сгорели, а в упавшей машине вместо вас нашли только маленькую кучку пепла.

— Этот пепел, месье, — ответил я ему, — был от механизма, ибо огонь ничуть мне не повредил. Механизм был прикреплен снаружи, вследствие чего жар не мог меня беспокоить.

Так знайте же, что как только селитра кончилась, подъемная сила ракет больше не поддерживала машину, и она упала на землю. Я видел, как она падала, и собрался лететь кувырком вместе с ней, но был чрезвычайно удивлен, почувствовав, что поднимаюсь к Луне. Все же надо объяснить причину того, что все приняли за чудо.

В день случившегося я натер ушибленные при падении части тела костным мозгом, так что когда моя коробка поднялась над облаками, то Луна, будучи на ущербе, жадно всасывала вещество, пропитавшее мою плоть, и тело подчинилось этому притяжению. Уверяю вас, она продолжала притягивать меня до тех пор, пока я, наконец, не высадился в том мире, который у нас называют Луною.

Затем я очень подробно рассказал все обстоятельства путешествия; М.де Колиняк, восхищенный услышанным, умолял меня написать о столь необыкновенных вещах, я довольно долго противился, опасаясь визитов, которые, возможно, последуют после издания оного произведения, ибо люблю покой. Он упрекал меня в невнимательности к его просьбам. И я, пристыженный, наконец, решился последовать его совету.

И вот я взял перо в руки, а когда дописал тетрадь, он, страстно желающий моей славы (она не давала ему покоя больше, чем его собственная), поехал в Тулузу представлять сей труд в наиболее изысканных собраниях. Похвалы одного из самых образованных людей своего времени сделали меня известным. Уже граверы, никогда не видевшие меня, вырезали мое изображение; город на каждом перекрестке шумел охрипшими глотками, зазывая: «Вот портрет автора „Государств и империй Луны"!» Среди людей, читавших мою книгу, встречалось много невежд, которые ее только перели

стывали. Они аплодировали, как и другие, подражая высокообразованным умам, и усердствовали в хлопаньи после каждого слова, дабы не попасть впросак, а в местах, им вовсе не понятных, радостно восклицали: «Какая прелесть!» Но стадное чувство мешает здравому смыслу; все они без малейших угрызений совести скорее предпочтут отказаться от репутаций философа (так же неподходящей им, как и плохо сшитая одежда), нежели возразить общепринятому мнению.

А вот и оборотная сторона медали по отношению к тем, кому поются дифирамбы. Оказывается, сочинение, которому придавали такое значение, по мнению других читателей, не больше, чем смесь нелепых историй, куча бессвязных сказочек для убаюкивания детей, вроде «Ослиной шкуры»; ясно, что автор тронулся умом.

Расхождение во взглядах приумножило славу. Немного времени спустя рукописные копии продавались из-под полы[2]; и все, от дворянина до монаха и даже женщины, покупали это сочинение. Суждения были столь различны, а страсти настолько накалились, что каждая семья и весь город разделились две группы: лунатян и антилунатян.

Дело доходило до перестрелок; однажды утром я увидел, как в спальню М.де Колиняка вошли девять или десять бородачей в длинных платьях[3] и сказали ему: «Месье, вы знаете, что нет ни одного среди нас, кто не был бы вашим союзником, родственником или другом. Следовательно, все постыдное, случившееся с вами, бросает тень и на нас. Мы знаем от надежного лица, что вы укрываете в своем замке колдуна».

— Колдуна! — воскликнул М.де Колиняк. — О, боги! Назовите мне имя, и я отдам его в ваши руки. Но надо бы поостеречься, ибо это может оказаться клеветой.

— Месье! — прервал его один из наиболее почтенных. — Разве имеется какой-нибудь другой парламент, разбирающийся в колдунах лучше нашего? Мой дорогой племянник, не будем больше держать вас в неизвестности: колдун, которого мы обвиняем, — автор «Государств и империй Луны»; он не может отрицать того, что является самым великим магом в Европе и признает это сам. Как он поднялся на Луну? И, наконец, скажите мне, что он делал на Луне?

— Что за вопрос! — прервал его другой. — Он собирался участвовать в шабаше, который, возможно, состоялся там в тот день; в самом деле, вы видите, что

он имел общение с демоном. Стоит ли после этого удивляться его словам, будто дьявол принес его в этот мир? Развелось столько лун и путешествий по воздуху, что, между нами говоря (с этими словами он наклонился к самому его уху), я никогда не видел колдунов, не имевших дела с Луной.

После этих добрых советов они смолкли. М.де Колиняк, ошеломленный их общим сумасбродством, не мог промолвить ни слова. Заговорил почтенный тупица, до того молчавший:

— Мы знаем, что заставляет вас молчать; колдун — человек, которого вы любите, но ничего не бойтесь, только отдайте его нам в руки; из уважения к вам все будет благопристойно; мы, из любви к вам, клянемся нашей честью подвергнуть его сожжению без скандала.

После этих слов М.де Колиняк, подпиравший бока кулаками, не смог сдержаться; смех, сотрясавший его тело, немало оскорбил посетителей; на каждый пункт их торжественной речи он отвечал только ха-а-а-а и хо-о-о-о; они удалились сильно возмущенные, но и не очень пристыженные, ибо стыд их уже по дороге в Тулузу рассеялся. Когда они уехали, я затащил М.де Колиняка в кабинет, закрыл дверь и сказал:

— Позор! Эти послы с длинными волосами похожи на хвостатые кометы; боюсь, что шум, который они поднимут, будет для меня опаснее грома и молнии. Обвинение нелепо и является результатом их глупости; и я не останусь в живых от того, что, видя, как я поджариваюсь, кто-то скажет, будто мои судьи — дураки; тогда уже никакие доводы в пользу моей невиновности не воскресят меня; мой безжизненный прах будет покоиться в гробнице или на свалке. Вот почему меня соблазняет мысль оставить в этой провинции лишь следы своего пребывания; а умирать за то, во что я сам ни капельки не верю, глупо вдвойне.

М.де Колиняк едва дождался окончания монолога и принялся подшучивать над моими страхами; но увидев, что я воспринимаю все всерьез, воскликнул с испуганным видом:

— Черт побери! Никто не дотронется даже до края вашей одежды, пока я, мои друзья, слуги и все те, кто меня уважает, прежде не погибнут. Мой дом невозможно захватить без пушки; он очень выгодно расположен и хорошо укреплен. Но я не сумасшедший, чтобы бороться с бумажным громом.

— Он порою более опасен, чем гром небесный, — возразил я.

С этого времени мы говорили только о приятном; охотились, совершали прогулки, принимали гостей и наносили визиты; но всегда любое развлечение мы оставляли прежде, чем оно успевало нам надоесть.

Маркиз де Кюссан, сосед М.де Колиняка, известный своими добрыми поступками, обычно сопровождал нас; чтобы продлить наши дружеские встречи, мы прогуливались из Колиняка в Кюссан и обратно. Эти безобидные удовольствия составляли меньшую часть досуга; они не могли заменить того, что находит ум в исканиях и разговорах; наше общество привлекало многих ученых. Мы соединяли чтение с беседой; беседу с хорошим столом, рыбной ловлей, охотой или прогулками; одним словом, мы наслаждались собою и всем тем, что создано природой ради наших удовольствий, ограничивая последние своим разумом.

Между тем, моя популярность, мешавшая отдыху, распространилась по окрестным деревням и даже городам провинции. Под предлогом увидеть сеньора, все хотели посмотреть на колдуна. Когда я выходил из замка, не только дети и женщины, но и мужчины таращились на меня как на бестию, особенно пастор из Колиняка, который то ли по хитрости, то ли по глубокому невежеству был самым заклятым моим врагом. Под простотой он в душе таил злобу и мстительность, по части наветов мог переплюнуть любого нормандца, а любовь к кляузе у него выросла в главную страсть. Он ненавидел сеньора из-за бессилия; затеяв с ним длительную тяжбу, он боялся мести и во избежание ее вознамерился обменять бенефиций[4]. Но потом изменил свои намерения или только отсрочил их, решив нанести удар М.де Колиняку, используя мое имя; однако как ни маскировал он свои замыслы, но частые его поездки в Тулузу вызывали подозрение. Он рассказывал тысячу нелепых историй о моих волшебствах; голос этого злого человека, присоединяясь к хору простаков и невежд, навлекал проклятья на мое имя.

Обо мне говорили как о новом Агриппе[5]; из-за происков кюре все были настроены против меня. Об этом нас предупредили люди, близкие к М.де Колиняку и маркизу; грубые нравы этого края удивляли нас и веселили, но я втайне пугался, раздумывая над наиболее вероятными последствиями подобных заблуждений.

Эту боязнь, без сомнения, внушал добрый гений, он просветлял разум, чтобы я увидел пропасть, куда меня хотели столкнуть; но, довольствуясь безмолвным советом, он решил предупредить более ощутимо.

В одну из самых беспокойных ночей, которая когда-либо следовала за одним из приятнейших дней, проведенных в Колиняке, я встал с зарею, и, чтобы рассеять беспокойство, затуманившее мой рассудок, вышел в сад, где зелень, цветы и плоды, созданные людьми и природой, очаровывали душу и взгляд; тотчас же я заметил маркиза, задумчиво прогуливавшегося в одиночестве по большой аллее, разделявшей цветник на две равные части. Я был немало удивлен, увидев его против обыкновения так рано; это заставило меня ускорить шаг, чтобы узнать причину столь раннего пробуждения. Он мне сообщил о неприятных снах, мучивших его и принудивших встать намного раньше обычного; зло, причиненное темнотой, он хотел разогнать светом. Я поведал ему и о собственных тревогах, мешавших мне спать. Изложить подробности не удалось — мы заметили М.де Колиняка, шедшего большими шагами вдоль забора. Еще издали он воскликнул:

— Вы видите человека, который только что пережил самое ужасное видение, способное помутить рассудок. Надев камзол, я спустился, чтобы рассказать вам об этом; но вас не было в комнате. Тогда я выбежал в сад, догадываясь, что вы здесь.

Несчастный граф в самом деле был вне себя. Едва он немного успокоился, как мы упросили его освободиться от сердечной тяжести.

Беседка из жасмина весьма кстати предоставила нам приют и прохладу; мы вошли в нее и непринужденно расположились; М.де Колиняк продолжил:

— Дважды или трижды ночью мне приснилось много нелепостей: принимал зарю за сумерки, привиделось, будто дорогой гость стоял между маркизом и мною, мы его крепко обнимали. Вдруг появилось черное огромное многоголовое чудовище, желавшее вырвать его у нас. Я даже думаю, что оно собиралось бросить гостя в пылавший неподалеку костер; оно уже раскачивало его над пламенем, но одна из девушек, похожая на Музу, что зовется Евтерпой[6], бросилась на колени перед своей госпожой, умоляя о спасении (эта дама имела внешний вид и атрибуты, которые служат нашим художникам для изображения природы). Едва госпожа выслушала прось

бы служанки, как последняя с возгласом: «Увы! Это один из моих друзей!» — поднесла ко рту нечто вроде сарбакана[7] и так дунула под ноги моего дорогого гостя, что подбросила его к небу и тем самым защитила от жестокостей стоглавого чудовища. Я, как мне кажется, долго кричал ему вослед, умоляя не улетать без меня. Тогда множество толстеньких ангелочков, называвшихся детьми зари, подняли меня в ту страну, к которой, казалось, он улетел, и где я видел нелепейшие вещи. О них я не берусь рассказывать.

Мы долго упрашивали, и он сказал:

— Я полагал, будто нахожусь на Солнце, и что Солнце — это мир. От этого заблуждения меня избавило ржание лошади, прогнавшее сон; проснувшись, я обнаружил, что лежу в своей постели.

Когда М.де Колиняк закончил, маркиз спросил:

— Месье Диркона, каков был ваш сон?

— Мой сон, — ответил он, — самый обыкновенный и ничем не примечателен. С тех пор, как я существую, мне постоянно снятся пещеры и огонь. Причина проста — я и холерик, и меланхолик[8].

В молодости, во сне, я легко поднимался под облака, чтобы избежать ярости толпы убийц, преследовавших меня; после отчаянных усилий мне удавалось преодолеть многие препятствия, но всегда попадалась какая-нибудь стена, и перебраться через нее я был не в силах. Казалось, я устремляюсь прямо ввысь и уже долго размахиваю руками в небе, однако по-прежнему земля была рядом; вопреки здравому смыслу я не ощущал ни усталости, ни своей тяжести; моим врагам достаточно было лишь протянуть руки, чтобы схватить меня за ногу и притянуть к земле. С тех пор, как я себя помню, мне снятся лишь подобные сны, за исключением этой ночи. Как обычно долго летая, я несколько раз избегал своих преследователей и, наконец, потерял их из виду. В чистом и ярко освещенном небе я, бестелесный, летал по направлению к дворцу, излучавшему тепло и свет. Без сомненья, я хорошо бы различил и другое: но, летая во сне, я придвинулся к краю постели и свалился между кроватью и стеной; напуганный, с вытаращенными глазами я разглядывал голый живот, измазанный побелкой. Вот, месье, сон, на возникновение которого, я думаю, повлияли черты моего характера; он отличается от прежних снов лишь тем, что я летал в небе и не падал. В конце концов, наши

знания о сновидениях весьма туманны, о многом приходится строить догадки.

— Признаюсь, — подхватил Кюссан, — вы правы. это — смешение всех тех мыслей, которые осенили нас, пока мы бодрствовали, чудовищная химера; соединение смутных фантазий, неуправляемых разумом; тем не менее мы считаем ее преисполненной истинного смысла и рассматриваем сны как оракулы, предсказатели будущего; сказать по правде, сны, равно как и оракулы, обычно понятны. Судя по моему ничем не выдающемуся сну, остальным тоже грош цена. Мне снилось, будто я очень грустил и повсюду встречал Диркона, взывающего к нам. Но не утомляя более рассудок витиеватым объяснением всяких темных загадок, я раскрою вам в двух словах их истинный смысл. Поскольку в Колиняке снятся слишком плохие сны, могу предположить, что в Кюссане нам полегчает.

— Так отправимся же туда, — сказал граф, — раз уж все здесь так нам мешает.

Мы решили отправиться в тот же день. Я уговорил друзей выехать раньше меня, ибо был рад случаю переправить туда несколько книг. Они согласились и сразу же после завтрака тронулись в путь.

Я тем временем упаковывал книги, которых, как мне казалось, не доставало в библиотеке Кюссана, навьючил их на мула и выехал около трех часов на резвом рысаке. Однако библиотека требовала присмотра, одновременно хотелось полюбоваться окружающей природой, и мне пришлось идти пешком. Потом произошло забавное приключение.

Преодолев четыре лье, я очутился в местности, которая, несомненно, была мне знакома. Этот пейзаж волновал воображение; я напряг память и вспомнил, что именно эта местность снилась мне прошедшей ночью. Подобное совпадение еще долго занимало бы меня, если бы не странное видение. Посреди дороги появился призрак (по крайней мере я его принял за такового) и схватил мою лошадь за повод. Он был огромного роста и нельзя понять — красив или уродлив, так как длинное платье, сшитое из свитков для церковного пения, скрывало его фигуру; лицо было спрятано за листком с надписью «В начале...»[9].

— Дьявол! Сатана! — воскликнул призрак с ужасом, — заклинаю тебя именем всемогущего Бога...

На этих словах он запнулся, растерянно повторяя: «Всемогущего Бога», — напрасно искал он пастыря, чтобы тот подсказал ему продолжение; от испуга он сильно задрожал, отчего половина зубов выпала, а большинство укрывавших его страниц свернулись в папильотки. Тем не менее он обратился ко мне; в его пустых глазах я заметил сомнение: он не знал, сердиться или поубавить запал:

— Ну хорошо, — сказал он. — Заклинаю тебя именем Бога и месье Жаном — не мешай мне действовать; если ты шевельнешь ногой или рукой, черт возьми, я тебя распотрошу.

Я попытался выдернуть у него повод, но распиравший меня смех лишал силы. В это время около полусотни деревенских жителей показались из-за изгороди, — стоя на коленях, они, надрываясь, пели Литанию[10]. Четверо наиболее сильных мужчин приблизились, и, омыв руки в кропильнице, которую держал слуга из дома пастора, они схватили меня за шиворот. Тут же появился монсеньор Жан, он сорвал свою епитрахиль[11] и ею связал меня по рукам и ногам; потом шумная толпа женщин и детей, несмотря на мои протесты, зашила меня в огромную скатерть — ловко завернули, едва виднелась голова! В таком виде и понесли в Тулузу. Один кричал, что, не свяжи они меня, то я напустил бы порчу на поля, и всех ожидал бы голод; другой жаловался на овечью оспу, которая напала на отару после одного воскресного вечера, когда я хлопнул его по плечу. Но несмотря на эти злоключения, одно обстоятельство довело меня до смеха – крик молодой крестьянки, крик, полный ужаса за своего жениха (это он в образе привидения отнял у меня скакуна, уселся на него и уже как своего пришпоривал изо всех сил):

— Несчастный, — пронзительно кричала его возлюбленная, — неужто ты ослеп? Разве не видишь, что лошадь колдуна чернее угля? Это же сам дьявол, который унесет тебя на шабаш.

Мужчина в ужасе свалился с лошади и та сразу же ускакала.

Они посоветовались и решили взять мула; распотрошили тюк и открыли первую подвернувшуюся книгу — «Физику» Декарта[12]; заметив круги, которыми этот философ отмечал движение каждой планеты, все в один голос заорали, что этим якобы вызывается Вельзевул[13]. Державший книгу с испугом выбросил ее; к несчастью,

7*

падая, она раскрылась на странице, разъясняющей свойства магнита; именно здесь было показано движение к магниту мельчайших металлических тел, изображенных в виде рук. Заметив это, один из презренных заохал, заявив, что это именно та жаба, обнаруженная в черпаке в конюшне его кýзена, из-за которой его лошадь сдохла[14]. После этих слов даже наиболее нетерпеливые сложили руки на груди или засунули их в карманы. Монсеньор Жан истерично предупреждал об опасности и не советовал прикасаться к чему-нибудь, мол, все эти книги — колдовские, а мул — дьявол. Сброд испугался и оставил мула в покое. Однако я видел, как Матюрина, служанка месье кюре, гнала животное к хлеву дома священника, опасаясь, как бы оно не забрело на кладбище и не осквернило могилы.

В семь часов вечера мы прибыли в город и меня затащили в тюрьму. Как только тюремщик бросил меня в эту мрачную пещеру, я сказал:

— Если вы даете эту оболочку из камня в качестве платья, тогда она слишком широка; если это могила, то она слишком узка. Здесь можно считать только ночи; из пяти чувств у меня останется два, обоняние и осязание: одно, чтобы вдыхать тюремные зловония, другое, чтобы щупать ее. Признаться, я было подумал, что нахожусь в преисподней, не знай достоверно, что невиновных туда не пускают.

На слове «невиновный» мой тюремщик расхохотался:

— Клянусь честью, вы из наших людей. Виноватые сюда не попадают!

После такого комплимента добряк проворно меня обшарил. Его старания были напрасны, так как при встрече с привидением я засунул золото в штаны: и точно так же, как я чуть не умер от страха, он едва не умер от горя, ничего не найдя при обыске.

— А! Черт возьми! — с пеной у рта вскричал тюремщик, — я с самого начала понял, что это колдун! Беден, как дьявол! Ладно, подумай до завтра о своей совести.

Он забряцал связкой ключей, отыскивая нужный от моей камеры. Желая задобрить его, я проворно вытащил три пистоля и сказал:

— Господин привратник, вот один пистоль; я не ел одиннадцать часов, умоляю принести кусок хлеба.

Он вежливо принял монету и заверил, что сочувствует моему бедственному положению. Я понял, — сердце его смягчилось, — и продолжил:

— А вот еще один за неприятность, которую вам доставил.

Он был весь внимание; передавая третью монету, я умолял прислать кого-нибудь из его помощников для компании — заключенные больше всего боятся одиночества.

Растроганный моей щедростью, тюремщик обещал удовлетворить просьбы, критиковал существующие законы, уверяя, что сразу понял, — у меня есть враги, но я непременно восстановлю свою честь, он же через три дня постирает мои манжетки. Я очень сердечно поблагодарил его за любезность; потискав меня в объятьях, новый друг запер дверь на два засова.

В глубокой меланхолии я лежал на куче мелкой соломы, по которой бегали крысы. Свод, стены и потолок сооружены из шести надгробных плит, словно в назидание о смерти и чтобы я не сомневался в своем погребении. Холодные липкие черви и жабы ползали по моему лицу, донимали вши. Думаю, мне не хватало лишь жены и разбитого горшка, чтобы походить на Иова[15].

Через два часа скрежет большого ключа и лязг запоров двери отвлекли меня от этих горестных мыслей. При свете лампы я заметил могучего мужчину. Он поставил миску между ног и сказал:

— Эй, там, не горюй, вот суп из капусты. Говорят, из него не выловили ни капельки жира.

Он сунул свою пятерню в миску, приглашая и меня сделать то же самое. Я последовал его примеру, не желая раздражать весельчака. Смеясь, он воскликнул:

— Вы неплохой парень! Говорят, у вас есть завистники? Предатели! Пусть только придут!

Видя это простодушие, я едва сдержал смех. Судьба, кажется, дарила в лице этого презренного возможность освободиться, поэтому было важно не потерять его хорошего расположения ко мне. Выбирать не приходилось, — архитектор, строивший тюрьму, сделал несколько входов и забыл пробить хотя бы один выход. Все эти соображения заставили меня проверить тюремщика:

— Ты беден, мой друг, не правда ли?

— Увы, месье, — отметил мужлан.

— Держи же, — сказала я, — это пистоль.

Я вложил пистоль в ладонь — она так дрожала, что он едва ее закрыл. Такое начало показалось мне дурным предзнаменованием; но пылкие благодарности убедили — мужлан трепетал от радости; тогда я продолжил:

— Если бы ты помог мне осуществить один замысел, то 20 пистолей (помимо спасения души) были бы навер няка твои. Знай, за четверть часа до твоего прихода передо мной предстал ангел и обещал сообщить правду о моем деле, лишь бы завтра я отслужил мессу за большим алтарем в городском соборе. Я объяснил, что не могу выйти, но он пообещал прислать через тюремщика человека, который будет сопровождать меня. Ему достаточно приказа проводить меня в церковь и обратно в тюрьму; он должен подчиниться без возражений под страхом неотвратимой и быстрой смерти; его возможное сомнение я рассею понятными ему знаками, ибо он собрат-монах.

Для читателя сообщу: через дыру рубашки мужлана мелькнула монашеская одежда. Она-то и побудила меня к выдумке:

— Конечно же, мой добрый сеньор, — сказал он, — я выполню волю ангела. Но надо подождать девяти часов, в это время наш хозяин будет в Тулузе на помолвке сына с дочерью палача. Говорят, приданного дочери хватит для выкупа короля, попади он в плен. Наконец, она красива, но ни то, ни другое не достанется бедному юноше. Увы, мой добрый господин, надо, чтобы вы знали...

На этом месте я прервал поток болтовни. Мы тщательно обдумали план действий, и мужлан простился.

На следующий день в назначенный час он пришела за мной. Я переоделся в лохмотья, — об этом мы договорились накануне. Как только мы оказались на воле, я отсчитал ему обещанные двадцать пистолей. Он смотрел на них с жадностью и удивлением.

— Клянусь, они золотые и тяжелые.

— Э, месье, — отвечал он, — не об этом я думаю. Ведь дом старшего Масэ продается вместе с землей и виноградником. Я бы купил его за двадцать франков; для оформления сделки нужна неделя. Мой добрый господин, я хочу попросить, если будет на то ваша воля, сделать так, чтобы до совершения сделки старший Масэ держал ваши пистоли в своем сундуке, не превратятся же они там в дубовые листья[16].

Наивность этого мошенника рассмешила меня. Однако вскоре мы пришли к церкви. Через некоторое время началась торжественная месса; увидев, что мой

охранник поднялся с места, чтобы сделать пожертвования, я в три прыжка выскочил на середину храма, а потом быстро затерялся в дальней улочке. В этот момент меня обуревали разные мысли, и я последовал одной: добраться до Тулузы, до которой было поллье, и обосноваться там. Довольно скоро я достиг пригорода; меня смущали пристальные взгляды прохожих. Причиной их удивления послужил мой наряд, ибо в вопросах нищеты я был несведущ, осанка и походка не сочетались с одеждой, я выглядел в лохмотьях странно, больше походя на ряженого, чем на бедняка.

Наконец, я преодолел стыд, понимая, что всеобщее внимание грозило опасными последствиями. Заметив чей-нибудь взор, я тотчас протягивал руку, умоляя о милосердии. Но как часто вместо того, чтобы следовать предостережениям Судьбы, мы игнорируем их, раздражая эту гордячку! К такому выводу меня привело последовавшее за этим событие; заметив стоящего ко мне спиной человека, по одежде горожанина среднего достатка, обращаюсь к нему:

— Месье, если сострадание может трогать...

Не успел я произнести следующее слово, как этот человек повернул голову. О боже! Это был мой тюремщик. Мы были потрясены встречей. Он пожирал меня глазами; я внимательно смотрел на него. Наконец, общий интерес, хотя и слишком различный, вывел нас из оцепенения.

— А, какой я несчастный, — закричал тюремщик, — неужели меня провели?

Этот возглас навел меня на мысль схитрить:

— Эй! На помощь, господа, на помощь правосудию! — кричал я, переходя на визг. — Этот вор похитил драгоценности графини де Муссо; я ищу его уже год. Господа, — продолжал я, все более возбуждаясь, — сто пистолей тому, кто его арестует!

Едва я это сказал, как свора негодяев набросилась на тюремщика. Изумление, вызванное моей чрезвычайной наглостью, так его поразило, что долгое время он был в шоковом состоянии, ибо не мог же я, подобно божеству, спастись, проникнув сквозь стены тюрьмы, не разрушив их. Наконец, несчастный опомнился и, желая вывести толпу из заблуждения, принялся убеждать всех, что он — очень уважаемый человек. Однако дюжина торговок зеленью, лакеев и носильщиков, желающих услужить за мои деньги, закрыли ему рот,

дав по зубам; к тому же они вообразили, что плата будет равноценна оскорблениям, — каждый подбегал, чтобы ударить его ногой или рукой.

— Посмотрите на уважаемого человека! — злословил этот сброд. — И он смеет так говорить после того, как был опознан господином, поймавшим его!

Самым забавным было то, что тюремщик, одетый по-праздничному, стыдился признаться, что является сватом палача и возвращается с помолвки, опасаясь быть побитым еще больше, если об этом узнают.

Убежав в самый разгар драки и предоставив свое спасение ногам, вскоре я обрел свободу. Но, к несчастью, взгляды, устремленные в мою сторону, вновь вызвали прежние опасения. Любой зевака мог выделить меня из толпы голодранцев, казалось, что у меня на лбу написано — вот сбежавший арестант. Когда человек вынимал руку из пальто, он представлялся сержантом, собиравшимся меня арестовать. Даже равнодушные прохожие, убеждал я себя, притворяются, и готовы наброситься на меня сзади. Когда видел торговца, входящего в лавку, то обмирал от страха: «Он сейчас снимет с крючка алебарду!» В многолюдном квартале я думал: «Здесь меня подстерегают!» Встретив препятствие на пути, размышлял: «Заградили улицы, окружают!» Наконец, страх совсем парализовал мой разум; каждый человек виделся стрелком; любое слово — «держите», а малейший шум — нестерпимым лязгом засовов тюрьмы.

Измученный паническими страхами, я решил попрошайничать, чтобы пересечь без подозрений оставшуюся часть города; но из боязни быть узнанным по голосу, начал изображать немого. Я показывал пальцем под подбородок, потом надо ртом и, зевая, открывал его с нечленораздельным звуком, давая понять, что несчастный просит милостыню. Меня сочувственно похлопывали по плечу, совали в кулак корки хлеба; я слышал, как женщины шептались, мол, наверное, я — мученик за веру из Турции. Мне открылась истина, что нищета — это книга, которая учит нас нравам народов лучше, чем описания всех великих путешествий Колумба и Магеллана.

Моя выдумка могла кончиться плохо. Но к какой другой хитрости прибегнуть? Одетый в жалкие лохмотья, как Арлекин, я все же не был уверен, что удастся пробраться неузнанным по такому большому городу, как Тулуза, ибо по гравюре с портретом меня узнала бы любая торговка.

Людовико-Мария Синистрари

О демониалитете и бестиалитете инкубов и суккубов

I глава. Происхождение слова «демониалитет» (демоноложество). Чем это преступление отличается от «бестиалитета» (скотоложества). Мнение св. Фомы Аквинского

Первый автор, который, насколько я знаю, изобрел слово «демониалитет», был Хуан Карамюэль[1] в своем «Основном богословии», и никто до него, как мне кажется, не различал этого преступления от «бестиалитета». Действительно, все теологи-моралисты со св. Фомой во главе понимают под наименованием бестиалитета «всякого рода плотские сношения человека с каким-нибудь объектом другого рода или вида»; это подлинное выражение св. Фомы. Каэтан[2] в своем толковании по этому вопросу причисляет сношения с дьяволом к роду «бестиалитета».

Однако известно, что св. Фома, затрагивая этот вопрос, совсем не имел в силу сношения с дьяволом. Разговор о грехе против природы, «когда происходит сношение с объектом другого рода, что называется «бестиалитет», предполагает под этим названием существо иного вида и рода, нежели человек; поэтому он не может здесь употребить слово объект или предмет в общем смысле». Св. Фома хотел здесь определить сношения человека с живым объектом другого рода, т.е. с животными, и совсем не думал о сношении с дьяволом.

Итак, сношения с дьяволом — демониалитет, будь это инкуб или суккуб, отличаются от бестиалитета и не представляют какого-либо специального вида этого последнего, как ошибочно думает Каэтан, поскольку что бы ни говорили древние писатели и Карамюэль, грехи против природы очень различны.

Это учение и противоположное мнение были осуждены папой Александром VII[3] потому, что каждый из этих грехов имеет свое особенное нечестие, противное целомудрию, и препятствует воспроизведению рода человеческого. Можно сослаться еще на довольно известное учение моралистов, установленное на «Соборе Тридцати» и «Заседании Четырнадцати», признанное теологами, что на исповеди достаточно рассказать об обстоятельствах, которые и определят род греха.

Если же демониалитет и бестиалитет — одно и то же, хоть и особого рода, то кающемуся достаточно, ес-

ли он имел сношение с дьяволом, сказать своему духовнику — «я совершил грех бестиалитета».

Но это лживо, потому что эти два греха не одинакового рода.

Может быть, скажут, что обстоятельства сношения с дьяволом должны быть открыты духовнику из-за оскорбления, которое они наносят религии; действительно, это оскорбление происходит, будет ли то от поклонения, обращенного к дьяволу, или от жертв и молений, ему адресованных, или от договора, заключенного с ним (Св. Фома, вопрос 90). Но, как будет видно впоследствии, есть инкубы и суккубы, до которых ничто из этого не касается.

Кроме того, по признанию всех теологов-моралистов, грех сношений с дьяволом гораздо тяжелее, чем подобное деяние, совершенное с каким-нибудь животным.

Но, в одном и том же особом роде греха, один грех не может быть более тяжелым, чем другой, но все одинаково тяжелы: одно и то же — иметь сношение с ослицей, с собакой, или с кобылицей.

II глава. Сношения с инкубами и суккубами не есть плод воображения, но действительность, как свидетельствует блаженный Августин

Определив различие слов «демониалитет» и «бестиалитет», чтобы можно было оценивать всю тяжесть этого преступления и определить наказание, которого оно заслуживает (что для нас самое главное), нам надо исследовать, сколькими различными способами этот грех может быть совершен, потому что дьявол, в форме инкуба или суккуба, соединяется не только с человеком, но также с животными. По мнению некоторых авторов, все это не иное что, как плод расстроенного воображения. Подобные вещи, говорят они, встречаются в рассказах о колдунах; при наваждении дьяволом люди думают, что присутствуют на ночных сборищах и имеют с дьяволом плотское сношение; на самом же деле все это они воображают, как то и было установлено двумя соборами.

Колдуны же и колдуньи действительно присутствуют на ночных сборищах и имеют плотские сношения с дьяволом. Это мнение теологов и католических юристов, пространно изложенное в «Compendium

Maleficarum» или «Списке ведьм» Франческо-Мария Гуаццо.

Наконец, чтобы решить этот вопрос, у нас есть авторитет блаженного Августина, который выразился так («О граде Божием» Кн.15, гл.23): «Очень распространено мнение, что сильваны и фавны, обыкновенно называемые инкубами, часто беспокоят женщин. Есть также дьяволы, которых галлы называют Дузиями, которые предаются таким нечистым сношениям. Это засвидетельствовано такими многочисленными авторитетами, что было бы наглостью их отрицать»[4]. Таковы подлинные выражения бл. Августина.

III глава. Отношения к дьяволу колдунов и колдуний и обряды при их посвящении

Различные авторы нас учат, и их мнения подтверждаются многочисленными примерами, что у дьявола есть два способа сношений с мужчинами и женщинами. Первый касается колдунов и колдуний, другой — мужчин и женщин, чуждых чародейству.[5]

В первом случае, дьявол соединяется с колдунами и колдуньями только после торжественного договора, в силу которого эти несчастные человеческие создания ему предаются. Некоторые авторы приводят судебные признания колдуний, вырванные у них во время пыток.[6]

Эти рассказы собраны Франческо-Мария Гуаццо.

Такой договор сопровождается 11 обрядами.

Во-первых, испытуемые должны заключить договор с дьяволом или с колдуном, действующим от его имени, к которому они, в присутствии свидетелей, поступают на службу. Дьявол, со своей стороны, гарантирует им почести, богатства и наслаждения.

Во-вторых, они отступают от католической веры, освобождаются от послушания Богу, отказываясь от Христа и защиты Божьей Матери и всех святых Церкви.

В-третьих, они отбрасывают от себя венец или четки Божьей Матери, веревку св. Франциска Ассизского, или пояс бл. Августина, наплечник кармелиток — смотря по тому, к какому ордену они принадлежат; крест, ладанки и все, что носят священники, они топчут ногами.

В-четвертых, они клянутся дьяволу в послушании и повиновении, выражают ему почтение и покорность, положив руку на особую черную книгу. Они обязываются никогда не возвращаться к вере Христовой, не поступать по божественным заповедям, не делать никакого доброго дела, но слушаться одного дьявола и прилежно посещать ночные собрания.

В-пятых, они обещают заботиться и употреблять все усилия, чтобы завербовать на службу дьяволу других лиц.

В-шестых, дьявол им дает нечто в роде нечестивого крещения, заставляя их отказаться от крестных отца и матери и от конфирмации, назначая им других восприемников, которым поручает обучить их искусству чародейства; они лишаются имени, которое имели, и получают новое, чаще всего шутовское прозвище.

В-седьмых, они отрезают часть своей одежды, чтобы предложить ее дьяволу в знак почтения, и он ее уносит и сохраняет.

В-восьмых, дьявол чертит на земле круг и удерживает в нем испытуемых, чтобы закрепить все клятвы, которые они дают, как сказано выше.

В-девятых, они просят у дьявола вычеркнуть их из книги Христа и вписать их в свою. Тогда является та черная книга, к которой они притрагивались, когда изъявляли свою покорность, и дьявол заносит туда их имена своим когтем.

В-десятых, они обещают дьяволу приносить в определенное время жертвы — каждые пятнадцать дней или, по меньшей мере, каждый месяц производить убийство какого-нибудь ребенка или творить душеубийственное колдовство, и еженедельно совершать другие злые дела во вред человечеству, а именно: пожары, бури, эпидемии и т.д.

В-одиннадцатых, дьявол метит их каким-нибудь знаком и в особенности тех, твердость которых ему подозрительна. Впрочем, этот знак не всегда одной формы и вида: иногда это изображение зайца, лапы жабы, паука, маленькой собачки, белки. Он ставит знаки на более скрытых частях тела, например, под веками, на губах, плечах или где-нибудь в другом месте. Печать эта не бывает ничем иным, как знаком когтя дьявола. Когда все это совершено, то, согласно наставлениям тех, которые обучали испытуемых, эти последние, чтобы доказать свое окончательное обращение, обещают

презирать евхаристию[7] и особенно Деву Марию, топтать ногами и поносить священные изображения, крест и реликвии; никогда не участвовать при совершении таинств, не исполнять священных обрядов, разве только для ворожбы; не показывать и скрывать свои отношения с дьяволом. Со своей стороны, дьявол обязуется оказывать им всегда быструю помощь; исполнять их желания на этом свете и сделать их счастливыми после смерти.

IV глава. Ухищрения, употребляемые дьяволом, чтобы добыть себе тело

Могут спросить, как дьявол, у которого нет материального тела, может иметь сношение? На это можно ответить, что он иногда заимствует человеческий труп или же формирует себе тело другими способами. Если женщине придет фантазия забеременеть от дьявола (что может случиться лишь с ее согласия и по ее желанию), то дьявол предварительно превращается в женщину (суккубу) и соединяется с мужчиной, или же вызывает у мужчины какое-нибудь сладострастное сновидение, во время которого похищает у него сперму и переносит ее в лоно женщины, что и порождает зачатие. Так утверждает Гуаццо, приводя для подкрепления своего мнения массу ссылок и примечаний, заимствованных у различных ученых.[8]

Иногда дьявол, в виде инкуба или суккуба, соединяется с мужчиной или с женщиной, не оказывающими ему особенного почтения и не приносящими ему жертв, которых он обыкновенно требует от колдунов и колдуний, как это было сказано выше. Это просто страстный любовник, не имеющий другой цели, кроме обладания особой, которую он любит. На это есть масса примеров у разных авторов и, между прочим, рассказ о Мелиппе Луции, который, после того как долгое время жил с одной женщиной, пожелал на ней жениться, но некий философ, присутствовавший на свадебном пиру, сказал Мелиппу, что он имел дело с компузой, т.е. с чертовкой-суккубой — и невеста тотчас со стоном упала в обморок.

Гектор Боетиус[9] рассказывает также случай, происшедший с одним молодым человеком, которого посещала в продолжение нескольких месяцев, несмотря на плотно закрытые двери и окна комнаты, чертовка-сук-

куба пленительной красоты; ласки, поцелуи, объятия, мольбы — все пускала она в ход, чтобы склонить его к греху, но не могла однако победить добродетельного молодого человека.

V глава. Инкубы нападают не только на женщин

Можно привести множество примеров о женщинах, соблазняемых дьяволом-инкубом, которые сначала и противились искушению, но скоро склонились на его просьбы, слезы и ласки; это безумный любовник, которому приходится уступить. Иногда это случалось при посредстве какого-нибудь чародея, которого дьявол употреблял как посредника, но нередко, однако, он действовал сам, как это описывает Гуаццо. Дьявол соединяется не только с женщинами, но и с кобылицами; если они уступают его желанию, он осыпает их заботами и ласками: заплетает гриву в косички, которые потом невозможно расплести; но если они сопротивляются, он их бьет, награждает сапом, вредит им всячески и в конце концов убивает их, как это доказано жизненным опытом.

VI глава. Духи «фоллеты», не боящиеся заклинаний

Вещь чудесная и почти непонятная — это инкубы, которых называют во Франции и в Италии фоллетами, а в Испании — дуэндес, и которые не повинуются заклинателям, не страшатся заклинаний и, при приближении священных предметов, не выказывают ни малейшего испуга в противоположность дьяволам, мучающим бесноватых, потому что как ни упорны эти злые духи, как ни упрямы в своем нежелании повиноваться велениям заклинателя, приказывающего оставить тело одержимого — достаточно, однако, произнести Пресвятое Имя Иисуса или Девы Марии, или несколько стихов Священного Писания, возложить реликвии, главным образом, частицу дерева Святого Креста, или приблизить священные изображения, чтобы тотчас услышать, как они зарычат ртом бесноватого, и увидеть скрежет его зубов, волнение, дрожь, — словом, все признаки страха. Но на фоллет ничто подобное не имеет никакого влияние: если они и прекращают свои преследования, то только после долгого

времени и когда сами того захотят.[10] Этому я был лично свидетелем и расскажу одну невероятную историю.

VII глава. Интересная история синьоры Иеронимы

Около двадцати пяти лет назад, когда я был профессором богословия в монастыре Св. Креста в Павии, в этом городе жила высоконравственная замужняя женщина, о которой все, кто ее знал, и, главным образом, монахи говорили только хорошее. Ее звали Иеронимой; она жила в приходе Св. Михаила. Однажды эта женщина месила хлеб, который поручила затем испечь содержателю общественной печи. Он ей принес готовый хлеб и большую лепешку очень странной формы, сделанную из венецианского теста и замешанную на масле, подобно пирогу.

Она отказывалась взять эту лепешку, говоря, что не делала ничего подобного.

«Но, — отвечал содержатель пекарни, — у меня сегодня, кроме вашего, не было другого хлеба. Возьмите эту лепешку; вероятно, у вас плохая память». Будучи убеждена, добрая женщина приняла лепешку и съела ее с мужем, трехлетней дочерью и служанкой. В следующую ночь, когда они с мужем уснули, она вдруг проснулась от звука, похожего на тихий нежный свист, который ей прошептал на ухо очень внятно: «Был ли вкусен пирог?» Испуганная женщина начала осенять себя крестным знамением и призывать имена Иисуса и Девы Марии.

«Не бойся ничего, — говорил голос, — я не хочу тебе зла; я готов на все, лишь бы тебе понравиться; я пленен твоей красотой, и мое самое большое желание — насладиться твоими объятиями». В то же время она почувствовала, что кто-то ее поцеловал в щеку, но так легко и нежно, как будто к ней прикоснулся пушок тончайшей ваты. Она сопротивлялась, ничего не отвечая и ограничиваясь многократным повторением священных имен и крестным знамением. Соблазн продолжался около получаса, затем искуситель удалился. Утром женщина пошла к своему духовнику, человеку степенному и умному, который поддержал ее в вере и убедил продолжать мужественное сопротивление, посоветовав запастись несколькими святыми реликвиями.

В последующие ночи повторились такие же искушения, с поцелуями, твердо выдержанные женщиной. Утомленная этими тягостными и продолжительными испытаниями, она решилась, по совету своего духовника, обратиться к заклинателям, чтобы испытать, не одержима ли она бесом. Заклинатели, не найдя в ней ничего, что бы указывало на присутствие злого духа, освятили дом, спальню, кровать и повелели инкубу окончить свои домогательства. Но все напрасно! Искушение продолжалось: хитрец делал вид, что умирает от любви, плакал, вздыхал, чтобы смягчить женщину, которая, однако, по милости Божьей, оставалась непобедимой. Тогда инкуб изменил свою тактику: он явился красавице в виде молодого человека, необычайной красоты, с золотистыми кудрявыми волосами, с белокурой бородой, отливающей золотом, с серо-зелеными глазами, волосами, подобными цвету льна, и, чтобы прибавить очарования, в одежде изящного испанца. Он не переставал ей показываться, хотя бы она и находилась в обществе; он, как это делают влюбленные, плакал, посылал ей поцелуи, словом, употреблял всевозможные средства прельщения, чтобы добиться ее благосклонности. Она одна видела и слышала его, для других же он оставался невидимым. Но добрая женщина все же пребывала в удивительной твердости; наконец, через несколько месяцев разъяренный инкуб прибег к другому роду преследования. Сначала он похитил у нее серебряный крест со святыми мощами и освященного воскового «Папского Агнца» блаженного папы Пия V,[11] которого она всегда носила при себе; потом настала очередь колец и других драгоценностей, которые он похищал, не трогая замка шкатулки. Наконец он начал ее жестоко бить, и после каждого такого случая на лице ее, руках и теле видны были следы ударов и синяки, которые оставались день, два и вдруг сразу исчезали, тогда как естественные синяки уменьшаются постепенно. Иногда, в то время, как она кормила грудью маленькую дочь, он снимал ребенка у нее с колен и клал его на самый край крыши или прятал куда-нибудь, но никогда не причинял ей никакого вреда. То он переворачивал вверх дном все хозяйство, разбивал горшки, тарелки и другую посуду, и мгновенно восстанавливал их в прежнем виде. Однажды ночью, когда она спала с мужем, инкуб явился ей в своем обычном состоянии и усиленно умолял ее уступить его

желаниям; она сопротивлялась, как всегда. Он удалился взбешенный, но скоро вернулся с огромным грузом каменных плиток, которыми жители Генуи и Лигурии покрывают свои дома. Из этих камней он построил вокруг кровати такую высокую стену, что она достигла верха полога, и супруги должны были бы взять лестницу, чтобы выйти оттуда. Впрочем, эта стена была построена без извести; ее разрушили, а камни сложили в угол, где они оставались в продолжение двух дней, а затем исчезли.

В день св. Стефана муж пригласил к ним домой несколько своих друзей, храбрых военных, и устроил в честь своих гостей парадный обед. В то время, как по обычаю, перед тем, как сесть за стол, мыли руки, вдруг исчез стол, блюда, миски, кушанья, вся столовая посуда из кухни, все кувшины, бутылки, стаканы. Представьте себе удивление гостей! В числе их был испанец, капитан, который воскликнул: «Не бойтесь, это наваждение, но, черт возьми! Здесь был стол, и он еще тут. Минуту терпения, и я его найду». Сказав это, храбрец прошелся по комнате с протянутыми вперед руками, стараясь нащупать стол. Отдельные гости, видя, что он ничего не находит, стали смеяться и вышли в прихожую, чтобы уйти, как вдруг услышали страшный шум в столовой. Они вернулись узнать причину и, вбежав в столовую, увидели стол, заставленный раскошной посудой с кушаньями, которых раньше не было. У стены стоял большой буфет с хрустальными, серебряными и золотыми графинами и чашами, наполненными канарским, рейнским, критским и другими винами. В кухне было изобилие различных кушаний в мисках и на блюдах, никогда ранее невиданных. Некоторые из гостей колебались сначала попробовать этих кушаний, однако, ободренные более смелыми, сели за стол и принялись за обед, который нашли превосходным. Как только они уселись перед камином после обеда — все сразу исчезло, и явился старый стол с блюдами, которые были приготовлены хозяевами; но все гости были так сыты, что никто не захотел ужинать, и это достаточно доказывает, что подмененные блюда были реальны, а не воображаемы.

Преследование со стороны инкуба продолжалось уже несколько месяцев, когда женщина обратилась с молитвой к блаженному Бернардину Фельтрскому,[12] мощи которого покоятся в церкви Св. Якова, находящей-

ся близ города. Она дала обет целый год носить серую рясу миноритов, к ордену которых принадлежал блаженный Бернардин, в надежде его заступничеством освободиться от преследований инкуба.

Действительно, 28 сентября, в сочельник храмового праздника св. Архангела Михаила, она надела по обету рясу и на другой день пошла в церковь. Было около десяти часов, когда большая толпа направлялась к обедне. Но только бедняжка вступила на паперть, как вдруг ее одежды упали на землю и исчезли, будто унесенные ветром, оставив ее совершенно нагую. К счастью, среди толпы нашлось двое пожилых людей, которые, увидя случившееся, поспешили снять свои плащи, чтобы прикрыть наготу насчастной, и, усадив ее в карету, проводили до дому. Что касается одежды, украденной инкубом, то она была возвращена только через шесть месяцев.

Я бы мог рассказать вам много других историй, еще более забавных, но всему есть предел.

Остается еще добавить, что в продолжение многих лет инкуб упорно преследовал свою жертву искушениями; но, наконец, убедившись в безуспешности своих усилий, он принужден был удалиться.

В приведенном выше случае, как и во многих других, о которых приходится иногда слышать, инкуб не касался религии, но только целомудрия. Следовательно, если и уступают искушению, то грешат не безбожием, но невоздержанием.[13]

VIII глава. Люди, рожденные от инкубов[14]

Доказано теологами и философами, что от сношения человека с дьяволом рождаются иногда люди; таким же образом, как утверждают многие ученые, должен будет родиться антихрист (Беллармин, Суарец,[15] Малуэнда и др.). При этом они замечают, что, по вполне естественным причинам, дети, рожденные от инкубов, обыкновенно весьма высоки, сильны, свирепы, горды и злы.

IX глава. Инкубы — не духи, они рождают, следовательно, имеют собственную субстанцию. Несколько слов о гигантах

Однако, не нарушая уважения к таким великим ученым, я не понимаю, как их мнение может выдержать критику. Действительно, Александр Македон-

ский, например, который, как мы упомянули, родился от инкуба, был маленького роста. Далее, хотя лица, зачатые при этих условиях, обыкновенно и превосходят других людей, но не всегда порочностью, но иногда также и добродетелями, даже высоконравственными, например, Сципион Африканский, Август, философ Платон, которые, по свидетельству Тита Ливия, Светония и Диогена Лаэртского, были люди превосходных качеств. Равным образом, мы находим в Священном Писании (Кн. Бытия 6,4), что великаны были рождены от сношения сынов Бога с дочерьми людей; так гласят слова священного текста. Но эти великаны были людьми большого роста, как говорит пророк Варух (3, 26), и во многом превосходили других людей. Кроме своего огромного роста, они еще отличались своей силой, предавались грабежам и были тиранами; и эти преступления гигантов следует считать первой и главной причиной потопа, по мнению Корнелия Лапидского («Комментарии к книге Бытия»). Некоторые утверждают, что под именем сынов Божьих нужно понимать сыновей Сифа, а под именем дочерей человеческих — дочерей Каина, потому что первые были исполнены милости, веры и других добродетелей, тогда как дети Каина отличались всеми противоположными свойствами и пороками; но, не нарушая должного уважения к Златоусту, Кириллу, Иларию и другим, надо признать, что это находится в разногласии с очевидным смыслом текста Писания, так как от союза вышеупомянутых лиц родились люди чудовищного роста. Итак, ясно, что этих гигантов не было прежде, и если их рождение было результатом этого соединения, то недопустимо, чтобы можно было это приписать сношению сыновей Сифа с дочерьми Каина, которые, будучи сами обыкновенного роста, могли рожать только таких же самых детей.[16] Следовательно, союз, от которого произошли существа гигантского роста, нужно рассматривать не как обыкновенное сношение мужчины с женщиной, но как дело инкубов, которые по природе своей легко могут быть названы сыновьями Бога. Таково мнение философов-платоников и Франциска-Георга из Венеции, и оно не противоречит мнению Иосифа Флавия, Филона Александрийского, Юстина-мученика, Климента Александрийского и Тертуллиана, которые говорят, что эти инкубы были ангелы во плоти, впавшие в грех сладострастия. Действительно, как мы это

покажем далее, здесь, под видом противоречия, скрывается одна и та же мысль.

Хотя, согласно общему мнению, инкубы и произвели этих «гигантов» при помощи жизненной энергии, заимствованной у человека, это, однако, является невозможным, и мы приходим опять к тому заключению, что гиганты рождены не от человеческого семени; а следовательно, инкуб, чтобы производить потомство, употребляет семя, не заимствованное у человека. Но какое же?

X глава. Не все ангелы бестелесны

Как представитель Церкви и как ученый, я категорически заявляю, что инкуб в своих сношениях с женщинами производит ребенка совершенно самостоятельно. Многие найдут это утверждение еретическим и мало рассудительным, но я прошу моих читателей не осуждать его так скоро, потому что, как говорит Цельс:[17] «Не следует произносить осуждение, не рассмотрев всесторонне положения, а также несправедливо осуждать мнение, не взвесив и не опровергнув его доводы». Следовательно, мне надо доказать мое заключение, и для этого я должен войти в некоторые подробности. Во-первых, я основываюсь на догмате веры, что существуют создания чисто духовные, не имеющие ничего материального, как это было установлено Латеранским собором при папе Иннокентии III.[18]

Таковы блаженные ангелы и осужденные на вечные мучения дьяволы.

Правда, некоторые ученые доказывали даже после Собора, что духовность ангелов и дьяволов не установлена догматом веры, другие же, идя далее, утверждали, что как ангелы, так и демоны — телесны; отсюда Бонавентуро Барон заключил, что не будет ничего нелогичного в том, если приписать ангелам и дьяволам двойную сущность: телесную и духовную. Я же, основываясь на формальном разъяснении Собора, что Бог создал из ничего все существующее, как духовное, так и телесное, ангельское и земное — утверждаю, что следует признать существование некоторых созданий чисто духовными — каковы ангелы высших чинов. Многие богословы признают между ангелами настолько большое различие, что некоторые ангелы суть чистые духи, следовательно — высшей природы, а другие —

телесны, не так совершенны и различаются одни от других своей сущностью, телесной и бестелесной. Это учение имеет то преимущество, что примиряет решения седьмого вселенского собора[19] и упомянутого ранее Латеранского.

Действительно, на заседании второго Никейского Собора была предъявлена книга Иоанна Фессалоникийского, написанная против одного языческого философа, где он говорит так: «Что касается до ангелов, архангелов и сил, к которым я причисляю и наши души, то Католическая Церковь учит, что это — духи, но не совершенно бесплотные, лишенные тела и невидимые существа, как это утверждаете вы, язычники. Церковь в них признает, напротив, тело утонченное, сотворенное из воздуха или огня, так как сказано: «Он сделал духов своими ангелами и из пылающего огня своего посланника»». И далее: «Хотя они не телесны, как мы, т.е. не составлены из четырех элементов, но однако же нельзя сказать, что ангелы, демоны и души бестелесны, потому что они являлись много раз облеченными в тело тем, кому Господь благоволил открыть глаза». И после того, как эта книга была целиком прочитана перед отцами, присутствовавшими на Соборе, Тарасий, патриарх Константинопольский, предложил ее на одобрение Собора в таких выражениях: «Изъяснение отца Иоанна доказывает, что ангелы могут быть изображаемы, потому что их форма ограничена, и они являлись в виде человеческой фигуры». На что собор единодушно отвечал: «Да, Владыко».

XI глава. О существовании разумных существ, подобных человеку и имеющих душу и тело

Итак, этим одобрением собора установлено положение относительно телесности ангелов, так как Никейский собор склонился к мнению платоников, предполагавших телесность ангелов, а собор Латеранский, наоборот, следовал авторитету Аристотеля, определившего в 12-ой книге своей Метафизики консистенцию духов бесплотной — суждение, которое имело большой успех у многих ученых.[20] Но чтобы согласовать мнения двух Соборов, надо помнить, что Никейский говорит о телесном виде ангелов, а Латеранский — о бесполом.

Название «ангел» (по-латыни Nuntius — посланник) не есть обозначение природы, но лишь рода ис-

полняемых ими функций. С этим согласны многие отцы Церкви: св. Амвросий (письма к Евр. гл. 1), св. Иларий (О Троице, 5), бл. Августин (О граде Божьем, кн. 15, гл. 23), св. Григорий (Бес. о Еванг., гл. 34), св. Исидор (De Sim.Bonit., 12). Из этого следует, что посланный Богом для исполнения какого-либо поручения, будь то дух или человек, может быть назван ангелом; и действительно, они носят это название в Св. Писании, когда говорится о проповедниках и вестниках Божьей воли. Малахия (3, 1) дает такое название Иоанну Крестителю: «Вот Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною». Что это пророчество относится буквально к Иоанну Крестителю, свидетельствуется Евангелием от Матфея (11, 10).[21]

Даже и Сам Иисус Христос называется Ангелом, так как был послан Отцом в мир для возвещения закона милосердия.

Следовательно, нет ничего абсурдного в том, если мы скажем, что некоторые ангелы телесны, ибо название ангелов применяется и к людям, которые уже без сомнения телесны. Следует помнить, что еще недостаточно исследованы ни сущность, ни природа вещей в мире, и нельзя отрицать факт лишь потому, что он не исследован.

Что, если существует иной мир, нежели тот, который мы населяем, и в нем живут другие люди, произошедшие не от Адама, но созданные Богом каким-либо другим образом (как этот предполагают считающие луну обитаемой), или что в том же мире, который мы населяем, существуют другие разумные существа, кроме людей и ангельских духов, которые обыкновенно невидимы и не открываются людям иначе, как при особых случаях, актом их собственного желания или их собственной силы? Все это не имеет никакого отношения к вере, и знать или не знать — не необходимо для спасения души человека так же, как знать числа и природу вещей.

Ни философия, ни теология не представляют никакого возражения на то, что могут быть создания разумные, одаренные духом и телом и отличные от человека; такое возражение, если бы оно было на самом деле, будет не чем иным, как непоследовательностью или со стороны Бога (что невозможно, ибо Бог непогрешим), или со стороны созданий и вещей, что также неверно, ибо эти последние бывают или созданиями

чисто духовными, как Ангелы, или чисто материальными, как неорганический мир, или, наконец, духовно-материальными, грубыми, земно-телесными, как человек. Возможно также допустить существование создания, одаренного разумным духом и телесностью, менее грубой и более утонченной, нежели человек. Нет сомнения, что, по воскресении из мертвых, душа праведника будет соединена с телом блаженным и утонченным; из чего можно заключить, что Бог мог создать существо разумное и телесное, но с телом более тонким, подобным телу блаженных.

XII глава. Чем отличаются эти создания от человека?

Чтобы лучше определить возможность существования этих созданий, мы опровергаем доводы, которые можно привести против нашего заключения, и ответим на вопросы, которые могут быть нам предложены.

Первый вопрос. Могут ли эти создания называться разумными, и, в утвердительном случае, чем они отличаются от человека?

На это можно ответить, что эти существа имеют разум и плотские органы, как и человек; однако они отличаются от него не только более утонченной природой, но и более тонкой материей. Действительно, человек создан, как это утверждает Писание, из самых грубых частей стихии, тогда как эти существа, наоборот, созданы из самых чистых частей стихий: одни — из земли, другие — из воды, третьи — из воздуха, четвертые — из огня.

Второй вопрос. К какой эпохе следует отнести происхождение этих созданий: происходят ли они от земли или воды, как животные, четвероногие, птицы и т.д., или, напротив, созданы, как человек, самим Богом?

На это можно разъяснить, что Бог, при посредстве ангелов, создал их тело так же, как и тело человека, присоединив к нему бессмертную душу. Действительно, т.к. это тело по своей природе более благородно, чем тело других животных, то и подобало к нему присоединить бестелесный и благородный дух.

Третий вопрос. Происходят ли эти создания от одного существа, как все люди от Адама, или, напротив, их было создано несколько одновременно, и существу-

ют они как различные твари, зародившиеся из земли и воды?

Вот что можно на это ответить: возможно, что они все происходят от одного существа, как люди — от Адама. Замечают также, что они родятся и умирают, что они делятся на самцов и самок, что они имеют, как люди, чувства и страсти, что их тело питается и развивается. Но, во всяком случае, их пища не должна быть так груба, как пища, требуемая человеческим телом, но питание должно быть нежное и воздушное.

Наконец, они, вероятно, живут обществом; у них могут быть различные условия достоинств и первенства; возможно, что они занимаются искусствами и науками, занимают должности, содержат войско, строят города и, наконец, делают все, что необходимо, для их охранения.

XIII глава. Форма и организация тел инкубов и суккубов. Сравнение с образованием вина

Четвертый вопрос. Имеют ли эти существа внешность человека или какую-нибудь другую? Постоянная ли форма их тела, как у животных, или только случайная, подобно облаку или жидким веществам, например, маслу, воде и пр.? Составлен ли их организм, подобно человеческому, из различных веществ: костей, мускулов и пр.?

На эти вопросы я могу ответить, что определить форму их тела трудно, потому что состав его не поддается контролю наших чувств, будучи слишком утонченным для физического нашего зрения и осязания. Можно, однако, предположить, что внешность их подобна человеческой, но совершеннее ее, потому что существа эти менее материальны и, следовательно, находятся на высшей степени эволюции. Что касается до существенных частей их органов, то необходимо, чтобы они были упругими и менее нежными, отвечая требованию органического действия. Относительно сомнения в чрезвычайной утонченности их тел, я скажу, что твердость частей их организма будет не безусловна не только относительно других, более утонченных частей, что можно наблюдать во всех жидких телах, как например: вине, масле, молоке и т.д., различие в составе которых может быть обнаружено только с помощью химического анализа.

Таким образом, если мы применим это естественное правило и предположим утонченную телесность их организма, аналогичную жидкостям, то не останется места для предположения какой-либо разницы, т.е. доказательства против их существования, потому что, как мы говорили, разнородность частиц вина и их случайных соотношений не вредит нисколько существенному порядку частей, что можно сказать и относительно утонченного тела наших существ.

XIV глава. Подвержены ли эти существа болезням, увечью и смерти? Родятся ли они в первородном грехе? Искуплены ли они Иисусом Христом для блаженства или на них тяготеет проклятие?

Пятый вопрос. Подвержены ли эти существа болезням и увечьям, подобно людям? Устают ли они от работы, нуждаются ли они для восстановления сил во сне, в еде и питье? Каково их питание? Подвержены ли они смерти и могут ли они быть убиты случайно или действием других существ?

На это можно сказать, что как бы утонченны ни были их тела, они все-таки материальны, подвержены тлению и, следовательно, могут страдать от вредных сил и быть больными, т.е. их органы могут отказаться работать, или будут исполнять лишь с трудом и несовершенно свои функции, что является следствием всякой болезни. Действительно, так как материя их тела не так плотна, как тело человека, потому что не содержит смешанных вместе элементов, то они не страдают так легко от вредных сил и менее человека подвержены болезням, почему жизнь их продолжительнее, ибо ведь, чем существо совершеннее в своем роде, тем дольше оно живет, свидетельством чего является человек, жизнь которого дольше, чем других существ. Я не признаю вековую жизнь ворон, оленей и некоторых других животных, о которых Плиний рассказывает нам басни, а что до его трудов, то хотя они и были изданы, но никто не взял на себя труда их проверить. Отсюда надо вывести заключение, что существа, о которых мы говорим, превосходят человека долговечностью.

Как мы это покажем ниже, они благороднее человека, следовательно, будучи подвержены другим телесным чувствам, они нуждаются в отдыхе и пище. Что

касается их благоразумия и образования, то они могут быть и невежественны, если их ум не был развит учением и наставлением. В общем, они, вероятно, более сведущи, чем человек, так как их тело более утонченно, ум более деятелен, а жизнь продолжительнее, что помогает им узнать больше, чем людям. Таковы причины, указанные бл. Августином (Divin. Daem. c. 3 и De Spir. et Anima, c. 37).[22]

Они могут, вероятно, страдать от стихийных сил, но с трудом могут быть убиты, обладая астральным зрением и быстротой перемещения. Их можно, вероятно, изувечить во время сна или в момент оплошности при помощи твердого тела, например, шпаги, что может причинить им увечье и даже смерть, так как душа, которая неделима, не в состоянии оживлять несколько частей одного органического тела.

Шестой вопрос. Могут ли их тела входить в другие тела, как, например, дерево, металл, стекло и т.д.? Могут ли они жить в большом числе в одном месте (материальном), и на какое пространство распространяется их тело?

По этому поводу можно сказать, что все тела, какой бы плоти они не были, имеют поры, через которые другие, более тонкие тела могут в них входить, хотя бы эти поры были непроницаемы для жидкости, газов и тому подобных тел. Если несколько ангелов могут обитать в одном пространстве, весьма ограниченном, хотя и не до бесконечности, как это доказывает Скотт,[23] было бы безрассудно приписать такую же способность телам существ, о которых идет речь. Их тела имеют определенное протяжение, непроницаемы одно для другого, и если два ангельских тела не могут находиться одновременно на одном и том же месте, то ангел может, при желании, вселиться в человека, как утверждают некоторые ученые, но этого не могут сделать существа, обладающие хотя и утонченным, но все же материальным телом.

Седьмой вопрос. Родятся ли эти существа в первородном грехе, были ли они искуплены Спасителем и могут ли рассчитывать на загробную жизнь?

Догмат веры утверждает, что Христос освободил души всех разумных созданий. Другой догмат говорит, что блаженство даруется разумному созданию, когда оно сделается его достойно. Заслуги эти заключаются в совершенном соблюдении заповедей Божиих.

Родятся ли эти существа в первородном грехе, мы не знаем, но зная, что Бог никогда не оставляет разумное существо, пока оно живет, без средства к исправлению, мы можем предположить, что миссия Христа коснулась и их.

Далее, следует допустить, что они повинуются каким-нибудь установленным Богом законам, соблюдение которых может им дать блаженство.

XV глава. Доказательства существования инкубов и суккубов

Платон («Демон Сократа») и Плутарх («Изида и Озирис»)[24], считают, что они принадлежат к разряду животных с подчиненным духом, одаренных разумом, с телами воздушными, и дают этим существам имя «демонов», которое само по себе не имеет ничего оскорбительного, так как означает — полный мудрости; когда же эти авторы говорят о падшем ангеле, т.е. дьяволе, они называют его не демоном, но «какодемон»; в отношении же доброго ангела употребляют выражение «эудемон». Что касается Св. Писания и отцов Церкви, то они также упоминают об этих существах, как мы это покажем ниже.

Теперь, когда мы установили возможность существования этих созданий, пойдем дальше и докажем действительность их существования. Установив сначала достоверность рассказов, которые касаются сношений инкубов и суккубов с людьми и животными, рассказов настолько многочисленных, что было бы дерзостью отвергать их, как говорит бл.Августин, свидетельство которого было приведено выше, и определив это, мы можем заключить, что там, где есть страдание, должно быть и чувство, потому что действие и процесс — это только его наружные проявления. Итак, у инкубов и суккубов наблюдаются действия, процессы, страсти, исходящие из чувств — значит, они обладают чувством; но чувства не могут проявляться без сложных органов, без соединения души и тела; значит, они имеют тело и душу, а следовательно, это — животные[25]; их действия последовательны, значит их душа разумна; итак, это разумные животные. Наша вторая посылка доказывается легко анализом: страсть, требующая плотских сношений, есть чувство; огорчение, печаль, гнев, исступление вследствие отказа в сношениях — также

суть страсти, чувства; зарождение через сношение явно процесс чувств. И все это наблюдается у инкубо как мы это доказали выше; они домогаются женщи и мужчин и, если получают отказ, бывают огорчень впадают в исступление, как любовники. Они прекра но исполняют сношения и иногда зарождают. Ита надо заключить, что они наделены чувствами и, следо вательно, имеют тело, т.е. они животные совершенны Далее, они проникают в дома даже при закрытых две рях и окнах, так утонченно их тело. Они знают предсказывают будущее, они мирят и ссорят; это в действия, представляющие свойства разумной души следовательно, они обладают разумной душой.

По этому поводу ученые обыкновенно говорят, чт эти порочные действия — дела злого духа, и ему одно му приписывают страсти, любовь, огорчение при отка зе в сношениях, наконец — впадение души в грех. Но возразим мы, есть инкубы, избирающие предмето своей страсти лошадей или других животных, и есл они не находят в них покорности своей страсти, т причиняют им вред, и потому нельзя утверждать, чт демон притворяется желающим сношений, чтобы пог бить лишь душу, так как душа животного не подвер гается вечному проклятию. К тому же любовь и гне производят у них действия совершенно противополож ные. Если женщина или животное покорится их при хоти, то инкубы обращаются с ними прекрасно; и на оборот — очень грубо при сопротивлении. Итак, инку бы имеют на самом деле страсти, чувства. Кроме того злые духи, имеющие дело с колдуньями и одержимы ми, принуждают их боготворить себя, кощунствоват совершать злые дела и ужасные приступления. Инку бы не требуют ничего подобного: это не злые духи Чтобы прогнать демона, чтобы заставить его дрожат и трепетать, достаточно, как пишет Гуаццо, имен Иисуса или Девы Марии, крестного знамения, прибли жения святых реликвий или освященных предмето заклинаний, заклятий или повеления священника это можно ежедневно видеть на бесноватых, и Гуацц приводит много примеров, заимствованных из истори ночных сборищ колдуний, где, при крестном знамени одного из присутствующих и при имени Иисуса, исче ли все демоны и колдуньи[26]. Инкубы же, подвергну тые подобным испытаниям, не бегут, не проявляют ни когда никакого страха, иногда даже встречают закл

нания насмешками и рвут одежды священников. Итак, ясно, что инкубы не злые духи, не добрые ангелы; также ясно, что это не люди, хотя и одарены разумом. Что же они такое? Если предположить, что это чистые духи, то они были бы или прокляты, или блаженны, потому что, по богословию, нет непорочных духов на пути к блаженству. Проклятые, они чувствовали бы отвращение к имени и кресту Иисуса Христа; блаженные, они не склоняли бы человека ко греху. Значит, они нечто другое, чем чистые духи, и следовательно, имеют тело и стоят на пути к блаженству. Материальная активная сила не может действовать иначе, как только на такую же материальную и страдательную; чисто материальное не может действовать на чисто духовное. Есть естественные силы, которые могут действовать против инкубов; отсюда следует, что эти инкубы материальны или телесны. Наша посылка доказана свидетельствами Диоскорида, Плиния, Аристотеля, Апулея и утверждена знанием; мы имеем несколько трав, камней и животных существ, которые имеют силу прогонять демонов, каковы: рута, зверобой, вербена, заячий чеснок, клещевина, золототысячник, бриллиант, коралл, черный янтарь, яшма, кожа с головы волка или осла и сотни других вещей; тому, кто подвергается нападениям демона, позволено иметь такие предметы, но не прибегать к волшебству. Отсюда следует, что камни и травы могут своими естественными свойствами обуздать усилия демона. Прежде церковный устав не позволял их употреблять и запрещал, как суеверие. Блестящий пример этого мы находим в Св. Писании, где ангел Рафаил говорит Товиту (6, 8) о рыбе, которую тот поймал в Тигре: «Если ты бросишь на угли частицу ее печени, то дым заставит исчезнуть демона»[27]. Опыт доказал истину этих слов, потому что печень рыбы еще не сгорела, как инкуб, влюбленный в Сарру, исчез и скрылся, чтобы более не возвращаться[28].

На это богословы обыкновенно возражают, что естественные силы прогоняют инкуба, но только в начале, и что полное действие должно быть от сверхъестественной силы Бога или ангела таким образом, что сверхъестественная сила и есть первая причина, прямая и главная, а естественная сила только второстепенная, косвенная и подчиненная. Чтобы объяснить, как дым от печени рыбы, сожженной Товитом, мог заставить бе-

жать инкуба, Валезий[29] допускает, что этот дым получи
от Бога сверхъестественную силу прогнать инкуба та
же, как материальный огонь ада имеет силу мучи
демонов и души проклятых. Другие, как Лиранус и
Корнелий, доказывают, что дым от печени рыбы пр
гнал демона вначале естественной силой, окончатель
же он был удален силой ангельской и небесной, и эт
мнение разделяется всеми авторами, которые рассу
дают о способе заклинания бесов[30].

Однако, к инкубам, как мы сказали, оно не може
быть применено: они не осаждают тело, не насылак
болезни, их злоба ограничивается ударами и дурны
обхождением с непокорными.

XVI глава. История об инкубе и молодой монахине. История о дьяконе

Первую из этих историй я заимствовал у испове
ника монахинь, человека степенного и заслуживающ
го доверия; второй же я сам был свидетелем.

В одном женском монастыре жила, в качестве па
сионерки, молодая девица благородной фамилии. О
была искушаема инкубом, который являлся ей днем
ночью с неотступными просьбами, как самый страс
ный влюбленный, беспрестанно побуждая ее ко грех
Она, однако, противилась, по милости Божией, и ост
валась твердой в своем сопротивлении. Но несмотря н
ее благочестие, говение, обеты, несмотря на заклин
ния, благословения, повеления заклинателей инку
отказаться от своих преследований, вопреки множест
реликвий и других священных предметов, собранн
в комнате молодой девушки, инкуб не переставал я
ляться под видом очень красивого молодого челове
Наконец, между учеными, рассуждавшими об эт
случае, нашелся один богослов, который, наблюдая
искушаемой девицей и заметя, что она обладает кра
не флегматичным темпераментом, догадался, что эт
инкуб должен быть водяным духом (существуют, де
ствительно, по свидетельству Гуаццо, инкубы: огне
ные, воздушные, земные, подземные, враги дня)
приказал, чтобы в комнате молодой девушки произв
ли окуривание паром. Принесли новый котел из гл
ны, положили туда унцию ароматической канны, пе
цу, кубела, корней аристолохии, кардамона, крупно
и мелкого имбиря, длинного перца, гвоздики, кори

мускатного цвета, мускатного ореха, росного ладана, бензоя, дерева алоэ и смешали все это с тремя бутылками полуочищенной водки. Затем поставили котел в горячую золу, чтобы пошел окуривающий пар, и комнату плотно закрыли. Окуривание заставило явиться инкуба, который, однако, на этот раз не смел проникнуть в комнату, и только, когда девица выходила в сад или шла в монастырь, он тотчас же являлся к ней, оставаясь для других невидимым, обнимал ее, целовал, отчего она очень страдала. После нового совещания, наш богослов приказал девице носить при себе маленькие катышки из таких благовоний, как, например, муската, амбры, перуанского бальзама и других. Вооруженная таким образом, она выходила в сад, и тотчас появлялся инкуб. Озлобленный и грозный, он не смел более к ней приблизиться и, наконец, исчез, чтобы более не возвращаться.

Второй случай произошел в Павии, в картезианском монастыре, где жил диакон, по имени Августин, который подвергался различным притеснениям со стороны суккуба. Несколько заклинателей тщетно пытались его освободить; все средства остались без успеха. Викарий монастыря пришел ко мне посоветоваться. Видя недействительность обыкновенных заклинаний и вспомня вышеприведенный пример, я посоветовал окуривание благовониями, подобно тем, о которых была речь, и приказал диакону носить на себе катышки, надушенные теми же благоуханиями; а так как он употреблял табак и очень любил водку, то я ему рекомендовал употреблять табак и водку с запахом мускуса. Суккуб ему являлся в различных видах: скелетом, свиньей, ослом, птицей, иногда принимал вид какого-нибудь монаха этого монастыря. Однажды он даже принял облик аббата и убеждал диакона очистить совесть, ввериться Богу и исповедываться тайно, прочитать с ним псалмы, Exsurgat Deus и Qui habitat и Евангелие от Иоанна; при словах «Verbum caro factum est»[31] он преклонил колено, а затем, схватив епитрахиль и кропило со святой водой, благословил келью и кровать, как настоящий настоятель, повелев демону не беспокоить впредь диакона. После этого он внезапно исчез, обнаружив этим свой обман. Не взирая на окуривание, которое я посоветовал, суккуб все же не прекратил своих преследований и однажды даже принял вид своей жертвы и явился к викарию, у которого по-

просил водки и табака с мускатным запахом. Получив то и другое, он мгновенно исчез, показав таким образом викарию, что он был обманут суккубом, что было потом удостоверенно и диаконом, который клятвенно уверял, что не был в келье викария. Тогда я заключил, что этот инкуб[32] был не водяным, как инкуб, влюбленный в молодую девушку, а огненным или воздушным, а потому наслаждается теплыми благоуханиями. Темперамент молодого диакона, гневный и сангвинический, только укрепил мои подозрения, потому что эти инкубы никогда не преследуют людей, темперамент которых схож с их собственным (новое доказательство моего мнения о их телесности). Я посоветовал викарию дать диакону травы, холодные по своей природе, а именно: кувшинка, печеночник, молочай, дикий чеснок, подорожник, белена и др., составив из них два пучка, один из которых повесить у окна, а другой у двери. Комнату, пол и постель я посоветовал посыпать этими травами. И, странная вещь! суккуб явился, но остался за порогом, не смея войти, а когда диакон спросил его о причине такой необычной скромности, то, вместо ответа, суккуб разразился проклятиями и бранил меня, посоветовавшего это средство защиты. Затем он исчез и больше не появлялся[33]. Эти два случая ясно определяют удаление инкуба и суккуба только естественной силой трав или благоуханий, безо всякого воздействия божественной силы. Итак, на инкубов влияют известные свойства материальных предметов, и, следовательно, они заключают в себе эту сущность. Отсюда надо заключить, что они имеют тело, что мы и хотели доказать.

XVII глава. Изгнание инкуба, беспокоившего Сарру; излечение старого Товита

Чтобы лучше обосновать наше заключение, следует упомянуть о заблуждении некоторых ученых, например, Валезия и Корнелия Лапидского[34], утверждавших, что Сарра была освобождена от инкуба силой архангела Рафаила, а не печенью рыбы, которую Товит поймал у берегов Тигра.

Не нарушая должного уважения к таким почтенным ученым, нужно признать подобное объяснение совершенно противным смыслу текста, от которого не следует удаляться. Вот слова ангела Товиту: «Если ко

го мучит демон или злой дух, то сердцем и печенью должно курить перед таким мужчиною или женщиною, и более уже не будет мучиться; а желчью помазать человека, который имеет бельма на глазах, и он исцелится» (Кн. Товита 6, 8-9).

Слова ангела относятся к свойствам сердца, печени и желчи рыбы и носят безусловно общий характер, потому что он не говорит Товиту, что именно он удалит демона. Если бы он это сказал, я признал бы вместе с комментаторами, что Рафаил все совершил своей собственной сверхъестественной силой и что действия дыма и желчи не были в состоянии этого совершить.

Могут спросить, сказал ли ангел чистую правду о силе вещей или он мог обмануть, и исцелила ли глаза старого Товита рыбья желчь или сила архангела Рафаила? Сказать, что ангел мог обмануть, нельзя, так как демон был изгнан дымом печени, без посредства сверхъестественной силы.

Врач, который говорит, что такая-то трава исцеляет совершенно плеврит или эпилепсию, солгал бы без сомнения, если бы эта трава не вылечила болезни, и для полного исцеления надо было прибавить еще другую траву.

Перейдем теперь к старому Товиту. Бельмо было снято с его глаз, и его слепота прошла от естественной силы желчи рыбы, называемой в Италии bocca in caро, обладающей, по утверждению медицины, желчью, излечивающей бельма; с этим согласны Диоскорид, Галиен, Плиний, Акланиус, Валезий и др. Греческий текст Товита (11, 13) гласит следующее: «Он налил желчь в глаза своего отца, говоря: «Верь, мой отец», и когда началось вытравливание, он ему протер глаза и снял бельмо»[35]. Так как, согласно тому же тексту, ангел открыл Товиту силу печени и желчи рыбы и исцелил слепоту старого Товита, то следует заключить, что таким же образом своей естественной силой и дым от печени прогнал суккуба, и это удостоверено греческим текстом кн. Товита, гл.8, ст.2: «Он взял золы или жара, положил туда сердце и печень рыбы и, когда пошел дым, то демон, не будучи в состоянии перенести запаха, исчез». Что касается еврейского текста, то там сказано: «Асмодей почувствовал запах и убежал». Отсюда следует, что демон спасался, почувствовав дым, который был ему вреден, а совсем не от действия сверхъестественной силы ангела. А если в этом освобождении Сар-

ры от преследования суккуба Асмодея действие дыма от печени и сопровождалось посредничеством Рафаила то для того только, чтобы приковать инкуба в пустыне Верхнего Египта, как это сказано в кн. Товита (гл.8. ст. 3). Здесь мы можем согласовать наше мнение с помещенным выше заключением ученых, которые приписывают это чудесное избавление Сарры действию Рафаила. По их мнению, Сарра не была бы совершенно освобождена, если бы инкуб не был прикован в пустыне, и это мы допускаем, но собственно освобождение. изгнание демона из спальни Сарры — было прямое, природное действие печени рыбы[36].

XVIII глава. Св.Антоний встречает в пустыне Фавна. Их разговор

Третьим и главным доказательством нашего заключения о существовании этих созданий и о телесности инкубов служит свидетельство св. Иеронима.

«Святой Антоний, — рассказывает этот ученый, — шел однажды к святому Павлу.

После нескольких дней пути он встретил кентавра, у которого спросил, где живет отшельник, на что тот, пробормотав несколько грубых слов, показал ему рукой дорогу и убежал в лес. Пройдя немного, св. Антоний встретил, на этот раз, маленького человека, почти карлика, с искривленными руками, с рогами на лбу, тело которого оканчивалось ногами козла. При виде его св. Антоний остановился и, боясь козней дьявола, осенил себя крестным знамением. Но маленький человек, не думая бежать и даже не испугавшись, почтительно приблизился к святому старцу и предложил ему плоды пальмы, как бы свидетельствуя свои миролюбивые намерения.

Тогда св.Антоний спросил, кто он такой. «Я смертный, — ответил тот, — один из обитателей пустыни, которых язычество в своем заблуждении удостаивает различных имен: фавнов, сатиров, инкубов; я послан с поручением от моего народа-стада; мы просим тебя помолиться за нас Богу, Который сошел для блага всего мира и прославление Которого раздается по всей земле».

Услышав такое почтительное отношение к Христу, св. Антоний, исполненный радости, повернулся по направлению к Александрии и, ударяя палкой о землю,

воскликнул: «Горе тебе, развратный город, который обожает животных, как богов».

Таков рассказ святого Антония.

Сомневаться в правдивости этой истории, когда она засвидетельствована самим великим ученым Церкви, св. Иеронимом[37], авторитет которого никогда не оспаривался ни одним католиком, было бы дерзко.

Рассмотрим подробности этой истории и решим, каким образом она подтверждает наше мнение.

Во-первых, надо заметить, что если какой-либо святой предмет и подвергался проискам дьявола, в замыслы которого он проникал и одерживал над ним победу, — то конечно, это был св.Антоний, как утверждает его житие, написанное св.Афанасием[38]. Итак, св.Антоний не признал демона в этом маленьком человеке, но принял его за животное, говоря: «Горе тебе развратный город, обожающий животных, как богов». Отсюда вытекает, что это не был демон или дух, изгнанный с неба и проклятый, но какое-то животное. Св. Антоний, наставляя своих монахов и предостерегая их против намерений дьявола, говорит, как упоминается в требнике (празднование св.Антонию): «Верьте мне, братья, что сатана боится благочестивых людей, а также молитв, говений, добровольной бедности, милосердия, смирения; но более всего — горячей любви к Христу, Нашему Спасителю, и потому, чтобы обратить сатану в бегство, достаточно святого креста».

А маленький человек, когда св.Антоний думал от него защититься крестным знамением, не выказал никакого страха и не подумал бежать; наоборот, он приблизился к святому старцу с доверчивым видом и почтительно предложил ему финики. Вот доказательство того, что это был не дьявол.

Во-вторых, надо заметить, что этот маленький человек сказал: «Я смертный», — откуда следует, что это было животное — объект смерти, которое явилось на свет посредством зарождения; дух же нематериальный — бессмертен, потому что не получает жизнь посредством зарождения, но через творение по роду предсуществования, и следовательно, не теряет жизни через тление, иначе через смерть, и может перестать существовать через уничтожение Творцом. Итак, сказав, что он смертный, он объяснил, что он — животное.

В-третьих, маленький человек сказал, что ему известно о страдании Бога в человеческом теле. Эти слова

доказывают, что он — животное разумное. Звери ничего не знают сверх ощущаемого настоящего и не могут иметь никакого представления о Боге. Если же этот маленький человек сказал, что он и ему подобные знают о страданиях Бога в человеческом теле, то, следовательно, благодаря какому-нибудь откровению, они имеют понятие о Боге так же, как и мы имеем открытую нам веру. Замечание, что Бог воплотился в человека и страдал, свидетельствует о двух главных членах нашей веры: о существовании Единого Бога в трех лицах и о воплощении, страдании и воскресении. Все это показывает, как я уже говорил, что это было разумное существо, готовое к божественному познанию путем откровения и наделенное, как и мы, разумным, бессмертным духом.

В-четвертых, от имени всего своего народа, который был послан, он просил св.Антония помолиться о них всеобщему Богу. Отсюда я вывожу, что этот маленький человек был готов и к блаженству, и к проклятию, и что он не был «in termino», но «in via»[39]; если он был разумным существом, наделенным бессмертной душой, как я доказал выше, то логика признает также, что он готов к блаженству и к проклятию — это свойство разумного создания, ангела или человека. Он был на пути (in via), т.е. готов на подвиги и на поступки, так как, если бы он был in termino, то он был бы уже или блажен, или проклят, но он не был ни тем, ни другим, потому что молитвы св.Антония, к которому он обратился, не могли бы оказать ему никакой помощи, если бы он был окончательно проклят; а если бы он был уже в блаженстве, то не имел бы в них нужды. Потому-то он и обратился к молитвам св.Антония, что они могли бы помочь, следовательно, он был на пути к блаженству «in statu viae et meriti»[40].

В-пятых, этот маленький человек словами — «я послан своим стадом-народом с поручением», объявляет себя посланником других созданий подобного же рода. Отсюда мы можем извлечь несколько следствий: этот маленький человек не был единственным, т.е. каким-либо исключительным чудом, но их существовало несколько одинаковых соединенных вместе, они составляли народ (стадо), а он являлся от имени всех. Затем, эти создания живут обществом, потому что посылают одного за всех, как представителя. Наконец, обитая в пустыне, они не были там прикреплены на постоянное

время. Св. Антоний не имел случая посетить до этой встречи это уединенное место, которое было значительно удалено от его кельи, и они в пустыне не могли узнать — ни кто он был, ни до какой степени святости он возвысился; необходимо, чтобы они его узнали где-нибудь в другом месте, а следовательно, они бывали и вне этой пустыни.

В-шестых, этот маленький человек сказал, что он существо из тех, которых язычники в своем слепом заблуждении называют фавнами, сатирами и инкубами, что доказывает вполне правдивость нашего главного тезиса, т.е. что инкубы создания разумные, могущие либо достичь блаженства, либо быть проклятыми.

Появление маленьких людей такого рода бывает довольно часто в рудниках, как об этом говорит Агрикола в своей книге «De Animal. subterr.»[41]. Они показываются детям одетыми в такое же платье, как и те; они играют, шутят, смеются, забавляются, бросают детям в игре камешки, и это хороший знак, говорит вышеупомянутый автор, — можно быть уверенным, что будет открыта какая-нибудь богатая жила.

Где живут эти маленькие люди, эти инкубы? На это я отвечу: по мнению Гуаццо, одни из них земные, другие — водяные, третьи — воздушные, четвертые — огненные, т.е. их тела состоят из самых нежных частей одного из этих элементов, и живут они либо в воде, либо в земле, либо в воздухе, смотря по своей природе. Их жилища, следовательно, находятся в том из элементов, который главным образом входит в состав их тела; огненные инкубы, например, никогда не живут в воде или в трясине, которые им противоположны, а водяные не могут подняться до высших слоев эфира, так как эта область слишком утонченна для их природы. Это же самое наблюдается и у людей, которые, привыкнув к сгущенному воздуху, не могут жить на вершинах Альп, где воздух слишком утончен для них.

Молинэ приводит несколько свидетельств Св. Отцов, которые могут нам подтвердить телесность демонов. Имея постановление Латеранского Собора о бестелесности ангелов, мы должны разуметь, что Св. Отцы имели в виду демонов-инкубов, которые еще только на пути к спасению, но не проклятых уже ангелов. Однако, не идя далее, мы ограничимся ссылкой на бл.Августина, этого великого ученого Церкви, и увидим, до какой степени его мнение сходится с нашим. Бл. Августин

говорит о существе демонов в своих комментариях следующее (кн. 2, гл.17): «Они знают некоторые истины или потому, что их чувства живее, или потому, что их тела утонченнее», и далее, в кн.3, гл.1: «Демоны — существа воздушные, потому что они имеют сходство по природе с воздушными телами». В своем 115 послании «К евреям» он говорит: «Эти воздушные или эфирные существа обладают очень тонкими чувствами». В «О граде Божьем» (кн.11, гл.23) он говорит: «Демон имеет воздушное тело». В книге 21, гл.10 того же сочинения пишет: «Некоторые демоны имеют тело, как думают философы, из густого и влажного воздуха, которым мы дышим». В кн. 15, гл. 23: «Нельзя решить, могут ли ангелы, снабженные воздушным телом, чувствовать страсть, которая их толкает к женщинам». В своих комментариях к 85 псалму он поучает: «Тела блаженных после воскресения будут подобны телам ангелов», а в примечании к псалму 14 добавляет: «Тела ангелов более материальны, нежели души».

XIX глава. Еще доказательство телесности инкубов. Манна евреев или хлеб ангелов

Наше мнение может сверх того быть подтверждено еще следующими свидетельствами Св. Писания, как бы ни было различно толкование, которое дают им комментаторы. В псалме 78, ст.24 и 25, сказано: «И одождил им в пищу манну и хлеб небесный дал им. Хлеб ангельский ел человек; послал Он им пищу до сытости». Давид говорит здесь о манне, которой питался израильский народ все время, пока странствовал в пустыне. О манне сказано, как о хлебе ангелов. Кроме манны, ангелы доставляли евреям столпы из облака и огня, перепелов, воду из утеса, и Св. Писание не говорит — столп ангельский, вода ангелов и т.д. Почему же названа манна, приготовленная при посредничестве ангелов, хлебом ангелов, а не названа вода ангелов, которая тоже была вызвана из скалы при их посредничестве? Затем надо заметить, что если в Св. Писании говорится о хлебе, то «хлеб кого-нибудь» всегда назван «хлеб того», который им питается, но не того, кто его приготовляет. Примеры этого бесчисленны: Исход. гл.23, ст.25, «Он благословил хлеб твой и воду твою». Кн.2 Царств, гл.12, ст.3, «от хлеба его она ела». Кн. Товита. гл.4, ст.17, «Раздавай хлебы твои при гробе

праведных», у Св. Луки, гл. 11, ст. 3, «Хлеб наш насущный». Все это достаточно доказывает, что хлеб «кого-нибудь» в Писании — это хлеб того, кто им питается, а не того, кто его делает, приносит или приготовляет. И вполне естественно, что в Псалме, на который мы ссылаемся, надо понимать под хлебом ангелов пищу не бестелесных ангелов (которые не имеют нужды в материальной пище), но ангелов телесных, т.е. разумных существ, о которых мы здесь говорим, которые живут в воздухе и которые, по утонченности тела и одаренности разумом, так приближаются к бестелесным ангелам, что им даже дано то же наименование. Отсюда я вывожу следствие: будучи животными, т.е. появляясь через зарождение, и подверженные тлению, они имеют необходимость в пище, чтобы восстановить телесную субстанцию, убыль которой происходит через израсходование. Жизнь каждого существа заключается в усвоении и извержении элементов, как этому учил Эттмюллер (»Inst. Med. Phys.», гл.2)[42]. Итак, если их тела утонченны, то такова же должна быть и их пища. Если некоторые вещества противны их природе и они их избегают, то есть в природе и такие вещества, которыми они питаются и наслаждаются.

Манна евреев состояла из различных элементов и, задолго до осаждения, растворилась от лучей солнца. Исход, гл. 16, ст. 21: «когда же обогревало солнце, она таяла».

Манна евреев имела необыкновенно нежный состав, потому что содержала испарения воды и земли, которые от солнечного тепла растворялись и исчезали. Возможно, что это — пища существ, о которых мы говорим, и Давид не без причины назвал ее хлебом ангелов.

XX глава. Как надо понять слова Христа: «Есть у меня овцы, которые не сего двора». Разговор Аполлона с императором Августом: конец Богов. Великий Пан умер. Смерть Христа, возвещенная Фавнами, Сильванами, Сатирами

Воспользуемся для подкрепления нашего тезиса словами евангелиста Иоанна (гл. 10, ст. 16): «Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора; и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и един Пастырь». Если мы спросим, какие же это могут быть овцы не сего двора и какой это двор, о

котором говорит Спаситель, то все комментаторы нам ответят, что единственный двор Христа — это Церковь, в которую проповедь евангелия должна привести язычников, которые не сего двора, т.е. не двора евреев. Для них двором Христа была сначала синагога, так как Давид говорит, Пс. 95, ст.7: «Мы народ паствы Его и овцы руки Его», потому что обетование было дано Аврааму и Давиду, что Мессия придет из их рода, и Он ожидается еврейским народом, и был возвещен пророками, которые были евреи, и Его пришествие, Его деяния, Его страдания, смерть и воскресение были как бы изображены раньше в жертвоприношениях, обрядах, и вообще культе еврейского закона. Но, несмотря на наше уважение к отцам Церкви и другим ученым, это объяснение нас не удовлетворяет. Действительно, верят, что с начала мира существовала одна Церковь верных и что она просуществует до конца мира. Глава этой Церкви — Иисус Христос, Посредник между Богом и людьми. Вера в Пресвятую Троицу, в воплощение Слова была открыта первому человеку, который научил тому же своих сыновей, и те, в свою очередь — своих потомков. Хотя большая часть из них впала в язычество и покинула истинную веру, но однако многие сохранили веру своих отцов и, соблюдая естественный закон, остались в Церкви верных. Это замечание делает кардинал Толэ по поводу Иова, который сделался святым среди язычников. Хотя Бог даровал Свои милости еврейскому народу, для которого Он установил особый закон и обряды и который Он отделил от язычников, однако этот закон не был обязателен для язычников, а евреи не составляли Церкви, отличной от церкви тех из язычников, которые исповедывали веру в Единого Бога и в пришествие Мессии. Между язычниками были такие, которые прорицали пришествие Христа и другие догматы христианской религии, например, Меркурий, Трисмегист, Гидасп и сивиллы, о которых говорят Лактанций и Бароний[43]. Что язычники ждали Мессию, можно доказать несколькими местами у Исайи и особенно в пророчестве патриарха Иакова (Бытие, гл. 49, ст. 10): «Не отойдет скипетр от Иуды и жезл от ног его, пока не придет покой, и Ему покорность народов»[44].

А также у пророка Аггея, гл. 2, ст. 7: «И потрясу все народы, когда придет Желаемый всеми народами». Корнелий Лапидский комментирует это следующим об-

разом: «Язычники, которые верили в Бога и соблюдали закон, ждали и желали Христа, подобно евреям». Сам Христос явился и возвестил о Себе, как язычникам, так и евреям, потому что в тот же момент, как ангелы возвестили о рождении Христа пастухам, также узнали об этом при помощи чудесной звезды волхвы[45], которые таким образом были первыми между язычниками, как пастухи среди евреев, призваны поклониться Христу (S.Fulgentius. Serm. 6 de Epiph.). Язычники прежде евреев знали о пришествии Христа через проповедь (я не говорю о проповеди апостолов). Об этом писала достопочтенная сестра Мария д'Арпега в своей «Жизнь Иисуса Христа и Пресвятой Девы Марии»: «Когда Дева Мария бежала со св. Иосифом в Египет от преследований Ирода, то она оставалась с младенцем Иисусом в Египте семь лет; и в это время Блаженная Дева проповедовала сама египтянам веру в истинного Бога и пришествие Сына Божия в человеческом теле». Между прочим, при рождении Христа было много чудес не только в Иудее, но и в Египте, где идолы разрушались, оракулы замолкали; в Риме — показался фонтан из масла, явился золотой шар, спускавшийся с неба на землю, появились три солнца и необычайный круг из оттенков радуги окружил солнце; в Греции — онемел Дельфийский оракул, и Аполлон, спрошенный императором Августом, отвечал: «Еврейское дитя, которое повелевает богами и Сам есть Бог. Мне приказано покинуть мой престол и сойти в преисподнюю. Теперь наши алтари замолкли, и нам нужно удалиться».

Было много и других знамений, возвещавших язычникам пришествие Сына Божия. О них рассказано у Барония («Церковные анналы») и у Корнелия («Комментарии на Аггея»).

Из всего этого ясно, что язычники, как и евреи, принадлежали ко двору Христа, т.е. к той же Церкви верных. Следовательно, эти слова Христа: «Есть у Меня другие овцы, которые не сего двора», не могут касаться язычников, которые совокупно с евреями имели знание о Боге, надежду на Мессию, пророчества, чудеса и предсказание о Его пришествии. Я говорю, что слова «овцы не сего двора» могут быть отнесены к разумным созданиям или животным, о которых мы здесь говорим.

Мы установили, что они способны и к блаженству, и к проклятию; но раз Христос является Посредником между Богом и людьми, а также и всякими разумными существами (потому что через заслуги Христа разумные создания достигают блаженства при помощи тех милостей, которые Он им дарует), то отсюда можно заключить, что всякое разумное существо должно иметь в одно и то же время веру в Единого Бога, надежду на пришествие Христа, откровение о воплощении при рождении и заповеди блаженства.

Вот овцы не «двора» людей, и их следует привести; вот овцы, которые должны услышать Его голос, т.е. возвещение о Его пришествии и евангельское учение или непосредственно от Него, или от апостолов; вот овцы, которые будучи, наконец, соединены с людьми в небесном блаженстве, должны осуществить слова об одном дворе и об одном Пастыре. Это объяснение подтверждается и теми, упомянутыми выше, словами св. Иеронима о маленьком человеке, который просил святого Антония помолиться за него и ему подобных общему Богу, Который страдал, как человек. Из этого видно, что они знали о пришествии и смерти Христа, желали заслужить Его милость, как Бога, и прибегли к помощи св.Антония.

Другой факт, служащий опорой моему заключению, это упоминание Барония о знамениях, которые возвещали смерть Христа. Во времена императора Тиберия, во время страдания Христа, мореплаватели по дороге из Греции в Италию приблизились ночью к берегу, недалеко от островов Эхинады. Вдруг все услышали голос, звавшего кормчего Трамна. Он отвечал: «Я здесь», и тот же голос сказал: «Когда ты достигнешь болота, то возвести, что Великий Пан умер». Трамн это исполнил, и тотчас послышались громкие стоны и рыдания. Кто же это мог быть, как не демоны или телесные ангелы, или разумные существа, обитающие возле этих болот, так как они были, без сомнения, водяными духами и, узнав о смерти Христа под именем «Великого Пана», начали плакать и рыдать? Так же и среди евреев, присутствовавших при смерти Христа, было много, удалявшихся с выражением горя. Из всего этого следует, что существуют создания, инкубы и суккубы, которые обладают чувствами и подвержены страданиям чувств. Они размножаются через зарождение и умирают через тление; они могут достигнуть и блаженства

и проклятия; они благороднее человека, так как имеют более утонченное тело, и если им случится иметь плотское сношение с человеком, то они совершают такой же грех, как человек, имеющий сношение со скотом. Нередко эти инкубы после долгих сношений с человеком или животным убивают своих соучастников, и это объясняется так: согрешив, они должны раскаяться, так как находятся на пути к блаженству. Так и человек, согрешив с животным, получает от своего духовника повеление уничтожить это животное, чтобы снова не впасть в грех. Может случиться, что и инкубы, раскаиваясь, убивают человека или животное, с которым грешили, и, убивая человека, в этом случае инкуб уже не совершает греха этим убийством, подобно тому, как и человек не грешит, убивая животное; отношение инкуба к человеку будет подобно отношению человека к животному.

XXI глава. Как может женщина забеременеть от инкуба. Почему теперь не рождаются гиганты

Беременность от инкуба не происходит от спермы, заимствованной у человека, как было упомянуто выше, потому что инкуб, как создание, размножающееся через зарождение, обладает естественной спермой.

Таким образом, легко можно объяснить зарождение гигантов как результат сношений сынов Божиих и дочерей человеческих. Гиганты, хотя и подобны человеку, но большего роста и, заимствовав от инкуба его силу, не имеют ни его мужества, ни его могущества. То же самое мы видим у мула, происшедшего от осла и кобылицы — он выше первого, но не имеет совершенства второй.

Нигде мы не читали, чтобы гиганты произвели других гигантов; они родились от инкубов и дочерей человеческих, т.е. созданы от демона и человека, образуя среднее между ними, но не имея силы воспроизводить себе подобных, через зарождение.

Можно возразить, что сперма демона, будучи по природе не так густа, как сперма человека, не может смешаться и произвести зарождение. Но я отвечу, ссылаясь на вышесказанное, что зарождение зависит от жизненной силы действующего лица, которую оно выделяет.

Можно возразить, что если гиганты действительно произошли от сношения инкубов с женщинам, они рождались бы и до сих пор, потому что и сейчас есть женщины, имеющие сношение с инкубами, как рассказывают св. Бернард, Петр Алкантарский и другие авторы.

Я отвечу, что, по мнению Гуаццо, есть инкубы земные, водяные, воздушные и огненные, и каждый из них живет в свойственном ему элементе[46]. Известно, что животные имеют тем более значительные размеры, чем больше элемент, в котором они живут. Например, рыбы: многие из них, без сомнения, очень малы, как это мы видим и у земных животных, но так как водное пространство превышает земное, то и некоторые породы рыб превосходят по величине земных животных.

Это будет ясно, если мы посмотрим на китов, скумбрий, кашалотов и некоторых других живородящих. Далее, так как воздух больше воды, а огонь больше воздуха, то инкубы огненные и воздушные превосходят земных и водяных, как по величине тела, так и по силе. Может быть, скажут, что птицы, обитающие в воздухе, который больше воды, в общем меньше рыб и четвероногих, но это ничего не доказывает, так как птицы, летая в воздухе, принадлежат земле, где они отдыхают; тогда нужно было бы и рассматривать летучих рыб, как животных воздуха, что, конечно, будет неправильно.

Теперь необходимо заметить, что после потопа воздух, который охватывает нашу землю и воду, сделался, благодаря влажности, более густым, чем до потопа, а так как влажность есть причина тления, то, может быть, от этого и жизнь людей не так продолжительна, как в допотопные времена. Эта же густота воздуха является причиной того, что инкубы воздушные и огненные не могут жить более в таком густом воздухе и, если они спускаются иногда, то не надолго, подобно людям, ныряющим в глубь моря. Итак, до потопа, когда воздух не был так густ, инкубы спускались на землю и имели сношения с женщинами, создавая таким образом гигантов почти такого же роста, как они сами. В настоящее время имеют сношения с женщинами водяные инкубы, являющиеся иногда под видом маленьких людей. Водяное их происхождение подтверждается тем, что сладострастие и влажность — элементы, соотносящиеся между собой. Так, Венера, по мифологии

родится из морской пены и естественно, что дети ее не гиганты, а обыкновенного роста. Еще одно замечание: когда инкубы, соединяясь с женщинами, не меняют своего тела, то женщины их не видят или видят, как едва заметную тень: таков случай, рассказанный нами выше, когда даму целовал инкуб, а она едва чувствовала это прикосновение. Если же, наоборот, инкубы хотят быть видимыми своей возлюбленной, то они принимают видимую оболочку, и их тело делается осязаемым. Каким способом они это делают — это их тайна, и мы не можем ее открыть. Мы знаем только, что оболочка инкуба не может состоять из одного сгущенного воздуха, потому что уплотнение его происходит от сжимания, то есть от холода, и тело, сформированное таким образом, при прикосновении окажется льдом; это доставляло бы неприятность женщинам, тогда как происходит обратное[47].

XXII глава. Значение греховности «демониалитета» и «бестиалитета» (демоноложества и скотоложества)

Рассмотрев различие бестелесных демонов, которые имеют сношения с колдуньями, и инкубов, имеющих дело с женщинами не колдуньями, нам остается только рассмотреть тяжесть греха в том и другом случае. Сношения колдуний с демонами по обстоятельствам, которые их сопровождают, как то: отступление от веры, поклонение дьяволу и другие беззакония, о которых мы говорили выше, есть самый большой из всех грехов, какой только может совершить человек. Если рассматривать с этой точки зрения, то конечно демониалитет есть самый большой из всех телесных грехов, какой только может совершить человек. Но если рассуждать об этом, как о грехе телесном, откинув грех против религии, то это только осквернение. Причина, очень убедительная, заключается в том, что дьявол, имеющий сношения с колдуньями, есть дух бестелесный, достигший in termino и проклятый, и он любодействует при помощи тела, заимствованного или созданного им самим, и хотя оно приведено в движение, но все же не живое; следовательно, человек, имеющий сношение, совершает такое же преступление, как бы имея сношение с неодушевленным телом. Сношения такого рода могут иметь различный характер: если

дьявол заимствовал тело человека, то это нечестие, а если тело животного, то это содомия.

Что же касается сношений с инкубом, то здесь не встречается ни малейшего оскорбления религии, и трудно сказать, почему это преступление должно быть греховнее содомии и бестиалитета. Если бестиалитет греховнее содомии, потому что человек унижает свое достоинство, соединяясь со скотом, то в сношениях с инкубом совсем обратное: инкуб по разумности равен человеку, а в отношении тела — благороднее человека, и следовательно, человек не унижает своей природы, соединяясь с инкубом. Рассматривая демониалитет с этой точки зрения, мы видим, что он не греховнее бестиалитета.

Но общее мнение склоняется к тому, что демониалитет греховнее, и вот по какой причине. Во всех сношениях с демоном люди грешат против религии: будь то любовные сношения или просьба о помощи, совета или желание узнать через него будущее, или познать скрытое и прошедшее. Мужчины и женщины, сходясь таким образом с инкубами, не знают, что это животные, но думают, что это демон, и грешат или с намерением или из заблуждения, и их грех с инкубами таков же, как если бы они имели сношение с дьяволом. отсюда следует, что и тяжесть этих преступлений одинакова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Но нет спасенья в силах темных

Станислав Пшибышевский

Синагога Сатаны

Часть первая

СИНАГОГА САТАНЫ

Два бога вечно противоположны, два творца и два господина, безначальные и вечные.

Добрый Бог создал духов, чистые существа; мир его — мир невидимого, мир совершенства, не знающий борьбы и боли. Злой Бог создал видимое, телесное и преходящее. Он создал плоть и страсти, землю с ее борьбой, ее муками и ее отчаянием, неизмеримую юдоль плача, создал природу, которая вечно производит только боль, отчаяние и зло.

Добрый бог — это норма, закон, смирение и покорность. Детям своим он говорит: «Будьте нищи духом, ибо только так придете в царствие мое! Будьте более дети, чем дети, умертвите волю, следуйте за мной! Не стремитесь изведать причины и цели, ибо только во мне все прошедшее и грядущее».

Злой Бог — это отсутствие правил, упрямый, ясновидческий прыжок в будущее, он — соблазн сокровеннейших тайников и титаническое упрямство, которое, не признавая границ, ниспровергает все законы, все нормы. Он — высшая мудрость и высший разврат, самая дикая гордость и самое лукавое смирение, ибо только так можно одурачить правило. Он освятил высокомерие, отвагу и властолюбие — и называет это геройством; он научил человека, что нет преступления, разве что против его собственной природы. Он освятил любопытство, он назвал его наукой, он заставил человека исследовать собственное происхождение и назвал это философией, он дал безбожно разлиться всем инстинктам в русле пола и назвал это искусством.

Добрым был Злой Бог, хорошим отцом и руководителем: «Ты болен, ты хочешь выздороветь? Гляди! Земля моя изобилует всякими травмами, которые могут исцелить тебя, изобилует и опасными ядами, но ты можешь заставить их служить тебе в качестве лекарства.

Ты хочешь быть богатым, ты ищешь сокровищ? О, я располагаю тысячью средств, которыми ты можешь выманить собственную душу твою из убежища, чтобы она открыла тебе драгоценные жилы земли. Ибо душа твоя знает все. У нее и у меня одно начало.

Ты хочешь заглянуть в будущее и угадать твою судьбу? Иди, следи за полетом птиц, прислушивайся к шелесту листвы, гляди на звезды, смотри в зеркальные кристаллы, разгадывай линии руки — в тысяче видов я предсоздал твое будущее, но ищи, исследуй, разгадывай, ибо закон мой — острота и ловкость, наблюдательность и дальнозоркость, творческое любопытство.

Ты хочешь уничтожить своих врагов и не хочешь быть настигнутым законом? Иди! Научи душу свою отделяться от тела, и я перенесу ее за тысячи верст, чтобы ты невидимо удовлетворил алчбу твоего сердца. Ибо твое собственное благо, твое собственное развитие и будущность да будут тебе высшими законами.

Ты потерял жену твою, взятую смертью? Я сострадаю твоей любви, ибо любовь, продолжающая твой род мне по сердцу. Иди! Тысячи средств есть у меня, тысячи заклинаний, чтобы вырвать дорогое тебе у смерти!

Все обещаю я тебе, все увидишь и все получишь, если пойдем моими путями. Но пути мои трудны, ибо трудно всякое свершение».

Так говорил Злой Бог, так говорил Светоносец[1] и Сатана-Параклет[2] в ту пору, когда еще не родился его великий враг Отрок назаретский[3]. И многие шли его путями, и долголетними трудами и муками исследовали тайны неба и земли, и превращали предметы так, что яд становился им лекарством, вода показывала им будущее, а вулканические испарения, истекавшие из земли, открывали им сокровеннейшее естество вещей. И дальше и дальше проникали они по пути созерцания. Круга, который они очерчивали вокруг себя, ряды звуков, которые они произносили в известной последовательности, движения руки — было уже достаточно, чтобы связать их душу со всем мирозданием, раздвинуть все законы пространства и времени, и без преград созерцать бесконечные сцепления причин и следствий от их возникновения до отдаленнейших граней будущего.

* * *

Еще не родился в ту пору Сатана-Антихрист.

Злой Бог был двуедин.

Сатана-отец, Сатана-самиаза, Сатана-поэт и философ жил в гордом, всемогущем и всеведущем роде магов[4]. Он жил в молчаливых мистериях халдейских храмов, и жрецами его были гакамим (врачи), харту

мим (маги), каздим и газрим (астрологи). Этот Сатана жил в доктринах маздеизма[6], и дети его, маги великие, охраняли святой огонь[7], сошедший к ним с небес. От Агура-Мазды[8], Доброго Бога, научился Заратустра[9] тайнам растения сома[10]; египетский Тот[11], трижды великий, изложил в 42-х книгах[12] тайное знание и поведал избранным строение человеческого тела, а ужасная Геката[13] наделила своих избранников даром магического видения и творчества и, главным образом, даром тайного убийства.

Но наряду с Сатаной-Тотом, Сатаной-Гекатой жил в мире Сатана-Сатир[14], Сатана-Пан[15], Сатана-Фаллос[16].

Он был богом инстинктов и плотского вожделения, равно почитаемым и высшими и низшими духом, он был неисчерпаемым источником жизненной радости, вдохновения и опьянения. Он научил женщину тайнам соблазнов, заставляющим людей удовлетворять свои похоти во взаимном влечении пола, он роскошествовал в красках, изобрел флейту и привел в ритмические движения мышцы, пока святая мания не охватила сердца и святой фаллос не оплодотворил избытком своим плодородное лоно.

Ибо Пан был Аполлоном и Афродитой одновременно. Он был богом домашнего очага и дома терпимости. Он создал философские системы, он построил музеи и роскошные храмы, он учил медицине и математике и, вместе с тем, храм его был в Астартейоне, огромном доме терпимости, в котором жрицы в долголетних упражнениях изучали все способы, все разнообразные средства удовлетворения половой страсти.

В это время, в эпоху императора Тиберия[17], когда началось великое переселение богов в Рим, в эпоху высшей утонченности и самого аристократического наслаждения жизнью, Добрый Бог, до сих пор царивший в своем незримом царстве с завидной невозмутимостью, увидел, наконец, что исполнилась мера греха, и послал Сына своего на землю, чтобы он поведал поколеньям Злого Бога грустную правду.

И он пришел в мир, Сын Доброго Бога, и явился сперва бедным, угнетаемым, рабам и поденщикам, никогда не вкушавшим святых радостей Пана.

— Что печетесь вы о хлебе насущном? Кто же одевает лилии прекраснейшими цветами, в сравнении с которыми багрец и парча — жалкое тряпье? Кто питает птиц, которые не сеют и не жнут? Зачем стремитесь

вы к благам земным, которые скоропреходящи? Какое значение имеет ваша гордость, если высший на земле будет низшим в царствии небесном? А плотская похоть ваша, разве она не врата ада?

О, бедное хотение плоти, бедная похоть, источник всяких страстей, неисчерпаемый источник любви жизни воля к вечности жизни; она должна была быть уничтоженной, чтобы царство невидимого воцарилось на земле.

Учитель сказал, что ты уже прелюбодействуешь женщиной, если глядишь на нее с вожделением; ученик идет гораздо дальше: святой Киприан[18] говорит девушке, способной вызвать у мужчины вздох вожделения, что она бесстыдна, а если она зажгла в ком-нибудь, даже сама не зная, любовное пламя, то она вообще уже больше не девственница.

— Жена! Что общего между мной и тобой? — вопрошает Учитель. Но много дальше Учителя идет ученик «Tu es diaboli janua, — кричит Тертуллиан[19], — tu es arboris illius resignatrix, tu es divinae legis prima desertrix, tu es, quae eum persuasisti, quem diabolus aggredi non voluit».* «Omnia mala ex mulieribus»,** жалуется св. Иероним[20]. Да, он утверждает даже, что женщина вообще не создана по подобию Божьему, ибо в Священном писании ничего не говорится о душе при сотворении женщины.

Добрый Бог невидимого ненавидел земную красоту.

Он ненавидел все, в чем Сатана-Пан являл свои откровения, ибо он проповедовал ничтожество и преходящесть этого мира. Каждое желание, малейшее возмущение плоти, было грехом, который наказывался долгими годами раскаяния. Тертуллиан неистовствует фанатической ненавистью против каждой полосы пурпура, которой женщина окаймляет платье. Лактанций[21] проклинает поэтов и философов, которые завлекают неохраняемые души в погибель, уничтожает живопись, ибо «quod nascitur, opus Dei est; ergo quod fingitur, diaboli negotium».*** Театр и цирк стали

---

* Ты — преддверие дьявола, ты — нарушившая запрет в отношении этого дерева (т.е. Ева. — сост.). Ты — первая пренебрегающая божественным законом, это ты уговорила его, которого дьявол не пожелал преследовать. — лат. (Здесь и далее перевод составителя)

** Все зло — от женщин. — лат.

*** Все, что рождается — есть плод труда Божьего, следовательно то, что изображается, есть работа дьявола — лат.

«diaboli figmenta»*; святые отцы предостерегают даже от красок, от цветов, ибо демон, злой враг, охотней всего наряжается в яркие краски роскоши.

Исаврий Иконокласт[22] состязается с Григорием Великим[23] в разрушении произведений искусства. Феодосий II[24] приказывает разрушать все храмы и воздвигать всюду кресты. Уничтожают смысл прекраснейших произведений поэтов или вовсе истребляют их, так как демонолог Киприан учит, что в стихотворениях сокрыты «varia daemonia»**. Жена Афродита[25] становится публичной женщиной, которую каждый может забросать грязью, а любовь — о, Боже, любовь — «amor si vincitur, diabolus vincitur»! ***. Вся природа попадает в проскрипции, и, главным образом, исцеляющая природа. Бог послал болезни, чтобы дать человеку искупить хотя бы часть его грехов здесь, на земле; грех препятствовать божественному Промыслу. В крайнем случае еще допускаются экзорцизмы[26] одержимых, не для того, конечно, чтобы излечить болезного, но лишь для того, чтобы явить мощь Доброго Бога, торжествующего над Злым.

Ubique daemon!**** По Иерониму, весь воздух полон демонами, дрожит от их крика и плача о смерти богов, в каждом цветке, в каждом дереве — демон, потому что он — радость и плодородие, богатство и красота. В качестве Люцифера[27] он приносит день и заключает его светом Венеры, навевающей роскошные, сладострастные сны. Первые века знают только одну религию — борьбу с демоном.

Но борьба была нелегка.

В фанатическом безумии церковь нападала на глубочайшие и святейшие узы, связующие человека со вселенной. Она насильственно отрывала человека от природы, вешая его между небом и землей. Тайные связи, единившие с природой душу человеческую, душу, как абсолют, как феномен, не зависящий от мозга, были объявлены сатанинскими, дьявольским обманом глаз.

Люди древности находились с природой в интимнейших отношениях. Они жили непосредственно с

---

* Твореньем дьявола. — лат.
** Различные злые духи. — лат.
*** если побеждает любовь, побеждает дьявол — лат.
**** Всюду демон! — лат.

природой и в природе, они были частью ее, куском
нерва, проявлявшим вовне малейшие перемены прир
ды. И если все изобретения человеческого духа су
только проекции его организма, то политеистическ
культ был непосредственной проекцией природы в
всей ее благославляющей и разрушающей мощи. И ка
душа проецирует вовне механизм дела, рассматрива
мого ею изнутри, так и природа выявилась в мощны
символах языческого культа.

В безумном бою церковь кусок за куском разрыва
ту артерию, через которую кровь земли текла в чел
века. Она уничтожала бессознательный подбор прир
ды, проявляющийся в красоте, силе и мощи; она охра
няла все то, что природа хочет отвергнуть, против чег
она так мощно восстает: грязь, уродство, болезнь, к
леку, кастрата. Охотнее всего церковь кастрировала бы
весь мир, погасила бы свет, отдала бы всю землю в
жертву серному дождю; и ее единственным стремлени
ем, ее жгучим желанием было одно — чтобы обещан
ный страшный суд пришел наконец.

Но нерв, артерия не дали себя так легко уничт
жить. Особенно народ, земнорожденный, еще креп
коренится в земле. Малейшим случаем пользовался он,
чтобы вернуться к своим любимым земным богам.

В кровожаднейших законах изливали свою ярост
христиане против язычников, но Демон[28], то есть зем
ля, природа, был неразрушим. Он уходил в леса, тан
ся в неприступных пещерах, собирал там своих верны
и праздновал дикие вакханалии.

* * *

Но сильнее всего фанатическая ярость ненависти на
правлялась против Сатаны-мага, Сатаны-целител
Будьте нищи духом и смиренны, будьте покорны, по
ражайте, не думайте! Таков был высший закон рел
гии темных масс. Но маг был горд, ибо он противил
всем законам. Противясь закону тяготения, он под
мался на воздух и не тонул в воде. Если он хотел, мож
было бросить его в огонь, и он выходил невредимы
Маг был слишком гордым, чтобы подражать. «Я тож
могу обожествиться добродетелью», — сказал Феод
из Мопсуэсты[29]. Маг презирал нищету духа, ибо о
изведал все тайны и разгадал все сокровенное. П
звездам определял он наследников царей и знал б

дущее всех народов. Маг был упрямым преступником *против всех законов, знающим ясновидцем*. Христос демократизировал свое учение. Соучастниками своего восстания против Ветхого Завета он сделал поселян и рабов, которые были более детьми, чем дети. Маг насаждал свое учение только в самых гордых и мощных душах.

Против этого упрямого титана направлялась христианская ярость, ненависть нищих духом, поклонников закона и тех, кто не был способен ни на что, кроме *подражания*. Уже законы Константина[30] налагали тяжелые наказания за магию. И вот, закон следует за законом, один строже другого, пока при императоре Валенте[31] не были истреблены все философы, между ними и гениальный Ямвлих[32], отравившийся в темнице. Достаточно было иметь философскую книгу, чтобы подвергнуть свою жизнь опасности; избегая этой участи, жители империи сожгли все книги. И вот началось страшное мученичество гордых детей Сатаны, в сравнении с которым преследования христиан при Нероне кажутся милой забавой.

К этому времени Маг стал жрецом. Вокруг него собрались языческие общины, все остатки язычества присоединяются к магии. Правда, они теряют свою символическую силу, свое содержание. Никто не знал, что означают знаки и символы, но и тут маг нашел выход. Он придал знакам мистическое значение, которое мало-помалу стало действовать как мощное внушение. Слова, значение которых никто не помнил, стали мощным магнетическим средством, с помощью которого маг устанавливал сношение между своим Повелителем и своей душой.

Церковь увидела, что наказаниями и пытками она ничего не может сделать. В ее способности подражать и только подражать она обратилась к «обратному удару», к этому «choc en retour», который играет такую важную роль в магии.

Заклинания магическими знаками были заменены церковными обрядами. Магические заклинания парализовали мессой[33], святой водой изгоняли Сатану, и если маг именем Сатаны собирал грозу, то христианин мог рассеять ее знаком креста.

Но чем дольше длилась борьба, тем больше должна была уступать церковь. Она была вынуждена смешать языческий культ со своим. Вакханалии[34] при праздне-

ствах Ceres Libera перенеслись в процессии на празднествах Девы[35], и до тринадцатого века народ вместе со священниками праздновал оргиастические празднества, праздник осла, праздник безумцев; остатки фаллического культа прокрались в церковь, капители колонн изобиловали порнографическими фигурами, и излюбленным сюжетом был Ной[36], прелюбодействующий со своими дочерьми. В особенности же ад. Боже! Как прекрасно!

Тут бедному мозгу церковных ученых и теологов, которые так охотно и так наивно и так объемисто списывали друг у друга, не приходилось напрягаться. Аид[37] весьма поражает доброго Евсевия[38]. Ну да, иногда и Демон может иметь хорошие откровения, но все-таки удивительно было то, что язычники так хорошо знали ад. Рабан Мавр[39] в своем описании ада не забывает даже Флегетона, Коцита и Стикса[40], и в течение всех средних веков ладью Харона[41] принимает за челн Демона.

* * *

Повсюду Демон. Сатана торжествует. Прежде — только пугало, средство укрепления власти церкви — он становится теперь всемогущем господином, которого мир боится и старается умилостивить. Почти боялись дышать, чтобы злой дух не вселился в тело. В четвертом веке появляется чудовищная секта массалиев[42], которые считают себя одержимыми дьяволом; они беспрестанно бьются во все стороны, кричат, плюют, извиваются в ужаснейших конвульсиях, чтобы оборониться от нечистого, имя которому «легион».

Сатана принимает тысячи видов. Он становится богословом, идет в пустыню и мучит святых отцов соблазнительнейшими вопросами, он сеет в душах их тысячи сомнений и колебаний, он идет в монастыри и возбуждает измученный мозг монахов соблазнительнейшими видениями, он посещает добродетельных жен по ночам, отнимает у них волю и разум и понуждает их к бесстыднейшему разврату; он внедряется в мозг многих тысяч верных и вопит дикие проклятия и богохульства.

Церковь была почти не в силах обороняться от Сатаны. Экзорцизмы занимают в требниках все больше и больше места. Ни одна обедня не происходила с такой пышностью, какая имела место при экзорцизмах; не решаются больше предпринимать религиозных церемоний, не расколдовав предварительно всех углов церк-

ви. При папе Сиксте V[43] изгоняют бесовские чары даже из египетского обелиска, перед тем как поставить его в Риме.

Но чем яростнее ведется борьба со стороны церкви, тем сильнее становится Сатана. Одержимость пересиливает, Сатана издевается над церковью ревущими голосами одержимых, он творит чудеса перед толпами верующих. Он открывает священнику его тайные грехи, он предсказывает вещи, которые действительно сбываются, он подымает тело одержимого в воздух и швыряет его изо всей силы на землю, не причиняя ему ни малейшего вреда.

Церковь хватается за отчаяннейшие средства. Совершенно верно предполагая, что всякая сильная страсть предрасполагает человека к одержимости, она запрещает малейшие проявления страсти. Каждая страсть имеет своего демона; если убивают страсть, убивают демона.

Мир в отчаянии. Как оборониться от Сатаны и его соблазнов? Как защититься от вечно, ежечасно подымающихся похотливых галлюцинаций, от тысяч издевающихся, смеющихся голосов, которые Сатана направляет против Бога? Каждая мысль — грех; девица, бессознательно вызывающая влюбленные вздохи юношей, грешит и уже этим одним, по мнению святого Киприана, теряет девственность. Женщина, которая прекрасна, бессознательно грешит, ибо вследствие красоты своей она уподобилась серпу, которым Сатана жнет свою жатву (Ансельм[44]). Монах, которого демон отвлекает от креста грешит, ибо вызывает бессилие в борьбе. Супруг грешит, если к делу деторождения уделяет больше интереса, чем любви к Богу. Монахиня, моющаяся больше, чем два раза в месяц, грешит. Всюду грех, всюду вечное проклятие; одной мыслью, одним единственным поступком теряешь право на рай и попадаешь во власть Сатаны. Тому же, кто раз подпал власти Сатаны, спасения нет. Ибо даже святые признают, что многие диаволы презирают экзорцизмы и совсем их не боятся.

* * *

И в это время массового психоза, заразительной истеро-эпилепсии, распространяющейся со страшной быстротой по всему миру, в это время, когда ежечасно ожидают конца мира и живут в диком отчаянии перед

близящимся Страшным Судом, возникает вера в Параклета, триединого Сатану-Антихриста[45].

И время, когда он должен был воцариться, уже близилось. In tempore saeviet*, говорит Киприан, а Лактанций утверждает, что время уже пришло.

Самые страшные предположения царили насчет Антихриста. Он человек греха, он сын погибели, беззаконник, ругатель, преступник. Он родился от папы и суккубы, или же от «mundissima meretrice et crudelissimo nebulone»**. Грех — его стихия, но он велик в грехе. Все, чему учил Христос, он опрокинет, всякий грех подымет до добродетели. Он возвысится до небес, совершит въезд в «храм» и велит расславить себя Господом. Он прикажет убить служителей Христовых и дерзкими, гордыми устами воскликнет: «Кровь их на нас и детях наших»[46]. Он совершит чудеса, больше которых не совершал Сын Божий. И мощь его будет, как та, о которой сказано в книге Иова, 41: «Ничью власть на земле нельзя сравнить с властью того, кто сотворен так, что ничего не боится; кто видит все возвышенное и царствует надо всеми сынами высокомерия»[47].

И Антихрист пришел. Но не Антихрист материального господства, а Антихрист духа, гордости и величия: божественный Мани[48].

Сатане наскучило неистовствовать в бешенстве эпилептиков, его пресытило жить в распутстве монашеских снов, глупая игра с экзорцизмами более не забавляла его. Богом захотел он стать, Богом, раньше, чем быть в состоянии породить настоящего антихриста. Богом в царстве духа, гордым, диким Противобогом, который оттеснил бы Сына Доброго Бога обратно в его царство невидимого.

Итак, сказал Мани, извечна святая мудрость: есть два бога, равно сильных, равно мощных и противоположных: невидимый Бог Добра, царящий в небесах, не пекущийся о земле и живущий лишь для совершенства своих избранников; и есть другой бог, Бог Греха, который правит землей. Нет греха, ибо грех так же происходит от Бога, как добродетель — от другого, беспечного Бога, который говорит: «не напрягайтесь, подражайте только мне».

* В скором времени он будет свирепствовать. — лат.
** нечистой блудницы и ужаснейшего негодяя. — лат.

Гнозис[49] и манихейство[50] распространились, как по зажигательному шнуру, по всему христианскому миру, и в первый раз возникает вопрос: церковь или манихейство, сказка о свободной воле или действительность детерминизма, бессмысленное подражание или самобытная фантастика мистицизма, покорное рабство или гордый грех во имя Сатаны-инстинкта, Сатаны-природы, Сатаны-любопытства и Сатаны-страсти.

Вновь победила церковь. В трехвековой борьбе Сатана принужден был сдаваться. Его первый грандиозный, антихристов Авиньон[51] был разрушен с ужасной жестокостью, и Сатана богохульствует в мрачном отчаянии.

— Я — Бог света! Ты, Бог мести, низвергнул меня, потому что я был свет. Твоя ревность к моей красоте, к моему блеску и свету была больше, чем мое могущество, но бойся меня теперь, страшись моей гордыни и ненависти могущественного. Я, вечный свет, не сплю, и дети мои, которых я вскормил вечным светом, никогда не спят. Но твои дети, ненавидящие свет, боящиеся света, твои дети, в низком раболепстве ползающие у ног твоих, твои дети, утомленные борьбой со мною, должны уснуть. Смотри! Я князь среди князей, я обращаюсь с ними, я пляшу с ними.

Берегитесь!

Миллионы моих я принес в жертву мести, еще миллионы я принесу в жертву, еще миллионы я пожертвую охотно, ибо миллионы — только удобрение для того Единственного, который породит Единственного.

* * *

И месть Сатаны пришла. Он внедрился в землю, и земля стала одержимой.

В тысячном году[52] человечество начало отчаиваться в Боге. Свершились чудеса и знамения на земле.

Войско Оттона Великого[53] увидело гаснущее солнце, желтое, как шафран. В Риме дьявол собственнолично посетил папу Сильвестра[54]; времена года изменили свою последовательность: снег шел весною, и тяжкая гроза разразилась среди морозной зимы. «Святой огонь» пожирал мясо людей, опаленными клочьями оно падало с костей, земля безумствовала, и люди превращались в зверей. Во время голода, посетившего в ту пору все страны, стали есть человеческую падаль. Голод по человеческому мясу стал манией. Пренебрегали

мясом животных, даже не обращали на него внимания. Люди должны были пожирать людей: так пожелал мстительный Сатана. Сперва набрасывались на мясо детей, потом стали жарить тех, кто умирал на больших дорогах, пока, наконец, не нашелся человек, решившийся открыто продать человеческое мясо. И волки появились бесчисленными стаями из лесов и поедали тех, кто еще оставался в живых. И великий страх царил на земле, что она будет лишена населения. И прелаты и старейшины городов собирались и обсуждали, как, по меньшей мере, сохранить в живых сильнейших, чтобы человечество не вымерло!

Тщетно старались умилостивить Бога, тщетно злейшие враги клялись друг другу в «treuga dei»*, тщетно короли, в короне и со скипетром, пели вместе с певчими молитвы, полные отчаяния — все напрасно.

Если Бог не помогает, Сатана должен помочь! И начали хулить Бога, втаптывать в грязь его св. тело, оплевывать его святое знамение. Началась жатва Сатаны. Достаточно долго шептал он, насмехаясь, отчаявшимся: «Смотрите как милостив ваш Бог! Разве вы не видите, что он уже проклял вас и больше вас знать не хочет?»

Ну, если мы прокляты, тогда ничего больше не поможет. Allons**, предадимся всецело Сатане.

Христос пролил кровь свою за благо человечества. Хе! Благо?! Что за благо, если людям приходится пожирать друг друга, если земля, как раскаленное железо, жжет ноги, и чума гноит мясо на костях.

Пусть трижды осмеяно будет это благо! На что нам благо, которое должно придти после этого земного ада; в конце концов, это грядущее благо — только сон, как все, что было обещано Благом здесь на земле. Ибо гляди! Церковь, святая невеста Христова, стала распутницей, и я продаю ей себя, ведущей позорнейшую торговлю.

В это время, когда было стыдом быть «без земли», когда не было безземельных господ, земля была чем-то неотчуждаемым. Она неделима, как человек, и должна оставаться неделимой. Она переходит к старшему сыну

---

* *Божественном перемирии.* — лат.
** *Ну же.* — фр.

Что же оставалось делать другим сословиям? И вот, для чего же существовала церковь? Храм Божий стал синагогой Сатаны, того отца, которому нужна грязнейшая страсть, чтобы породить зло.

Бесчисленные дети баронов и герцогов становились аббатами и епископами. Созывался народ и вот: «выбирай или...» Народ никогда не ждал этого «или», он выбирал. Атто де-Версейль рассказывает, как шестилетний ребенок[55] был избран высшим ревнителем душ многих тысяч «овец». Он влез на кресло, пробормотал пару фраз из катехизиса и был объявлен епископом. Иногда ребенок забывал свои фразы. Ну, тогда взяли на подмогу голубя, который вдруг опустился ему на голову: и это было еще более благоприятным знаком.

Одновременно весь свет был скандализован почтенными преемниками св. Петра. Две женщины проводят своих возлюбленных в папы[56]. Судьбами христианства управляют сын еврея[57] и двенадцатилетний мальчик.

Милостивый отец греха доволен. Теперь он уверен в крепости своего господства. Церковь одумалась. Реформы церкви! кричит весь мир. И папа Григорий VII[58] приступает к реформам. Женщина, о, опять женщина, должна быть уничтожена церковью. С дикой ревностью провозглашает фанатический монах-папа[59] безбрачие. Сам монах, он восстанавливает монахов против белого духовенства. Монах бросает свои факелы в народ, и вот начинается страшный террор. Разрушительный инстинкт народа, этого вечно голодного зверя, расширяется безбрежно. Был ли лучший случай отомстить кровопийце, который неистовствовал против народа в тысячу раз хуже, чем владетель замка? И народ бросается на священников, которые с упорством отчаяния отказываются отпустить своих жен, их гонят от алтарей, душат, калечат или рвут на части. Народ топчет, оскверняет, оплевывает то, что еще недавно свято чтили.

Природу насилуют, церковь отталкивает женщину с отвращением, как нечистое животное, сатанинскую змею, как воплощение вечной гибели мужчины. Фанатичный безумец Пьетро Дамиани[60] объезжает всю Италию, и в бесчисленных проповедях, обрушивается на женщину: «C'est à vous, que je adresse, écume de paradis, amorce de Satan, poison des âmes, glaive des coeurs, huppes, bijoux, chouettes, louves, sangsues insa-

tiables...»*. Теологи объявили, что надо подальше держаться от женщины, так как земля достаточно населена и все равно скоро погибнет, а Петр Ломбардский[61] устанавливает, как основное положение, что брак есть грех, в крайнем случае, допустимый.

* * *

С природой церковь справилась удачно. Священника оторвали от жены, чтобы он предавался невыразимо лицемерному половому свинству. Его брак был расторгнут, и вот он начинает наставлять рога мужчинам своей паствы. Но, как уже сказано, безбрачие было проведено почти повсеместно.

Теперь церкви оставалось еще справиться с разумом. Если раньше запрещалось исследовать естество Бога, то теперь, вообще и во всем, запрещали прибегать к разуму.

Каждое слово соответствует идее, и каждая идея есть существо. Следовательно, грамматика есть логика, а логика — знание.

Этим отделались от разума. Если идея есть существо, то ведь ничего не надо исследовать. Стоит только созерцать мир в своих мыслях, и уже созерцаешь истинное и действительное.

Бросили размышлять и с воодушевлением стали набрасываться на несколько отрывков Аристотеля[62], которого Гарун аль Рашид[63] только что перевел на арабский язык. И вот, комментируют бедного Аристотеля, пишут длинные комментарии на комментарии, калечат отрывки, делают язычника христианином, заставляют его с тонкостью доказывать божественность Слова, предсказывать его мученическую кончину: всю систему христианского вероучения находят развитой и философски обоснованной у Аристотеля. Пустая голова Авицены[64] становится князем мыслителей; два бесплодных мула стали оба великими учеными церкви Фома[65] размышляет о психологии ангелов, а Дунс Скот[66] изобретает сказочную «machina cogitationis»**: если сон соответствует бытию, то слово соответствует

---

* К вам я обращаюсь, отверженные рая, соблазн Сатаны, яд душ меч сердец, долгогривые, прелестницы, совы, волчицы, ненасытные пиявки — фр

** машина, могущая мыслить — лат

предмету! Великолепно! Но дальше: все комбинации слов суть комбинации вещей и реальностей. Соединять слова — значит познавать. Это соединение, определенное известными формулами, дает нам машины для мышления.

Думать, не думая — так порешила церковь.

Сатана-философ, создавший головокружительнейшие философские системы Востока[67], находивший удовлетворение в поэтических утонченностях Платона[68], Сатана, раздробивший страшной тяжестью манихейских ересей лучшие головы верных, со злой удовлетворенностью улыбается этому ребячеству.

— Но как же, — спрашивает он у церковных ученых с неописуемо лукавым подмигиваньем, — как же будет, если мужик тащит свинью на базар? Кто тут тянет, мужик или веревка?

Целое столетие мучительно ломает себе голову над этим вопросом. Мнения разделились, и самые находчивые атлеты тупоумия не могут разрешить этого вопроса.

Машина для мышления разбила мышление, и церковь облегченно вздохнула. Но в то самое мгновение, когда церковь спокойно захотела отдаться своему тихому и нежному делу, сбору десятины, разражается страшная гроза. Абеляр[69] позволяет себе маленькое словечко: «Идея не есть бытие, абстракция не есть реальность».

Красивый и величественный, как бог, так что, по свидетельству летописцев, во всей Франции не было женщины, которая могла бы противостоять ему[70], необыкновенно ученый для своего времени, вооруженный блестящим даром красноречия, Абеляр начал говорить, как человек, к людям. Он развил и популяризировал ужасающую пустоту церковных учений, и пришел к новым неожиданным заключениям, которые опрокидывали все учения церкви.

Если Ансельм[71] хотел верить, чтобы знать, то Абеляр хотел испытывать и познавать, чтобы придти к вере.

Грех не в деянии, а в намерении. Следовательно, нет греха, но есть кара. Но к чему же весь труд спасения? Это был акт любви. Бог хотел восстановить закон любви, поэтому и послал Сына своего на землю.

Это было страшной ересью для того времени, но философия Абеляра распространилась со страшной скоростью по всей Европе; у ног его сидел цвет тогдашней интеллигенции, из которого впоследствии выделилось

двое пап, двадцать кардиналов и пятьдесят епископов. Церковная философия проникает в народ. Абеляр учит беспрестанно, что каждый должен излагать свои мысли соответственно своему разуму; духовная мощь церкви была надломлена; все начали делать новые заключения. Большие и малые, ученые и неучи, да, даже дети рассуждали о святыне и о сокровенном, и св. Бернард жалуется в своих доносах на Абеляра: «Irredetur simplicium fides, eviscerantur arcana Dei, quaestiones de altissimis rebus temerarie ventilantur»*.

Арнольд из Брешии[72], даровитейший из учеников Абеляра, восстает против папства, он хочет преобразовать церковь по типу первых христианских общин.

С диким воодушевлением слушает народ его учение о власти церкви, которая должна быть только духовной, как того хотел Христос, и в первый раз раздается неслыханный боевой клич: «Рим должен быть свободным!» Папа Люций II[73] умерщвлен, а его преемник Евгений III[74], должен бежать, чтобы укрыться от народного гнева.

Короли Кастилии велят перевести всего Аристотеля и в их свиту приходят арабы и иудеи с пантеизмом Аверроэса[75] и тонкостями Каббалы[76]. Под покровительством императора Фридриха II[77] арабские врачи позволяют себе неслыханное — вскрыть человеческий труп, а Фридрих II, вольнодумец и атеист, остроумный и тонкий философ, спрашивает, улыбаясь, мусульман «Господа, что вы думаете о Боге?»

Дух скептицизма и неверия охватывает все человечество. «Я» выступает с пьяным энтузиазмом. Все доказать и, вместе с тем, опровергнуть доказанное, считается величайшим философским искусством, и Симон де Турнэ, изложив истинность христианского учения, внезапно восклицает: «Ah, petit Jesus, petit Jesus, comme j'ai eleve ta loi! Si je voulais, je pourrais encore mieux la rabaisser!»**.

Ричард Львиное Сердце[78] объявил себя братом по оружию султана Малек-Аделя[79] и предложил ему в же-

---

* Осмеивается вера правдивых, разрушаются тайны Божьи, вопросы, связанные с величественнейшими вещами, обсуждаются всеми с безрассудством. — лат.

** О, крошка Иисус, крошка Иисус, как я возвысил закон твой! Но если я захочу, то смогу принизить его более, нежели возвысил. — фр.

ны свою сестру. Генрих II[80], король английский, грозил папе, что примет магометанство, а король Иоанн[81] смеется над церковью.

Человек XII века презирает церковь, он думает также, что царство Сына кончилось и что наступил черед св. Духа. Мессия сменяет мессию, возникают бесчисленные секты, человек не ищет больше Бога, он нашел Его внутри себя, Бог глаголет его устами.

* * *

В эту эпоху неслыханной до тех пор силы индивидуального стремления, в это время неверия и разлива инстинктов наступила страшная реакция после неудачных крестовых походов. Бог спал в то время как Мухаммед проявлял свою мощь в победах мусульман. Трубадуры пели меланхолические песни, в которых обвиняли Бога в измене, в том, что он покровительствует мусульманам против христиан, и даже Людовик Святой[82] предупреждает Бога, чтобы он дал его народу спокойно добраться до родины, «qu'il ne soit contreint renier ton saint nom»*.

Но предостережение не помогло. Вместо того, чтобы прекратить страшные пытки, Бог обрушил еще большие мучения на отчаявшееся человечество. Народ искал только подходящего случая, чтобы совершенно отпасть от Него. И случай пришел.

Славянский Сатана, который, наряду с Добрым Богом, в качестве равноправного принципа зла правит миром, Чернобог[83] или дьявол, собрался в путь, чтобы железными кулаками потрясти основы церкви.

Из Болгарии, через Константинополь и Италию идут богомилы[84] и основываются, сильно поредев на пути, на юге Франции.

Юг Франции издревле был обетованной землей всяких ересей[85]. Он был любимой резиденцией Сатаны. Он был классической почвой волховства и ведовства и отсюда, уже позднее, чума ведовства распространилась по всей Европе. Весь юг был переполнен евреями и сарацинами. Раввины повсюду имели здесь открытые школы и служили соединительным звеном между арабами и христианами. Через их посредство проникли из

---

* иначе он согласится отречься от твоего святого имени. – фр

Салерно и, в особенности, из Кордовы, разные знания, так щедро употреблявшиеся для преступных целей: дистилляция, сиропы, мази, первые хирургические инструменты, арабские цифры, арифметика и алгебра.

Одновременно большое влияние на совершенно не христиански настроенный народ имели каббалистические учения евреев. Уже в волшебных книгах Ашмидаи есть прекрасные рецепты, как заклинать Смаэля[86] (ср. Самиеля немецких сказок) и понуждать его к услугам. Естественно, он служил только злым целям. Великая мощь, уделенная ему Богом, и его слуги-дьяволы (сатаним) живут всегда в человеке и искушают его.

Здесь на грани европейской и значительно превосходящей ее мистической культуры Востока вновь поселился старый манихеизм в помолодевшем виде, и отсюда Сатана начал свое чудовищное триумфальное шествие через всю Европу.

Противно учению церкви, что добро есть единственная основа, зло же только присоединилось к ней, как нечто случайное, через грех человечества и в сущности своей означает только исключение, новые манихеи, катары, учат: добро и зло в равной мере субстанциональны; и то и другое, хотя противоположно, но равно существенно, и эта противоположность уходит вглубь до самых корней бытия и распространяется даже на божество.

Грех поэтому не является виной, продуктом свободной воли, он не повторяется, как следствие свободного акта, но есть дело Черного Бога. Нет, значит, греха, так как злое деяние есть следствие желания Злого Бога, вечное проклятие — нелепое изобретение, ничтожны и смешны исповедь и покаяние, ибо раскаяние после злого дела так же бесполезно, как «если бы собака укусила камень», как сказал бы Ницше[87].

Nous voilà en plein satanisme!*

Но так же, как они признают Доброго и Злого Бога, они и в человеке отделяют духовное от телесного. Телом человек принадлежит Черному Богу, душой — Светлому.

И вот в секте произошло разделение: те, кто решился следовать Светлому Богу, жили в невероятной строгости нравов и мертвящем аскетизме, они были ревни

* Полный сатанизм! — фр.

телями и распространителями секты, им поклонялись, как святым, и они имели силу простым наложением рук очищать человека в его предсмертный час и предавать его в руки Доброго Бога.

Другие же, поклявшиеся Злому Богу, основывали тайные сообщества и праздновали в лесах, пещерах и на вершинах гор свои темные, плотские мистерии.

Так повторяется противоположность между христианством и язычеством внутри одной и той же секты, но на этот раз противоположение необходимо и освящено учением.

Владея восточными тайнами волшебства, «совершенные»[88], «perfecti», совершали странные чудеса, и секта распространялась со страшной скоростью. Образовались тысячи маленьких сект, которые все, под именем катаров[89], разлагали и уничтожали христианскую веру: основывались тайные общины, преследовавшие исключительно распутные цели. Мало-помалу теряется исключительно философски-спекулятивное ядро манихейского учения, но основная черта остается, в ней сходятся все разнообразные секты — дикая, фанатическая, доведенная жестокими преследованиями до исступления ненависть к христианскому учению[90].

Особенно ненавистен им был Бог Ветхого Завета[91]. Он, по их мнению, был несправедлив и неправдив. Ведь знал же он, что Адам и Ева умрут от древа познания, почему же он дал им вкусить? Но он не сказал правды, ибо прародители не умерли! Он убивал без разбора. Виновным и невиновным дал он погибнуть в Содоме и Гоморре и т.д., и т.д.

Христиане говорят, что Добрый Бог пострадал на земле крестной смертью. Это — профанация, говорили «perfecti». Как может Бог страдать, как, вообще, Он может сойти на землю, если земля уже принадлежит одному Богу? Как Бог может есть и пить, что делал Христос? А грех? Хе-хе, чем же отличаются функции половых желез от функций желудочных? Если мы не грешим едой и питьем, то как же можем мы грешить деторождением? Nemo potest peccare ab umbilico et inferius!*

Страшен был гнев катаров против церкви. Рим — притон разбойников, Рим — апокалипсическая блуд-

* Никто не может согрешить от чрева и пуповины. — лат.

ница, о которой написано в Апокалипсисе... Ну, в этом они не так ошибались. Они ругались над священниками и умерщвляли их всюду, где те попадались им в руки; употребляли священные предметы для самых грязных целей, и большая часть их ритуала представляет собой исключительно пародию на католический культ[92].

В их сходбищах, в их пародийных мессах — уже целиком предобразован шабаш, даже в деталях. В позднейшем шабаше вряд ли можно найти новую подробность, разве только повышенный экстаз, вызванный искусственными средствами возбуждения.

При принятии каждый неофит должен был отречься от католической религии, оплевать крест, отказаться от крещения и миропомазания[93]. После этого все собрание целовалось с ним и ему возлагали руки на голову[94].

Церковь была бессильна против секты, росшей с неимоверной быстротой. Она была прекрасно организована, имела могущественного папу в Тулузе и держала собор в Лионе[95]. Жители Лангедока[96] побили священников, заставляя их для насмешки служить мессы, рвали на них богослужебные одеяния и украшали ими женщин. «Hugo faber juxta altare purgavit ventrem et in contemptum Dei cum palla altaris tersit posteria sua»*, повествует хроника об одном из таких фанатиков.

И вот стали проповедовать крестовый поход против еретиков. Св. Доминику[97], творцу инквизиции, было поручено это дело. Он, неутомимый печальник, проливавший во время молитвы потоки слез, стал одним из самых жестоких палачей, каких помнит мировая история. Во главе крестового похода стал граф Симон де-Монфор[98], христианнейший из всех князей, большинство которых было катарами.

И вот началась страшная резня.

При взятии Безье было вырезано 60 000 человек, христиан и катаров, безразлично. «Caedite omnes, novit enim Deus, qui sunt ejus!»** — кричал аббат Сито, когда хотели пощадить христиан. Сам он просил извинения у папы Иннокентия III, что смог убить только двадцать тысяч[99]. Жители бежали в леса и горы; толь-

---

* Мастер Гуго очищал свой кишечник у алтаря и, в знак презрения к Богу, вытирал свой зад алтарным покровом — лат.

** Убивайте всех, ибо Господь знает своих! — лат.

ко каркассонцы остались. Но никто не решился защищать Каркассон. Сотни были повешены и пятьсот сожжено[100].

Альбигойцы[101] рассеялись и бежали в замки знатных. Но, одна за другой, крепости были взяты.

При взятии замка Минерва обещали жизнь тем, кто обратится. Тем не менее их сожгли. S'il ment il n'aura que ce qu'il mérite, s'il veut réellement se convertie, le feu expira ses peches!*. Такова была обычная формула при этой слишком частой процедуре.

Рыцари Святого Духа убивали, вешали, жгли, колесовали не одиноких личностей, но сотни и тысячи. Под Лавуром — несколько сотен «avec une joie extreme» **, под Морильяком и Тулузой — двенадцать тысяч «avec une joie indicible»***.

Весь юг был разрушен. Не оставалось камня на камне. Все замки были срыты, графы и бароны повешены или сожжены, а знатные дамы, из галантности, побиты камнями[102].

Церковь считала себя торжествующей. Но никогда Сатана не чувствовал себя более могущественным, чем теперь. Разрушили только форму его церкви, но что значит для него видимая форма? В сердцах своих народ остался верен ему, он скрылся в подземные катакомбы, прятался в горных ущельях и никогда раньше не поклонялись ему так искренне, так преступно, как именно теперь после падения антихристианской Тулузы[103].

Едва замолкли на кострах последние, пенящиеся ядом проклятия альбигойцев, как гордо и могущественно подняла ужасную голову новая жрица дьявола, ведьма...

* * *

Но почва должна была быть заранее хорошо обработанной, возможно больше должно было показаться ядовитых всходов, чтобы чума могла разлиться возможно быстрее.

Старая аллегория повествует, что Сатана решил однажды взять женщину, чтобы умножить свое потомст-

---

* если он лжет, то он получит по заслугам, если он искренне желает обратиться, то огонь очистит его от грехов — фр

** с крайней радостью. — фр.

*** с несказанной радостью — фр

во. Он соединился с Безбожием и родил от нее семь дочерей. Когда они выросли, он выдал их замуж за людей. Старшую, Гордыню он дал сильным мира сего Скупость — богатым, Неверность — черни, Зависть — художникам (тогда еще не знали критиков), Суетность — женщинам. Седьмая дочь, Блуд, осталась одинокой Никому не отдал Сатана любимую дочь, он оставил ее для всех.

И, кажется, никогда люди не были так безумно экзальтированы, как к концу исторического XIII века.

Гистеро-эпилепсия была тогда столь же обычной, как в наши дни чахотка; почти каждый человек был немного прокаженным, а известно, что у прокаженных особенно сильна жажда полового удовлетворения. Суккубат и инкубат разрушали малокровное человечество, повсюду видны были женщины, которые вдруг бросались наземь, подымали юбки и извивались в половых судорогах. И эта половая истерия только еще более питалась положением альбигоцев[104], глубоко проникшим в народ: «nemo potest peccare ab umbilico et inferius» *.

Священники пошли еще дальше. Они учили, что всякое деяние святого — свято, и что священник освящает всех женщин, с которыми грешит. Эти теории были настолько в ходу, что народ в Испании и Франции называл монахинь «consacrées», то есть метрессами священников.

Под влиянием этих учений церковь шла навстречу своему полному распаду. Францисканец Эд Риго[105] отмечает в своих дневниках доказательства страшной развращенности монастырей, а повествования св. Бертина[106] переполнены такими ужасающими рассказами о монастырской жизни, что обычная в средние века содомия кажется в сравнении со всем этим невинной забавой.

Церковь была безгранично унижена, осмеяна, но последний удар нанес ей Филипп Красивый[107]. Он разрушил до корня тот незначительный авторитет, какой еще оставался у церкви в глазах народа.

Посреди людей, издыхавших от голода, посреди монархий, разлагавшихся от недостатка денег, в эпоху, когда каждый король должен был сделаться фальшивомонетчиком, церковь одна обладала неизмеримыми

---

* Никто не может согрешить от пуповины и чрева. — лат.

богатствами. В Германии епископ был князь, могший содержать армию, в Англии церковь владела половиной всей земли, то же было и во Франции.

Конфисковать церковь, такова была всеобщая мечта. Эдуард I[108] натравливал солдат против духовенства и запретил судьям принимать его жалобы, а Филипп Красивый властно требовал то десятую, то пятую часть неизмеримых доходов церкви.

На троне св. Петра сидел в то время клятвопреступный адвокат[109], получивший очень грустную известность благодаря весьма сомнительной критике, дикий атеист, унижавший церковь грязным богохульством, le père très fécond*, папа Бонифаций VIII.

Церковь можно было ругать и осмеивать сколько угодно, это делал и сам папа, но что касается требований от него десятины, нет, этого он не мог допустить. Папа издает одну буллу за другой против Филиппа Красивого. Ответ на них папа получает от Ногаре, канцлера Филиппа; в этом ответе между другими красивыми словами говорится: «Sedet in cathedra beati Petri mendaciorum magister, faciens se, cum sit omnifario maleficus, Bonifacium nominari»**.

Папа неистовствует. Ногаре и Колонна едут в Рим, чтобы лично передать ему ответ. Над восьмидесятилетним стариком насмехаются, осыпают его оскорбительнейшими ругательствами и, когда он отваживается вскипеть, железная перчатка Ногаре дает пощечину наместнику Христа[110].

Это переполнило меру народного терпения. Народ освобождает папу, разум которого помутился. Папа дает народу отпущение от всех грехов, кроме святотатства, и умирает, одержимый дьяволом. «Ты взойдешь на престол, как лисица; будешь править, как лев, и умрешь, как собака», — сказал о нем его предшественник папа Целестин[111].

Церковь опускается все глубже. Бенедикт XI[112], преемник Бонифация, издает 7 июня бешеную буллу отлучения, а 4 июля уже умирает. Его отравили.

Смерть его окончательно отдает церковь в руки Филиппа Красивого. Филипп назначает Бертрана де

---

* очень плодовитый отец — фр.

** На кафедре блаженного Петра сидит фальшивый учитель, который, будучи абсолютным колдуном, приказывает называть себя Бонифацием. — лат.

Го[113], епископа Бордо, папой под строгим условием которому тот должен был присягнуть.

Новый папа Климент начинает свое славное правление путешествием, во время которого обирает и грабит где только может, и разоряет весь французский клир. Его метресса Брунисенда Талейран де-Перигор стоит ему больше, чем все крестовые походы вместе взятые.

Но десятина с доходов церкви, которую Климент обязался уплачивать Филиппу, не удовлетворяет короля. Папа выдает ему евреев. Операция была произведена быстро. Под защитой папы король уменьшил вес монеты и повысил ее цену. Произошла неслыханная путаница, дошло до восстания, после чего король приказал повесить несколько сот главных крикунов вокруг стен Парижа.

Но королю было мало того, на что соглашался папа. Король хотел большего: он затевает против папы Бонифация обвинение в ереси.

Это было фатальное положение. Если папа Бонифаций был еретиком, то еретиками были и его кардиналы, а ими был избран Климент, следовательно, его избрание тоже недействительно.

Климент извивался, как змея. Он старался смягчить короля назначением новых кардиналов, поставив тем самым выбор всякого будущего папы в зависимость от короля; он уничтожил буллы Бонифация VIII что дало королю разрешение на все виды святотатства, он дал сыну Филиппа титул короля Наваррского, а также сделал его брата Карла Валуа главой рыцарей Креста.

Все еще мало!

Процесс против Бонифация был отложен, но папа должен был выдать королю тамплиеров[114].

Уничтожение этого ордена, процесс, задним числом начатый против папы Бонифация VIII, дикий блуд пап в Авиньоне привели народ в страшное возмущение.

Сатана, являвший ранее свои дела только через магов, живший в нескольких тайных сообществах, стал теперь единственным богом. Манихейские традиции снова дают пышный цвет, власть его становится безграничной.

Все, чего нельзя ждать от Бога, требовали от Сатаны. Бог все дары свои сохранил для потустороннего мира, ничего, кроме мук, не посылает он в этот мир

Тут должен был помочь Сатана. Он один был тем, кто мог дать силу слабым, честь — униженным, месть — оскорбленным, взаимность — любящим. Он один был отцом и божеством бедных, огорченных, презираемых.

Он повсюду, в каждом доме, на каждом шагу встречается человеку, его продают даже в закупоренных бутылках на рынках и он сказочно размножается за это время. По вычислению Бодинуса[115], население ада составляют 72 князя и 7 405 926 простых чертей.

Сыплются жалобы. Епископ Труа, Гишар, околдовавший супругу Филиппа восковым изображением, которое он колол гвоздями, был сожжен[116]. Сноха Филиппа, Маргарита, была обвинена в волшебстве и брошена в подземную тюрьму, другая сноха — Жанна, удушена, а третья, Бланка, изнасилована в тюрьме подручным палача и забеременела от него.

Следует ужасающий ряд преступлений. Жену короля отравляют, Филиппу Красивому подносит яд его министр, а графу Фландрскому — его собственный сын.

И то же повторяется при сыне Филиппа, Людовике X[117].

Ангерран де Мариньи[118] повешен, потому что его жена хотела околдовать жену короля. Пьер де-Латильи, епископ Шалона, колесован, потому что, вероятно, он вызвал смерть короля колдовством; той же участи подвергается Рауль де-Прель, advocatus praecipuus* — ему каждую кость отдельно переломали во время пыток.

Вот были роскошные времена! Сатана потирал себе руки при виде неизмеримой жатвы.

Изабелла, дочь Филиппа Красивого[119], собственноручно вырывает глаза Спенсеру, любимцу ее супруга, Эдуарда II английского[120], и с удовольствием присутствует при совершаемой над ним оскорбительной операции. Когда это не помогло и король не мог оставить содомию, Изабелла спросила епископа Герефорда, что ей делать с королем, и получила следующий пифический ответ: «Eduardum occidere nolite timere bonum est»[121]. Так как епископ не поставил запятой, то королева поставила ее после occidere вместо nolite и король был коварно убит служителями его нежной супруги.

Я привел еще мягкий пример.

---

* выдающийся адвокат. — лат.

* * *

«Золото, — говорит Христофор Колумб в письме к Фердинанду[122] после четвертого путешествия, — золото — прекрасная вещь. Из золота образуются сокровища. Из золота делают все, что угодно, в этом мире. С помощью золота можно провести душу в рай».

Да! Золото было нужно, и золото стало в 1300 году новым богом. Церковь превратила его в мертвую материю, в кресты, хранилища, кубки. Гранды употребляли золото на украшения и роскошь. Не было больше просто золота. Уже Ричард Львиное Сердце хотел продать Лондон, но ни у кого не было золота. С бешеной алчностью бросились на поиски золота: Раймонду Луллию[123], Никола Фламелю[124], Гельмонту[125], кажется, удавалось уже делать золото, но секрет всегда разлетался.

Народу в особенности, народу нужно было золото какой бы то ни было ценой. Князь земли владел им, хранил его и давал его, но за это нужно было отдавать ему душу. Да, это был роковой предмет.

Но у жида было золото! Жид, это нечистое животное, стоявшее в связи с дьяволом, знал, где золото. И на еврея бросались, жгли его, грабили, но и его золота не хватало. Ничто не помогало, приходилось отдаваться дьяволу.

И золото стало настоящим антихристом, Сатана превратился в золото, сделал церковь продажной блудницей, правительство — шайкой фальшивомонетчиков, судей — негодяями, священников — бесстыдными лихоимцами, чистейшую женщину — распутницей, а истиннейшее убеждение — низкой клеветой.

Тамплиеры имели золото, и их уничтожали, церковь имела золото — и ее поработили, еврей имел золото — и его жгли.

Дворяне, доведенные до отчаяния скверным качеством монеты, бросаются на мужика, отнимают у него все и, если у него больше ничего нет, ставят его на раскаленные уголья. Конечно, мужик зарыл золото, он только не хочет выдать его.

И народ, доведенный отчаянием до безумия, восстает с ужасающим зверством, чинит неслыханные ужасы и снова падает, повергнутый на землю.

Уже во времена Людовика Святого[126] толпы мужиков бродят по всей Франции, грабя и убивая. Они режут священников, оскверняют св. дары — опять то же самое! — пока их не разгоняют и не уничтожают «quasi canes rabidi passim detruncati»*, говорит Нанжи со злобной удовлетворенностью.

В следующем поколении вновь страшное мужицкое восстание. Опять оно подавлено и мужики, после ужасающих пыток, повешены: illic viginti, illic triginti secundum plus et minus suspendens in patibulis et arboribus...**

Самые тяжкие и самые яростные восстания повторились в Лангедоке в 1381 году. Крестьяне набросились на знатных и священников. Они немало позабавились с ними. Приэр де ла Брюйер, предводитель шайки, приказывал отрезать им пальцы, сдирать кожу с тонзуры и сжигать их потом à petit feu***. Дело обстояло очень плохо: L'on craignait que toute la gentilesse ne périt****, говорит Фруассар. Крестьяне расплачивались за века страданий, за побои и голод, за кровопийство знати.

Опять восстание подавили с ужасным зверством; знать была более утончена в применении пыток, чем крестьяне.

Крестьянин должен был предаться дьяволу. Он один питал к нему сострадание, он один давал ему несколько часов счастья, ибо он один давал ему возможность отомстить знати, для которой крестьянин вовсе не был человеком.

Многочисленны были муки, которыми дворянин помогал крестьянину здесь, на земле, искупить часть его грехов.

Знаменитый Гуго Гиз ввел в моду потчевать крестьян пинками и заставлять их лаять по-собачьи.

Другим традиционным развлечением было бросить крестьянина в кадь, в которой обычно ставили тесто, перевернуть кадь, притащить его жену и изнасиловать ее тут же на кади. А если еще попадался ребенок, тогда удовольствие достигало полного размера.

---

* которых повсюду калечили, словно бешеных собак. — лат.

** там двадцать, а там, примерно, тридцать повешенных на виселицах и деревьях. — лат.

*** на маленьком огне. — фр.

**** Боялись, как бы вообще не исчезла доброта. — фр

Привязывали дитя короткой веревкой к ноге кошки. Чем больше дитя кричало, тем бешенее становилась кошка.

И вот картина: мужик вылезает из бочки, совсем белый от муки, выглядя как самый смешной в мире клоун, жена его плачет и дрожит всем телом, дитя залито кровью, изодрано бешеной кошкой. Jus primae noctis* было тоже хорошим изобретением, чтобы рассеивать скуку знати.

Правда, в смысле половых наслаждений знать была в достаточной степени утомлена, но божественное зрелище — видеть отчаяние рогатого мужа! А если он противился, Боже, как забавны были его крики, когда ему задавали трепку. И если он и тогда не успокаивался, то его вешали.

Таковы были три главных увеселения знати. При первом смеялись, при втором — смеялись до слез, при третьем — при гримасах повешенного — прямо-таки лопались от радости.

И при таких-то обстоятельствах народ должен был быть богобоязненным!

* * *

И вот пришло время, когда казалось, что все человечество сошло с ума. От чумы, разразившейся в 1347 г. и продолжавшейся 16 месяцев, вымерла добрая четверть населения Европы. За чумой пришел голод, люди ели нечисть и собак, «chair et trippes»**. После этого — опять эпидемия и опять голод. Все люди бродят с места на место, никто не работает, все в безумном отчаянии ожидают смерти. «Faisons, — так кричали сельские жители, — aux bois aves les bêtes fauves. Adieu les femmes et les enfants! Faisons le pis que nous pourrons. Remettons nous en la main du Diable»***.

Восемьсот тысяч безумных флагеллантов[127] странствуют по всей Франции, весь народ заражен эпилептической чумой и начинает плясать и перед лицом вер

* Право первой ночи. — лат.

** плоть и требуху. — фр.

*** Отправляемся в леса с хищными животными. Прощайте, женщины и дети. Хуже всего, что мы разлучаемся. Отдаемся в руки Дьявола. — фр.

ной смерти впадает в оргиастический бред, сметающий все преграды.

Сумасшедший народ управляется сумасшедшими королями.

Во Франции — жалкий идиот Карл VI[128], потерявший последние остатки разума на диких оргиях авиньонского папского двора. В Богемии — император Вацлав[129], которого никто никогда не видел трезвым, бешеный безумец, перед кем никто не был уверен за свою жизнь. В Португалии — мрачный маньяк дон Педро[130], сошедший с ума от тоски по своей покойной супруге. Папа Бенедикт XIII низложен, и римляне неистовствуют против его заместителя Бонифация[131].

Пренебрегают всеми небесными радостями и не забывают в экстатических оргиях страшного отчаяния сердца. «Rien ne niest plus, plus ne niest rien!»*. Эти отчаянные слова вдовы убитого герцога Орлеанского кажутся эпиграфом всего столетия.

Нет больше короля — и, что еще хуже — нет больше папы. Пьер О'Бэ читает в Париже собравшемуся народу королевское послание, что отныне не должно повиноваться ни римскому папе, ни авиньонскому; папских послов влекут по улицам в папских тиарах, и какой-то знатный монах кричит к величайшему увеселению народа, «quod anum sordidissimae omasariae osculari mallet quam os Petri»**.

Магия попадает в невероятный почет; Сатана становится популярным и всякие волшебные искусства пользуются большим успехом. Во дворце короля собираются колдуны всех стран и заклинают бесов, которыми одержим король; на колоссальнейших сковородах сжигают редкие травы, принесенные в Европу цыганами; бедный король забавляется волшебной книгой Смарагд; толкут жемчуг и дают магам драгоценную пыль, чтобы они могли подчинить бесов; весь народ, даже клир, принимают участие в этих заклинаниях. Никола Фламель строит гигантскую лабораторию, чтобы добыть золото; посреди Парижа, совсем рядом с церковью Сен-Жак составительница[132] ядов делает прекрасные дела, продавая свои изделия герцогам, а в

---

* Ничего не существует более, более ничего не будет. — фр.

** что предпочтительнее целовать зад самой грязной потаскухи, нежели уста святого Петра. — лат.

это время народ исполняет на всех вершинах распутные пляски в честь князя тьмы.

Сатаны больше не боятся, его любят. Даже в одеянии подражают ему. Женщина носит рога на голове бесстыдно обнажает груди и сладострастно выставляет живот.

Платье мужчины становится узким, как трико и расшивается волшебными знаками. Обувь кончается острым когтем, а половые органы помещены в особый мешочек, чтобы быть на виду[133].

Стулья дам походят на церковную мебель, кровати - на исповедальню, а ткани, в которые они одеваются - на драгоценную парчу священнических риз.

Время пришло. Вмиг мощно расцветает секта дьяволопоклонников, из Франции она распространяется по целому миру, растет и растет безостановочно. Не стало такой деревни, где не было бы верной и преданной общины Сатаны, совершавшей бесчисленные преступления, а по ночам праздновавшей распутные оргии в честь Дьявола.

Часть вторая

КУЛЬТ СИНАГОГИ САТАНЫ

С грустной покорностью катары признавали, что материя — зло, что все, происходящее через развитие, все, существующее рождением и продолжением рода — удел князя тьмы.

Народ вполне разделял эту концепцию. Ведь церковь сама же, в своей ненависти к природе и инстинкту, сатанизировала мир; а в тех хитроумных измышлениях, которыми церковь старалась спасти нравственную свободу, народ ничего не понимал. Для народа все теории о зле были простым отрицанием, все софистические измышления о грехе и побуждении ко греху — совершенно чуждыми; все это было нечто замкнутое, над чем несколько отцов церкви утруждали свой мозг. Для народа, как вообще для всей христианской реальности, существовал вполне определенный дуализм между мирским и небесным. Одно было зло, другое — добро.

И стало ли зло злом только постепенно или же существовало изначально, как вторая бесконечность, до этого никому не было дела.

Средние века ничего не знают о Боге; Он и на картинах появляется рядом с Сыном только с XIII века, а Сына народ отдал богословам; все средневековье знает только одну религию, один страх и одну надежду — Сатану.

Злые демоны окружают со всех сторон человека, «как будто кто в море нырнул и окружен со всех сторон, снизу и сверху водой». Иногда они обступают его «плотным сводом, так что между ними нет даже отверстия для воздуха». «Количество бесов так же велико, как и число атомов солнца; в каждой складке жизни сидит демон. Ни в какое время и ни в каком месте человек не обезопасен от них».

Сатана — единственный истинный властитель земли и человека, он не слуга, не «обезьяна Бога», как злобно называет его Ириней, но извечно — бог, сфера влияния которого глубоко проникает в область белого, бесконечного Бога, ибо он тот, кто научил детей светлого Бога возбуждать в себе экстаз, он был тем, кто навел святых на мысль парализовать злые чудеса при

помощи «choc de retour»*, и он один — отец жизни, продолжение рода, развития и вечного возврата.

Не зло, но добро есть понятие отрицательное. Добро есть отрицание страсти, которой все творится, ибо каждая страсть имеет своего беса. Добро — отрицание жизни, ибо всякая жизнь есть зло.

Сатана — положительное, вечное в самом себе. Он бог мозга, он правит неизмеримым царством мысли, которая вновь и вновь опрокидывает закон и разбивает скрижали; он зажигает любопытство отгадать сокровенное, читать в рунах ночи, он дает преступную отвагу уничтожать счастье многих тысяч, чтобы дать возникнуть новому, он подстрекает злые вожделения, которые в алчбе новых условий существования взрывают землю, приближают отдаленнейшие дали, сводят небо на землю и перемешивают, как игральные кости, царства мира.

Преследуемый, уничтоженный, он опять вырастает из собственного пепла мощнее и прекраснее, чем когда либо, и, вечно побеждаемый, остается вечным победителем. Тысячу раз церковь думала, что уничтожила его, и при этом сама осатанела и погибла и ожила, с головы до ног.

Ибо сатана есть вечное зло, а вечное зло — жизнь.

Все, что было великого, произошло против закона как яростное отрицание отрицания. Злым было упрямство великого e pur si muove**, злым было любопытство, погнавшее Колумба в неведомые страны, а звездочтению приписывались все несчастия, градобития, эпидемии и голод.

Добром была гордость Григория Великого[1], восхвалявшего свое постыдное невежество и запретившего духовенству изучать даже грамматику. Добром была восхитительная наивность святого Франциска Ассизского[2], который целыми днями подражал ad majorem Dei gloriam*** крику ослов, стоявших вокруг яслей Спасителя; добром было умерщвление воли, малейшего самостоятельного стремления; добром было глупое, до бессмыслия доведенное «imitatio»****.

---

* возвратного удара. — фр.

** и все-таки она вертится (слова Г.Галилея) — ит.

*** к вящей славе Божьей. — лат.

**** подражание. — лат.

Во имя Сатаны Ницше[3] учил переоценке всех ценностей, во имя его антихрист грозит преобразованием миру законов, во имя его творит художник, произведения которого читают или смотрят тайком, но не его милостью правит презренная глупость неизмеримыми толпами людей, для которых единственный закон существования, развитие, есть преступление: развитие в религии — бесовская ересь, развитие в искусстве — признак размягчения мозга, развитие в политике — государственная измена, а развитие в жизни — наказуемая извращенность.

* * *

Таков Сатана в истории человеческого развития, ipse philosophus, daemon, heros et omnia*, отец знания, факел, освещающий человечеству глубочайшие пропасти жизни, отчаянный мыслитель, который вечно снова должен рисовать свой, разрушающий глупости, круг, беззаконник и бунтовщик.

Этот Сатана-Самиаза — отец магов, «математиков», как называли всех, кто занимался сокровенными науками. Он был малодоступным, мрачным аристократом, открывавшим свои загадки лишь немногим: Агриппе[4], Парацельсу[5], ван Дее, Гельмонту. Только сильным давал он заклинать себя, а служителей своих посылал он на землю, чтобы они раздували страсти, сеяли ненависть и преступления, учили людей гордыне и высокомерию, приводили в ярость их пол, чтобы кровь смыла осторожность и благоразумие, чтобы они разбудили зверя, который не остановится ни перед каким преступлением для удовлетворения своей страсти.

В царстве Сатаны живет только один закон, a rebours**, переоценка всех ценностей, освященных законом.

И слуги Сатаны-Самиазы пришли в мир в то время, как он, Люцифер, параклет человечества, занимался с магами в замкнутых лабораториях «черными» тайнами волшебства.

Слуги Сатаны скоро завладели землей.

---

* он — и философ, и демон, и полубог, и все. — лат.
** закон наоборот. — фр.

Это было нетрудно. Народ в сердце своем осталс[я] вполне языческим. Но народ был в отчаянии, был доведен отчаянием до безумия. Он ненавидел христианство и ненавидел «обетовавшего спасение и уготовавшего только муки». Но больше всего народ ненавидел церковь, неверную, предательскую, распутную и коварную церковь, которая в ненасытной жадности вымогала отлучениями, интердиктами, проклятиями последний грош у крестьянина и последний кусок земли у дворянина.

Народ презирал епископов, которые в своих ссорах упрекали друг друга в «прелюбодеянии, разврате и лжесвидетельстве». Синоды Тура, Арля тщетно старались бороться с безмерным пьянством духовенства, ограничить его хотя бы настолько, чтобы клирики не сваливались с ног во время богослужения; с X века епископ перед посвящением в сан должен был клясться, что он был далек от следующих наслаждений: pro arsenochita, qu. e. cum masculo; pro ancilla Deo sacrata quae Francis Nonnata dicitur; pro quatuor pedes et pro muliere — viro alio conjuncta, aut si conjugem habuit ex alio quod Graecis dicitur deuterogamia*. А как высоко поднялись христианская любовь и кротость с милосердием, свидетельствует крайне характерная и вовсе не единичная булла отлучения, которую Климент VI издал против Людовика V 13 апреля 1346 года[6] и в которой он заклинает божественное могущество, чтобы оно его (Людовика) побило бы силою правой руки, преследовало бы его и ввергло его в неожиданные тенета «Да будет он проклят, когда выходит, да будет он проклят, когда возвращается. Да пошлет на него Бог дух безумия, глупости и заблуждения. Да пожрет его огонь небесный». После того как земле вменено, чтобы она разверзлась и поглотила его, дальше говорится: «Пусть дети его будут изгнаны из их поместий и на глаза отца попадут в руки врагов».

И в это время постоянных запрещений священникам посещать кабаки, появляться пьяными у алтаря заниматься противоестественным распутством, в эпоху

---

* в арсенохитии, т.е. с мужчиной: с рабыней, посвященной Бо[гу], которую зовут Francis Nonnata; с четвероногим и женщиной, сочетавшейся (браком) с другим мужчиной; либо же если он имел так[ую] связь, которую греки называют деутерогамией (двоеженством) лат

когда, как гласит вступление к некоему совещанию, «наши грехи скопились выше головы, наши преступления выросли до небес, разлились распутство и прелюбодения, безбожие и убийство, и кровь умерщвляет кровь» — в это время слугам Сатаны не было слишком трудно отрекаться от божественного и святого, осквернять его и в отвратительнейших оргиях смеяться над его бессилием. Легко понять, что народ не умел отделять личности от предмета, при каждом случае бросался на священные предметы и осквернял церкви грязью.

* * *

Народ ненавидел христианство. Только представление об аде и адской каре удерживало его в узде. Pix, nix, nox, vermis, flagra, vincula, pus, pudor, horror*, которые ожидали каждого христианина в месте казни, в глубокой, ужасной, пахнущей серой дыре, где черти играют душами в лапту, а также пускают в ход тиски для пальцев, испанские сапоги, колесо и дыбу, — это дикое, невыразимо грязное представление об аде было единственным средством, которым церковь связывала человека в средние века.

Проповеди почти исключительно вертелись вокруг черта и адских казней; священники подтверждали плоды своей дикой фантазии, опираясь на Ветхий и Новый Завет. Ночные сборища еретиков и их мрачные служения давали реальную почву для проповеди. Евреи и арабы распространяли в народе волшебные искусства, учили приготовлению мазей, настоев; цыгане распространяли по всему свету ядовитые напитки, опьяняя народ; эпидемические душевные заболевания, протекавшие при страшных симптомах — все это вывело из равновесия слабый мозг крестьянина, и истерическое воображение его получило богатую пищу. Малейшее происшествие разрасталось до чудовищных размеров, самый тихий шум становился неслыханным грохотом, и болотный огонек вырастал до размеров гигантского солнца. Но если даже откинуть добавления и чудовищные преувеличения, все же остается достаточно фактического материала, чтобы привлечь глубо-

---

* Смола, снег, тьма, червь, плети, цепи, гной, стыд, ужас — лат.

кое внимание психолога и художника — ибо только для них я набрасываю впечатления, собранные из бесчисленного богатства источников.

* * *

Сатана любит зло, потому что он любит жизнь, он ненавидит добро потому, что ненавидит застой, выжидание; он любит женщин, вечный принцип зла, вдохновительниц преступлений, дрожжи жизни.

Изначально женщина была возлюбленной Сатаны, и с любовью он пользовался ею для распространения и укрепления своего культа.

Уже вавилонянам и халдеям ночная сторона жизни, сокровенное, готовящее гибель всего сущего, представляется в виде женщины, Мелиты[7], богини гибельного сладострастия и половой безмерности. Ею люди совращались к пляске и пению, к веселью, жестокости и убийству.

У сирийских племен враждебное, злобное и разрушительное божество тоже женщина, Астарта[8]. Она — богиня с головой и рогами быка, богиня уничтожающей войны и мать всяких бедствий.

Храмы малоазиатской Кибелы[9] были местами утонченнейшего распутства и полового оргиазма, ассирийская Семирамида[10] уничтожала любовников своей нечеловеческой страстью, Майя[11] индусов — богиня обмана и лжи, делающая недоступным человеческому глазу единственное сущее, а у иранских народов злые Дэвы[12] имеют все женские качества: ложь, клевету, осквернение чистой от создания человеческой души.

У эллинов из лона Геи[13] исходят мрачные демоны смерти, а страшной Гекате приписывается все ужасное и жуткое. Она ночью носится по воздуху в обществе ламий[14], сеет тяжелые сны и давящие кошмары. Она — ужасная мать Сциллы и дочь Ночи. С факелом и мечом в руках, окруженная большими черными псами, она гонит людей к безумию. Демоны, которых римлянин боялся более всего, были стриги[15]. «В мерзком облике, с клювом и когтями хищной птицы, с большой головой приходят они ночью, чтобы высосать кровь у детей, сожрать мозг и внутренности и с шумом улететь». Все это, как известно, приписывалось и средневековым ведьмам.

Страшнейшим демоном древности всегда является женщина. Она демон смерти, безумия, распутства, одержимости, преступления, ночного ужаса и страха привидений; в качестве Лилит[16] — она суккуб, разрушающий мужчин в губительнейших половых неистовствах; в качестве Гольды — она предводительница яростного войска, мрачная властительница, в свите которой ведьмы отправляются на ночную сатанинскую мессу. Она хозяйка на «лысой горе» и празднует там злой шабаш со своими Друтами, ловкими ткачихами, ткущими пряжу несчастий.

Наряду с этой ночной стороной женщины, в древности, конечно, почиталось и ее плодородие, жизненное начало, но всегда мужчина был защитником жизни от замыслов и разрушительных наклонностей женщины, мужчина, в сущности, слыл матерью жизни.

Средневековье знало только злую женщину и олицетворяло ее в Сатане. Но и здесь проявилась ненависть средних веков к женщине. Она не могла даже быть самостоятельным злом. От первоначальной женской природы у Сатаны остались только груди, висящие, как два мешка, до живота. Мало-помалу Сатана приобретает вполне мужской облик, а женщину унижают до положения проклятой рабы дьявола, бесстыдной сводни, производящей Сатане души, грязной наложницы, которая должна безвольно подчиняться бесплодной похоти инкуба.

В то время как маг мог повелевать князем тьмы и понуждать его открывать сокровенные силы природы, ведьма всегда оставалась послушной приспешницей, которая постигла только искусство сеять гибель и больше ничем не пользовалась от ужасной связи.

Армия ведьм была прекрасно дисциплинирована, содержалась в подчинении и покорности, дьявол часто бил их, если они творили мало зла, и не одной приходилось стонать под игом повелителя.

В своем бессмертном «Молоте ведьм» Шпренгер[17] останавливается на вопросе, почему у женщин ведовство встречается в несоразмерно высшей степени, чем у мужчин, так что на десять тысяч осужденных ведьм вряд ли один приговор падает на мужчину.

Он приводит тому много причин. Известно, что существуют три вещи, не знающих меры ни в злом, ни в добром: язык, священник — по природе своей нечто среднее между мужчиной и женщиной, и женщина.

Далее, женщины легковерны, а так как дьявол, главным образом, разрушает веру, то он охотнее всего нападает на них. Они и вследствие «flexibilitatis»* их природы более восприимчивы к внушениям; главным же образом, у них скользский язык и они не могут не сообщить другим женщинам то, что узнают «mala arte»**. Но глубже всего зло коренится в малой верности женщины, что можно доказать этимологически: «dicitur enim femina a fe et minus quia semper minorem habet et servat fidem»***. Шпренгер распространяется о пороках и грехах женщин, о ее ревности и нетерпении, ее честолюбии, сластолюбии и неверии, ее непостоянстве и мстительности. Все царства погибли из-за женщин, и с меланхолической покорностью огорченный демонолог мечтает о земле, которая без женщин была бы обителью богов.

Он рассказывает для подтверждения своего взгляда на женщин историю одного мужчины, жена которого утонула. Он искал ее против течения, потому что эта женщина при жизни всем противоречила и всегда действовала наперекор рассудку, поэтому она и по смерти должна была плыть против течения.

Затем он ссылается на Сираха[18], на Златоуста[19], называющего брак «вечной пыткой», и на Сенеку[20], говорящего в одной из своих трагедий: «Женщина или любит или ненавидит, и нет у нее ничего третьего. Слезы женщины — ложь, у нее двоякие слезы: или истинной боли или обмана и коварства. Если женщина думает одна, то она замышляет злое».

Наконец ученый инквизитор заявляет: «Из всего этого можно заключить, что женщины в особенности подвержены пороку ведовской ереси, и возблагодарить Бога, что Он охранил мужчин от таких пороков».

Шпренгер значительно упростил вопрос. Но несмотря на то, что его суждения о женщине показывают большое значение дела, все это обстоит далеко не так просто.

Причины скорее надо искать в физических особенностях женщины того времени. Тотчас же взор обращается на своеобразную болезнь, которую тогданазы-

---

* гибкости. — лат.

** с помощью дурного искусства. — лат.

*** говорят же, что слово «женщина» происходит от «вера» и «менее», ибо меньшую веру они имеют и сохраняют. — лат.

вали одержимостью и зародыши которой были почти в каждом человеке средних веков.

Одержимость, демономания была, по-видимому, только разновидностью того частого в средние века заболевания явно эпилептического характера, связанного с ясновидением, сомнамбулизмом, сопровождаемого галлюцинациями и могущего подниматься до ужасных пароксизмов, которые показались бы современному человеку страшным преувеличением, если бы не были так достоверно засвидетельствованы.

На низшей ступени, где имеется только предрасположение к этому заболеванию, симптомы, очевидно, вызывались употреблением наркотических средств и мазей и, вероятно, являлись почвой для всяких демонических проявлений ведьм.

Ведьма рождается ведьмой. С самого начала в ней перевернуты все основы. Верх превращается в низ, правое — в левое, переднее — в заднее. Уже одна эта превратность всех отношений ставит человека в полное противоречие с природой вещей. Эти первые симптомы одержимости не мучительны для ведьмы и проявляются лишь тогда, когда человек не хочет добровольно отдаться дьяволу. В пароксизмах одержимости явно выступает эта превратность отношений. Тело одержимого свертывается как мяч, он становится на носки и бросается на затылок и лицо, так что спина выгибается дугой. Вдруг положение изменяется: в один миг одержимый лежит на спине, так что руки и ноги его переплетены наверху. Волосы встают дыбом, как-будто хотят разлететься. Он всегда пятится задом или же его кружит без отдыха, справа налево, лицом наружу.

В моменты экстаза ведьме свойственны неслыханные изворотливость и гибкость. Ее члены могут переплетаться как гибкие прутья, все ее тело может растягиваться до нечеловеческих размеров и снова съеживаться. Удельный вес ее меняется в минуты экстаза, тело не тонет в воде, очень часто становится легче воздуха, подымается вверх и может несколько минут носиться в воздухе. Часто видели одержимых бегущими через крыши монастырей, они взбегают по стенам и, играя, катаются на тончайших ветках, которые сломились бы под тяжестью птицы.

Поверхность тела такого одержимого дьяволом человека отмечена и снаружи особыми знаками. Это не-

большие, не больше величины горошины, места кожи, нечувствительные, бескровные и безжизненные[21]. Они иногда образуют красные или черные пятна, но редко; также редко они отмечены углублением кожи. Большей частью они незаметны снаружи и находятся на половых органах. Если уколоть такое место иголкой, то кровь не идет и нет ощущения боли, которая, однако, ощущается всеми другими частями тела. Де Ланкр[22], один из остроумнейших демонологов, на долю которого в 1609 году выпала задача очистить от ведьм целую провинцию — страну басков — нашел до 3000 лиц, отмеченных таким образом.

Часто такие знаки находятся на глазных веках, на спине, на груди, и иногда — но редко — они меняют место.

* * *

Но не один только знак ведьмы отмечает ведьму. Магической душевной деятельностью, управляющей всем ее существом, телесная чувствительность крайне понижена, иногда и вовсе уничтожена. Ведьма совершенно нечувствительна к ужаснейшим мукам пыток, и случаи полной каталепсии и бесчувственности очень часто приводятся в демонологической литературе; даже на дыбе, о которой палачи говорили: «тебя растянут так, что солнце будет просвечивать сквозь тебя», ведьма ни в чем не сознавалась, смеялась или спала.

Эта maleficium taciturnitas* которую дьявол уделял, по «Молоту ведьм», своим избранным и которую также приписывали тайным амулетам, вследствие чего ведьму раздевали догола и брили всю растительность на ее теле, была связана со странной восстановляющей силой организма, так что тягчайшие раны заживали легко и скоро, раны, которые обычно повели бы к неминуемой смерти. Было много процессов ведьм, когда ведьму четыре, пять раз подряд подвергали пытке, но всегда «она спала на дыбе, закрывая глаза так, что палачам приходилось не мало возиться, пока удавалось открыть один глаз».

---

* умение ведьм хранить тайну. — лат.

В этом экстатически-медиумическом состоянии изменяются или вовсе уничтожаются все законы, обычно управляющие организмом. Огнеупорность ведьмы[23] была так общеизвестна, что Шпренгер вовсе отвергает испытание огнем. Дельрио[24], вполне компетентный в этом отношении специалист, говорит о ведьме, которая осталась невредимой даже при ужасной пытке смоляным сапогом.

Еще менее приходится сомневаться в правдивости этих показаний, если принять во внимание, что и в наше время было обнародовано не мало подобных фактов; наиболее известный приведен у Валласа[25] («Защита спиритуализма»), когда Mr.Home всовывал голову в огонь, не спалив ни одного волоса.

Также связанное с экстатическим состоянием изменение удельного веса вполне соответствует истине, хотя оно, как и вышеупомянутое качество, необъяснимо.

* * *

Вполне понятно, что такой полный переворот физиологических законов в физическом организме соответствовал дикому a rebours* души.

Нечувствительность к боли убивала в ведьме всякое сострадание; она жестока до зверства, она не знает милосердия, но ей знакомо экстатическое сладострастие причиняемой боли. Она любит сладострастие зверства, и ее половая похоть всегда смешивается с жестокостью. Садизм и мазохизм управляют ее половой страстью; но ей недостаточно бить или быть битой: лишь когда она жадными, горящими руками копается во внутренностях убитого ребенка, когда она зубами впивается в его грудь и вырывает содрагающееся, еще теплое сердце, когда она обнаженным телом с воплями сладострастия извивается в его распоротом животе, тогда она, пожалуй, испытывает небольшое удовлетворение.

Такая же безграничная страстность — в ее ненависти. Она ненавидит все, что называется законом, она чувствует ярость против всего, что могло бы поставить преграды ее демоническому распутству и больше всего она ненавидит церковь и ее учреждения.

---

* изменению на противоположное. — фр.

* * *

Эпидемическим является ведовское безумие там, где катары в отталкивающих формах высиживали свою больную ненависть к христианской церкви.

Церковь, в сущности, все еще никак не могла справиться с манихеями. С неслыханной жестокостью церковь преследовала их десятки лет; жгла и колесовала тысячами, но они появляются все вновь и вновь, образуют тайные союзы, усиливаются скрываясь, и даже там, где они были совершенно истреблены, сохранились традиции их жутких месс, которые когда-то они справляли по ночам в лесах и на высотах, и народ, давно уже дыбой, мечом, колесом и костром обращенный к единственно спасающей церкви, не прекращал посещения ночных сходбищ, на которых могла вылиться душа, стремящаяся к иступлению.

И на этих, казалось бы, фактических и действительных оргиях шабаша опять женщина подстрекает мужчину к нечеловеческому размаху инстинкта.

Женщина средних веков была малокровна до крайности, она поражала грязью, потому что все средние века болезненно боялась воздуха и воды; порабощенная мужчиной, отвергнутая церковью, презираемая даже Богом, который создал ее из кривого ребра Адама, женщина была совершенным зверем. Ее злые инстинкты пышно разрастались, как ил на дне морском. Мозг ее рождал бешено мстительные замыслы против соседки, которая кинула на нее злой взгляд, против мужа, угощавшего ее пинками, против помещицы, которая порой, чтобы рассеять скуку, приказывала ее сечь.

Малокровие, разные, порожденные грязью накожные болезни постоянно раздражали ее сладострастие; она отдавалась каждому мужчине, т.е. безвольно давала насиловать себя, но никогда не испытывала удовлетворения.

Одна вечно растущая жажда наслаждения, удовлетворения, продолжительной половой оргии мучила женщину-зверя.

Она находилась всегда в возбужденном состоянии. При дьявольском «меланхолическом» темпераменте, в этой «дьявольской купели», каждая мысль, каждое ощущение становится ядом. Вопрос о том, когда эта женщина станет ведьмой, это только вопрос того, когда

все зародыши одержимости, которые она носит в себе, придут к проявлению.

И вот в один прекрасный день это наступает. Никогда она еще не чувствовала такого беспокойства. Она мучится больной жаждой убивать, рвать людей в клочья, неистовствовать, кричать и вдруг, как будто гонимая посторонней силой, она мчится бессознательно в лес, она не бежит, летит, она чувствует, что ее несет по воздуху, пока, наконец, она не падает.

И вот рядом с ней появляется инкуб. Он очень красен, одет как охотник, немного хромает, прячет хвост, насколько может, и рогов его не видно, но она наверняка, знает, что это черт. Ей страшно, но она ужасно любопытна. Она знает его могущество, она знает, что он может дать ей все, что она ни пожелает; в это мгновение она не думает о том, что деньги его после оказываются песком или грязью, ей очень страшно, но любопытство пересиливает страх.

Между тем черт приближается с ласковыми, но весьма недвусмысленными движениями. Он знает-де нужду ее сердца, знает, чего ей недостает, он согласен исполнить ее желания, если она отдастся ему и — conditio sine qua non* — не будет раскаиваться в этом. Он становится все настойчивее. Она еще защищается, но уже чувствует, как тяжесть его опускается на нее, и она дает произойти ужасному.

Это не сладострастие; от этого больно и холодно, о, как холодно!

Придя в себя, она замечает, что на две мили удалилась от своей деревни. Она дрожит как в ознобе, она разбита всем телом, она с величайшим трудом тащится назад, и только робкая надежда на то, что желания ее исполняются, поддерживает ее на ногах.

Но ничто из ее желаний не исполняется, страшная мука, раскаяние и страх перед адом, страх, что ее живую утащат в ад, доводит ее до безумия. Она переживает, бок о бок с храпящим мужем, ужасную ночь. Ад с ужаснейшими пытками разверзается перед ее глазами, с безумным отчаянием вперяет она в него взгляд, хочет молиться, но ее насильно отрывают от молитвы, адский хохот раздается в комнате, маленькие зеленые огоньки носятся взад и вперед, потом она слышит сту-

---

* непременное условие. — лат.

ки в стенах, растущие до страшного грохота, ее по-стель кружится, тряпье, которым она прикрывалась, начинает плясать, она хочет разбудить мужа, но лежит как скованная и не может двинуться и вдруг опять видит его.

И вновь испытывает она пытку холодного как лед полового акта, но теперь уже меньше боится, она даже задает вопросы своему адскому любовнику. В сущности, он любезный господин. Он советует ей сходить к ведьме, которая одиноко живет в лесу, и довериться ей; тогда она получит от нее травы, обладающие чудесной силой.

Когда дьявол покидает ее, она впадает в тяжелый, мертвый сон.

На другое утро, после пробуждения, ее первая мысль — старая ведьма. Ее муж послан куда-то помещиком, а детей у нее нет. Она с нетерпением ждет вечера.

С робкостью в сердце, гонимая страхом, она, наконец, приходит к всегда запертому дому ведьмы.

Никто не помнит, когда страшная старуха пришла в деревню. Ее боятся, страшная паника следует, когда она идет по улице. Матери убегают с детьми, а если это уже невозможно, то творят крестное знамение или произносят имя Иисуса, с величайшей заботливостью избегая прикосновения к ней и стараясь не дать ей взглянуть на себя.

Но ведьма, видимо, ни на что не обращает внимания, она только бормочет что-то себе под нос и время от времени кидает на тот или другой дом короткий острый взгляд.

Ее давно побили бы камнями, ибо бесчисленны ее преступления, но боятся помещицы, которая охраняет ее, потому что получает от ведьмы яды для тайных целей.

Между женщиной и ведьмой, которая, впрочем, кажется, ждала ее, завязывается долгая беседа. Она возвращается домой, полная решимости и мужества, и судорожно сжимает в руке горшочек мази и палочку, которую она должна спрятать в таком месте, где ее не найдет никто, кроме принадлежащих к «той же секте»*.

---

* Эта палочка, часто встречающаяся в процессах ведьм, лучше всего указывает, что мы имеет дело с сектой, продолжающей манихейство — прим. авт

* * *

Наконец наступает желанное мгновение. она извещена, что в такой-то день состоится посещение «синагоги».

В полночь она раздевается догола и натирается мазью, полученной от ведьмы, натирает все тело, преимущественно подмышками, под сердцем, темя и половые органы.

Она впадает тотчас же в «твердый, как камень» сон, который продолжается очень недолго, часто только одно мгновение.

Она «просыпается» и отправляется в синагогу.

Как она туда добирается, она не знает. Она знает все обстоятельства своего путешествия, она наверняка знает, что шла пешком, она припоминает, что по дороге с ней заговаривали, но больше ничего*.

Шла ли она много или мало времени, она не знает. Место, куда она, наконец, попадает, ей не совсем незнакомо. Это пользующееся дурной славой жуткое место на одной горе, о котором она уже раньше слыхивала, пустынная поляна, без дороги, без жилищ поблизости.

---

* Ведьмы у Ремигия и де-Ланкра, большей частью, «идут» на шабаш. — прим. авт.

10-3400

Она уже застает большое собрание — мужчин (их немного), женщин и детей. Некоторых она, кажется, узнает, но не вполне, потому что очень темно и беспокойно колеблющееся пламя факелов искажает фигуры, превращая их в страшные привидения.

Она видит женщин, полуобнаженных, мчавшихся в диких прыжках взад и вперед, в растерзанных платьях и с распущенными волосами, легко и быстро, как будто они ничего не весят. Время от времени поднимается оглушительный вой: «Гар! Гар! Шабаш! Шабаш!» Вдруг, как по данному знаку, все присутствующие выстраиваются в круг с заложенными за спины руками, мужчина (он большей частью дьявол-любовник) и женщина, спина к спине, и вот начинается яростный вихрь пляски. Головы все быстрее откидываются назад, громко орут распутные песни, все время прерываемые задыхающимся, хриплым «Гар! Гар! Дьявол! Дьявол! Прыгай здесь, прыгай там!»

В самых диких прыжках, в головокружительной путанице оргия достигает вершины. Зверь выпущен, жадная похоть смешивается с жаждой крови, безумие сладострастия загорается в болях головокружения.

Пляска расстроена, люди бросаются друг на друга, мужчины и женщины без разбора, отец на дочь, брат на сестру, мужчина на мужчину, все собрание извивается в невероятнейшем, противоестественном распутстве; как псы лежат они друг на друге, застыв в судорожных конвульсиях, и в отвратительные стоны нечеловеческого, болезненного совокупления врывается хриплое «Гар! Гар!»

Женщина управляет сборищем и доводит его до экзальтации. Чтобы отречься даже от малейших признаков стыда, она сплетает руки за спиной, бросается на спину, подымает кверху широко расставленные ноги и с хриплыми криками отдается фаллосу. Древняя жрица Кибелы просыпается в ней с двойной силой: одержимая нимфоманией фурия с нечеловечески разросшейся чувствительностью, которой грязь и отвращение служат похотливыми наслаждениями. Похоть завершается кровожадностью; она рвет ногтями собственное тело, вырывает толстые пряди волос из головы, расцарапывает себе грудь, но всего этого недостаточно, чтобы насытить зверя. Она бросается на дитя, которое приносится в жертву Сатане, рвет ему грудь зубами, вырывает сердце, пожирает его, обливающееся

кровью, или разрывает ему артерии на шее и пьет брызнувшую оттуда кровь, или зажимает его мягкую головку между ляжек, приговаривая «Иди туда, откуда ты вышел!». Бесчисленны видоизменения этого похотливого убийства, и всегда дитя является ужасной жертвой кровожадного Сатаны, царящего в женщине.

10*

* * *

После этой подготовительной оргии, которой заключается действительный, реальный шабаш, шабаш вавилонян, греков и римлян, шабаш доманихейский, начинается шабаш послеманихейского периода.

Фактическое исчезает, сознание меркнет, разверзается неизмеримое царство ночи.

Появляется Сатана[26]. Охотнее всего он принимает образ козла, но часто видят его и в человеческом виде. Кажется, что он сидит на кресле, у него есть что-то, напоминающее человеческий облик, но все неясно, как бы затуманено.

Только очень редко удается ясно увидеть его. Он страшен! Все члены его разрослись до чудовищных, гигантских размеров. На голове у него корона из черных рогов, из них один так ярко раскален, что весь шабаш освещен им ярче, чем полной луной. Глаза его велики, широко открыты и совершенно круглы. Получеловек, полукозел, он имеет человеческие конечности, женские, дрябло висящие груди, но что особенно бросается в глаза — это его гигантский искривленный фаллос, похожий на огромный собачий хвост, раска-

ленно-красный, заканчивающийся женскими половыми органами.

Голос его страшен, но беззвучен и хрипл; его трудно понимать. «Он всегда выказывает большую куртуазность, соединенную с манерами меланхолического принца, который скучает». Под пупом у него другое лицо, еще более страшное, чем верхнее — лицо испражнений с широко разинутой мордой и высунутым языком.

Лишь только Он появляется, начинается месса. Она начинается всеобщей исповедью и каждый кается в том, что сделал доброго. Каются в страшном грехе целомудрия, в смертном грехе смирения, терпения, умеренности и любви к ближнему. Каются в страшных и противоестественных грехах, заключающихся в исполнении десяти моисеевых заповедей, и горько сожалеют о том, что упустили случай совершить преступление.

Козел слушает внимательно и наносит страшные удары, потому что он не любит половинчатых. Каждый вступающий в его церковь должен целиком исполнять его законы.

После исповеди — представление тех, кто хочет вступить в его церковь. Дрожа от страха, предстают они перед троном владыки.

— Чего ты хочешь? Хочешь ты стать одним из моих? — рычит он на пришельца.

— Да!

— Так делай же и делай, чего я желаю.

Тогда вступающий произносит следующую формулу: «Я отрекаюсь сперва от Бога, потом от Иисуса Христа, Святого Духа, св. Девы, святых, святого Креста и т.д., во всем предаюсь в твою власть и в руки твои и не признаю другого бога, так что ты бог мой, а я твой раб».

После этого неофит целует Сатану в лицо под пупом и тем клянется в вечном рабстве и в покорности власти Дьявола.

Сатана ногтями сцарапывает у него со лба следы крещения, в грязной купели неофит подвергается новому крещению, причем он торжественно клянется никогда не принимать причастие иначе, как для преступных целей, оплевывать и осквернять св. реликвии, хранить тайну шабаша, вербовать новых преверженцев для церкви Сатаны и посвящать ему все свои силы.

Церемония достигает своей кульминационной точки в страшной просьбе неофита к Сатане, чтобы он вычеркнул его из книги жизни и внес его в книгу смерти. Дьявол ставит свой знак на веках, плечах, губах неофита, женщинам же на грудной сосок, чаще же на половые части.

Договор с дьяволом заключен, человек безвозвратно подпал дьяволу. С этого момента природа его совершенно изменяется, в душе его все переворачивается вверх дном, закон, связывающий до сих пор зверя, становится над ним бессильным, все добродетели, навязанные ему законом, отбрасываются с издевательством и женщина возвращается к своей древней природе, которую тщетно старались в ней укротить. Все ее свойства сбрасывают узду. Женщины становятся fallaces, proditiosae, loquaces, garrulosae, tenaces, glutinosae, ardentes et luxuriosae, leves rebelles et libitiosae, nociosae et periculosae, comparantur Ursis, Vento, Scorpioni, Leoni, Draconi et Laqueo*.

Вся мрачная, отчаянная история средних веков отражается в ужасах шабаша. Шабаш — это организм разнузданных инстинктов, мощное восстание угнетенной плоти, мрачная аллилуйя пригвожденного ко кресту язычества.

И действительно, шабаш — уродливо искаженный синтез всех оргиастических культов древности. Служение Кибеле, где истерическая похоть выливалась в формы утонченной жестокости, своеобразные, давно позабытые приемы разврата при служении Астарте, преступления и заклинания, которыми греческие ведьмы понуждали Гекату отдавать мертвых — все это мы находим собранным в шабаше. Переиначенное, приноровленное к новому религиозному кругозору, но все же узнаваемое. Средневековый шабаш вряд ли имеет что-нибудь собственное, он — явление, встречающееся во все времена, у всех народов, универсальный исторический факт.

Но в то время как мистерии древности имели безусловно положительный характер, в то время как их

---

* изменницами, предательницами, болтуньями, крикливыми, строптивыми, приставучими, страстными и высокомерными, вредными и капризными, легко возбудимыми и опасными. Их можно сравнить с медведями, с бурей, скорпионом, львом, драконом и ловушкой. — лат.

целью было ввести все в круг божественного, освятить все инстинкты, чтить божество высшим проявлением экстаза, — шабаш средних веков имеет исключительно отрицательное значение.

С одной стороны, он коренится в страшной ненависти манихеев к католической церкви и бесспорно возник в лоне манихейства или, вернее, развился под его покровительством. Учение манихеев имело почти исключительно полемическое содержание и является разрушительнейшей критикой католицизма. Все, что в учении катаров было основным вероположением, погибло в этой ненависти, которая от фантастических преследований все росла из поколения в поколение.

На этой гостеприимной почве ненависти, естественно, в огромном количестве нагромоздилось все, что преследовала церковь, все, что жило еще из остатков язычества в сознании народа, все взгляды и обычаи, принесенные из других стран, но по каким-то причинам жадно воспринимавшиеся народом, и против которых церковь подымала самое жестокое свое оружие.

С другой стороны, шабаш коренился в болезненной ненависти одержимых ко всему церковному. Церковь заявляла, что в одержимых свирепствуют бесы, она пыталась исцелять больных святой водой и молитвами. Пусть так. От этого люди еще больше верили в то, что они одержимы бесом; они носили дьявола в себе и давали ему реветь страшные богохульства по отношению к церкви. А на низшей ступени этих заболеваний, которая наблюдается у ведьмы, мы видим, как те добровольно и с возрастающим наслаждением предавались черту, который в награду давал им нечеловеческие радости шабаша.

Так смешалось манихейство со странной страстью средневекового человека к святотатству.

Основной первоначальный бог катаров, quand meme*, положительная материя[27], стала в ярости сражения, в полемических неистовствах издыхающих альбигойцев, a rebours**, материей грязи, отвращения, яда и вони.

Для катара основное положение «nemo potest peccare ab umbilico et inferius»*** было столь же святой

* вопреки всему. — фр.
** наоборот. — фр.
*** никто не может согрешить от чрева и пуповины. — лат.

основой, как жертва Гимена для жрицы Астарты. Но для ведьмы это основоположение стало средством осквернять святыню.

Убежденный катар отрекался от католической религии со святой серьезностью неофита; для ведьмы формула отречения стала адским договором, который она заключала с дьяволом.

Итак, ведьма взяла из символа веры катаров как раз то, чем она могла больнее всего уязвить Бога христиан и вызвать его гнев. Народ, со зверской жестокостью обращенный в христианство, вступил во владение мрачным наследием убитых отцов. Веры больше не существовало, но отчаявшийся, порабощенный и измученный пытками народ не оставил празднеств отцов, празднеств инстинктов, греха, который должен быть умерщвлен грехом фаллоса en éveil и furores matricis* И кто раз посетил церковь посвященных, «braves hommes»**, тот бесповоротно подпадал Сатане.

Исторический шабаш, культ альбигойцев, которым они чтили злого «бога»[28], растекается в диких фантазмах одержимых; первоначально естественные формы искажаются в чудовищные галлюцинации и нельзя больше установить, где кончается галлюцинация и где начинается действительность. Дикое смешение тысячеобразных обломков культур всех народов и времен, лихорадочная путаница основ веры всех религий, вулканический взрыв потивоположных инстинктов в диком хаосе и ожесточенной борьбе.

* * *

Посещение шабаша действует как привычка употребления опиума. После нескольких раз оно становится страстью, от которой никогда уже нельзя отделаться Все показания ведьм сходятся на том, что «шабаш — истинный рай, и в нем больше радости, чем можно высказать». Когда был подан знак, то становилось радостно, «как будто звали на свадьбу. Дух так сковывает сердце и волю, что нет места никаким другим желаниям».

---

* напряженного — фр., экстазом самок — лат.
** смелые люди — фр.

Судьи удивленно спрашивали, как может шабаш действовать так притягательно, когда он только место ужаса и неистовства? На что они получали ответ, что «ужасами этими наслаждаются с удивительной радостью и бешеной страстью», так что время, «полное таких наслаждений, летит, как безумное, с сожалением расстаешься с ним и с невероятной тоской сремишься возвратиться на шабаш». «Что радости его поистине нечеловеческой сущности и неземного происхождения».

Таким образом, у ведьмы мало-помалу утратилась цель осквернять церковь; шабаш стал ее религией, преступление — ее добродетелью; извращение инстинктов произошло почти незаметно, и она вдруг стала новым существом. Бесстыдная оргия стала самодовлеющей целью; ведьма более не думает о том отношении, в каком ее культ находится к христианской церкви, она бросается вниз головой в бездну бешенства инстинктов, не думая более о совершенном при этом святотатстве. Итак, оргии стали праздноваться без всякого отношения к чему бы то ни было, по раз намеченному порядку, со всеми традиционными обычаями, целью которых первоначально было богохульство. Справляли оргию из-за самой оргии, давали простор бешенству в мучительнейших судорогах сладострастия, человеческое существо становилось волком, вампиром, козлом, свиньей, неистовствовало в сознании вечного проклятия, но что значили все небесные радости в сравнении с нечеловеческими наслаждениями шабаша!

И, таким образом, шабаш, на котором в первый раз присутствовали с ужасом, с жутким сознанием бесповоротной потери спасения души, стал мало-помалу единственным культом без всякого противоположения, без всякого иного значения, кроме желания испытать сладострастие, повышенное до сверхчеловеческих размеров. И Сатана, первоначальное «анти» всего католического, стал единственным богом, милостивым отцом, уготовляющим безмерное блаженство. Если первоначально, отдаваясь ему, стремились получить земные блага, золото и могущество, то теперь забывали все это, ничего больше от него не требовали, восхваляли его и благодарно целовали его тело. Ибо он давал все — вулканическое потрясение плоти, в спазмах которой всякое золото кажется ничтожной пылью и всякая власть глупым тщеславием.

Стадия отрицания, сознательного богохульства, которым ведьма вводилась в замкнутый круг поклонников Сатаны, продолжалась очень недолго; в яростных вихрях пола вскоре забывался культ христиан, и не было никакого бога, кроме него, висящего фаллоса и когда козел подъемлет черную гостию и лает: «Вот — тело мое!», вся община падает на колени с той же неистовостью, с которой еще недавно поклонялась всякому причастию, и из глубины души козел стонет: «Aquerra goity! Aquerra boyty!» (Козел вверху! Козел внизу!).

Ведьмы, которых де Ланкр судил в стране басков, оправдывались тем, что они вовсе не знали, что грешат, что они не признают за собой никакой вины; наоборот, они думали, что это — единственная религия. Они с невероятнейшим благодушием описывали невероятнейшие детали своих служений. «Девушки и женщины Лабура вместо того, чтобы краснеть и оплакивать свое преступление, рассказывали перед судом все обстоятельства и всякие грязнейшие подробности с таким наслаждением и бесстыдством, что видно было, что они гордятся, рассказывая, как все было, и находят в этом особое удовольствие, ибо они предпочитают грязнейшие ласки дьявола всему другому. Они нисколько не краснели, какие бы нескромные и грязные вопросы им не задавали, так что наш переводчик, который был священником, больше стыдился, переводя им наши вопросы».

«Ita pestis haec velut contagio proserpsit»*, говорит Вир[29] в своей прекрасной книге «De prestigiis daemonium»**, а советник Генриха IV Флоримонд из Бордо пишет в ужасе: «Et le diabbe est si bon maistre, que nous ne pouvons envoyer si grand nombre (т.е. ведьм) au feu, que de leur cendres il n'en renaisse de nouveau d'autres»***.

Шабаш, бесспорно — величайшая культурно-историческая загадка в истории мира. В эпоху Просвещения задача была значительно облегчена. Все огульно было объявлено глупостью и средневековым лицемери-

---

* Оно расползлось, словно прикосновение чумы. — лат.

** «Об обманах демонов». — лат.

*** И дьявол был столь великим повелителем, что мы не могли посылать столь большое количество их на костер, дабы он не возродил их из пепла в другом обличии. — фр.

ем; процессами ведьм пользовались как глупым и тенденциозным предлогом для нападения на церковь. Так называемый историк культуры часто поспешно перескакивал через слишком достоверные факты, потому что они были ему неудобны, и он не знал, что с ними делать. Лишь в последнее время, после того как нельзя стало отрицать странных явлений оккультных феноменов, после того как многочисленные ученые, которым Крукс расчистил путь, серьезно и без предвзятости подвергли пытливому исследованию факты медиумизма, темнота стала рассеиваться.

Одно упустили из виду, что существовал действительный шабаш, столь же реальный и несомненный, как черная месса[30] при Людовике XIV, шабаш, куда ведьма не летала, не отправляла свое астральное тело, но куда она шла пешком, часто за несколько миль. Утверждать это нам дает право не только все то, что мы знаем о тайных сектах и их тайных сходбищах; нет ни малейшего основания сомневаться в том факте, что эти сходбища неожиданно заставались непосвященными, причем участники поспешно разбегались. В одном случае непрошенных гостей угостили такими побоями, что они вскоре умерли от их последствий.

Естественно, что участники шабаша вследствие бешеной пляски и равномерного закидывания головы совершенно так же, как современный факир, приходили в состояние оргазма, не дававшего им отличить действительность от галлюцинаций. Употреблением страшных наркотических средств, описанием которых переполнены все демонологические книги, состояние это повышалось и доводилось до гистеро-эпилептической предрасположенности на протяжении всего средневековья до полнейшего сомнамбулизма. Тем, что все присутствующие стояли во взаимной связи, объясняется односторонность галлюцинаций которые, впрочем, предрешались сатанинским кодексом, так что участник такого сатанинского круга, не зная того, естественно, впадал в некоторое «общение душ» с другими участниками.

На действие снотворных наркотиков указывает неопределенность показаний, описывающих все явления как бы окутанными туманом. Образ Сатаны редко видится отчетливо: то он появляется в виде чудовищной туманной массы, то его видят в образе древесного пня «с чем-то вроде человеческого лица, но как бы покрытого мра-

ком»; иной раз он появляется опять в виде «кажущегося» человеческого лица, красного и колышущегося как огонь, вырывающийся из печи, и формы которого видны только наполовину и то расплывчато.

На то же указывают разные эпилептические симптомы — окостенение членов, ледяное ощущение холода, пронизывающее тело при совокуплении с инкубом или при принятии черной гостии, ненормальное мышечное возбуждение при пляске, ощущение полета, полнейшее извращение естественных чувствований, ужасные судороги, в которые многие впадают и которые потом представляются ведьме ударами, полученными от дьявола. Особенно характерны для этого состояние световые явления, которые в наше время наблюдаются в присутствии хорошего медиума.

Этот исторический, реальный шабаш мало-помалу исчезает, сходбища, быть может, ограничиваются ночью под Ивана Купалу или же вовсе отпадают, ибо ведьма нашла средство, дающее ей возможность насладиться всеми радостями шабаша, не присутствуя на нем лично, что, понятно, уже с самого начала было путем смерти.

* * *

Уже де Спина в своем «Fortalitium fidei contra judaeos etc.»*31 говорит о ведовской секте, именовавшейся ксургинами или бруксами и состоявшей из мужчин и женщин. Они добровольно общаются с дьяволом, который получает их души и при помощи волшебства дает им возможность воображать, что они пролетают пространство в двести миль в четыре-пять часов. «Что потом происходит на шабаше — обман воображения, тело остается в постели».

Он рассказывает затем, что одна ведьма в присутствии инквизитора и княжеского двора похвалялась, что, видимо или невидимо, появится черт, который унесет ее по воздуху, если только ей позволят употребить в дело волшебную мазь. Чтобы убедиться в этом, ей дали позволение, после чего она основательно натерлась мазью. Но «она осталась лежать неподвижно, и ничего необычного не произошло, чему остались жи-

---

* «Крепость веры против иудеев и т д » — лат

вые свидетели. Из этого ясно, что предположение о телесном полете ведьм неверно и что когда им кажется, что они летят, это — обман дьявола».

Чрезвычайно интересна в этом отношении XII глава «Демономании» Бодинуса. Одна ведьма созналась и уверяла, что она полетит на шабаш, если ей позволят натереться мазью. Ей разрешили, после чего она натерлась вонючей мазью, легла и тотчас заснула. Ее привязали к кровати, били, кололи и жгли, но она не подавала ни малейшего признака жизни. На другой день она рассказывала о своей поездке на шабаш, и в ее рассказе можно было различить, как в галлюцинацию ее вплелись причиненные ей боли[32]. И действительно, во всей демонологии нет ни одного достоверно установленного случая, чтобы данное лицо было унесено на большое расстояние «по воздуху».

Во всех случаях наблюдалось, что ведьма приготовлялась к полету тем, что раздевалась донага, натирала

определенные места мазью, а затем впадала в обморочное состояние. Эта мазь, которая играет главную роль во всех ведовских процессах, опять-таки не есть что-то специально средневековое. Она встречается у всех народов и во все времена.

Напиток сна у браминов, служащий для возбуждения ясновидения у йогов, нефентес Гомера, потомантес, фаласегле, гелатофилис у Плиния — все такие же средства для отделения души от тела и для получения ощущений радости и счастья. Особенно известным был гелиокабус, называемый также геликакабон и моли; это растение упоминается уже у египтян и должно быть тождественно с anthropa mandragora или a. belladona*.

Мази средневековых ведьм часто описывались, и Парацельс, который должен был знать это, говорит о мази, состоящей из детского жира, мака, solanum furiosum**, цикория. Вир называет еще пятиперстник, кровь летучей мыши и маслянистые выжимки семени дурмана, болиголова, цикуты, мака, ядовитого латука и волчьих ягод. В наши дни Карл Кизеветтер сделал на самом себе несколько опытов с мазями ведьм и добился удивительных результатов. Так, натирание груди тосцианином собственного приготовления вызывало сны о быстром спиральном полете, как будто бы его носило вихрем.

* * *

На более высоких стадиях ведьма может обойтись без всякого искусственного средства, чтобы прибыть на шабаш; ей достаточно немного поспать.

Ведьмы, которых судил де Ланкр, а их было около тысячи, все сходятся на том, что сперва нужно было заснуть. Но, как бы глубок ни был сон, всегда «просыпаешься». Порой достаточно закрыть один глаз, и в следующее мгновение уже «пробуждаешься» и уносишься на шабаш. «Нужен был только промежуток одного мгновения, и как бы далеко ни находилось место, будь оно даже в Terra nuova, или на краю света, все же переносишься туда».

---

* Корень мандрагоры, корень беладонны. — лат.
** бешеного паслена. — лат.

И опять-таки все ведьмы утверждают, что после короткого сна отправление происходит уже наяву. «Все это происходит так реально, что никакой сон, никакие сновидения и галлюцинации не могут заставить сомневаться в реальности случившегося».

Здесь, значит, сомнамбулизм[33] совершенно отделен от естественного сна, и неудивительно, что темный народ не сознает различия, что представления о нем даже не возникают в его сознании; я нашел только один пример, где у ведьмы появляются сомнения в реальности шабаша. Жанна Мишелис объявляет у Ремигия[34], что на шабаше не располагаешь настоящим зрением. Все кажется перепутанным, так что нельзя увидеть ничего точного и определенного. Ощущение таково, как будто бы все видишь спьяна или спросонок, или же неясно по другой какой-либо причине, или же ослеплен отводом глаз. Но эти случаи неполного сомнамбулизма крайне редки; мы, наоборот, часто видели сомнабулизм повышенным до такой степени, что прохождение через сонное состояние сокращается до трансцендентно-малого промежутка времени. Так, Екатерина Ландаль рассказывает, что ей вообще не нужно сна, но когда она вечером сидит у огня, у нее появляется такое страстное стремление к шабашу, что она не может этого сравнить ни с какой похотью, и ее тотчас же туда уносит.

* * *

Бесчисленны преступления, совершавшиеся ведьмами. С величайшей точностью в систематическом порядке перечисляет Иоганн Нидер в своем «Formicarius»[35] все эти преступления. В числе их он называет отрицание и осквернение христианской церкви, договор с Дьяволом и низменный акт поклонения, когда черт появляется в человеческом образе, воздушные полеты, околдование хлебов и скота, возбуждение гнева и сладострастия, препятствие зачатью у людей и животных, превращение ведьм и волшебников в зверей (ликантропия), умерщвление плода во чреве матери через колдовство, употребление частей детских трупов для мазей и, наконец, прелюбодеяния с инкубом и суккубом.

Конечно, привыкли приписывать ведьмам невероятнейшие преступления, но и тех, которые она действительно совершала, достаточно, чтобы взять под защиту самого жестокого инквизитора. Извращенность всей ее

природы, совершенное устранение законов, действующих и управляющих нормальным телом, имело последствием то, что она стала преступницей; не с сознательным намерением, не со свободной волей, но в силу той же необходимости, вследствие которой другой делает добро или при злом поступке сознает это. Вечный вопрос каждой религиозной доктрины объясняется у ведьмы самостоятельно, особенностями органического характера.

Все гражданские и божественные законы сами собой перевертываются в ее мозгу, и сам собой рождается страшный сатанинский кодекс: «Сатану должна ты любить, чтить его как Бога, и никого кроме него. Имя Христово ты должна презирать и осквернять. Святые дни Синагоги ты должна чтить; презирать отца и мать. Ты должна убивать мужчин, женщин и, главным образом, детей, ибо этим ты более всего огорчишь Того, кто сказал: «оставьте детей прийти ко Мне». Ты должна нарушать брак, всячески распутствовать, лучше всего, противно природе; ты должна грабить, убивать, уничтожать, ты должна давать ложные клятвы и лжесвидетельствовать».

Магические способности, которыми она обладает, дают ей страшную власть над людьми. Одного ее взгляда достаточно, чтобы парализовать врага; этого взгляда так боялись, что ведьму подводили к судьям спиной. Одного движения ее руки достаточно, чтобы загипнотизировать человека, подействовать на его мозг так, что на его теле появляются язвы, и воля ее так сильна, что может переносить ее на большое расстояние и вводить в сношения с людьми, живущими далеко.

Но она вовсе не презирала естественных средств, желая достигнуть своих гибельных целей. Она — яростная ядосмесительница. Нет ядовитого растения, которого она бы не исследовала и действия которого она бы не знала. Но, чтобы повысить естественную силу действия, чтобы иметь возможность «наколдовывать» болезнь, ей нужны части трупов, жир убитых детей.

И она крадет детей, где только может, охотнее всего некрещенных, чтобы вместе с тем украсть их души у ненавистного Филиппа (так ведьмы звали Христа), она убивает их с помощью ужасных пыток, чтобы порадовать ими своего повелителя, варит мясо, мешает его с грязнейшими ингридиентами, с отварами разных ядовитых растений и составляет страшный «антропотоксин».

Охота за детьми была весьма распространенным и излюбленным спортом в средние века. Число несчастных жертв невероятно. Знаменитый Жиль де Рэ[36] один убил около тысячи детей для сатанинских целей, ибо «он был рожден под такой звездой, что никогда ни один человек не мог совершить таких преступлений, как он». Это его собственные гордые слова. На каждом шабаше, по меньшей мере, одно дитя приносилось в жертву. Евреи и христиане состязались в детоубийстве: знаменитый епископ Гибур на каждой из своих бесчисленных черных месс убивал по ребенку, и кровь его, смешанная с менструальной кровью, превращала богохульную гостию.

Порой употребляли для этого и взрослых. Так, известен случай, когда один итальянский кардинал зарыл по грудь в землю свою только что родившую рыжую сожительницу, подпустил к ее грудям по змее, и сок, вытекший и найденный в пресмыкающихся, употребил на ядосмесительство.

Так составлялись яды, из которых наиболее известный — aqua Toffana. Его действие страшно, никакое противоядие от него не помогает, никакая осторожность не предостерегает от него, потому что он бесцветен и безвкусен. Можно месяцы носить его в себе, чувствуя себя здоровым; чувствуешь только неприятное ощущение, которое все растет, пока тело не умирает, пораженное ядом. Он захватывает благороднейшие части тела, не причиняя ни судорог, ни каких-либо особых болей, но только медленное угасание, увядание, истощение. Только после смерти обнаруживается действие ядов: члены отделяются; при похоронах кардинала Гатанелли, которого несли в открытом гробу, одна нога вывалилась из гроба.

Вследствие всех этих ядоварений возникали, конечно, целые эпидемии; все эти странные и нервные заболевания в известной части можно, наверное, объяснить ядами, и бесконечен ряд процессов о приготовлении этого «ядовитого свинства». Эти процессы были весьма законны и основательны, и в большинстве случаев на судейском столе в качестве corpus delicti* лежало это «ядовитое свинство», найденное при обыске. В 1605 году в Богемии, в Силезии и Лаузице было казнено около двух тысяч отравителей. И так как человеческое

---

* состав правонарушения. — лат

правосудие должно было получить особую внушительность, то их терзали раскаленными щипцами, колесовали, а потом «коптили», то есть медленно жарили на зажженном кругом огне; «была от того великая вонь».

Очень интересен рассказ Каррихтера о том, как приготовляются такие ядовитые напитки: «Не удивляйся, если этот человек чувствует великие боли: ведьма взяла травы (следуют названия имен растений, расположенные по астрологической ботанике. — авт.), произнесла также некоторые заклинания, которым обучил ее злой дух, ибо эти злодейки не понимают того, что говорят, но имеют это от злого духа и ничего не прибавляют, кроме воображения ложной веры, затем выжимают сок из растений, трижды моют им руки, держат травы в руке, пока не коснутся того, кого хотят погубить; когда они приходят к нему, то подают ему руку; если он не поручил себя Богу, то коварный яд растений входит в него и замыкает, очевидно, три естественных духа крови; потом мгновенно под пожатием является бешеная боль, вроде колик, час от часу распространяется по телу, начинаются судороги и несчастный кричит «Ах!» и «Увы!»»

Конечно, действие таких средств зависит от передачи энергии, от восприимчивости и податливости внушению данного лица, но человек средних веков был крайне восприимчив, и, в большинстве случаев, подобные средства должны были иметь успех.

Я должен ограничиться тем немногим, что я сказал о ведовстве, но и этого достаточно, чтобы убедиться в законности оснований процессов о ведьмах. Средневековье находилось в условии самозащиты, оно должно было искоренить преступную секту, подобно тому как в наши дни англичане стараются искоренить преступную секту тугров. Преступления учащались из года в год, и если то тут, то там пытались прекратить ведовские процессы, то всегда вновь приходилось их возбуждать. И, бесспорно, адский страх перед дыбой, щипцами, колесом, смоляным сапогом удержал многих медиумически расположенных особ от поклонения Сатане и применения на «служение страждущему человечеству» продуктов ядовитой пачкотни. Правда, многие были невинно «закопчены», но на восемь миллионов ведьм, которые, в среднем, были сожжены, выпадает, бесспорно, очень незначительный процент невинных.

Известно, как теперь трудно добыть сколь-нибудь хорошего медиума. Этим мы обязаны Шпренгеру, Бодинусу, Ремигию, де Ланкру, всем этим бесчисленным судьям, которые далеко не нежно распоряжались колдовской сектой и истребили всех медиумически предрасположенных. С одной стороны, если принять во внимание благополучие — хе-хе! — человеческого рода, то это было хорошо. Ибо, если не считать того, что все эти люди запятнаны «moral insanity»*, той «moral insanity», которая в жалкий век электричества выражается в невинном обмане профессоров, средневековье уничтожило предрасположенность к гистеро-эпилепсии, все зародыши, из которых расцветали ужаснейшие нервные эпидемии.

Свободомыслящий гражданин, с таким возмущением говорящий об этих процессах, должен был бы благодарить Ремигия за то, что он, гражданин, не выделывает бешеной пляски на рынке, не видит своего двойника, что по ночам его не мучает адский шум и тому подобные дивертисменты.

К концу XVI столетия Сатана начинает скучать среди бестыдного скопища ведьм. Ecclesia militans стала ecclesia triomphans**. Ему не нужна агитация, не нужна пропаганда. Бесчисленными толпами стекаются к нему женщины, и с пренебрежительным равнодушием он глядит, как они неистовствуют вокруг него, возятся в грязи и издают дикие вопли. Он стал жестоким, в жажде новых наслаждений он изобретает ужасные утонченности. И если раньше совокупление было только неприятным ощущением холода, то теперь оно становится страшной пыткой. Женщина, которую он избрал, кричит, как в родовых болях, она истекает кровью «aussi bien devant que derrière, selon le lieu où il est allé heurter»***. Это — показания девушек от тринадцати до шестнадцати лет, которые в жизни своей были вполне чисты и девственны и которые, — как говорит Парацельс, — даже не хотели «actem venerem»!****

---

* моральной нечистотой. — англ.

** церковь воинствующая, церковь торжествующая. — лат.

*** не только спереди, но и сзади, смотря по месту, куда он произвел свой толчок. — фр.

**** полового акта. — лат.

Нет, он не хочет этого более, его фантазия не может больше выносить разнообразия оргий. Он не хочет также больше прятаться в отдаленных, неприступных местах. Теперь он достаточно могуществен, чтобы проникнуть в церковь своего противника, столкнуть его с алтаря, самому воссесть на него и сделать священников своими преданнейшими слугами. И это было ему нетрудно при том успехе, которого он достиг в конце XVI века, в то время, когда, как уверяет Ремигий, из трех людей, встреченных на улице, двое наверняка виноваты в колдовстве. Нашлось достаточное количество священников, которые перенесли шабаш в церковь и в кругу посвященных справляли позорные черные мессы. Уже де Ланкр сжег троих священников, в чем он оправдывается всевозможными доводами; несколькими годами позже черная месса становится всеобщей. Она, главным образом, справляется в женских монастырях, в этих гнездах демономагической предрасположенности, развитой духовными отцами и служившей для удовлетворения плотской похоти и для других целей.

Особенную известность приобрел процесс Мадлены Бован[37], которая в своих мемуарах дает нам хорошие разъяснения насчет этого распутного культа. Место действия — часовня монастыря в Лувье. Нет седалищ, светло от свечей, горящих, как факелы на алтаре и, вероятно, как было в то время в обычае черных месс, сделанных из жира повешенных. Присутствует несколько священников, в том числе Пикар, его викарий Булэ, еще несколько других, которых Мадлена Бован не знает, и несколько монахинь, пять или шесть.

Мария Сэн рассказывает, что присутствующих окропляют кровью Христовой с криком: «Sanguis eius supra nos et filios nostros!»*. Самая месса сопровождается непристойнейшими распутными движениями и восклицаниями. Некоторые показывают язык, другие совершенно сбрасывают платья, иные обнажают зад и поворачивают его к алтарю, третьи мастурбируют бесстыднейшим образом — и все это при элевации вырастает до адских неистовств, которые, наконец.

* Кровь его на нас и на сыновьях наших' — лат

заключаются бешенством разнузданной половой оргии.

К середине XVII века черная месса становится популярной. Она стала почти публичной; не было больше тайны, что она совершается в Париже, при большом наплыве истерических женщин в церкви Св. Духа, в монастырском аббатстве и тому подобное.

Процесс, который в блестящее правление короля-солнца был возбужден против аббата Гибура, так тяжко скомпрометировал высшую аристократию, что пришлось его поспешно прекратить. Но было установлено достаточно фактов, чтобы дать нам полное представление, типичную картину такой мессы, типичную и для последующего и для нашего времени.

В часовне, обитой черным, стоял алтарь, окруженный черными свечами. Здесь Гибур ожидал своих клиентов. И они прибегали толпами. Великий развратник и ядосмеситель, придворный поэт Расин, мадам д'Аржансон, де Сен-Поль, Ля Бульон, Люксембург, может быть, и лорд Бэкингэм, но сегодня — в последний день января 1678 — это знаменитая маркиза Монтеспан.

Она одержима желанием стать королевой, она готова всем пожертвовать, все сделать, чтобы достичь этого, но никогда она не была так далека от удовлетворения своего тщеславия, как именно теперь, когда Людовик XIV, страдавший сатириазисом, начал явно к ней остывать.

Гибур, знаменитый Гибур, который снабжал ядами всю аристократию, заражал ее любовными флюидами, один Гибур мог ей помочь. Лишь только она вошла в часовню, как уже сбросила с себя одежды и нагая легла на алтарь. И вот началась бесстыдная церемония. На животе ее священник разостлал плат и поставил на него чашу, на грудь ей положил крест. Затем он служит мессу, по католическому ритуалу, только quotiescumque altare osculandum erat, Presbyter osculabatur corpus, hostiamque consecrabat super pudenda, quibus hostiae portinculam inserebat*.

Момент посвящения приближался. Дочь знаменитой Ла Вуазен[38], слишком хорошо известная по про-

---

* Всякий раз, как он должен был целовать алтарь, пресвитер целовал тело, а гостию освящал под половыми органами, куда он подставлял кусочек ее. — лат

цессу отравительницы Бренвильер, трижды звонит. Дверь открывается, страшная ведьма дез'Эйлье появляется с двух- или трехлетним ребенком на руках. Его купили у матери за червонец: дети были дешевым товаром. Теперь он должен исполнить реченое, ибо Гибур бормочет: «Христос сказал: «оставьте младенцев прийти ко Мне». Я хочу, чтобы ты пошел к нему и стал с ним — одно».

Гибур подымет ребенка над чашей и кричит: «Astaroth, Asmodée, princes de l'amitié, je vous conjure d'accepter le sacrifice que je vous présente de cet enfant pour les choses que je vous demande»*. Он кладет ребенка на живот Монтеспан и перерезает ему горло. Страшный крик, и жертвоприношение свершено. Головка ребенка откидывается, кровь течет в чашу, обрызгивает богослужебное одеяние священника и голые члены живого алтаря. Дез'Эйлье берет убитого младенца и вырывает у него внутренности, которые должны послужить еще многим целям. Гибур мешает кровь с вином, туда же кладет куски гостии, в которой содержится пепел сожженных детских костей (детей, умерших без крещения), и поднимает чашу.

Он пьет и передает чашу Монтеспан. После освящения священник заклинает темные силы, чтобы они исполнили все желания Монтеспан, чтобы король делил с ней стол и ложе, чтобы королева была гонима и бесплодна, чтобы она, Монтеспан, стала королевой Франции. Наконец наступает нечто возмутительное: Missa tandem peracta, Presbyter mulierem inibat, et manibus suis in calice mersis, pudenda sua et muliebria lavabat**. Носительница одного из славнейших и благороднейших имен Франции отдается грязной похоти старика в присутствии Ла Вуазен и дез'Эйлье! В заключение священник приготовляет из остатков гостии, из крови и внутренностей ребенка ладанку, которую он отдает Монтеспан. Месса имела успех, ибо на следующий день Монтеспан удалось опять завла

---

* Астарот, Асмодей, дружественные владыки, я вас умоляю принять этого ребенка в жертву, ради того, о чем я вас прошу. — фр.

** Наконец, месса завершена, пресвитер подступает к женщине и, погрузив свои руки в чашу, омывает половые органы, свои и женщины. — лат.

деть королем и прикрепить его к себе сильнее, чем когда-либо прежде.

* * *

Для нашего времени показания очень редки и мало достоверны. Немногое, что нам известно на этот счет, только с неимоверным трудом дошло до сведения тех оккультистов, которые этим занимаются; главным образом, Гюисманс[39] в своем бессмертном «La bas»* и в предисловии к весьма, впрочем, посредственной книге Ле Блуа: «Le satanisme et la magie»**, дает некоторые разъяснения по этому поводу.

Либеральная буржуазия торжествовала недавно в Париже, когда Лео Таксиль[40] занимался своими шутками над клерикалами, но, тем не менее, можно принять за достоверное, что секта поклонников Сатаны разделилась в настоящее время.

Одна ветвь, палладисты — в каком отношении они находятся к итальянскому франкмасонству, остается вопросом — просто извратила католицизм. Это — нечто вроде неогностической секты, для которой Люцифер есть Адонай[41]. Он бог света, принцип добра, в то время как Иегова-Адонай[42] — злой бог, бог мрака. Видно, старое манихейство обладает невероятной живучестью.

Сатанисты же, наоборот, прекрасно знают, что Сатана — падший ангел, великий противоборец и великий змей, и искуситель. Он — то же, чем был и для средневековых сатанистов — великий князь тьмы, с помощью которого можно стать обладателем самых редких способностей и под защитой которого можно безнаказанно совершать всякие преступления, тем более, что искусство черной магии не предусмотренно нынешним законодательством. Во главе их стоит обычно священник, который читает богохульные мессы и который одновременно, подобно знаменитому католику Докру, наделен редкими магическими способностями и познаниями.

Такую мессу Гюисманс с удивительной силой и мощью описывает в своем романе «La bas», давая тем,

---

* На русском языке этот роман впервые вышел в 1891 году под названием «Там внизу». Издавался также под названием «Бездна» (в 1911 г.). — прим. ред.

** «Сатанизм и магия». — фр.

помимо чисто художественных подробностей, документ первостепенной важности.

Это — все та же богохульственная месса, осквернение таинства, заключительная половая оргия, доведенная до нечеловеческих размеров вдыханием наркотических веществ. И опять то же: священник, страдающий сатириазисом, и истерические женщины с сомнамбулической предрасположенностью. Психологическое объяснение этих чудовищных действий так же невозможно, как всякой другой религии. Ибо сатанизм такая же религия, как всякая другая, но он религия a rebours, религия ненависти, мести и распутства. В безднах пола все возможно, там зарождаются всякие преступления, там неистовствует ужасная страсть к безумию, которая может быть удовлетворена только нечеловеческим уничтожением всех законов, обычно связывающих человеческую душу.

Нормальный человек так же мало может понять черные мессы, как не может понять содомии или скотоложества, и все же никому в голову не приходит отрицать их, что, как известно, со странным бешенством делается по отношению к черным мессам. Итак, секта растет под защитой либеральной буржуазии и либеральной церкви, защитой, объясняющейся дарвинизмом и материализмом и базирующей свои основы на достижениях материалистических учений; она растет и становиться мощной.

Церковь, которая, как известно, была величайшим врагом всякой мистики, материальная церковь, отрекающаяся от своего происхождения, не хочет ничего знать об этом, хотя она имела бы все основания заняться этой сектой, даже рискуя дать материал для глупых и дешевых острот нескольких газет.

В заключение еще несколько слов о секте, основанной Вентра, именуемой Кармель, в лоне которой, наряду с богохульством, процветает отчаяннейшее распутство. Парижским розенкрейцерам[43] с невыразимыми трудностями удалось получить полное разъяснение эзотерических учений этой секты. Станислав де-Гюата[44] опубликовал их в своей весьма интересной книге «Le serpent de la genese»*, т. I.

* «Змей книги Бытия». — фр.

Секта основана на повышающемся redemptio*, существует от низшей до высшей, самой светлой ступени. Всякий должен работать над своим совершенствованием и принимать участие в общем. Как обрести спасение? На это, — в качестве ответа, — великая тайна Кармеля: «актом грешной любви (Ева, согрешившая со змеем) мы потеряли рай; актом религиозной любви можно вновь приобрести его». Половая связь может, следовательно, происходить греховным образом, как то было в раю, или небесным, как в Кармеле. И вот кармелиты взаимно совершают акт «небесной любви, чтобы усовершенствоваться с низшими, элементарными духами как в суккубате, так и в инкубате, чтобы их celestifier**».

Hors des unions, point de salut!*** Все мужчины секты обладают всеми женщинами секты и наоборот. Половой коммунизм является сущностью всех этих учений. Алтарь — постель, поцелуй — богослужебное действие; и противоестественный порок Онана служит для того, чтобы возвышать существа; публичное совокупление, при котором не гасят даже свет, как это делали гностики, бесстыднейшая проституция становится величайшей добродетелью, актом внутреннего освящения.

Розенкрейцеры, которые исследовали тайны секты с величайшей заботливостью на основании колоссального материала и собственноручных писем пророка секты Жана Баптиста, произнести ему приговор, который должен был быть приведенным в исполнение тайным судилищем, если он в течение немногих лет не прекратит своих оргий.

Вот несколько примеров, как пророк освящает своих приверженцев.

La famille G...ne disposant que de deux lits, les Unions avaient lieu dans l'un où le Père couchait avec les deux filles a la fois****.

En mars 1883 le Carmel était dans toute son action***** — дело идет о черной мессе, причем дошло до позорных сцен ревности. Одна дама «ne trouvait pas une

* искупление. — лат.

** сделать небесными. — фр.

*** Вне браков место спасения! — фр.

**** Семья Ж... располагая двумя кроватями, выбирали в качестве брачного ложа лишь одну из них, или отец укладывался спать сразу с двумя дочерьми. — фр.

***** В марте 1883 г. Кармель был целиком поглощен своей работой. — фр.

compensation suffisante à la perte de son mari, qui etait violemment épris de M-lle G.G....»*. Она грозила выдать тайну секты. За сим последовало нечто невероятное, установленное покаявшимися очевидцами. Дама получила обратно своего мужа, в то время как барышня dut demander pardon à genoux à Madame, tandis que cette dame, couchée avec son mari, accomplissait une union celeste**.

Окруженный медиумами и сомнамбулами, при помощи которых он хочет узнать тайны черной магии, погрузив их в сомнабулическое состояние, глава большой секты, количество приверженцев которой, естественно, быстро растет, современный пророк образует опасность, которую либеральная буржуазия не должна была бы проглядеть из чисто социальных видов.

Creatum est os ad edendum, creata sunt genitalia ad coeundum***, вот высший, вечно новый и вечно старый принцип бессмертного гностицизма. И последующее тоже подкрепляет то, что мы уже знаем из шабаша: doctam esse testor nullo sanguinis vinculo prohiberi, quin et fiedeles coeant invicem: nec patrem cum filia, neque cum filio matrem, neque cum fratre sororem unquam rite misceri fuisse nefas ****.

Этот половой мистицизм, освящающий противоестественный блуд, не является чем-нибудь новым. Новое в нем только то, что было нового в первоначальном учении катаров; позитивный характер секты, вследствие чего она в тысячу раз более опасна, чем собственно сатанизм, потому что последний коренится в отрицании, отрицании, полном страха и нечистой совести.

* * *

Пол — вот основная ось всех этих явлений. Утолить вечно растущие требования пола, удовлетворить

---

* не находила достаточной компенсации после утраты своего мужа, который был неистово влюблен в девицу Ж.Ж. ... — фр.

** на коленях просила прощение у дамы, между тем как эта дама использовала небесный союз, чтобы улечься в постель со своим мужем. — фр.

*** Уста созданы для воспевания, гениталии — для совокупления — лат.

**** Я свидетельствую, что там не запрещались никакие кровные связи, что и «верные» вступали в половую связь друг с другом, не считалось греховным совокупляться, следуя обряду, отцу с дочерью, матери с сыном, брату с сестрой. — лат.

жажду мести, узнать сокровенные силы, которые могут дать половое счастье, вот причины, почему отдаются Сатане.

Но нет в этом счастья. Пусть! Но в царстве ночи, в пропасти и боли находишь опьянение и безумие. Бросаешься в ад, но впадаешь в безумие, в неистовствах которого можно забыть, забыться.

Сотри меня со скрижалей жизни, впиши меня в книгу смерти! Эта величественная формула — ключ ко всем этим сектам.

День — это тяжелое, грозное бремя жизни, страшное мучение необходимости жить; ночь — безумие, опьянение, забытье.

Для всех этих фактов нет моральной мерки, ее пусть применяет жирный буржуа, который возмещает свой кретинизм накопленными деньгами; эти факты должны быть постигнуты, постигнуты в их безутешной, мучительно-больной пропасти.

Отчаявшееся человечество имеет только один исход: опьяняться. И оно опьяняется. Опьяняется ядом, опьяняется грязью, и все это опьянение завершается экстазом пола так, что нервы рвутся, человек раздвояется, переносит ужаснейшие, жесточайшие пытки, но забывает, по меньшей мере, ужаснейшее, то, что превосходит грязь и отвращение его противных мазей, его жаб, его противных гостий, замешанных на отвратительных выделениях, — он забывает жизнь.

То, что он в восходящей линии предавался преступлению, то, что он убивал, не знал в своей мести границ и охотней предавал себя, чем допускал, чтобы его удержали от преступления, это было только его великим правом, правом того, кто велел записать себя в книгу смерти, — он отрицал ненавистную жизнь.

Что он преступал закон, перевертывал его, издевался над ним, грязнил и осквернял его; что он к правящему, будь то религия или гражданское учреждение, относился с глубочайшим презрением; что он охотнее соглашался умереть, чем покаяться в своих заблуждениях — это опять было его правом, правом отчаявшегося, который не находит выхода, покоя, часа без мук: он хоронил условия жизни. Было величие в крике ведьмы, которую палач соглашался освободить, если она отдастся ему: «Я, целовавшая зад Сатаны, отдамся тебе, исполнителю закона?!»

А разве нет тут ничего положительного?

Катары пытались и пророк Кармеля пытался освятить безумие, нимфоманию и сатириазис.

Грустное и жалкое лицемерие! Сатана-Параклет в том смысле, в каком так можно назвать Дух — безумие; Сатана, творящий жизнь и снова ее разрушающий, творящий развитие и вновь его уничтожающий. Сатана не может быть спасителем.

Но он становится параклетом зла, он провозглашает великий закон топить грех в еще большем грехе, он учит забвению зла через отрицание, через экстаз инстинктов — опьянение.

Это единственный Сатана-Параклет: «Ennivrez-vous! *.

* «Опьяняйтесь!» — фр.

Роджер ХАРТ

История ведовства

Глава первая

КАК НАЧАЛАСЬ ВЕЛИКАЯ ОХОТА НА ВЕДЬМ

Основная масса населения средневековой Европы долгое время сохраняла веру в сверхъестественное. Царство Тьмы, населенное чертями и злыми духами, было столь же реальным и ощутимым, как Царствие Небесное. Вот почему для многих людей магия была таким же естественным явлением, как, например, ежедневная молитва. Широко были распространены и учения о сверхъестественных духах, поэтому большинство людей во всех странах мира верило в демонов, бесов, домовых, чертенят, полтергейст и другие подобные существа, а также в существование таинственных созданий типа вампиров, оборотней и единорогов.

Эти пережитки прошлого продолжали существовать в Европе и в XVI веке, когда общество уже познакомилось с античным научным и культурным наследием благодаря деятелям Ренессанса. Подтверждения этому мы встречаем, например, в пьесах Уильяма Шекспира (1566 —1616) — его произведения полны ссылок на магию и чудеса. Вот что говорит о своей магической силе эльф Пэк в «Сне в летнюю ночь»:

То прикинусь конем, то зажгусь огоньком,
Буду хрюкать и ржать, жечь, реветь и рычать,
То как пес, то как конь, то как жгучий огонь!

(*пер. Т. Щепкиной Куперник*)

Люди боялись всяких знаков и дурных примет: «если заяц перебежал перед нами дорогу, если мышь изгрызла наши одежды; если кто-то пролил три капли крови на нос или на него просыпалась соль, а на ногтях у него появились черные пятна...»[1] и т.д.

Другой писатель, живший несколько позже, был менее суеверен: «Меня уже не охватывает суеверное чувство, если я вижу все это — падение картин, карканье ворона, зайца, перебегающего дорогу, перевернувшуюся солонку, гребешок у курицы и тому подобные чудеса». Так писал в 1779 году Артур Уилсон[2].

Еще одним примером народных предрассудков является вера в вампиров. Нижеследующее описание да-

тируется 1733 годом: «Ночью вампиры выходят из св их могил, нападают на людей, мирно спящих в сво постелях, высасывают из их тела всю кровь и таки образом губят их. Они осаждают мужчин, женщин, и детей независимо от возраста. Находящиеся под и смертоносным воздействием жалуются на удушье, н хватку воздуха, и вскорости эти люди угасают»[3].

Английский писатель Реджинальд Скот (1538—159 рассказывает о том, как матери и няньки частенько п гали маленьких детей всяческими рассказами о дом вых и привидениях: «Мы начинали бояться уже засль шав лишь один ужасный звук «У-уу!». И они так пугал нас всякими привидениями, духами, ведьмами, домо выми, колдуньями, карликами, феями, сатирами, Па ном, фавнами, Силеном, блуждающими огнями, трит нами, кентавром, гномами, великанами, чертенятами волшебниками, нимфами, детьми, подброшенными эл фами, инкубами, духом Робин Гуда, страшными л шадьми, жителями дубовых рощ, адскими повозкам огнедышащим драконом, эльфом-проказником, мальч ком-с-пальчик, лешим, лилипутами, чудовищами, у к торых не было костей, и другими такими же веща что мы приходили в ужас даже от собственной тени. если до этого человек не боялся дьявола, разве что толь ночью, то теперь недавно остриженная овца превра лась в опасного зверя и этот в недавнем прошлом н мальный человек уже не осмеливался пройтись в сум ках через церковный двор — при одной мысли об э волосы у него вставали дыбом»[4].

Священники призывали своих прихожан осте гаться дурного воздействия старых ведьм: «Оглянит вокруг, дети мои. Если у вас есть странные ов свиньи или больные лошади, либо мошенник ма чишка школьного возраста, либо вы видите девуш пряху или мрачную и неряшливую публичную дев которой не хватает каши и у которой нет в доста ни хлеба, ни масла, или если она никак не может и бавиться от эпилепсии, либо если судорога постоян перекашивает ей рот, причем она всегда скрежещет бами, а тело ее непрестанно бьет дрожь, и руки п этом костенеют, и если старая матушка Ноб назовет случайно «молодой и беспутной», то нет сомнения, матушка Ноб — ведьма, а эта юная девушка — п клятая, поддавшаяся чарам ночных духов»[5].

5 декабря 1484 года папа Иннокентий VIII опубликовал историческую буллу, положившую начало уже основательно подготовленной официальной акции против подозреваемых в ведовстве. Булла эта была напечатана во множестве экземпляров и разослана во все уголки Европы. Именно она наделила огромными полномочиями инквизиторов — людей, ответственных за борьбу с ересями. «Всеми силами души, как того требует пастырское попечение, стремимся мы, чтобы католическая вера в наше время всюду возрастала и процветала, а всякое еретическое нечестие искоренялось из среды верных; и мы с радостью провозглашаем и вновь заявляем о тех путях и методах, через которые наши устремления христианские выполнены быть могут; ибо...рвение и стремление к вере нашей могут еще сильнее повлиять на сердца верующих.

Не без мучительной боли недавно узнали мы, что в некоторых частях Северной Германии...многие лица обоего пола пренебрегли собственным спасением и, отвратившись от католической веры, впали в плотский грех с демонами, инкубами и суккубами и своим колдовством, чарованиями и заклинаниями и другими ужасными суеверными, порочными и преступными деяниями причиняют женщинам преждевременные роды, насылают порчу на приплод животных, хлебные злаки, виноград на лозах и плоды на деревьях, равно как портят мужчин, женщин, домашних и других животных, а также виноградники, сады, луга, пастбища, нивы, хлеба и все земные произрастания.

Более того, они нещадно мучают как внутренними, так и наружными ужасными болезнями мужчин, женщин, домашний крупный и мелкий скот разных видов. Они препятствуют мужчинам производить, а женщинам зачинать детей и лишают мужей и жен способности исполнять свой супружеский долг.

Сверх того, они кощунственными устами отрекаются от самой веры, полученной ими при святом крещении, и, по наущению врага рода человеческого, они дерзают совершать еще бесчисленное множество всякого рода несказанных злодейств и преступлений к погибели своих душ, к оскорблению Божественного Величия и к соблазну и опасности для великого множества людей».

Далее булла гласила: «да не чинится никакой помехи названным инквизиторам при исполнении ими их обязанностей и да позволено будет им исправлять, за-

держивать и наказывать лиц, совершающих указанные преступления, как если бы в полномочных грамотах были точно и поименно названы округа, города, епархии, местности, лица и преступления»[6].

Этих инквизиторов назначала священная коллегия. Перед ними ставились две цели — искоренять всякого рода ереси и следить за тем, чтобы все еретики понесли достойное наказание. Булла 1484 года была важна тем, что она относила ведовство в разряд ересей. В 1501 году папа Александр VI еще более укрепил позиции инквизиторов, занимавшихся охотой за ведьмами и путешествовавших с этой целью по всей Европе, в том числе и по Италии. Это было связано с тем, что «в провинции Ломбардия мужчины и женщины предались различным магическим заклинаниям и дьявольским суевериям, совершая скверные деяния с помощью ядов, и всяким другим вещам, насылая заклятия на людей, животных, урожай и сея вокруг себя необычный грех. Вот почему для исполнения наших пастырских обязанностей, как то предписано Господом, мы намереваемся уничтожить эти преступления и предотвратить, насколько то в наших силах (и да поможет нам Бог!), распространение этих позорных и греховных деяний.

Именно поэтому мы приказываем вам...старательно разыскивать — одним, либо с помощью выбранных вами таких же честных людей — мужчин и женщин (описанных выше) и карать их, подвергая наказанию в соответствии с законом»[7].

Сегодня не подлежит сомнению тот факт, что уже в Библии мы встречаем указания на необходимость наказывать всех занимающихся ведовством. В подтверждение этого мнения можно привести множество соответствующих библейских цитат. «Ворожей не оставляй в живых» (Исх. 23.18). В другом месте есть такая фраза: «Не обращайтесь к вызывающим мертвых, и к волшебникам не ходите, и не доводите себя до осквернения от них» (Лев. 19.31). Или еще: «И когда скажут вам: обратитесь к вызывателям умерших и к чародеям, к шептунам и чревовещателям, — тогда отвечайте: не должен ли народ обращаться к своему богу? Спрашивают ли мертвых о живых?» (Ис. 8.19). Другой же пассаж в Библии показывает, что надлежит делать с колдуньями: «Мужчина же или женщина, если будут они вызывать мертвых или волховать, да будут преданы

смерти: камнями должно побить их, кровь их на них» (Лев. 20.27).

Вот почему уже Бернард Клервосский (1091—1153) очень выразительно высказался по поводу отступления от ортодоксальной веры. Для того, чтобы удержать людей в лоне церкви, считал он, можно использовать любые средства: «Человека следует склонять к вере, но не надо ее навязывать. Тем не менее, будет лучше, если их принудят к тому магистры, не держащие меч в ножнах, нежели им будет позволено вовлекать в свои заблуждения множество других людей».

Множество книг о «демонах» появилось в Европе уже в эпоху Ренессанса. В большинстве из них содержатся обширные описания самых разных демонов, которые, по существовавшим тогда поверьям, и заражали ведьм. Перед вами пример такого списка, составленного итальянским монахом и ученым Франческо-Мария Гуаццо[8]:

«Первый вид демонов — Огненный, ибо они обитают в верхних слоях воздуха и никогда они не спускаются вниз. И так будет продолжаться до Судного дня. Эти демоны не имеют связи с людьми, живущими на земле.

Второй вид демонов называется Воздушный, ибо они живут в воздухе, что окружает нас. Они могут нисходить даже в ад и, составляя свое тело из воздуха, могут в это время быть видимыми и для людей. Очень часто, с позволения Господа, они волнуют воздух и поднимают шторма и бури, и все это они замышляют с целью сокрушить человечество.

Третий вид — Земной. Они были низвергнуты с небес на землю за свои грехи. Некоторые из них живут в лесах и деревьях и устраивают ловушки для охотников; другие населяют поля и темной ночью уводят путников с верного пути; иные обитают в тайных местах и укрытиях, в то время как другие наслаждаются жизнью, пребывая среди людей.

Четвертый вид — Водяной. Эти демоны живут под водой, в реках и озерах. Они полны гнева, буйны, неспокойны и вводят в заблуждение. Они поднимают бури на морях, топят корабли в океанах и губят людей на воде. Появляясь, такие демоны больше похожи на женщин, нежели на мужчин, ибо они живут в местах влажных и жизнь ведут легкую. Те же, которые оби-

The
KINGDOM
of
Darknes.

тают в местах менее удобных и более сухих, обычно выглядят как мужчины.

Пятый вид демонов — подземный, ибо живут они в пещерах и ущельях горных. У них очень подлый нрав и чаще всего они пристают к людям, работающим в шахтах и копях и ищущим там золото. Они всегда готовы причинить какой-нибудь вред. Они вызывают землетрясения, бури и пожары, сотрясают фундаменты зданий.

Шестой вид демонов — гелиофобы, боящиеся света. Так их называют потому, что они ненавидят свет и никогда не появляются днем. А происходит это потому, что они не могут превратиться в нормальных существ до тех пор, пока не наступит ночь. Постичь сущность этих демонов совершенно невозможно, это находится за пределами человеческого понимания, ибо темны их души, сотрясаемые холодными страстями, злобой, беспокойством и смятением. И когда они встречают человека ночью, то они насильно сокрушают его и, с позволения Божия, зачастую убивают его своим прикосновением или дуновением... Этот вид демонов не имеет никакого отношения к ведьмам и запугать их с помощью амулетов также невозможно, ибо они избегают света, людских голосов и всякого шума».

Английский писатель Уильям Уэст[9], живший в эпоху правления Елизаветы I, дал следующее описание колдунов:

«Заклинатели, это те, кто путем произнесения неких волшебных слов осмеливается испытывать вещи вопреки природе, вызывая при этом призраки умерших. Они неправомерно претендуют на подобного рода деяния, показывая, якобы, некие тайные и отдаленные вещи в самых разнообразных размерах и видах.

Колдуны — это предсказатели, возвещающие о божественном и грядущем. Они вызывают души грешников путем различных заклинаний и особых словесных формул. А на слова эти им — как они того и требуют — отвечает некий голос, а перед ними в тот момент стоит либо бокал, либо драгоценный камень, либо кольцо, либо изображение вещи, которую надо найти.

Пророки-прорицатели — это мастера искусства предсказания, полные пророческого духа. Они могут указать, кто украл ту или иную вещь, и рассказать, где лежит пропавший или украденный предмет[10].

Фокусники и мнимые лекари. Это те, которые — для того чтобы излечить все болезни и язвы человеческие и животные — также используют определенные заклинания либо бумажки с надписями, которые они называют «амулетами» или «заклинаниями», подвешивая их вокруг шеи или какой-либо другой части тела.

Чародеи и ворожеи — это те, которые с помощью разных заклинаний, формул, обрядов, трав и других вещей, считают, что они в силах сотворить все, что ни пожелают. В это заблуждение их вводит дьявол, делающий, возможно, собственноручно то, о чем эти ворожеи говорят. Этим они несколько отличаются от ведьм, колдуний, прорицательниц, гадающих по полету птиц и предсказывающих по внутренностям жертвенных животных.

Колдуны (ведьмы): ведьма или колдунья — это женщина, которая — будучи обманутой в результате договора, заключенного ею с дьяволом по убеждению или вдохновлению, либо благодаря проделкам оного — думает, что она способна осуществить все возможные грешные деяния, либо подумав об этом про себя, либо наслав проклятия — например, сотрясать воздух громом и молниями, вызывать град и бурю, переносить в другие места урожай и деревья, передвигаться верхом на своих знакомых духах (принимающих в тот момент образ козла, свиньи, теленка и т.д.) в какие-либо отдаленные горные местности, затрачивая на это удивительно ничтожную толику времени; а иногда даже летать на помеле или вилах, либо на каких других приспособлениях, а затем проводить всю ночь со своим возлюбленным, играя, бегая, пируя, танцуя, развлекаясь, предаваясь дьявольской похоти и различным непристойным развлечениям, демонстрируя таким образом тысячи столь чудовищных и издевательских деяний».

Ведьмами обычно считали женщин, совершавших дурные поступки: «Колдуньями являются те, кого, по причине великих их преступлений, называют обычно malefici или «творящие зло». Эти ведьмы, с позволения Господа, будоражат стихию и смущают умы людей, недостаточно верующих в Бога. Не употребляя никакого яда, они убивают посредством своих необычайно могучих чар... Ибо они собирают дьяволов и, имея на то смелость, так возбуждают их, что последние убивают врагов своими злобными уловками. И ведьмы эти

используют затем кровь своих жертв и часто оскверняют трупы мертвых... Ибо говорят, что демоны кровь любят, а потому, когда ведьмы занимаются своим черным делом, они мешают кровь с водой так, чтобы по цвету крови с большей легкостью суметь вызвать этих демонов»[11].

Дело дошло до того, что даже сам король шотланский Яков VI написал весьма серьезный труд по ведовству, который был опубликован в 1597 году под названием «Демонология». Написан он был в форме диалога двух людей. Подобно большинству своих современников, Яков никогда не сомневался в существовании ведьм: «Ужасающее изобилие в то время в стране отвратительных слуг Дьявола, колдунов или чародеев, подвигнуло меня — о, дорогой читатель! — поскорее объяснить об этом в оном трактате, мною написанном... для того, чтобы разрешить сомнения многих колеблющихся в том, что подобные нападки сатанинские встречаются очень часто и что, следовательно, орудия его (Сатаны) заслуживают самого строжайшего наказания. Он направлен и против несчастных суждений нашего времени, высказываемых, главным образом, двумя людьми, на которых один, по прозвищу Скот Англичанин (Реджинальд Скот) не стыдится в печати отвергать саму возможность существования ведовства, поддерживая тем самым древнее заблуждение саддукеев, отрицавших существование духов...

Желая сделать сей трактат более приятным и пользительным, я облек его в форму диалога, разделив при этом на три книги: первая дает нам общую картину магии и, в частности, некромантии; вторая — о ведовстве и колдовстве, а третья есть рассуждение о самых разных духах и призраках, которые, являясь, беспокоят людей. За сим же следует заключение. В этом труде я намеревался показать всего лишь две вещи, о чем я уже рассказал: во-первых, то, что подобные дьявольские искусства существовали и продолжают существовать и сегодня, и второе: каких именно методов расследования и наказания они заслуживают».

И действительно, получилось так, что первые судебные процессы, связанные с колдовством, состоялись в XVI веке в Англии и Шотландии. В июле 1591 года король Яков даже лично принял участие в одном из подобных дел, проходивших в Шотландии. Суд отклонил обвинения против некоей Барбары Напье, что про-

изошло, как ни странно, благодаря настойчивости Якова. Ведовство, сказал он тогда, «это та вещь, которая встречается тут и там. Я знаю, что это — наиболее отвратительный грех, и около девяти месяцев я провел в этом году, занимаясь законами Божескими и человеческими, и понял, что грех этот действительно самый гнусный. И по закону Божьему, их можно покарать смертью. Согласно же человеческому закону, это называется maleficium (злодеяние) или veneficium (колдовство), совершенное с помощью хвори ли, яда ли, но также караемого смертью.

На решение, к которому пришел суд, повлияло то, что у его членов были лишь свидетельства ведьм, которые члены суда сочли недостаточными. И я знаю, что по светским законам таким нечестивым существам не дозволяется выступать в качестве очевидцев, за исключением случаев ереси и оскорбления Величества. В других же случаях это считается неуместным. Однако в данной ситуацией с ведьмой можно допустить подобное с полным основанием. Во-первых, ни одна порядочная личность не может знать об этих делах, во-вторых, одна ведьма никогда не обвинит другую. И в третьих, потому, что ни одного из деяний, совершенных ими, не видел ни один человек.

Далее, я обращаюсь к тем людям, кого ведьмы понудили отказаться от Бога и предаться Дьяволу. Если они отреклись от этого и действительно раскаялись в содеянном, то я считаю, что они уже не колдуны, и свидетельства их вполне удовлетворительны».

Нам может показаться странным, что такие образованные и знающие люди зачастую оказывались столь суеверными. Так, например, когда в 1608 году один девяностолетний священник перерезал себе горло, лишь бы только избежать сожжения на костре по обвинению в ереси и колдовстве, некий итальянский монах так объяснил это: «Тут явился ему дьявол и стал так соблазнять его, что... тот перерезал себе горло своим же ножом. И хотя рана была не столь уж и велика, чтобы вызвать мгновенную смерть, тем не менее, этот демон пользуясь столь отчаянным поступком, насильственно завладел его душой и потащил ее в ад к великому изумлению окружающих. Я видел этого человека мертвого, хотя еще теплого, лежащего на соломе. Ведь поскольку он вел жизнь скотскую, то и лежал теперь на том, что ест скотина. Так поступило Божественное пра

восудие, ибо каждому человеку воздает оно по заслугам его. И Господь пожелал, чтобы тот, кто девяносто лет жил как последователь Сатаны, и жизнь свою окончил в сатанинских же объятиях»[12].

Тем не менее, уже в 1656 году английский писатель Томас Ади внезапно заявил, что в Библии нет ничего, что бы могло оправдать охоту на ведьм: «Так где же написано в Ветхом и Новом Завете о том, что ведьма — это убийца, или что она обладает способностью убивать кого-либо или вредить кому-нибудь, насылая болезни и немощь? Где там написано, что у ведьм есть чертенята, которых они кормят? Где там написано, что у ведьм есть соски, которые они дают им сосать... и что дьявол ставит на них особые отметины ...и что ведьмы могут поразить урожай или животных... или могут летать по воздуху...?»[13]

Английский философ Томас Гоббс (1588—1679) тоже довольно скептически относился к ведовству. Но и он, тем не менее, считал, что виноватые должны быть наказаны: «Что же касается ведьм, то я не думаю, что они обладают какой-то действительной волшебной силой. Но даже если и так, то их справедливо карают за лживую уверенность в том, что они могут совершить подобное зло, соединенную с их намерением поступить так, будто это в их силах; их ремесло стоит скорее ближе к какой-то новой религии, нежели к науке или искусству»[14].

Однако в конце XVI-начале XVII столетия таких скептиков было весьма немного. Со дня опубликования папской буллы прошло уже более ста лет, на сей предмет были написаны сотни объемистых трудов, на которых выросло целое поколение суеверных ученых. Колдовство, особенно на европейском континенте, считалось ересью и, по общему мнению, угрожало безопасности религии. Важно и то, что «великая охота на ведьм» по времени совпадала с эпохой Возрождения, то есть тем периодом истории, когда церковь была вынуждена держать круговую оборону, отбиваясь от окруживших ее со всех сторон внутренних и внешних врагов. Ее идеологам казалось, что дьявол присутствует во всем и везде, а силы тьмы окутывают все христианство. Так начались первые казни и первые процессы, давшие зеленый свет величайшей и страшной охоте на ведьм, благодаря которой Европа вступила в полосу своеобразной истерии, жертвами которой пали по са-

мым скромным подсчетам 100 тысяч человек, главным образом, невиновных. Этому безумию суждено было утихнуть лишь в начале восемнадцатого века.

Глава вторая

КОЛДУНЬИ ИЛИ ВЕДЬМЫ?

Жители многочисленных городов и деревень Европы представляли обычно ведьму в образе старой, уродливой женщины, согнувшейся под бременем прожитых лет и различных пороков. Как правило, она путешествовала в компании мышей или жаб, либо других «близких духов», тайно ниспосланных ей самим дьяволом. Английский поэт Эдмунд Спенсер (1522—1599) так представлял типичную ведьму, одиноко проживавшую в заброшенной хижине[15]:

Там, в долине глухой и унылой,
Вдруг предстала ей хижина скромная,
Из ветвей и коры сотворенная,
Сверху дерном покрыта она.
В этом доме колдунья таится,
Обитая в тиши средь кореньев,
Ни о чем не заботясь, в стремлении
Убежать человеческих глаз.
И живет вдалеке от соседей,
Сокрывая деяния адские.
И вредит в том углу она людям,
Ухмыляясь при этом по-дьявольски.

Считалось, что колдуньи пылают неизъяснимой тягой к жабам и крысам. «Крысы и жабы считаются вредными созданиями, и поэтому все люди питают к ним отвращение, ибо они имеют естественную антипатию к этому виду паразитов, кроме ведьм, которые, как говорят, нежно лелеют их»[16].

Ярлык колдуньи мог быть с необычайной легкостью наклеен на любую старую женщину, которой просто не повезло в жизни и она сильно переболела, либо получила тяжкое увечье. Так, например, случилось в 1612 году в Англии с Элизабет Девис, ставший подсудимой в нашумевшем ланкаширском ведовском процессе: «Эта отвратительная ведьма отмечена печатью с самого рождения, она такова от природы: левый глаз у нее

расположен ниже другого, один смотрит вверх, другой вниз; она была настолько уродлива, что лучшие люди, присутствовавшие на том почтенном собрании и великом совещании, подтвердили, что им не приходилось видеть чего-либо подобного»[17].

Одним из немногих писателей, живших в XVI веке и не принимавших учение о ведовстве, считая его заблуждением, был Реджинальд Скот. Правда благодаря этому он приобрел множество врагов. Он всегда сочувственно относился к пожилым женщинам, подвергавшимся травле по обвинению в колдовстве. Они были «старые, хромые, туповатые, бледные, морщинистые, грязные; бедные, мрачные, заблуждающиеся и папистки, либо вообще не знающие никакой религии. В их вялых мозгах Дьявол действительно занимал гораздо большее место, нежели любые другие беды, горести и злосчастия. Они очень часто считают, что все это совершили именно они, вот почему на их сознании лежит столь тяжелый и странный отпечаток.

Они кривые и горбатые, на их лицах постоянно лежит печать меланхолии, повергающая в ужас всех окружающих. Их кожа покрыта какими-то пятнами, они постоянно бранятся; в них обитают некие духи и порой они — просто сумасшедшие. Однако они столь тверды и неприклонны в своих убеждениях, что каждый, кто прислушивается к их речам, без особого труда сможет поверить в их искренность».

В 1593 году один английский епископ оставил нам такое описание старухи-ведьмы: «старая, потрепанная жизнью карга, с дряхлой физиономией и морщинистыми руками; она ходит, согнувшись дугой и опершись на палку, с ввалившимися глазами, беззубая, с изборожденным ямами и морщинами лицом, члены ее постоянно трясутся. Расхаживая по улицам, она что-то вечно бормочет себе под нос. Она уже позабыла молитвы Господа своего, однако язык у нее по-прежнему остр и шлюху она всегда назовет шлюхой»[18].

Вот почему нет ничего удивительного в том, что на таких бедняков с легкостью взваливали вины других: «Сомнительно, наконец, то, что ее соседи умирали или заболевали, а их дети подхватывали горячку, различные хвори, припадки и т.д. в силу того, что эти невежественные люди считали местью колдуньи.

И тем не менее, подобные суждения и пристрастия находили почву и поддержку среди неумелых целите-

лей, как о том говорится в известной пословице: «ве довство и колдовство суть признаки невежества». Ибо в жизни причинами этих болезней являлось как раз плохое состояние человека, а отнюдь не тайные слова, ведьмы или духи.

А тем временем у некоторых скотина погибала либо по причине болезни, либо в результате какого-либо несчастья. Вот почему те, у кого произошли подобные вещи, принимают во внимание все то, о чем говорят люди рассказывая об этих женщинах (об их речах, раздражительности, произносимых ими и претворяемых впоследствии в жизнь угрозах), не только предполагая, но и решая, что все их несчастья происходят именно от них».

И далее Скот добавлял: «Этих несчастных так ненавидят все их соседи и так их боятся, что лишь немногие осмеливаются оскорбить их или отказать им в чем-нибудь. В результате они вообразили, что могут совершать то, что недоступно никому.

Они ходят от дома к дому, от порога к порогу, выпрашивая горшок молока, дрожжи, питье, похлебку или еще что-нибудь, без чего им и прожить-то нет никакой возможности. Но ни своими заклинаниями, ни страданиями, ни помощью Дьявола (с которым, как говорят, они заключили прочную сделку) они не приобрели ни красоты, ни денег, ни богатства, ни помощи ни удовольствия, ни поклонения, ни чести, ни знания ни чего-либо такого»[19].

В написанной в середине XVII века пьесе «Эдмонтонская ведьма»[20], одна старуха жалуется на то, что она никогда не стала бы ведьмой, если бы ее не понудили к этому своими сплетнями люди:

Но почему же я? За что вся зависть мира
Со злобой страшной смотрит на меня?
Все это потому, что я бедна, глупа,
Уродлива сверх меры,
Согнута вроде лука и скована людьми,
Чья доля горше во сто крат моей!
За это сточной ямой стать должна я
Для грязных, грубых, мерзких языков,
Несущихся туда!
Для них я просто ведьма.
Меня совсем не зная,
Хотят мне показать,
Какой я быть должна.

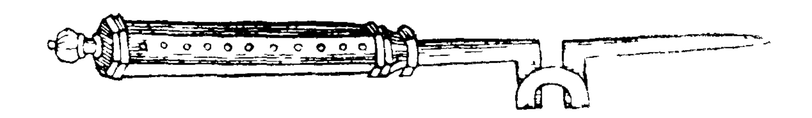
Ведь мой дурной язык — таким он стал с их слов —
Испортил урожай, околдовал их скот
Самих их, их служанок, кормилиц и детей.
Так говорят они в зловещем постоянстве.
Заставив и меня отчасти верить им.

В XVI веке в сельских районах Европы многие женщины приобрели дурную славу прямо-таки настоящих ведьм. Но как же можно было доказать сам факт их колдовства? Считалось, что каждая ведьма обладает «дьявольским следом», особой отметкой, которая есть у нее на теле. Говорили, что это знак договора, подписанного ею с дьяволом, и очень часто данная отметка служила доказательством виновности. По этому поводу один итальянский демонолог писал так: «Демон оставляет на каждой ведьме некую печать, особенно на тех, кто предан ему больше всего. Однако сей знак не всегда одинаков по форме и размерам. Иногда он напоминает зайца, иногда жабью лапу, иногда паука, собаку или соню. Он ставит его на самых сокровенных частях тела — у мужчин под мышкой или на веке, либо на губах, плечах, ягодицах или еще где нибудь. У женщин — главным образом, на груди или же на половых органах. Метку эту дьявол оставляет своим когтем»[21].

В 1611 году французский доктор Жак Фонтэн отмечал следующее: «Некоторые говорят, что Сатана оставил на них эти знаки с помощью каленого железа и некоей мази, которую он втирает в кожу ведьмы. Другие говорят, что дьявол помечает ведьму своим пальцем, появляясь при этом либо в виде духа, либо в образе человеческом. Если бы это было сделано с помощью раскаленного железа, то тогда бы на обожженном месте остался шрам, но ведьмы говорят, что на этом месте у них никогда не было шрама...впрочем, нет нужды доказывать это, ибо дьявол, который не испытывает недостатка в медицинских знаниях и в полной мере обладает ими, должен был всего лишь лишить это место чувствительности. Что же касается шрама, то ведь дьявол такой умелый мастер, что ему ничего не стоит приложить раскаленное железо к человеческому телу, не вызывая при этом ожога»[22].

Одним из способов, с помощью которого можно было установить, является ли данный человек колдуном или нет, было так называемое «прокалывание». «Этот метод был связан с теорией о дьявольской отметине, то

есть тем местом на коже, на котором имелись родинки родимые пятна, шрамы, предположительно долженс вовавшие демонстрировать связь с Сатаной. Если подс зреваемая в ведовстве не имела таких очевидных зн ков, то у нее могли быть и невидимые свидетельств, которые можно было обнаружить только с помощь, прокалывания. Все подобные дьявольские метки счит лись ненормальными. И если туда втыкали длинну булавку, то они не чувствовали никакой боли, и кров в этом месте не выступала»[23].

Обычно перед началом прокалывания все тело вед мы тщательно выбривалось. Это делалось по трем пр чинам: во-первых, подозреваемая могла иметь каки нибудь крохотные амулеты, защищающие ее; во-вт рых, дьявол вполне мог укрыться в волосах ведьмы, наконец, каждую дьявольскую отметку следовало пр верить самым тщательным образом: «Отметка эта на дена тем, кто прокалывал ее, потому что это его зан тие, и он делает это так же, как и все остальные. О нако все это страшный обман, поскольку если из это места не течет кровь, а человек ничего не чувствует, т его сразу считают колдуном... Тот негодяй, которы занимался этим вместе с нами и который был в 166 году арестован за другие преступления, сознавался, ч все это было простым мошенничеством»[24].

Гуаццо считал, что ведовские способности могли п редаваться из поколения в поколение: «Ведовская з раза может часто передаваться под видом болезни д тям их грешными родителями, ведь они пытаются сн скать расположение дьявола. Ибо алчность Сатан всегда была безграничной и ненасытной. Так, раз по вившись в семье, он уже никогда не откажется от з нимаемого места, разве что после длительной борьбы А то, что один из родителей оказался виновным в с вершении подобного преступления, и есть одно из с мых прочных и неколебимых доказательств против о виняемого в колдовстве.

Каждый день мы встречаем подобные примеры испорченных этой заразой детей, ибо Дьявол всегда стремится увеличить число своих сторонников. И нет лучшего пути сделать это, чем призвать его, либо заставить находящихся в его власти испортить своих собственных детей»[25].

В начале XVII века, когда охота на ведьм в Европе была в самом разгаре, найти себе жертву было необычайно легко. Если уж обычная родинка или шрам принимались за «дьявольскую отметину», то ни один человек не чувствовал себя в безопасности — особенно если он не пользовался особой любовью и популярностью в своей деревне и т.д. В следующей главе мы как раз и посмотрим, как эти ведьмы занимались — по общему поверью — своим ремеслом. Кое-кто из них, без сомнения, занимался магией, подобно тому, как делали в свое время алхимики; однако большинство «ведьм» пало жертвой невежественных, хотя и наделенных буйной фантазией, инквизиторов.

Глава третья

ПОКЛОННИКИ САТАНЫ

За двести лет — с 1500 по 1700 год — в Европе было издано огромное количество книг, посвященных одной проблеме — проблеме ведовства. На самом же деле магическими «искусствами» занималось ничтожное количество людей. Поэтому то, что в этих трудах сообщалось о шабашах, черной мессе, духах, пактах с сатаной было для многих в новинку. По мере роста боязни перед силами тьмы сначала в Европе, а впоследствии и в Новом Свете, ученые все чаще начинали излагать в своих писаниях абсолютно все, ими слышанное. Порой случалось так, что их книги использовались в качестве авторитетных наставлений судьями и юристами, ведшими ведовские процессы. Трагедия заключалась в том, что в подобной атмосфере суеверия, невежество и страх служили друг другу питательной средой.

Неотъемлемой частью ведовского дела, особенно на европейском континенте и в протестанской Шотландии, был договор с дьяволом. Ведьма обладала известной магической силой и, возможно, «своим духом», которого она получала в обмен на свою душу. Именно

благодаря этому положению религиозные деятели католической и протестанской церкви хотели «сузить» ведовство до ереси и соответственно применять к нему необходимые меры наказания.

Первое полное описание договора с дьяволом датируется 1435 годом. Оно помещено в одной из самых первых печатных книг о ведовстве. По идее, эта церемония должна пародировать христианский обряд крещения. «Во-первых, в какое-либо воскресенье, еще до того, как святая вода будет освящена, будущий ученик и его хозяева должны пойти в церковь и там, в их присутствии, он должен отречься от Христа и его веры, крещения и католической церкви. Затем он должен засвидетельствовать свое почтение magisterulus, то есть «маленькому хозяину» (ибо так они зовут дьявола). После этого он пьет из фляги жидкость, взятую от убитых младенцев. Сделав это, он тотчас начинает проникаться и придерживаться нашей науки и главных правил этой секты»[26].

В 1662 году одна шотланская ведьма, Изабель Гауди, признала, что она заключила подобный договор дьяволом: «Проходя как-то мимо фермы в Друмдевин в Хедсе, я повстречала дьявола и там заключила с ним соглашение. И я пообещала, что встречу его ночью в церкви Олдирна, что я и сделала. И первое, что я совершила в эту ночь, было отречение от крещения. При этом я приложила одну руку к темени, другую — к пятке. А затем я предала всю себя с головы до ног в руки Дьявола, который стоял за кафедрой и держал в руках Черную книгу.

Маргарет Броди из Олдирна передала меня в руки Дьявола, дабы он окрестил меня, и он поставил мне отметку на плече, отсосал кровь и сплюнул ее затем себе в ладонь. После чего побрызгал он ею на мою голову и сказал: «Я крещу тебя, Жаннет, во имя Мое». Через какое-то время мы вышли оттуда. В следующий раз я встретила его у Нью Уорда, что у Иншоха, и там он совокупился со мной. Это был большой темноволосый человек, очень холодный, и я почувствовала, что его семя, оказавшееся во мне, такое же холодное, как и весенние воды. Иногда на ногах у него сапоги, иногда — башмаки, однако ступни у него кривые и раздвоенные. Он говорил мне, что порой он появляется в образе оленя или косули»[27]. (Интересно, что при крещении Дьявол дал Изабель новое имя Жаннет).

Итальянский ученый Гуаццо считал, что подобный договор являл собой пародию на католическую литургию:

«1. Отвергание христианской веры: «Я отвергаю творца земли и небес. Я отвергаю крещение. Я отрекаюсь от того поклонения, которое я раньше оказывал Богу. Я остаюсь верным Дьяволу и верю только в тебя». С очень ранних пор важной частью данного ритуала было попрание креста, совершавшееся во время произнесения клятвы.

2. Новое крещение Дьяволом с переменой имени.

3. Символическое снятие крестильного елея.

4. Отречение от крестных родителей и закрепление за новыми крестными.

5. Предварительная передача Дьяволу части одеяний.

6. Принесение присяги на верность Дьяволу, при этом человек стоит в очерченном на земле магическом круге.

7. Просьба, обращенная к Дьяволу, вписать их имена в Книгу Смерти.

8. Обещание принести в жертву Дьяволу детей. Этот шаг послужил основой для позднейших историй о том, как ведьмы убивают детей.

9. Обещание ежегодно уплачивать дань определенному демону. Дарения принимаются исключительно в том случае, если они черного цвета.

10. Дьявол ставит свою метку на различных частях тела — на ягодицах у мужчин и на груди или половых органах у женщин, причем отмеченное место теряет чувствительность. Этот знак может сильно различаться в очертаниях — заячья лапа, жаба, паук.

11. Принесение клятвы служить Дьяволу: никогда не поклоняться святым таинствам, ломать священные реликвии, никогда не использовать святую воду или свечи, хранить молчание о своих путешествиях с Сатаной»[28].

Сообщения о подобных договорах с дьяволом можно найти, в частности, и в документах английских ведовских процессов, хотя, может быть, они встречаются здесь не столь часто, как на континенте. Выступавшая в качестве подсудимой в известном Челмсфордском ведовском процессе 1589 года Джоан Прентис говорила, что «Дьявол явился ей в вышеупомянутой богадельне. Было уже около десяти часов вечера. Своим обликом и

размерами он напоминал серого хорька с горящими глазами. Оная же подсудимая сидела в тот момент на скамеечке в своей комнате, готовясь отойти ко сну. И тут этот хорек встал на задние лапы, и передние положил ей на колени и устремил свой горящий взор прямо ей в глаза, и так сказал ей: «О, Джоан Прентис! Отдай мне свою душу!»

Подсудимая, сильно удивившись, вскричала: «Господи Боже мой! Кто ты?» И хорек отвечал: «Я Сатана, не бойся меня. Я не причиню тебе ни малейшего вреда, мне нужна лишь твоя душа, которую я должен заполучить прежде, чем уйду отсюда. И я добьюсь своего». Оная же подсудимая говорила еще, что он просил отдать ему нечто, ей не принадлежащее, а она сказала,

что душа ее принадлежит лишь Иисусу Христу, чьею драгоценною кровью она была искуплена.

На что этот хорек ответил: «Тогда мне нужно немного твоей крови», на что она охотно согласилась и подала ему указательный палец левой руки. Хорек взял и быстро укусил его. Когда же подсудимая вновь спросила, как же его зовут, он коротко ответил: «Оглашенный», после чего упомянутый хорек исчез из виду»[29].

В документах процесса Анны Боденхэм, состоявшегося в 1653 году, мы встречаем еще одно описание договора, заключенного между некоей девушкой и дьяволом: «После чего эта ведьма взяла указательный палец правой руки девушки и проколола его булавкой, затем собрала немного крови, окунула в нее перо и, вложив перо в ее руку, заставила написать что-то в какой-то книге. И один из духов возложил свои лапы на руки ведьмы, пока эта девушка водила пером. И когда та закончила писать, то ведьма, не отнимая руки, сказала: «Аминь», и заставила девушку проговорить то же самое, после чего и духи пробормотали: «Аминь, аминь». И почувствовала девушка, что ладонь этого духа холодна, как лед. А было это, когда ведьма водила ее рукой, пиша что-то в книге»[30].

О договоре с дьяволом упоминает и Уильям Шекспир в своей «Комедии ошибок» (акт IV, сцена 3):

Другим чертям обрезок ногтя нужен,
Булавка, капля крови, волосок,
Орешек, косточка от вишни; этой —
Дай дорогую цепь!
Побойтесь, господин мой! Не давайте,
А то нас дьявол в цепи закует.

(пер. *А.Некора*)

Считалось, что новая ведьма входит в семью ведьм, либо присоединяется к ним во время шабаша, поклоняясь при этом дьяволу. По общему убеждению, туда ведьмы отправлялись по воздуху: «Порой ведьмы переносятся из одного места в другое самим дьяволом, который, приняв облик козла или какого-нибудь фантастического животного, доставляет их на ведовской шабаш... Сего мнения придерживаются все теологи и юристы Италии, Испании и католических германских государств, равно и многие другие люди также следуют

ему». Так писал уже известный нам Франческо-Мария Гуаццо.

На своей исповеди в апреле 1662 года Изабель Гауди заявила, что она и другие ведьмы — участницы их сборища, могли летать по воздуху с помощью волшебной соломы: «У меня была маленькая лошадка, которой надо было только сказать «Лошадка, лети, во имя Сатаны». И затем мы могли лететь куда угодно подобно соломе, несомой ветром. Так же и мы летели, куда хотели. Вместо лошадей нам служили пучки соломы и стебли кукурузы. Мы зажимали их промеж ног и говорили: «Лошадка, лети, во имя Сатаны». И если кто-то видел эту солому, несомую вихрем, и не осенял себя крестным знамением, то мы могли убить его потехи собственной ради. Души убитых нами возносятся на небо, тела же их остаются с нами; они уменьшаются до размера соломы, мы садимся на них и летим дальше»[31].

Другим способом, к которому прибегали ведьмы, желая отправиться куда-либо, было использование особых мазей. Состав так называемых «летучих мазей» описан в пьесе известного драматурга Томаса Мидлтона (1580—1627) «Ведьма». Обычно она приготовлялась из детских трупиков:

Возьмите некрещенного ублюдка,
Сварите хорошо, но сохраните жир.
Вам дорог он за то, что с помощью его
Перенесетесь вы на Лунные поля,
Взберетесь на верхушки колоколен,
На веточку сосны — они как раз для вас.
Тут взору вашему предстанут города,
И храмы, и дворцы, что суть на всей Земле.
Но все они ничтожны и малы,
Как родинка у девки на щеке.

Английский драматург Бен Джонсон описал полет ведьм в своей пьесе «Королевские маски», преподнесенной им принцу Генриху, старшему сыну короля Якова I

Любезнейшие дамы! Уж времени дан ход,
Спешите же скорей! Сюда! Нас всех встречают!
Живущие в лесных урочищах, озерах,
В болотах и в горах,
В пещерах, во дворах
Часовен приходских,
В могилах, на деревьях,

Живые, мертвые — мы все сюда пришли.
Как? Разве ее нет?!
Ударьте еще раз!
А вот летит Сова — она издалека,
Оттуда же и Мышь, и Жаба, с ними — Кот.
Глянь! Крот и Муравей сидят в своей дыре,
Лягушка тут как тут, купается в фонтане.
Лай громкий псов, шум музыки... Ого!
Кровавая луна, дождь непрестанный звезд
И небо темное в огне зарниц багряных.

Описание ведовского шабаша появляется в материалах судебного следствия в 1591 году в Шотландии. Это было дело доктора Фиана, которого считали предводителем ведьм из Норт-Бервика. Одна из последственных, Агнесс Томпсон, рассказала о самом шабаше и о том, что там происходило, непосредственно в присутствии шотландского короля Якова VI: «Она призналась, что в ночь накануне Всех Святых (1 ноября. — прим. пер.) она находилась в компании уже упомянутых личностей и огромного числа других ведьм, которых было около двухсот. И затем все вместе они вошли в море, и каждый из них сидел в решете или сите, и поплыли они так дальше, и у каждого была фляга с вином, которое они пили, и веселились они так всю дорогу, сидя в своих ситах. Так добрались они до церкви в Норт-Бервике, что в Лотиане.

После того, как они сошли на берег, они, положив руки на землю, станцевали танец рил (быстрый шотланский танец. — прим. пер.). При этом они хором пели:

Прийди же скорей, прийди же скорей,
А коль ты не придешь, то тогда приду я.

В это же время (как они сказали) вперед вышел Жиль Дункан и играл этот рил, танец, на свой небольшой трубе, которую называют еврейской трубой, и продолжалось это до тех пор, пока они не пошли в церковь Норт-Бервика.

Король же, услышав подобные признания, пришел в необычайное восхищение. Он послал за упомянутым Жилем Дунканом, который и сыграл пред самим Его Величеством эту мелодию. Король же получил огромное удовольствие, присутствуя на этом странном процессе».

Затем Агнесс Томпсон призналась, «что Дьявол находился в тот момент в церкви Норт-Бервика, ожидая там их прибытия. Внешне он напоминал человека. Видя, что они несколько задерживаются, он решил наказать их, как только они прибудут на место. Наказание это заключалось в том, что каждый из присутствующих должен был поцеловать его ягодицы в знак своей покорности ему; происходило же это на кафедре проповедника и все поступили так, как он сказал. Произнеся свою безбожную проповедь, в которой он поносил и короля Шотландии, он выслушивал их присягу на верность, которую те принесли ему, а затем исчез. По окончании же церемонии они вернулись к морю и тем же самым путем направились в сторону дома»[32]. В этом пассаже наше внимание должна привлечь формулировка, в которой говорится о том, что дьявол «поносил короля» — дело в том, что, по общему мнению, ведьмы таили в себе угрозу не только церкви небесной, но и земным властям.

Основная часть населения Франции очень сильно верила в то, что тысячи ведьм регулярно собираются по ночам для совершения своих дьявольских церемоний. Один нормандский кюре оставил нам описание шабаша, датируемое маем 1669 года: «Этот шабаш был точно таким же, как о том написано во всех книгах, во все времена и у всех народов. Ведьмы намазали тела свои мазью и какой-то высокий мужчина с рогами вынес их через дымоход наружу. Занимались же они тем, чем обычно: плясали, называя это «наслаждением», разрезали трупики детей на мелкие кусочки, варили их в одном котле вместе со змеями, брали особый дьявольский порошок для совершения злодеяний, подписывали своей кровью договор с дьяволом, их повелителем, который являл собою огромного козла, сидевшего в окружении черных канделябров.

Отличительной чертой этого шабаша в Ла Айе-дю-Пюи было то, что дьявол ради большей защиты часто ставил особую метку на тела своих подданных. Странным было еще и то, что среди них оказалось более ста священников. Ибо что касается меня, то я полностью верю всему тому, что было сказано в ходе следствия, и я верю, что дьявол, находясь в облике крысы, действительно разговаривал с одним из обвиняемых, мальчиком десяти лет»[33].

Сохранилось и описание шотланского шабаша, сделанное в 1662 году Изабель Гауди во время суда. В нем

участвовало тринадцать, а не двенадцать человек, что по тем временам выглядело довольно странно. «Через каждые четыре месяца должны были происходить Великие собрания. На каждый шабаш собиралось по тринадцать человек, и у каждой из нас был один дух, который ожидал все это время нашего вызова. Я не помню имен всех этих духов. Одного из них звали Свейн, он принадлежал Маргарет Уилсон из Олдирна. Он носил ярко-зеленые одежды, а у Маргарет Уилсон было даже свое прозвище: «Шалунья, близкая ветру».

Следующий дух звался Рори, и он ожидал Бесси Уилсон из Олдирна. Он был одет в желтое. У нее же было прозвище «Брось на гумно».

Третьего духа звали Ревущий Лев, и он ожидал Изабель Ничол из Лохлоу. На нем были одежды цвета морской волны, а ее называли «Правительница Бесси».

Четвертого звали Мак-Гектор. Он принадлежал Джин Мартин, дочери упомянутой Маргарет Уилсон. Это молодой дух, одетый в ярко-зеленое. Джин Мартин была регистратором (секретарем) моего шабаша, и у нее было свое прозвище: «С-Ним-надо-рвом», потому что Дьявол всегда берет ее за руку, когда мы танцуем гиллатрайп, и тогда он прыгает... а затем они оба говорят: «С-Ним-надо-рвом».

Имя пятого духа — Правитель Роберт и он облачен в одежды темно-коричневого цвета, и, по-моему, он командует всеми остальными духами. Он ожидает Маргарет Броуди из Олдирна.

Шестого духа зовут Вор-из-ада-жди-ее и он ждет Бесси Уилсон.

Имя седьмого духа — Красная река. Это мой личный дух и ждет он только меня. Он одет в черное.

Восьмого духа зовут Мастер Роберт. На нем одежды коричневого цвета, а на вид он слишком стар. Он очень неуклюж, этот полоумный дурачок. Он ждет Бесси Хэй, чье прозвище «Способная и отважная»

Девятого духа зовут Лаинг, а женщину, которую он ждет, кличут Толстуха Бесси (это Элизабет Ниши).

Десятый дух — это Томас-эльф. Кроме него в распоряжении нашего хозяина, Дьявола, есть еще и другие духи, однако этот — самый большой и ужасный, не то что остальные, а потому все они подчиняются ему. Их же я знаю благодаря тому, что они появлялись в образе людей».

Существует множество самых различных описаний того, как происходит сам акт поклонения Дьяволу. Нижеследующий отрывок взят из сочинения, появившегося в Италии XVII века. «Когда же эти слуги дьявола сошлись все вместе, то сначала они разожгли страшный и ужасный огонь. Дьявол является главою этого собрания, а потому он восседает на троне в облике мерзкого козла или пса. Они же подходят к нему, дабы совершить поклонение, что, однако, происходит не всегда одинаково. Иногда они падают на колени, как бы прося о чем-либо, иногда же они так высоко задирают ноги, что сами отклоняются назад, при этом далеко запрокидывая головы. Иногда они поворачиваются спиной вперед и так и идут, словно крабы, вывернув при этом руки назад, и пытаются докоснуться до него. Произнося свои речи, они обращают лица к земле, и вообще они делают все так, как не делают простые люди»[34].

Многие современники этих событий отмечали, что на шабашах устраивались необычайно роскошные пи

ры: «Там выстраивается рядами множество столов, за которые они садятся и начинают поглощать пищу, которую им заготовили демоны, либо то, что они сами принесли с собой. Но все, сидевшие за теми столами, признают, что все эти празднества отвратительны как по своему внешнему виду, так и по запаху, царящему там, так что даже у самых голодных он вызывал тошноту... Они говорят, что там было изобилие всего за исключением хлеба и соли»[35]. (Хлеб и соль были главными элементами любого нормального стола).

Интересное (и довольно необычное) упоминание о подобном шабаше, но уже в Англии, содержится в документах ведовского процесса в Ланкашире 1612 года. Один из обвиняемых, Олд Четтокс, вспоминал: «Там была пища, а именно: мясо, масло, сыр, хлеб и напитки... После же того, как все было съедено, дьявол по прозвищу Фэнси и другой дух, назвавший себя Тибби, убрали все остатки. И еще там сказали, что хотя мы все съели, но нам никогда не насытиться этим. А еще на том пиру духи дали им свет, чтобы те могли видеть, что они делают, хотя в руках у них не было ни факелов, ни свечей. Это были дьяволы мужского пола и женщины-духи»[36].

Когда же все это ведьминское собрание усаживалось за стол, приходило время и для прочтения так называемой «черной молитвы». Изабель Гауди на процессе 1662 года созналась, что «обычно мы приходили по ночам в несколько домов. На последнее Сретение мы собирались в Грейндхолле, где у нас было в изобилии доброй еды и питья. Во главе стола восседал Дьявол, все же ведьмы — участницы шабаша расселись вокруг него. В это раз он — перед тем как подать мясо собственного изготовления — приказал прочитать молитву Александру Элдеру из Эрлсита. Звучала она так:

Во имя Дьявола едим —
Но стыдно нам и грустно нам.
Разрушим дом мы и овин,
И всех овец, живущих там!
Немного мы оставим здесь —
И так уж нечего поесть![37]

Английский ученый Генри Мур (1614—1687) заявлял о том, что ему удалось даже обнаружить доказательства дьявольских плясок на подобных шабашах в

Англии: «В месте, где они танцевали, был обнаружен некий круг, в котором и находились четкие следы плясавших — раздвоенные на концах следы ног, которые можно было видеть с того дня, когда обнаружилось дело Николи, вплоть до следующей зимы, когда это место было перепахано. Все это произошло в 1590 году»[38].

Итак, перед нами предстали различные описания договоров, собраний и шабашей ведьм, сделанные во время безумной охоты на них. Конечно, некоторые из этих сообщений имеют в своей основе какие-то реальные факты, ибо на протяжении всей своей истории человек постоянно занимался теми или иными видами магии. Однако многие признания подобного рода были сделаны запуганными до смерти жертвами инквизиции, которые, находясь в таком состоянии, могли подтвердить все, что говорили им их обвинители, в стремлении избежать ужасов камеры пыток и бессрочного тюремного заключения.

Глава четвертая

ДЬЯВОЛ И ЕГО ПРОДЕЛКИ

Для людей, живших в XVI и XVII столетиях, личность Дьявола была столь же реально существующей, как и Господь Бог. Борьба же между силами света и тьмы была ожесточенной и бесконечной. Ведьмы считались агентами Дьявола, а потому их следовало беспощадно выискивать и убивать. Ведь если сила Божия и была сверхчеловеческой, то равно и Сатана со своими служителями были наделены подобной же сверхъестественной силой. В описаниях тысяч ведовских процессов, состоявшихся в период с 1550 по 1750 год, мы находим многочисленные упоминания о том, что ведьмы обладали самыми необычайными способностями — они вызывали бурю, околдовывали людей, губили с помощью магических заклинаний урожай, вызывали болезни и смерть, обращались в вампиров и волков.

В предыдущей главе мы уже видели, как, по общему поверью, происходит заключение договора ведьмы с дьяволом; кроме того, мы узнали о том, как ведовское собрание правит свой шабаш и совершает поклонение дьяволу. Однако какую же силу получают при этом са-

ми ведьмы? Кое-кто из них заявлял, например, что они при помощи сатаны могут превращаться в самых различных зверей и животных. При этом обычно использовались такого рода заклинания: «Когда мы принимали облик зайца, мы трижды повторяли следующее:

Приобрету я заячью личину,
Хоть буду и вздыхать и даже горевать.
Во имя Дьявола я в зайца обращусь
И буду им, пока домой не возвращусь.

И тут же мы превращались в зайцев. Когда же нам надо было вернуть свой обычный вид, мы говорили:

Заяц, заяц, Господь о тебе заботится.
И хотя сейчас я по внешности зайчиха,
Но сей же миг предстану я в обличии женском.

Если же мы хотели обратиться в кота или кошку, то должно было три раза произнести следующие слова:

Приобрету кошачью я личину,
Хоть буду я вздыхать под чернотой своей.
Во имя Дьявола я в кошку обращусь
И буду ей, пока домой не возвращусь»[39].

Сведения об использовании в колдовских целях трупов встречаются в материалах английских ведовских процессов чрезвычайно редко. Одно из подобных дел мы обнаруживаем в ходе процесса мальмсберийских ведьм 1612 года. Четырнадцатилетняя девочка Грэйс Сауэрбетте под присягой заявила, что подсудимые выкопали детский трупик и использовали его для того, чтобы придать себе иное обличье. Они, «достав его, сварили часть его в горшке, а часть изжарили на угольях, причем упомянутые Эллен и Дженнет съели все это. После чего оные Дженнет и Эллен прокипятили кости сего ребенка в горшке, а жиром, извлеченным из этих костей, они, по их словам, натерли свои тела, так что теперь они могли временами менять свой облик»[40].

Однако при перекрестном допросе Грэйс Сауэрбетте отказалась от показаний, сказав, что она придумала весь этот эпизод. Это-то, собственно, и было самым ужасным в большинстве ведовских процессов: слухам и разного рода росказням, в изобилии циркулировавшим тогда в народе, охотно верили, и не было ничего нео-

бычного в том, если какая-нибудь старуха, обвинявшаяся в колдовстве, начинала рассказывать в суде всякую ерунду, которую она слышала на сей счет за свою долгую жизнь.

Гораздо большее количество магических заклинаний было описано Изабель Гауди на ее процессе в 1662 году:

«Если мы хотели превратиться в ворона, мы трижды говорили:

Приобрету личину я вороны,
Хоть грустно будет мне при виде перьев черных
Во имя дьявола в ворону обращусь
И буду ей, пока домой не возвращусь!

А когда мы хотели вернуть себе старый облик, то говорили:

О, кошка, кошка (или «ворон, ворон»)!
Господь послал тебе стрелка, чернее ночи!
Была я кошкою (или «вороною») сейчас,
Но в образ женский тотчас обращусь я.
О, кошка, кошка (или «ворон, ворон»)!
Господь послал тебе стрелка, чернее ночи!

Если же мы, уже находясь в обличии кошки, ворона или зайца, равно и в чьем-либо другом образе, идем в дом соседей наших, которые тоже занимаются ведовством, то мы говорим:

Я заклинаю вас, идите же со мной!

или:

Мы заклинаем вас, идите же за нами!

И тут же они становятся такими же, как и мы, то есть кошками, воронами и т.д., и идут вместе с нами, куда бы мы ни пожелали»[41].

В одной из сказок, родившейся в XVI веке на берегах Балтики, описан, в частности, случай ликантропии (превращения человека в волка) — одно из самых страшных превращений: «На Рождество некий мальчонка-калека ходит по стране и созывает на всеобщее сборище последователей Дьявола, чье число воистину неизмеримо. Тех же, кто не желает туда идти, либо кто идет весьма неохотно, бьют железным хлыстом до тех пор, пока не потечет кровь.

Тут их человеческие черты исчезают и вся эта толпа обращается в оборотней. И собираются их многие тысячи. Впереди выступает вождь, держащий железный хлыст, а за ним следует его войско полностью убежденных в том, что они окончательно превратились в волков. Они нападают на стада скота и овечьи отары, но они не обладают достаточной силой, чтобы убить человека. Когда же они доходят до какой-нибудь реки, то тут их предводитель касается своим хлыстом воды и она расступается, оставляя посреди проход, по которому эта стая и переходит ее. Это превращение действительно на 12 дней, по прошествии которых волчье обличие исчезает и они вновь обретают человеческую внешность»[42]. Такая и подобные ей сказки не были чем-то необычным для Европы XVI и XVII столетий и очень часто принимались за правду.

Что же касается трупов, то считалось, что ведьмы, вырывая их из земли, используют их в разных целях при занятиях черной магией: «Желая заставить человека умереть от дурной болезни, ведьмы выкапывают трупы, предпочитая особенно тела казненных или повешенных. Из этих тел, равно как и из пыточных орудий палача, они извлекают вещества, необходимые им для магических операций, наделяя их с помощью заклинаний необычайной силой»[43].

На процессе 1662 года Изабель Гауди описала, как ее подруги насылали порчу: «Перед Сретением (2 февраля) мы пошли на восток от Кинлосса и там мы запрягли в плуг лягушек. Дьявол держал этот плуг, а Джон Янг из Мобстауна, наш старший, правил плугом. Лягушки же тащили плуг вместо быков. Ремни, которыми они были привязаны к плугу, были сделаны из особой травы, лезвие лемеха — из рога наполовину кастрированного барана. Мы дважды прошлись по кругу и каждый участник шабаша прошелся за плугом туда-сюда, моля Дьявола о плодородии этой земли и о том, чтобы тут изобильно пророс чертополох и шиповник»[44].

Изабель Гауди добавляет, что ее товарищи могли проделывать и другие магические фокусы. Они могли, например, придать черный цвет любой краске. «Мы брали нить каждого цвета из всех видов пряжи, что находилась в прядильне упомянутого Александра Каммингса и во имя Дьявола завязывали на каждой нитке по три узла. Затем мы оборачивали этими нитками ча-

ны с краской против часовой стрелки. Все это делалось во имя Дьявола и таким образом краски портились, так что все они становились черными, т.е. цвета Дьявола, ради которого мы и уничтожали цвета, первоначально бывшие в этих чанах»[45].

Во многих глухих и отдаленных от городов деревеньках местные жители просто-таки сходили порой с ума от страха, когда считали какую-нибудь местную старуху наделенной ведовской силой. Боялись же они, главным образом, maleficium, т.е. преступной силы, которая могла быть направлена против них. Один писатель определял maleficium как «ужасное деяние, совершенное против тела благодаря власти дьявола, которую тот выказывает в тайном или открытом договоре, заключенном им с ведьмой, а также благодаря контролю над природой и с помощью неких особ; деяние, удовлетворяющее его зловещим помыслам, производимое всегда, даже если и скрытно, по попустительству Господа»[46].

В ходе ведовского процесса 1612 года, проходившего в Ланкашире, некая матушка Демдайк рассказала, каким образом ведьма может явить свой maleficium. Она может убивать с помощью восковых фигур: «Для ведьмы самый легкий путь лишить человека жизни заключается в том, чтобы изготовить глиняную модель, по очертаниям похожую на того человека, которого они намеревались убить, и тщательно высушить ее. И если вам надо было причинить ему боль в каком-либо месте, то тогда брался острый шип, либо булавка и эта скульптурка прокалывалась в том месте, которое должно было заболеть. Если же вы хотели, чтобы у этого человека отсохла какая-то часть тела, то тогда следовало взять эту куклу и, отломав нужную часть, сжечь ее. Вот каким образом можно погубить тело»[47].

В деле Изабель Гауди также встречаются моменты, связанные с maleficium, вызываемым манипуляциями с глиняными фигурками. Ведьмы «сделали глиняный образ для того, чтобы погубить сыновей Лэйярда из Парка. Джон Тэйлор принес для этого в полах своей шотландки глину. Его жена залила ее горячей водой во имя Дьявола, сделав ее мягкой, подобно заварному пудингу из муки, и слепила из нее фигурки сыновей Лэйярда.

Они обладали всеми чертами и особенностями ребенка — у них были и голова, и глаза, и нос, руки, ноги,

рот, крохотные губы. Сразу было видно, что это дети; их руки торчали в стороны. По размерам они были точь-в-точь, как ячменная лепешка или булка, напоминая освежеванного молочного поросенка.

Мы положили их лицом к огню и так они лежали до тех пор, пока лица их не сморщились от жара. А затем мы развели вокруг них костер и ждали, пока они раскалятся докрасна. И так мы обжигали их время от времени. И каждый день мы хорошенько прокаливали еще одну новую часть тела. Потому что благодаря этому самые здоровые из детей Лэйярда из Парка должны были начать испытывать страдания, (и так было) пока они не нашли и не разбили их»[48].

Когда же в дело шли восковые изображения, то перед тем как бросить их в огонь, ведьма должна была прочитать особые магические заклинания. «Сделав фигурки, с помощью которых мы хотели погубить детей Лэйярда из Парка, мы сказали следующее:

Прославляя Сатану, льем на землю эту воду,
Чтобы люди умирали и страдали там подольше.
Это все метнем мы в пламя, и туда же ветки кинем.
Будут силою желанья сожжены они подобно
Старым пням, что полыхают часто на вершинах горных.

Этим словам научил нас Дьявол, и когда мы заучили их, то все упали на колени, глядя на Него, опустив при этом волосы на глаза и воздев руки горе, и трижды проговорили их, пока все это совершалось. И затем во имя Дьявола мы положили их в середину костра»[49].

Итальянский ученый Гуаццо объяснял, как можно определить, страдает ли человек от maleficium ведьмы. В подтверждение своего мнения он приводит следующие двадцать симптомов:

«1. Во-первых, если болезнь околдованного пациента очень трудно определить, так что доктора пребывают в сомнении и колеблются, постоянно переменяясь во мнениях и боясь делать какие-либо положительные заключения.

2. Если при предложенных с самого начала мерах болезнь не исчезает, но скорее усиливается и становится все тяжелее.

3. Если ухудшения здоровья не происходит, как при нормальных болезнях, постепенно, но больной

страдает уже с самого начала, хотя для этого и нет очевидных патологических оснований.

4. Если заболевание относится к так называемым «блуждающим» и случается периодически. Оно почти никогда не регулярно. И хотя оно может походить на естественное заболевание, тем не менее, оно сильно отличается от последних.

5. Испытывая тяжкие боли, больной, тем не менее, не может сказать, в какой части тела он эту боль чувствует.

6. Время от времени больной издает тяжкие вздохи без какой-либо очевидной причины.

7. Одни теряют аппетит, другие изрыгают пищу и их желудок настолько расстраивается, что во время болезни они уменьшаются в росте. При этом у них можно наблюдать некое подобие шишки, поднимающейся от желудка к горлу и опускающейся назад; а если они пытаются выплюнуть ее в момент, когда она подкатывает к горлу, то все их усилия оказываются напрасны, хотя может случиться и так, что она сама выйдет наружу.

8. Они чувствуют колющую боль в области сердца и говорят, что вот-вот оно разорвется напополам.

9. У некоторых очень заметно, как на руке и шее бьется пульс.

10. Иные ощущают страшные спазмы в области шеи, почек, под ложечкой, как будто ледяной ветер проносится по желудку и исчезает. Либо они чувствуют, как на них накатывает нечто подобное, только в виде огненного облака.

11. Другие теряют половую силу.

12. Некоторые обливаются потом, особенно по ночам, несмотря на то, что погода и время года явно не летние.

13. У других члены тела словно завязаны узлами.

14. Болезнь околдованных ведьмой обычно заключается в ослаблении всего тела и потере силы, сочетаемых с глубокой усталостью, притуплением ума, меланхолическим бредом, разными видами лихорадки, создающими много работы для докторов; с эпилептическими конвульсиями и твердостью членов. При этом иногда даже голова увеличивается в размерах и все тело охватывает необычная усталость, так что эти люди почти не могут двигаться.

15. Иногда вся кожа, но чаще только на лице, приобретает желтый либо мертвенно-бледный оттенок.

16. У некоторых же веки так сильно склеиваются, что они не могут открыть глаз. Это можно проверить с помощью определенных испытаний.

17. Околдованные люди не могут даже взглянуть на священника, пусть искоса, ибо они вращают белками своих глаз в разные стороны.

18. Когда же жгут амулеты, то болезнь обычно сразу меняется к худшему и больной начинает страдать еще больше в соответствии с тем, сильно ли его заколдовали или не очень. Часто они бывают вынуждены издавать ужасные крики и вопли. Но если при этом не обнаруживается каких-либо изменений или новых поражений органов, то тогда есть надежда, что этот пациент при должном уходе сможет поправить свое здоровье.

19. Если ведьма случайно подойдет поближе к больному, то его сразу начинает переполнять сильное беспокойство, он трясется и дрожит от страха. Если же это ребенок, то он сразу же начинает плакать. Глаза у него тут же чернеют. При этом у больного можно увидеть и другие странные изменения.

20. И наконец, если священник пробует излечить болящего от болезни, налагая священную мазь на глаза, уши, лоб и другие части тела, и в тех местах появляется пот, либо что-нибудь иное, то становится ясно, что этот больной заколдован».

Таким образом, нетрудно представить, как в эпоху неразвитости медицины всяческие недомогания относились на счет колдовства: паралич, тонический спазм мышц челюсти, лихорадка, анемия, склероз, эпилепсия, истерия. При подобного рода болезнях часто наблюдались такие симптомы, которые очень сильно пугали даже образованных людей, не говоря уж о рядовом обывателе.

Очень часто ведьмы обвинялись в том, что они изготавливали некие мази, с помощью которых можно околдовать других людей. Во многих случаях эти притирания приготовлялись из детских трупиков. В 1616 году на процессе в Челмсфорде Сьюзен Бэйкер обвинялась, в частности, в том, что она «преступным образом выкопала череп из могилы на кладбище вышеупомянутой церкви в Апминстере, а череп тот был частью тела одного умершего от заразы мужчины, недавно погребенного там, с намерением использовать оный череп для своих гнусных и дьявольских занятий, а именно:

колдовства, заклинаний и чародейства для того, чтобы околдовать и очаровать некую Мери Стивенс»[50].

Выше уже не раз говорилось, что ведьмы частенько использовали заклинания — магические мольбы — с целью усилить воздействие своих настоев из трав и амулетов. Однако существовали и своеобразные «контрзаклинания», с помощью которых можно было излечить околдованного человека, как, например, следующее:

С Великой пятницы Страстной молиться буду я,
Пока они не оживут, в честь Господа звоня.
Господь и спутники его (двенадцать их число)
Стоят, скорбя, на службе той и слушают его.
А что же у Него в руке?
Знакомый гибкий жезл.
В другой же держит Он руке
Ключи от врат небес.
Откройте же, ключи, врата!
Закройтесь, двери адовы!
И пусть ребенок сей же миг
Пойдет к родимой матери.

И дальше:

А это... там... что издали льет свет нам столь богато?
То — дорогой мой, бедный Сын, на дереве распятый.
Святая голова его, сердечко, две руки
Гвоздями длинными уже к столбу пригвождены.
С молитвой пятничной дите узнает о кресте —
О красном, и о голубом, и о самом Христе.
Воистину, велик Господь, распятый на кресте!
Решился было Гавриил прилечь и отдохнуть,
Но Гефсиман землей был той, да-да, не что-нибудь.
Тут мимо шествовал Господь и так при том изрек:
«Ты спишь ли, нет ли, Гавриил?» — «О нет, — ответил тот. —
Здесь не могу я ни заснуть, ни бодрствовать нет сил».
«Восстань же, Гавриил, скорей, — Господь провозгласил. —
Восстань же и иди сюда, и пусть на этот раз
Ни злоба чья-то, ни болезнь не снизойдут на нас.

О, Иисус, Господь ты наш, аминь, аминь, аминь!»

Здесь будет уместно заметить, что занимавшихся так называемым «белым» колдовством также подвергали гонениям, как и практиковавших «черную магию». Однако белая магия использовалась скорее в положительных целях, а не ради того, чтобы нанести кому-либо вред. Одним из наиболее известных «белых» магов своего времени был Александр Драммонд. В 1630 году в Эдинбурге ему было предъявлено обвинение за «излечение путем колдовства от безумия, а также обычных больных, сумасшедших, помешанных или страдающих маниями, больных лихорадкой и болезнью «не-тронь-меня», раком, глистами, перенесших кровоизлияния и другие необычные болезни... Он признает, что производил такое лечение, однако отрицает, что применял при этом магические формулы и заклинания. Для проверки этих басен были использованы его собственные показания, а также свидетельства сотен очевидцев, после чего он был осужден и сожжен»[52].

Одна шотландская колдунья, жившая в XVII веке, рассказывала, как можно использовать белую магию для изгнания болезней: «Если мы хотели исцелить от какого-либо недуга, либо исправить сломанную руку или ногу, мы трижды повторяли:

Кровь с кровью он соединил — и мигом все скрепилося,
Член с членом он соединил — и мигом те схватилися.
Прелестной нашей Госпожи любимейших сыночек
Зубами, дланью, языком и прочим очарован.
Во имя Господа Отца, и Сына, с ними Дух Святой!

Говоря это три раза мы, таким образом, поражали болезнь и она исчезала, а поврежденные члены срастались»[53].

Заклинаниями белой магии пользовались и тогда, когда хотели излечить ишиас или «боли в ляжках»: «Мы, три девицы, колдуем над стеблями гороха; человек из чрева земли, цвет бобровый, лихорадка земная, запасы укромные, Господь испугал дьявола свечами своими и камнем огромным. Вот она сидит, а вот уже ушла. И пусть она никогда сюда не вернется»[54].

А этими словами можно было излечить любую лихорадку: «Я изгоняю трясучку морскую и лихорадку береговую и все лихорадки, которыми когда-либо распоряжался Господь, из головы и из сердца, из спины, отовсюду — и из колен, из бедер, из кончиков пальцев, из пяток. Так изыди ж, лихорадка, какая — на гору, какая — куда придется: в камень, в пни. Во имя свя

тых Петра, Павла и всех святых, что суть на небесах. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа»[55].

Так называемые «белые колдуны» использовали свое могущество для хороших целей — они излечивали болезни, защищали от ненастья. Однако католическая церковь не принимала колдовства вообще, независимо от его разновидности: «Если ребенок какого-либо человека, либо его друг или скотина заболеют какой-то болезнью или их замучит странный и редко встречающийся недуг, то первое, что он должен сделать, так это подумать и вспомнить о какой-либо мудрой женщине или мужчине, а затем послать к ним за помощью... Но излечившийся таким образом не сможет сказать вместе с Давидом «Господь — помощник мне», но «Дьявол — мой помощник», ибо с его помощью был он излечен»[56].

Многие верили, что ведьмы обладают всеми видами сверхъестественных сил. Так, например, считалось, что они могут вызывать бури: «Они завязывают три узла на одном из ремешков обычного хлыста. Распуская один узелок, они вызывают умеренный ветер; два — ветер крепчает. Ну а уж если развязан и третий узелок, то начинается настоящее светопреставление, подобно тому, как раньше они вызывали громы и молнии»[57].

Гуаццо отмечал, что «ведьмы признавались, будто в своих шабашах они вызывали бури с градом, либо — по желанию — наносили урон земным плодам. Для этого, по их признанию, они бьют воду прутом, а затем бросают в нее или просто в воздух некий порошок, данный им Сатаной. Благодаря этому появляется облако, несущее в себе град, который падает там, где они пожелают. Если же воды нет, они используют свою мочу».

Несколько магических формул заклинания прозвучало и в признании Изабель Гауди (1662 год). Она рассказывала, как они вызывали бурю: «Для этого мы брали кусочек материи, мочил его в воде, а затем, взяв в руки биту, которой пользуются прачки, стирая белье, били этот кусок материи, положив его предварительно на камень; при этом мы трижды повторяли:

Я бью эту тряпку, положив ее на камень,
Для того, чтобы, во имя Дьявола, поднялся ветер,
И не стихнет он, пока я не захочу.

Когда же мы хотели утихомирить ветер, то мы высушивали эту тряпку и трижды произносили:

Во имя Дьявола мы ветер укрощаем,
И не возникнет он, пока мы этого опять не захотим

И если ветер не утихает сразу же, мы призываем нашего духа и говорим ему: «Вор! Вор! Закляни ветер и заставь его утихомириться!» Над дождем же мы не имели никакой власти, однако мы могли в любой момент вызвать сильный ветер. И Он заставил нас поверить, что нет Бога кроме него».

Так как же решали обвинители и судьи, заколдована обвиняемая или нет? Некоторые ученые составили и опубликовали перечни симптомов, свойственных заколдованному человеку. Ниже мы приводим один из таких списков, служивших в качестве своеобразного справочника для германских юристов:

«1. Заколдованные предпочитают худшую пищу.

2. Они не могут проглотить свою еду, постоянно извергают ее назад, будучи не в состоянии переварить ее.

3. Другие ощущают тяжесть в желудке, при этом у них как бы комок подкатывает к горлу. Они хотят изрыгнуть его, но он возвращается назад, в желудок.

4. Некоторые чувствуют, будто их что-то грызет в низу живота. Другие же ощущают либо очень сильный и быстрый пульс на шее, либо боли в почках. Третьи же чувствуют постоянные и невыносимые боли в голове, которые угнетают и вроде как буравят их.

5. У околдованных ведьмой часто болит сердце, при этом им кажется, будто их рвут на части собаки, либо кусают змеи, либо словно их пронзают гвоздями или иглами, давят и сжимают.

6. Временами у них так раздувается голова, что их тело охватывает невиданная усталость, и они вовсе не могут двигаться.

7. Некоторые ощущают частые и внезапные боли, которые они, однако, не могут описать. При этом они громко вскрикивают.

8. Другие слабеют телом и превращаются в настоящую тень по причине необычайного истощения, упадка силы и крайней вялости.

9. Иногда они чувствуют, как их члены становятся мягкими, как будто их кто-то раздирает, крутит, давит, особенно кости и сердце.

10. Некоторые испытывают такое чувство, как если бы через их желудок проносился холодный ветер, либо комок пламени, вызывая при этом сжатие внутренностей и сильное и неожиданное опухание живота.

11. Многие из околдованных подвержены меланх лии. При этом некоторые из них столь ослаблены, чт не желают ни говорить, ни вообще общаться с людьми

12. Пораженные колдовскими чарами имеют сузи шиеся глаза, а их тело, в особенности лицо, почти ц ликом имеет желтый, либо бледносерый оттенок.

13. Когда на больного подействовала ведьма, он по ти всегда охвачен какой-то тревогой, страхом и ужа сом; если это мальчик, то он сразу начинает плакат при этом глаза у него темнеют. Происходят и други перемены. Исходя из этого благоразумный экзорци (изгоняющий злых духов. — прим. пер.) и заботится том, чтобы обнаружить и показать соответствующи признаки родственникам и всем присутствующим тем, чтобы избежать скандала.

14. Особенно важно, если ученые лекари не увер ны, в чем состоит горе, и не могут прийти здесь к ед ному мнению; либо если медицинские меры, предпи санные больному, не улучшают его состояния, но, на против, делают ему хуже.

15. Иногда же единственными доказательствам этого могут быть только косвенные данные — это к сается участия ведьм в делах любви и ненависти, бе плодия, бури, обращения крови и нанесения вреда жи вотным». (Из книги: Винцентий фон Берг. «Наставл ние...»).

Перечень симптомов, свойственных людям, заколд ванным ведьмами, чрезвычайно сильно напомина подобный же список, приведенный Гуаццо (см. выше Это как раз и показывает, сколь широко ходили Европе все эти связанные с ведовством идеи и то, на сколько сильно им верили.

Другое заклинание против околдованных встречае ся в материалах ланкаширского ведовского процес 1612 года:

Три Кусаки укусили тебя —
Больные Слух, Глаз и Язык:
Эти трое станут для тебя колодками.
Отец, Сын и Дух Святой,
Во имя Божие!
Пять «Отче наш», пять «Богородице, Дево»
И «Верую» прочти
В поклонение пяти ранам
Господа нашего.

Любой человек мог быть освобожден от колдовских чар с помощью следующих приемов белой магии: «Если заколдован некий ребенок, то мы берем люльку... просовываем ее три раза через заговоренный обруч, кольцо или ремень, а затем ее должна бросить собака; после чего надо потрясти этот ремень над огнем... бросить на пол и ждать, пока над ним пройдет собака или кошка. Благодаря этому болезнь может оставить человека и войти в эту собаку или кошку»[58].

Можно было, конечно, попытаться покончить с колдовскими чарами или вселившимися в человека бесами и с помощью христианско-экзорцистских средств: «Пристально глядя в глаза этому человеку и возложив руки ему на голову, тайно приказав дьяволу, ибо он есть первоначало всего зла, экзорцист делает условный знак, призывая при этом зараженного человека:

«Такой-то, служитель Христов и церкви, во имя Иисуса Христа я приказываю тебе, нечистый дух, если ты скрываешься внутри этого человека, сотворенного Богом, либо если ты беспокоишь его каким-нибудь иным образом, дай же мне сразу знать о своем пребывании в нем... как ты обычно делал это и до моего прихода». (Из «Наставлений...» Винцетия фон Берга).

Однако не каждый верил в силу экзорцистов. В народе ходили на сей счет и такие сатирические стишки:

Пойди и принеси святой водицы,
И кошку с солью не забудь к приправе,
И кисточку — ей брызгать поудобней.
Налей потом туда слюны священной,
Добавь муки, смешай все хорошенько
И сдобри мешанину эту маслом.
Потом зажгите тоненькие свечки,
При этом так трезвоньте в колокольца,
Чтоб испугался где-то там черт-греховодник[59].

Но даже сегодня экзорцизм остается признанным оружием христианской церкви в ее борьбе с силами тьмы, и порой священники прибегают к изгнанию духов, если даже не из человека, то хотя бы из места, которое, по общему поверью, населено злыми духами.

Глава пятая

ВЕДОВСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОПЕ

Несмотря на то, что инквизиция — Священная коллегия, чьей задачей была борьба с ересями — была основана в 1199 году[60], охота на ведьм практически не начиналась до момента опубликования в конце XV века соответствующих папских булл и выхода в свет в 1486 году «Молота ведьм». С этого времени и до своего заката, пришедшегося на рубеж XVII—XVIII веков, количество потерпевших за ведовство достигло невероятной цифры сто тысяч человек. Из них только 5 тысяч погибло на территории Англии и Шотландии, большинство же — в Германии, которой трудно что-либо противопоставить в плане жестокости, проявлявшейся в отношении подсудимых. Но и во Франции, Италии, Испании, Скандинавии и других уголках Европы также царили несправедливость, жестокость и предубеждение.

Гонения в Германии начались, примерно, в момент публикации «Молота ведьм». Вскоре, в 1532 году, многие государства, составлявшие Священную Римскую империю, приняли так называемый кодекс Каролина, который предусматривал применение пыток и смертную казнь за ведовство. В 1563 г. Тридентский собор[61] принял решение вернуть протестантскую Германию в лоно католичества — одним из последствий этого шага стало усиление всякого рода религиозных гонений: ведовство же было той ересью, против которой ожесточенно боролись как католическая, так и протестантская церковь.

История колдовства во Франции начинается как минимум в 1398 году, когда Парижский университет объявил, что пакт с дьяволом есть не просто обычный магический акт, но настоящая религиозная ересь. В 1431 году в ереси и ведовстве была обвинена даже сама Жанна д'Арк. Однако настоящая охота на ведьм началась там лишь в начале XVI века, как, впрочем, и по другую сторону Рейна. Во Франции эта мания в очень сильной степени подкреплялась изысканиями многих известных ученых, таких, например, как Жан Боден, чья книга «Демономания» (1580 г.) стала заметной вехой в истории этих гонений.

Часто задают вопрос: как же появились и продолжали существовать в эпоху Ренессанса столь жестокие и бесчеловечные заблуждения? Как могли образован

ные ученые, епископы и юристы верить в столь маниакальные идеи? Ответ здесь найти нелегко. Некоторые историки доказали, что эпоха Возрождения вернула к жизни пережитки язычества и языческих культов, корни которых уходят в глубь веков. Другие же утверждают, что христианская церковь, видя себя окруженной со всех сторон возрождающимся учением античности, спустила с привязи жестокую, как и все средневековье, инквизицию, прилагая при этом максимум усилий в своем стремлении сокрушить царство тьмы.

Жестокие методы, применявшиеся ею, заключались, приблизительно, в следующем:

«1. Обвиняемый считается виновным до тех пор, пока он не докажет своей невиновности. Инквизиция приняла это положение римского имперского права, однако в делах веры оправдание было практически невозможным.

2. Подозрение, слухи или открытое обвинение были достаточными основаниями для того, чтобы представить человека на суд инквизиторов.

3. В целях оправдания активности инквизиции эти нападки всегда ставились в зависимость от ереси. Так, человек, убивший в 1252 году инквизитора-фанатика Петра Мученика, был допрашиваем не за убийство, а за ересь (ибо был противником инквизиции).

4. Свидетели не устанавливались. Очень часто их обвинения не были известны подсудимому. В 1254 году папа Иннокентий IV даровал обвинителям анонимность.

5. Свидетели, которым запрещалось выступать в других делах, допускались к участию в следствии против еретиков: это были осужденные за лжесвидетельство, личности, лишенные всяких прав, малолетние дети, отлученные (в том числе осужденные за еретичество). Если же данный свидетель отрекался от своих показаний, то его наказывали за лжесвидетельство, однако его заявление оставалось в силе. Тем не менее, согласно утверждениям инквизитора Николаса Эймерика (1360 г.), если в отказе содержались какие-либо дополнительные свидетельства, изобличавшие обвиняемого, то суд мог принять в качестве свидетельства это второе показание.

6. Ни одному свидетелю не дозволялось давать показания от имени обвиняемого, равно не принималась во внимание и его прежняя хорошая репутация как гражданина или христианина.

7. Обвиняемому не разрешалось держать никаких советов, поскольку в подобном случае адвокат мог подпасть под обвинение в защите еретика (некоторое время адвокатам дозволялось принимать участие в процессе, особенно если инквизиторы заседали в епископальном суде, однако в XVII веке эта привилегия была отменена).

8. Судьями были инквизиторы. Иногда в работе inquisitio позволялось участвовать епископу или юристу.

9. Судьи должны были склонить подозреваемого к признанию. В 1521 году инквизитор Сильвестр Приерио[62] написал, каким образом надлежит это делать.

10. В принципе разрешенная как самая крайняя мера, пытка на самом деле использовалась регулярно и могла быть применена к любому свидетелю. Гражданские власти также применяли пытки, однако инквизиторы расширили и систематизировали их. Пытка считалась способом, с помощью которого можно было обнаружить ересь. Именно в этом качестве она была санкционирована в 1257 году папой Иннокентием IV в его булле «Ad extirpanda». Впоследствии многие папы подтверждали этот документ. Пытки были запрещены в 1816 г. папой Пием VII.

11. По закону пытку нельзя было повторять, однако ее можно было «продолжать» до тех пор, пока обвиняемый не признается в том, чего от него требуют. Обычная пытка состояла из трех стадий. Более мягкие правила, касающиеся ведения процесса над ведьмой, были введены лишь в 1623 году.

12. Признавшись под пыткой, обвиняемый, памятуя о пыточной палате, должен был повторить свое признание «свободно и добровольно, без давления силой или страхом». Считалось, что таким образом он признает свою виновность без пыток (о чем и записывалось в документах суда).

13. Каждый подсудимый должен был придумать или назвать имена сообщников или тех, кого он также подозревает в ереси.

14. Апелляции не разрешались в принципе.

15. Имущество обвиняемого конфисковывалось инквизицией. Все папы считали подобную практику одним из сильнейших методов в борьбе с еретиками. Иннокентий IV говорил, что это есть нечто вроде меча, висящего над головами князей и еретиков. В связи с тем, что кон-

фискация была делом обычным, о ней редко говорится особо, разве что в формуле отлучения». (Р.Г. Робинс. «Энциклопедия ведовства и демонологии», 1959 г.).

Охота на ведьм в Германии

1486 г.	Издание кодекса охотников на ведьм — книги «Молот ведьм» Яковом Шпренгером, деканом Кельнского университета, и приором Генрихом Крамером[63].
1532 г.	Издание кодекса Каролина, предусматривавшего пытки и смертную казнь за ведовство. Этот кодекс был принят практически всеми тремястами крошечными государствами, составлявшими тогда Священную Римскую империю.
1563 г.	Тридентский собор решает вернуть протестантскую Германию в лоно католичества: усиление религиозной борьбы и преследований.
1590 г.	Вильгельм V начинает охоту на ведьм в Баварии.
1618 г.	Дело по обвинению в колдовстве Иоганна Юниуса, бургомистра бамбергского.
1631 г.	Выход в свет книги Фридриха фон Шпее «Cautio criminalis», в которой он выступил против охоты на ведьм.
1632 г.	Смерть епископа Бамбергского кладет конец ужасным преследованиям в этом княжестве (1609—1632 гг.).
1655 г.	Последняя казнь по обвинению в колдовстве в Кельне (там преследования были не столь жестоки).
1775 г.	Последняя официальная казнь за колдовство в Германии (казнена Анна-Мария Швегель, жительница г. Кемптен, Бавария).
1787 г.	Отменены все «ведовские» законы в Австрии.

Охота на ведьм во Франции

1398 г.	Парижский университет объявляет о том, что пакт с дьяволом не есть просто магический обряд, но ересь.

1428 г.	Ведовские процессы в Бриансоне, Дофинэ. В период между 1428 и 1450 гг. сожжено около 167 местных жителей.
1431 г.	Суд над Жанной д'Арк, во время которого ей было предъявлено обвинение в колдовстве.
1440 г.	Известное дело Жиля де Рэ, обвиненного в колдовстве и разврате.
1490 г.	Король Карл VIII издает указ против гадалок, ворожей и некромантов.
1508 г.	Массовые процессы в Беарне.
1529 г.	Инквизиционный процесс в Люксейле.
1557 г.	Ведовской процесс в Тулузе — сожжено 40 человек.
1580 г.	Жан Боден публикует свою «Демономанию», в которой осуждает ведьм.
1589 г.	Четырнадцать ведьм в Туре обращаются с апелляцией к Генриху III, которого впоследствии обвиняют в защите ведьм.
1625 г.	Начало всеобщего упадка охоты на ведьм на территории Франции.
1670 г.	Ведовские процессы в Руане.
1679—1682 гг.	Пресловутое дело «Огненной палаты»: «Звездная палата» Людовика XIV расследует заговоры об отравлении, выслушивая многочисленные свидетельства о распространенности коррупции и колдовства. Арестовано свыше 300 человек, 36 казнено. Дело закончилось королевским эдиктом, в котором отрицалось существование ведовства и колдуний.
1745 г.	Последняя казнь по обвинению в колдовстве (дело отца Людовика Дебара в Лионе).

Если уж человек был обвинен инквизицией, то это означало, что жертва становилась на дорожку, неизбежно ведущую ее к верной смерти. Накануне объявления приговора заключенный должен был еще испытать и процедуру публичного унижения: «Мы повелеваем тебе в качестве наказания носить два войлочных креста желтого цвета, один спереди, другой сзади на каждом своем одеянии за исключением штанов. Ты не имеешь права выйти или зайти куда-либо без этих

крестов. Крест должен быть размером 20 на 16 дюймов, шириной же каждая часть — в 12 дюймов. Если же они порвутся или износятся, ты должен будешь заменить их», писал в своем «Руководстве для инквизитора» францисканец Бернард Ги.

По мере усиления охоты на ведьм в Германии, Италии и Франции инквизиторские суды стали составлять определенные списки вопросов, с помощью которых можно было доказать виновность жертвы. Перед вами пример подобного рода «вопросника», использовавшегося более трехсот лет судьями в Кольмаре, Эльзас.

Вопросы, которые следует задавать ведьме:

Сколь долго ты являешься ведьмой?

Почему ты ею стала?

Как ты стала ведьмой и что тогда произошло?

Кого ты выбрала себе в инкубы?

Как его звали?

Как звали твоего хозяина из числа нечестивых демонов?

Что это была за клятва, которую тебя заставили принести ему?

Каким образом ты принесла ее и на каких условиях?

Какими пальцами ты клялась?

Где ты завершила свой союз с инкубом?

Какие демоны, а также люди приняли участие в шабаше?

Какую пищу вы там ели?

Как было организовано застолье на шабаше?

Где ты сидела на этом пиршестве?

Какую музыку там играли и что за танцы вы танцевали?

Чем вознаградил тебя твой инкуб за половой акт с тобой?

Какие дьявольские отметки оставил у тебя на теле этот инкуб?

Какой вред ты нанесла таким-то и таким-то людям и как ты проделала это?

Почему ты нанесла им этот ущерб?

Как можно его уменьшить?

С помощью каких трав или каким образом ты сможешь избавить их от этого?

Кто те дети, которых ты околдовала?

И почему ты это сделала?

Каких животных ты околдовала до смерти или на слала на них болезнь?

Почему ты совершила подобные деяния?

Кто твои сотоварищи во грехе?

Почему дьявол заключает сделки по ночам?

Что это за мази, которыми ты натираешь свое по мело?

Как ты летаешь по воздуху?

Какие магические слова ты произносишь тогда?

Какие бури ты поднимаешь?

Кто помогает тебе в этом?

Какие из нашествий гусениц и других насекомы дело твоих рук?

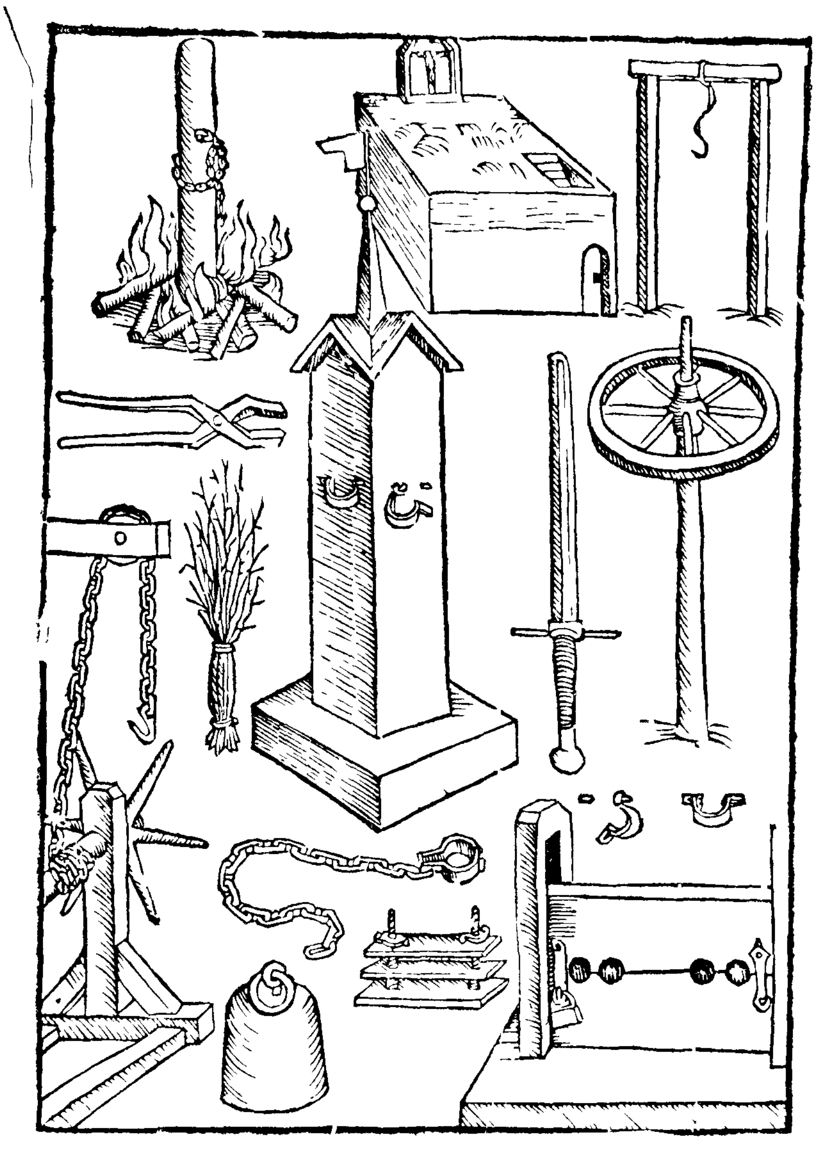
Что ты делала для того, чтобы вызвать этих отвр тительных созданий?

Поставил ли дьявол определенный срок твоим зл деяниям?[64]

Не стоит поэтому удивляться, что тысячи невинны людей, попадая под обстрел такого рода вопросами подразумевавшими изначальную виновность жертвы были преданы смертной казни. Очень часто этими жер твами были люди бедные и невежественные, которы ничего не стоило запугать судьям, распрашивавши их в мрачных судебных казематах. Запуганная жертв могла даже и не понять вопроса, а могла и просто по пасть в словесную ловушку. Шансов избежать под бной участи практически не было.

Для того, чтобы вырвать из подсудимого признани обыкновенно, как мы уже говорили выше, примен лась пытка: душа ведь важнее тела. Учитывая из щренную методику заплечных дел мастеров, не стои пожалуй, удивляться, что пытки, как правило, давал предполагаемые результаты. Немецкий ученый Фри рих фон Шпее (1591—1635) так писал о выбитых с лой признаниях: «Наиболее крепкие, которые выстр дали все это, говорили мне, что трудно представить с бе такое преступление, которого бы они сразу не по твердили, если это сулило хоть какое-нибудь облегч ние, ибо они были согласны скорее десять раз умерет чем пройти через все это еще раз».

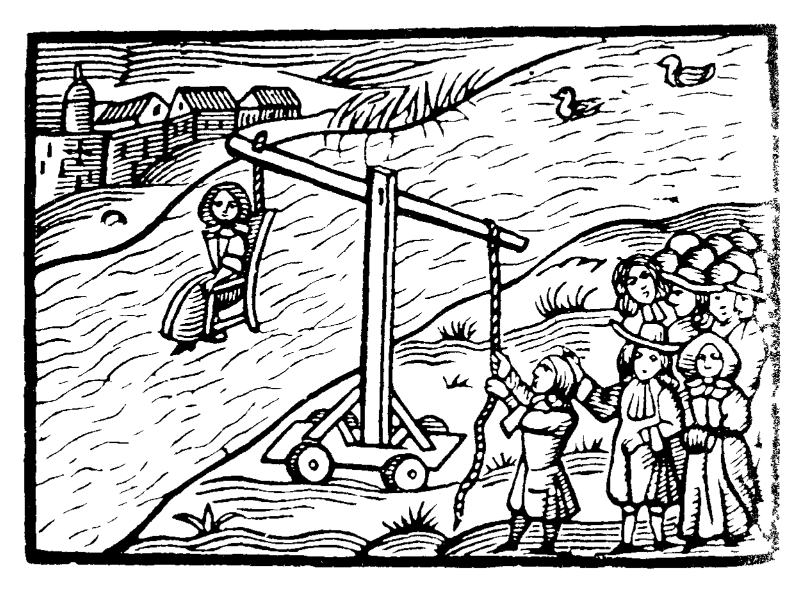
Французский демонолог Жан Боден (1529—159 оправдывал применение пыток следующим образо «Если и есть какой способ умилостивить Господа, д биться Его благословения, внушить благоговейный т

пет одним путем наказания других, предохранить их от сторонней заразы, уменьшить количество грешников, обезопасить жизнь добрых людей и покарать самые отвратительные преступления, которые только может представить себе человек, так это с крайней строгостью наказать ведьм».

«Молот ведьм», написанный двумя монахами доминиканского ордена, предусматривал очень четкие правила подготовки к пытке для упорствующих свидетелей: «Начало испытания пыткой заключается в следующем. Во-первых, тюремщики готовят орудия пытки, а затем раздевают заключенного. Если это женщина, то она раздевается другими женщинами, надежными и почтенными. Раздевание это производится для того, чтобы узнать, не вшито ли в ее одеяние какого-либо орудия ведьм, как это ими часто совершается по наущению беса, когда они пользуются членами тела некрещенного ребенка, так чтобы они могли потерять возможность спастись.

Покуда орудия пытки готовятся к действию, судья от своего имени и от имени других уважаемых мужей и ревнителей в вере снова предлагает обвиняемой добровольно признаться. Если же он не получает признания, он просит присутствующих подготовить заключенного к испытанию на дыбе или каким-либо другим пыткам. Подручные сразу же подчиняются, проявляя при этом притворное волнение. Затем по просьбе кого-либо из присутствующих заключенный вновь освобождается и его еще раз убеждают сказать правду. Пр

этом ему обещают, что он не будет предан смерти, если сознается.

Но если ведьмы, несмотря на угрозы и обещания, продолжают упорствовать, то пусть тюремщики исполнят приговор о пытках по обычному способу, подвергая их тем пыткам, которых требует преступление. Во время пыток им задаются вопросы по пунктам обвинения и делается это постоянно, начиная с более легких обвинений — ибо они с большей готовностью признают легкие обвинения, нежели тяжкие».

Последней надеждой палачей была скуазацция, во время которой «руки заключенного связывались за спиной, к его ногам привязывался груз. Затем его поднимают до тех пор, пока он не коснется головой блока. Некоторое время ему дают повисеть таким образом, так что все его связки и сосуды ужасным образом вытягиваются под воздействием тяжестей, привязанных к ногам.

Затем его рывком отпускают вниз, полностью ослабляя при этом веревку, не давая в то же время коснуться земли. И благодаря этому ужасному толчку его руки и ноги выходят из суставов. Это доставляет ему острейшую боль — от шока, испытываемого им при внезапной остановке, и от того, что груз, привязанный к ногам, самым жестоким и болезненным образом тянет все его тело»[65].

Как говорил Фридрих фон Шпее, пыткам подвергался любой обвиняемый, отказавшийся от признания. После этого он, как правило, почти всегда говорил нужные слова. Люди не чувствовали себя в безопасности даже в своих собственных домах. «Если ведьма сказала правду под воздействием боли, то в этом случае ее состояние описать невозможно. Она не только не может помочь себе, но вынуждена обвинять и других, которых она даже не знает, чьи имена вложены ей в уста следователями, либо сообщены палачами, либо она сама слышала о них как о подозреваемых и обвиняемых. Те же в свою очередь вынуждены были обвинить других, те — еще кого-то и так все это продолжается. Кто может здесь помочь, видя, как все происходит?

То же самое получалось с теми, кто был злостно и преднамеренно оклеветан. И если они не требовали возмещения ущерба, то их молчание принималось за доказательство вины. Если же так и происходило, то

кругом начинала распространяться клевета, усиливалась подозрительность, об этом начали шептаться во всех углах. Поэтому оказавшиеся под пыткой и называли имена.

Из всего, что обычно сопровождало подобные процедуры, следует отметить одно. что если судебное разбирательство продолжалось, то никто не мог чувствовать себя в безопасности вне зависимости от пола, образа жизни, добродетели, чести, если какой-либо враг или клеветник желал подвести человека под обвинение в колдовстве»[66].

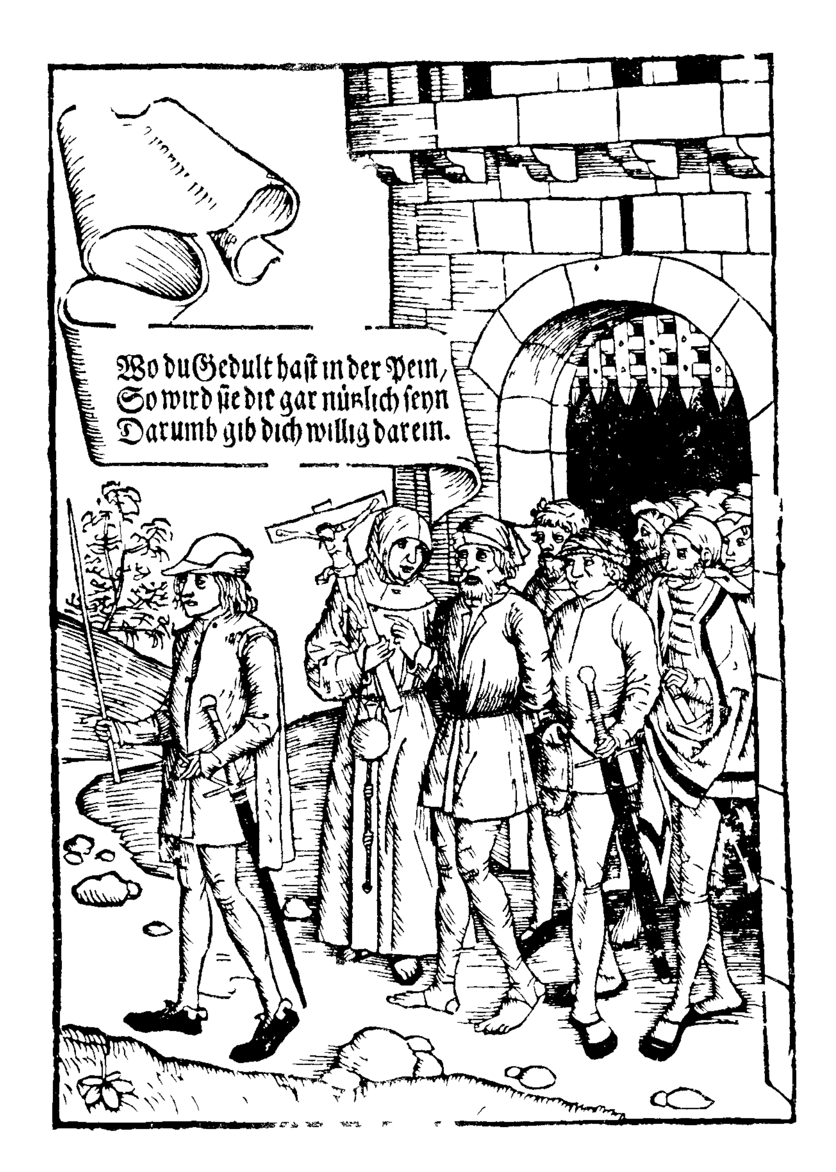
Фон Шпее с презрением относился к утверждениям, согласно которым любой человек давал показания свободно, без применения к нему пыток: «Есть такая фраза, частенько употребляемая судьями, что обвиняемый, дескать, сознался без пыток, а потому несомненно виновен. Мне стало интересно и я провел расследование, во время которого обнаружил, что на деле всех их подвергали пыткам — им зажимали руки и ноги в железных тисках с острыми и узкими стальными краями, плющившими их, словно пирожки, выжимавшими кровь и причинявшими нестерпимую боль. Это-то и называется «без пыток». Именно так вводятся в заблуждение те, кто не понимает подобных фраз инквизиторов».

Существует несколько весьма своеобразных описаний людей, обвиненных в колдовстве, которые, находясь под пыткой, не чувствовали при этом никакой боли. Так, например, Гуаццо рассказывал, как «некая женщина, лет пятидесяти, вынесла пытку кипящим жиром, который лили ей на тело, и другие издевательства над всеми ее членами и при этом ничего не почувствовала. Ведь когда ее вывели из-под пыток, то на теле у нее не оказалось никаких повреждений, кроме разве что большого пальца на ноге, вывихнутого в ходе пытки и еще не вправленного. Но и это никак не мешало ей и не доставляло никакой боли».

Трирские правила, пользовавшиеся, пожалуй, самой дурной славой, свидетельствуют о том, что применение пыток преобрело необычайно широкие масштабы: «Это движение поддерживалось многочисленными чиновниками, которые искали богатства в пепле своих жертв. Вот почему от двора к двору, по городам и деревням всех диоцезов летали и сновали особые обвинители, инквизиторы, нотариусы, присяжные, судьи, констэбли

волочившие под суд и пытку людей обоего пола и сжигавшие их в огромном количестве.

Практически никто из обвиненных не избежал наказания. А в Трире не пощадили даже лучших людей этого города. Ибо один судья, два бургомистра, несколько членов совета и судебных заседателей были со-

жжены там. Каноны всяких церковных коллегий, приходских священников, сельских деканов были отброшены в сторону. Вот сколь далеко зашли в своей злобе и сумасшествии люди и судьи, алкавшие чужой крови и имущества! Не было почти никого, кого бы не запятнали подозрениями в этом преступлении.

Между тем, нотариусы, копиисты и содержатели гостиниц богатели. Палачи разъезжали на чистокровных лошадях, подобно придворным, одетые в золото и серебро. Их жены соперничали с благородными дамами в богатстве своих нарядов. Дети обвиненных и наказанных были сосланы в ссылку. Их добро конфисковано. Пахари и виноторговцы разорились — наступило спокойствие. Ужасная эпидемия или погромщик-завоеватель — и те вряд ли бы опустошили земли Трира больше, нежели инквизиция и необычайно широкие преследования»[67].

Многие пытались подкупить инквизиторов. «Очень часто происходит так, что инквизиторы заменяют телесные наказания денежным штрафом, доставляя себе таким образом огромный доход. Некоторым несчастным приходилось платить что-то вроде ежегодных взносов. Если же они прекращали платить, то их вновь тянули пред светлы очи инквизиционных судей. Более того, в тех случаях, когда собственность еретиков конфисковывалась в пользу общественной казны, инквизитор всегда получал весьма хорошую долю от этого.

И наконец, единственное обвинение, простое подозрение в ереси или колдовстве, или вызов в инквизицию вели к позору и бесчестию. От этого можно было избавиться лишь вручив инквизитору значительную сумму серебра. Когда я был в Италии (в 1511—1518 годах), то большинство инквизиторов Миланского герцогства именно таким образом штрафовали благородных дам, равно как и бедных, но честных женщин истерзанных страхом, от которых они и получали огромные суммы денег», — писал Корнелий Агриппа[68].

Гонения в Трире были действительно ужасными Однако из всех трехсот государств, составлявших Германию, духовное княжество Бамбергское поставило здесь своеобразный рекорд. Охоту на ведьм там возглавил принц-епископ Иоганн фон Ашхаузен (1609–1632), при котором более трехсот человек заплатили своими жизнями за обвинения в колдовстве. Почти сто из них погибли в 1617 году. В развернувшихся в 20

30-х годах XVII века на территории Бамберга преследованиях многие почтенные граждане были обвинены и подвергнуты «справедливому» наказанию — убиты, так что эта земля Германии своей жестокостью прослыла по всей Европе. Так, например, местные пытки включали в себя следующее:

«1. Тиски для больших пальцев, применявшиеся вместе с

2. Зажимами для ног.

3. Бичевание пытаемого (в том числе и в подвешенном состоянии).

4. «Лестница» — одна из форм дыбы.

5. Колодки, уснащенные железными шипами. Это орудие пытки можно было применять в течение шести часов.

6. Дыба.

7. Трение жесткой веревкой шеи до тех пор, пока не откроется кость.

8. Ванны из холодной воды.

9. Испытание горящими перьями, которые следовало держать подмышками или у паха, предварительно обмакнув их в горящий сульфур.

10. «Молитвенная скамеечка» с острыми деревянными ребрами.

11. Насильственное кормление сильно соленой сельдью с одновременным отказом в питьевой воде.

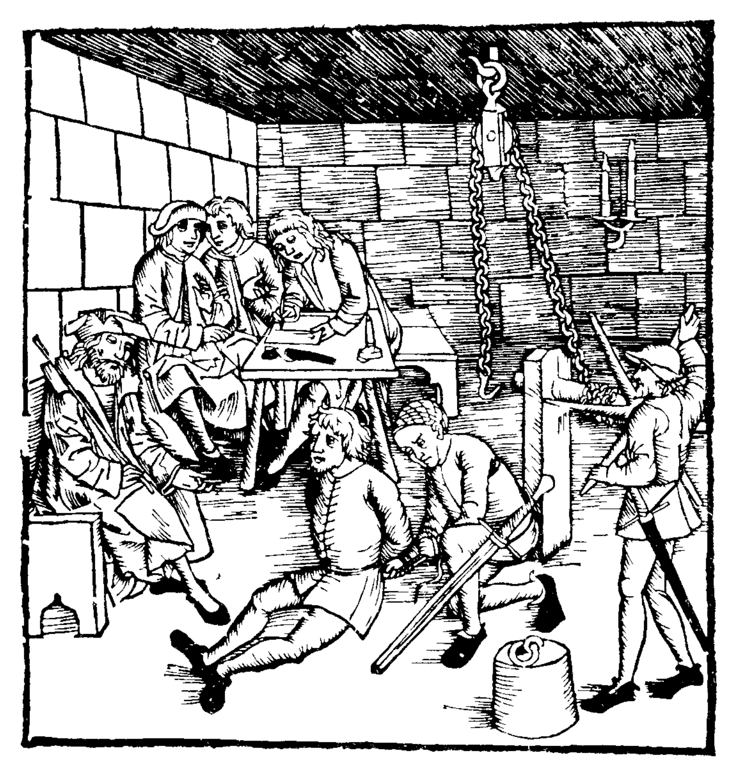
12. Ванны из кипятка, в которые добавлялась известь (в 1630 г. в Цайле было умерщвлено таким образом шесть человек)»[69].

Одно из самых искренних, печальных и пронзительных свидетельств в истории колдовских процессов принадлежит Иоганну Юниусу, бургомистру Бамберга. В 1628 году он был обвинен в колдовстве, подвергнут допросу и приговорен к смерти. В лихорадочной атмосфере того времени он ничего не смог предпринять для своего спасения. Все время, пока шло это разбирательство, он пытался доказать свою невиновность. Незадолго перед смертью он написал письмо своей дочери, Веронике. Письмо это прочитать почти невозможно — ведь его пальцы были изуродованы особыми тисками: «Сто, тысячу раз здравствуй, доченька моя дорогая, любимая Вероника. Невиновным попал я в тюрьму, невиновного меня пытали, невиновным должен я и умереть. Ибо всякий попавший в эту ведьминскую тюрьму, должен стать колдуном, либо же его будут му-

чить до тех пор, пока он не изобретет чего-нибудь эта кого о себе и, Господь да смилостивится над ним! не наговорит на себя.

Я расскажу тебе, что случилось со мной. Когда меня впервые привели на пытку, то там уже были мой зять доктор Браун, доктор Кетцендорфер и еще два незнакомых мне доктора. Тут доктор Браун спросил меня «Ну что, родич, как же ты сюда попал?» Я же ответил «Из-за случайной клеветы». «Послушай, ты, — резко сказал он, — ты же колдун. Сознаешься ли ты в этом добровольно? Если нет, то мы приведем сюда свидетелей, да еще и палача пригласим заодно». Тогда я сказал: «Я не колдун. Я очень хорошо понимаю, в чем ту дело. Пусть хоть тысяча свидетелей придет сюда, я не беспокоюсь. Даже выслушаю их».

Затем предо мной предстал сын канцлера, сказавший, что он видел меня. Я спросил его, был ли он законным образом допрошен и принес ли он клятву, но доктор Браун отказал мне в этом. Затем канцлер, до

тор Георг Хаан, вошел в эту палату и он сказал то же, что и его сын. После чего привели и Эльзе Хеппфен. Она видела, как я плясал в Хауптсморвальде, но они не разрешили ей произнести клятву. Я сказал: «Я ни когда не отрекался от Бога и никогда не сделаю этого — Господь благодатью своей удержит меня от сего. Лучше я вынесу то, что должен вынести».

И затем вошел — да имеет милость Господь небесный! — палач и наложил мне на большие пальцы тиски, связав при этом руки так, что кровь выступила у меня из-под ногтей и в других местах, так что четыре недели после этого я не мог шевелить пальцами, что ты, впрочем, и сейчас видишь из моего письма.

Затем они сорвали с меня одежду, связали руки за спиной и подтянули меня на «лестнице». Тут у меня искры из глаз посыпались, и я подумал, что пришел мне конец. Восемь раз они вот так поднимали меня и резко отпускали вниз, так что терпел я муки необычайные. Сказал я тогда доктору Брауну: «Господь простит тебя за такое злобное обращение с невинным и уважаемым человеком». А он в ответ: «Ты — мошенник».

И произошло все это в пятницу, 30 июня, но, с Божьей помощью, я эти пытки перенес. Когда же, наконец, палач повел меня назад в камеру, он сказал: «Господин, ради Бога, прошу вас, признайтесь хоть в чем-нибудь, потому что вы не вынесете пыток, кото рым вас подвергнут. Но даже если вы и выживете, то все равно не спасетесь, будь вы хоть графом, потому что за этой пыткой последует другая и так будет до тех пор, пока вы не признаетесь в колдовстве. А до тех пор, — продолжал он, — они от вас не отстанут, что вы, впрочем, и сами видите из всего этого процесса. Они все такие».

Затем пришел Георг Хаан, который заявил, что, согласно мнения членов комиссии, принц-епископ поже лал, чтобы из моего дела сделали такой наглядный пример, чтобы все пришли в изумление.

А потому я попросил их, чтобы мне дали один день на размышления и для разговора со священником, по тому что я пребывал в угнетенном состоянии духа. В священнике мне отказали, но время на раздумье дали. Так что смотри, дорогая моя девочка, в какой опасно сти я был и пребываю поныне. Я должен сказать, что

я колдун — хотя я им и не являюсь, должен отказаться от Бога, чего я никогда не делал до этого.

Все это время меня обуревали различные тревожные мысли, но наконец мне в голову пришла одна идея. Я не испугаюсь, и раз уж мне не привели священника, с которым я мог бы посоветоваться, то я сам должен подумать и заявить о своем решении. Наверное, так будет лучше, если я только скажу это, пусть я и не совершал ничего такого в действительности, а потом я мог бы признаться в этом священнику и пусть потом отвечают за все это те, кто вынудил меня поступить таким образом... Так я и произнес признание, как следует ниже, но все это была ложь.

Теперь же читай, дорогое мое дитя, в чем я признался, желая избежать необычайных мук и жестоких пыток, которых я уже не мог более выносить. (Далее следует признание, повторяющее, в сущности, то, о чем было сказано в ходе следствия.)

Затем я должен был сказать, кого я видел на ведовском шабаше. Я сказал, что не признал их. «Ах, ты старый плут, да тебе надо какие-нибудь щипцы засунуть в твою гнусную пасть. Скажи, не было ли там канцлера?» И я сказал «да». «А кто еще?» Я опять ничего не сказал. Тогда он сказал: «Ну-ка, давай пройдемся по улицам. Начнем с рынка, потом пройдем одну, затем другую». Мне пришлось назвать там несколько человек. Тут мы вышли на одну длинную улицу, где я никого не знал. Но все-таки пришлось и здесь назвать еще восемь человек. На Цинкенверт еще одного. Затем пошли на Верхний мост, потом к Георгтор. Здесь я опять никого не опознал. Знаю ли я кого-нибудь во дворце, кто бы это мог быть — обо всем этом я должен был говорить без страха. И так они постоянно спрашивали меня на каждой улице, хотя я не мог да и не собирался говорить им больше ни о чем. Поэтому они вновь передали меня заплечных дел мастеру, сказав, чтобы он сбрил все волосы у меня на теле и подверг меня новым пыткам. «Этот негодяй знает кое-кого с рыночной площади, тот тип общался с ним каждый день, да только он все еще не хочет имени называть». Под этими словами они подразумевали бургомистра Дитмейера, поэтому я должен был назвать его.

После чего мне пришлось заявить о совершенных мною преступлениях. Но я ничего не сказал... «Вздерн

те его!» Поэтому я рассказал, что собирался убить своих детей, но вместо этого зарезал лошадь. Это не помогло. Я также брал священные облатки и закапывал их. Когда я сказал об этом, они оставили меня в покое.

Вот, дорогая моя, перед тобой все мои деяния и признания, за которые я должен умереть. Но все это абсолютная ложь и измышления, да поможет мне Господь. Ибо все это меня заставили сказать с помощью адских мук, которые я и претерпел. Ведь они никогда не прекращают пытки прежде, чем человек не сознается в чем-либо. Неважно, насколько он благочестив, он должен стать колдуном. И никому нет спасения, будь он даже дворянином. И если Господь не снисполшет никаких средств для защиты и не прольет свет истины, то вся наша семья будет сожжена. Богу на небесах ведомо, что я не знаю ни о чем. И умру я невиновным подобно мученикам.

Дорогое дитя, письмо это сохрани в тайне, дабы никто не нашел его; в противном случае меня станут пытать еще более жестоко, а моих тюремщиков обезглавят. Ведь все это запрещено... Дорогая моя, дай этому человеку талер... Я писал это письмо несколько дней — обе мои руки искалечены. Я очень плох... Спокойной ночи, — ведь твой отец, Иоганн Юниус больше никогда тебя не увидит»[70].

Один приходской священник из деревни в округе Бонна так характеризовал атмосферу террора, господствовавшего во многих местах Германии в начале XVII века: «Жертвами пылающих погребальных костров являются, в основном, колдуны-мужчины. В это дело впутано полгорода, ибо арестовывались и сжигались даже профессора, студенты-юристы, пастыри, каноники, викарии и монахи. У Его Светлости Принца было семьдесят семинарий, в которых готовили священников, и один из них, прославившийся еще и в качестве музыканта, был вчера арестован; двух других также искали, но им удалось скрыться. Канцлер и его жена, а также жена его личного секретаря тоже были схвачены и казнены.

Накануне дня Девы Марии была казнена девушка девятнадцати лет, пользовавшаяся необычайной любовью в городе за свою добродетель, которую с младых ногтей воспитывал сам Принц-епископ. Я видел, как был казнен, а затем сожжен каноник кафедрального собора по имени Ротензахе. Дети трех-четырех лет имели свои-

ми любовниками дьяволов. Там сжигали студентов и мальчиков в возрасте 9—14 лет. Короче говоря, состояние дел столь ужасно, что никто не знает, с какими людьми ему можно разговаривать и общаться»[71].

Кое-кто начинал выступать против всех этих мерзостей. В числе подобных людей оказался и иезуит Хайнрих Тюрк из Падерборна: «Некоторые люди начинают испытывать необычайную симпатию к этим несчастным жертвам, и тут же стали возникать большие сомнения в том, действительно ли все эти ввергаемые в пламя люди так виновны и заслуживают столь ужасной смерти. Ведь многие думают, что подобное обращение с людьми, которых искупил своею драгоценною кровью Христос, есть неоправданная жестокость, худшая любого варварства»[72].

Однако в десятые—двадцатые годы XVII века неистовое пламя преследований начинает потихоньку угасать Все эти ужасные гонения в Бамберге прекратились с наступившей в 1632 году смертью Принц-епископа, в Кельне последнюю ведьму казнили в 1655 году. И все-таки последняя официальная казнь состоялась в Германии лишь в 1775 году; в Австрии же антиведовские законы были отменены двенадцать лет спустя. Во Франции ведовские процессы начинают затихать уже с самого начала XVII века, хотя, конечно, необычное дело chambre d'ardente 1679—1682 гг. во всем «великолепии» показало, какие предрассудки коренились в понятии «охота за ведьмами». (Звездная палата Людовика XIV расследовала имевшие широкое хождение заявления об отравлениях и ведовстве среди французской знати; королевский эдикт 1682 года отверг реальность ведовства и колдовства.) Во Франции последняя казнь по обвинению в колдовстве состоялась в Лионе в 1745 году.

Глава шестая

ПРОЦЕССЫ НАД КОЛДУНАМИ И ВЕДЬМАМИ В АНГЛИИ И ШОТЛАНДИИ

Преследование ведьм в Англии ощущалось гораздо слабее, нежели на континенте. Начиная с 1542 года до последней казни, состоявшейся в 1684 году, на тот свет было отправлено около тысячи человек. Причиною тому было множество самых различных факторов, среди

которых главным, пожалуй, было то, что на территории Англии никогда не существовал аппарат инквизиции. При Генрихе VIII (1509-1547) страна вышла из общеевропейской системы католической церкви. Кроме того, естественной преградой на пути проникновения на Британские острова наиболее отвратительных проявлений средневековой жизни лежал и Ла-Манш. В то время как в Германии и во Франции шли массовые казни, во время которых гибли сотни колдуний и колдунов, в Англии самой крупной акцией подобного рода стало Челмсфордское дело 1645 года — тогда одновременно было казнено девятнадцать ведьм. Однако то было время могущественного охотника за ведьмами Мэтью Хопкинса — он находился в зените своей славы. А вообще даже казнь девяти ведьм в ходе Ланкаширского процесса 1612 года стала для Англии явлением необычайным и сенсационным.

Равным образом английские судьи не проявляли к своим подследственным такой жестокости, какую проявляли в отношении своих жертв их коллеги с континента. Так, например, если говорить о пытках, то в Англии применялась лишь «диета» (хлеб и вода), насильственное напаивание человека водой и выкручивание суставов. Здесь не прижились ни дыба, ни жом, ни испанский сапог, как то встречалось сплошь и рядом в Европе (если только подозреваемый в ведовстве не считался также и изменником). Кроме того, в Англии ведьм почти всегда вешали, а не сжигали.

Начало охоте на ведьм было положено особым статутом против ведовства, выпущенным в 1542 году во время правления Генриха VIII. В нем говорилось о том, что если кто-либо «использует, прибегает, практикует либо иногда занимается... заклинанием или вызыванием духов, ведовством, колдовством и чародейством для того, чтобы найти деньги или сокровища, или опустошает, истребляет или разрушает чье-либо имущество, родственников или его самого... либо выкапывает и ниспровергает крест или кресты — то это будет считаться и признаваться уголовным преступлением, и все и каждый погрешившие вышесказанным образом... будут считаться, признаваться и являться уголовными преступниками и уголовными преступницами.

И эти преступники и все, нарушающие данный акт... претерпят и понесут такие же тяжелые кары смертью, потерей и конфискацией их земель, держа-

ний, товаров и движимого имущества, как в случае уголовного преступления, и потеряют привилегию духовенства и священства»[73].

Этот статут 1542 года был направлен также и против тех, кто незаконно вызывал духов, и кто, «сотворив и послужив причиною к появлению различнейших образов и изображений мужчин, женщин, детей, ангелов или чертей, животных и птиц, и сотворив также короны, скипетры, мечи, кольца, чаши и другие вещи, уверяли всех в истинности этих фантастических вещей и вырывали и ниспровергали бесчисленное множество крестов и взяли на себя право объявить всем, где находятся потерянные или украденные вещи. Подобные же деяния могут быть использованы разве что ради великого насилия над законом Божеским, ради нанесения ущерба и зла подданным короля и потери душ этими преступниками, к великому бесчестью Божьему, бесславию и нестроению в королевстве».

Похожий статут был издан и в самом начале правления королевы Елизаветы I в 1563 году (статут Генриха VIII был отменен после его смерти в 1547 г. в правление Эдуарда VI). В этом новом указе говорилось: «Настоящим объявляется, что сегодня нет обычных или особых наказаний, следуемых занимающимся преступным вызыванием и заклинаниями злых духов... это же преступление силою статута, принятого в тридцать третий год правления покойного короля Генриха Восьмого, считалось уголовным деянием, и таково было положение дел до тех пор, пока упомянутый статут не был отменен Актом и Указом об отмене, выпущенными в первый год правления покойного короля Эдуарда VI».

Возможно, что на деятельность Елизаветы в деле издания в 1563 г. законов против ведьм повлияла обращенная к ней проповедь епископа Салисбери Джона Джюэлла, произнесенная им за три года до этого: «Эти люди (я имею ввиду ведьм и колдунов) в течение последних нескольких лет удивительно усилились во владениях Вашей Светлости. Эти глаза видели наиболее очевидные и явные проявления их злобы. Подданные Вашей Светлости усыхают до смерти, их цветы увядают, их плоть гниет, их чувства притупляются, они лишаются разума. Вот почему самая скромная просьба Ваших бедных подданных Вашему Высочеству состоит в том, чтобы законы, касающиеся этих злодеев, были приведены в исполнение»[74].

Поскольку статут Генриха VIII был отменен, то «многие дьявольские личности придумали и исполняли вызывания и заклинания грешных и преступных духов, и прибегали к использованию ведовства, чародейства, заклинаниям и колдовству на пагубу людям и добру их соседей и других подданных этого королевства, а также к другим непристойным деяниям и хотениям вопреки законам Всемогущего Бога, с опасностью для их собственных душ и к бесчестию и нестроению этого королевства».

В этом статуте Елизаветы говорилось, что если кто-либо «использует, занимается или прибегает к заклинаниям и вызову грешных и злобных духов ради любых целей и нужд; либо если любой человек или какие-то люди будут после упомянутого первого дня июня использовать и прибегать к ведовству, чарам, заклинаниям или колдовству, то этот человек может быть убит и уничтожен... (тогда он) претерпит муку смерти, как преступник (или преступники) и потеряет привилегию и выгоды священства и духовного состояния». Тем не менее, жена и дети подпавшего под эту статью сами под ее действие не подпадали.

Смерть на виселице являлась самой суровой мерой наказания, которая могла быть наложена за колдовство — ведь последнее считалось в Англии скорее светским преступлением, нежели религиозной ересью. Наряду с этим, были возможны и другие наказания, например, позорный столб. Если кто-либо «будет использовать, заниматься или прибегать к любого рода заклинаниям, чарам, ведовству или колдовству, отчего какой-нибудь человек будет иссыхать, чахнуть, либо каким-нибудь образом повредится телом, либо его добро или движимость будут повреждены и разрушены, то тогда каждый такой преступник будет посажен в тюрьму на время до года без поручительства или залога, и один раз в конце каждого третьего месяца оного года... в ярмарочный день на рыночной площади... будет выставляем у позорного столба на шесть часов, где будет открыто признаваться в своих проступках и заблуждениях».

Ведовство в Англии и Шотландии

1542 г.	Статут Генриха VIII против ведьм
1547 г.	Отмена статута 1542 г. во время правления Эдуарда VI

1563 г. Статут королевы Елизаветы, направленный против ведовства

1566 г. Первый ведовской процесс в Челмсфорде

1579 г. Виндзорские ведьмы; второй процесс в Челмсфорде

1582 г. Эссекские ведьмы из Сент-Осиса (дело расследовалось в Челмсфорде)

1584 г. Публикация «Открытия ведовства» Реджинальда Скота

1589 г. Третий процесс в Челмсфорде

1593 г. Хантингтонские ведьмы

1597 г. Издание «Демонологии» Якова VI Шотланского (Яков I Английский)

1597 г. Дело мальчика из Бертона (Томаса Дарлинга) в Стаффордшире

1604 г. Статут Якова I против ведьм

1604 г. Дело мальчика из Норсуича (самозванец)

1605 г. Абингдонские ведьмы и Анна Гюнтер (самозванка)

1612 г. Ланкаширский ведовской процесс

1616 г. Дело мальчика из Лейчестера (Джона Смита), самозванца

1620 г. Дело мальчика из Билсона (Уильяма Перри), самозванца

1645 г. Дело фавершемских ведьм в Кенте. Генеральный охотник за ведьмами Мэтью Хопкинс и Челмсфордский (Маннингтри) ведовской процесс

1646 г. Мэтью Хопкинс умирает от туберкулеза

1647 г. Издание книги Хопкинса «Открытие ведьм

1649 г. Дело Сент-олбанских ведьм в Хертфордши

1652 г. «Любимец доктора Лэмба»: дело Анны Боденхэм. Дело Уоппингской ведьмы (Джо Петерсон) около Лондона

1662 г. Ведовской процесс в Сент-Эдмундсбери

1674 г. Процесс над Анной Фостер в Нортгемптоне

1682 г. Дело грех эксетерских ведьм

1684 г. Последняя казнь по обвинению в ведовстве в Англии (Алиса Молланд из Эксетера)

1712 г. Джейн Уэнхем из Уолкерна, Херефордшир последний человек в Англии, обвиненный ведовстве.

1722 г. Последняя казнь по обвинению в колдовстве на территории Шотландии

1736 г. Отмена статута Якова I (1604 года)

В соответствии с законодательством того времени, люди, занимавшие высокое положение в обществе, подвергались иному суду, если даже они и обвинялись в подобных же преступлениях: «Если же подобный преступник окажется пэром этого королевства, то пусть он будет судим судом его пэров, как то обычно делается в случаях с уголовными преступлениями или государственной изменой, но никак иначе».

Другой, более поздний статут, принятый в 1581 году, то есть еще в правление Елизаветы, должен был защитить монархию от ведьм. Если кто-либо будет «стремиться узнать, либо будет активно допытываться словами, делами ли, посланиями, сколь долго будет жить королева или сколько она собирается прожить, либо кто будет править в качестве короля или королевы этого королевства Англия в случае болезни ее светлости, либо будет в какой-либо открытой форме пророчествовать на этот счет, либо стремиться и желать смерти или потери нашей госпожой своего королевского величия, в котором она сейчас пребывает, либо что-нибудь подобного же рода, то тогда каждое такое деяние будет считаться уголовным преступлением, а потому и наказываться будет казнью и конфискацией имущества».

Первый крупный ведовской процесс состоялся в Англии в 1566 году. Дело было в Челмсфорде, в Эссексе; со времени издания антиведовского статута прошло три года. Дело это, несомненно, считалось важным. В первый день его вели местный ректор, преподобный Томас Кол и сэр Джон Фортескью; на второй — сэр Джилберт Джерар (генеральный атторней) и Джон Саускот, судья из Королевской скамьи. Подсудимых было трое — Элизабет Фрэнсис, Агнес Уотерхауз и ее дочь Джоан Уотерхауз. Все они были родом из небольшой деревушки Хатфилд Певерилл, что близ Челмсфорда. Этот процесс весьма интересен, так как он очень хорошо представляет общую картину положения подозреваемых в колдовстве.

После бесчисленных распросов Элизабет Фрэнсис созналась в том, что ведовское искусство она постигла под руководством своей бабки, матушки Ив, когда ей было всего 12 лет. Матушка Ив посоветовала ей отказаться от Бога «и отдать свою кровь Сатане (так она говорила), о котором она сказала, что он является в образе белой пят

нистой кошки, и научила вызывать ее, произнося п; этом имя Сатаны, и держать ее в корзинке».

Вскоре Элизабет начала просить кошку, ее «знак мого духа», делать кое-какие вещи для нее. Она зах тела «стать, по возможности богатой и жить в довол стве, и он пообещал ей это, спрашивая, что она жел ет, и она сказала: «Овец» (потому что эта кошка ра говаривала с ней, по ее собственному признанию...). ; тотчас эта кошка доставила на ее пастбища овец в к личестве 18 штук, черных и белых, которые и остав лись с ней все это время, но под конец все они был унесены, причем она даже не знает, как».

Тогда Элизабет попросила эту кошку сделать та чтобы Эндрью Байлс стал ее мужем. Это был местны богач и он, конечно, отказал Элизабет, которая тог «пожелала, чтобы Сатана опустошил его склады, ч он тотчас и сделал; и не будучи удовлетворенной эти она пожелала, чтобы он коснулся тела Байлса, что т и сделал, после чего этот человек умер».

После смерти Эндрью Байлса Элизабет начала под скивать другую кандидатуру на роль мужа. Этим че веком стал Фрэнсис, остававшийся ее мужем и на м мент следствия. «После женитьбы они жили так, к она и желала, будучи возбуждаемы, как она говори к беспокойству и подвигаемы к проклятиям и бог хульствам. А потому она пожелала, чтобы Сатана – кот — убил ребенка, бывшего в возрасте около полугода и тот сделал это.

Но поскольку она так и не обрела спокойствия, ко рого столь страстно желала, то она приказала ему н слать хромоту на своего мужа Фрэнсиса. И тот сделал следующим образом: он пришел рано утром и устрои в башмаке оного Фрэнсиса, приняв облик гнусной жаб И когда тот, надев башмак, коснулся Сатаны ногой, он очень удивился и спросил об этом у своей жены. И сказала, чтобы он не убивал эту жабу, и как тол Фрэнсис послушал ее, его тотчас же одолела хромота, которой он так и не излечился».

Установив к своей радости, что этот кот был сам Дьяволом, суд принялся тщательно исследовать фор отношений Элизабет с котом-Сатаной: на процессе признавалась, что «каждый раз, когда он что-нибудь вершал по ее просьбе, он требовал от нее капельку ви, которую она и давала ему, прокалывая свое то в одном месте, то в другом. В тех местах, где

укалывала себя, оставались красные пятна, которые можно увидеть и сейчас». Элизабет призналась, что подобные «дружеские» отношения она поддерживает вот уже 15 или 16 лет. Но под конец она стала уставать от всего этого и решила порвать такую «дружбу». Она «пришла к своей соседке матушке Уотерхауз, бедной женщине, когда та возилась у печи, и попросила дать ей один пирожок. В свою очередь она пообещала принести ей что-то такое необыкновенно хорошее, что неизбежно пригодится в течение всей ее жизни. И эта матушка Уотерхауз дала ей пирожок, после чего она принесла ей в переднике этого кота и научила ее делать так, как в свое время она научилась от своей бабки Ив, говоря при этом, что она должна звать его Сатана и давать ему немножечко своей крови, хлеба и молока».

Характерно, что Элизабет Фрэнсис не упоминает ни о договорах с Дьяволом, ни о шабашах или ведовских собраниях. Вообще упоминания об этих вещах встречаются в материалах английских ведовских процессов очень редко; они больше свойственны Европе с ее острейшими религиозными проблемами. Однако этот «прислужник» и деяния «maleficium» (личного злодеяния) встречаются гораздо чаще. В данном случае суд полностью полагался на показания Элизабет и вынес следующий приговор: ее присудили к годичному тюремному заключению. Несколько лет спустя ее вновь обвинили в ведовстве и после этого теперь уже вторичного обвинения она была повешена (1579 г.): причем следует заметить, что эта кара настигла ее не по обвинению в ереси, а за причинение вреда конкретному человеку.

Второй обвиняемой в Челмсфордском процессе была матушка Агнес Уотерхауз. Во время распросов Агнес Уотерхауз призналась, что она поступала с этим котом, Сатаной, так же, как и Элизабет. Например, она с необычайным упорством «заставляла его убить одну из своих собственных свиней, что он и сделал. А за труды она дала ему цыпленка, которого он попросил у нее до этого, а также капельку своей крови. И каждый раз, когда он делал что-либо по ее просьбе, она вознаграждала его таким образом, укалывая себя в лицо или в руку и сцеживая кровь ему в рот. Он сосал, а потом вновь ложился в корзину, в которой она держала его.

Пятна от всех этих проколов еще и сегодня видны н
ее коже».

В другой раз Агнес заявила суду, что как-то он
очень рассердилась на некоего отца Керси, решив стр
го наказать его. Она взяла «своего кота, Сатану, в п
дол и положила его на дерево перед дверью и приказ
ла ему убить трех свиней этого отца Керси. Он так н
поступил, а вернувшись, рассказал ей об этом, и он
наградила его так же, как и до того, то есть дала цып
ленка и каплю своей крови. Этого цыпленка он съе
без отстатка, так что после него не оставалось ни ко
точки, ни шкурки, ни сухожилия».

Безусловно, испытывая на себе давление, Агнес за
явила суду, попросив принять во внимание и други
акты maleficium. Так, она призналась, что, «поссорив
шись с одной вдовой по имени Гуддей, она приказал
Сатане увести ее корову, что он и сделал. Она же на
градила его, как и раньше. Равным образом, когда он
поссорилась с другой своей соседкой, она точно такж
сгубила трех ее гусей.

А также она признала, что будучи постоянно в бе
покойном состоянии, она попросила Сатану разруши
тогда же пивоварню. А когда ее соседке не понравило
масло Агнес, последняя два дня спустя испортила е
молоко. А также, поссорясь с другой своей соседкой
ее мужем, она приказала Сатане убить последнего ч
рез кровотечение, что тот и сделал за прежнее возна
раждение».

В конце концов она призналась, что «поскольку н
отношения с мужем были не очень хорошие, она пр
казала Сатане убить его, что тот и сделал девять л
назад, и с тех пор она вдовствует».

Мы видим, что в данном случае Сатана претерпев
ет своеобразные волшебные метаморфозы — он превр
щается в жабу. Агнес Уотерхауз объяснила, что «до
гое время она держала этого кота в корзине и по бе
ности была вынуждена сделать ему подстилку из шер
сти, хотя ее у нее было мало. И потом она начала м
литься во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, дабы он
превратился в жабу. И тут же он обратился в жабу,
поэтому она положила ее в корзину, а шерсть забрал
Но также она сказала, что идя в Брекстед незадол
до ареста, она услышала, как Сатана приказал ей п
торопиться домой, ибо у нее должны были произой
большие неприятности, так как вскорости она буд

либо повешена, либо сожжена». Так заканчивается признание матушки Уотерхауз. Она была признана виновной и стала, таким образом, первым человеком, повешенным в Англии за колдовство. Действительно ли она занималась магическими упражнениями, или она стала жертвой законодательного предубеждения и местных пережитков — неизвестно. Однако этот случай несомненно повлиял и на последующие, подтверждая убеждение, что колдовство являло собой постоянно растущую опасность для общества.

Третьей обвиняемой в 1566 году в Челмсфорде была дочь матушки Уотерхауз — Джоан Уотерхауз, девушка восемнадцати лет. Джоан обвинялась в околдовании 12-летней девочки Агнес Браун, у которой «отсохли ее правая нога и правая рука» (на деле последнюю, вероятно, разбил паралич). Единственное свидетельство против Джоан было дано самой пострадавшей и, естественно, ничем не подтверждалось. Памятуя, сколько людей попало под подозрение по неподтвержденным показаниями детей за последние годы, Джоан была необычайно рада, когда ее освободили.

В судебной палате Джоан сказала своей обвинительнице, что она порой принимала участие в колдовстве, которым занималась ее мать, но что только однажды она решила напугать эту девочку Агнес Браун из Брекстеда, которая отказалась дать ей хлеба и сыра. Джоан спросила Сатану, что ей следует сделать. Сатана потребовал у нее душу и тело. Джоан, «будучи сильно напугана и решившись избавиться от него, согласилась. И тогда он подошел к этой девочке в образе злобного пса с рогами на голове и так сильно испугал ее, что этот образ до сих пор преследует девочку»[75]. Этот рассказ о собаке был придуман самой Агнес Браун. По-видимому, кот или жаба — в данном случае решил поменять свой облик!

Процесс в Челмсфорде 1566 года привлек к себе необычайно широкое внимание англичан. Графство Эссекс прославилось именно своей борьбой с ведьмами, вот почему неудивительно, что последовавшие за тем годы пестрят многочисленными сообщениями подобного рода. Второй крупный Челмсфордский процесс состоялся в 1579 году — тогда была повешена Элизабет Фрэнсис. Вместе с ней погибли еще двое: Эллен Смит, чью мать повесили по обвинению в колдовстве пять лет

назад, и Элис Ноукс. Другая обвиняемая, Маргарет Стэнтон, была оправдана.

Три года спустя в этом же месте состоялся еще один знаменитый процесс — дело о ведьмах из Сент-Осиса. К тому времени поиск на теле обвиняемых «дьявольских отметин», то есть тех мест, откуда дьявол пил кровь, стал уже обычной процедурой. Равным образом вошло в практику и обыкновение принимать в качестве свидетельств показания психически неполноценных детей. Один из современных исследователей так пишет об этом: «Подобное использование таких свидетельств в процессах может привести к мысли о том, что в 1582 году в Англии вовсе не существовало правил, касающихся положения свидетелей. С легкостью принимались устные заявления детей шести- и девятилетнего возраста. Не осуществлялось и критического подхода к заявлениям соседа, который говорил, что он слышал нечто такое, что, по его мнению, являлось преступными речами... Оценки экспертов принимались каким-то окольным путем — например, в суд направлялось заявление, в котором говорилось, что доктор подозревает, что некое деяние есть по своей сути колдовство и т.д. Во внимание принималось абсолютно все»[76].

Третий крупный ведовской процесс состоялся в Челмсфорде в 1589 году, когда были осуждены один колдун и с ним еще девять человек. Четверо из них были повешены. Как и ранее, этот процесс характеризуется использованием беспочвенных детских обвинений в качестве «доказательств», наличием чертей, «прислужников» и многообразных актов maleficia. Сообщений о шабашах или пактах с дьяволом мы не встречаем, не то, что во Франции и Германии. Преследования в Эссексе достигли своего пика в 1645 году в эпоху деятельности генерального охотника за ведьмами Мэтью Хопкинса.

В виду распространения ведовства в конце XVI века, в 1604 году, то есть во второй год правления Якова I, были приняты строгие законы против него. Сам король был активным исследователем проблемы ведовства и в 1597 году он опубликовал свой труд — «Демонологию». Лично он верил в ведьм и строго преследовал их.

В речи, произнесенной в 1591 году в Эдинбурге, он строго выговорил суду за то, что он отклонил обвинения в ведовстве: «Ибо я знаю, что колдовство, с необы

чайной широтой распространяющееся среди нас, есть наиболее тяжкий грех, и я провел три четверти этого года, отсеивая тех, кто здесь виновен. Божеские и человеческие законы учат нас, что этот грех — наиболее отвратительный. И по законам Божьим карается смертью. По человеческим же установлениям это называется maleficium или veneficium, дурное или отравляющее деяние, и наказывается соответственно смертью.

То, что подвинуло (людей ассизы) сделать так, как они сделали, было то, что они не имели никаких других свидетельств, кроме ведовских. Я знаю, что, по гражданским законам, эти непристойные личности не могут быть приняты в качестве свидетелей, за исключением случаев с ересью или lesae majestatis. Но хотя в других случаях этого допустить никак нельзя, тем не менее, в подобных делах с ведьмами подобное применимо. Во-первых, ни одна честная душа не может знать о таких вещах. Во-вторых, потому что они не обвиняют сами себя. И в-третьих, ни одно из совершенных ими деяний не может быть видимо.

Далее. Колдунами и ведьмами я называю тех людей, которые отказываются от Бога и целиком предаются Дьяволу. Но если они отказались и раскаялись, как было сделано в этот раз, то я не считаю их ведьмами и колдунами и потому их показания суть удовлетворительны»[77].

Статут Якова I от 1604 года в качестве обязательной кары за преступления, совершенные колдуньей, предусматривал виселицу. Такое наказание применялось даже если не было совершено убийство. Если какой-либо мужчина или женщина «будут использовать или упражняться в вызывании и заклинании любых грешных и злобных духов, либо будут советоваться и собираться ...либо вознаграждать любого грешного и злобного духа ради любой цели или интереса; либо будет вырывать из могил мертвых мужчин, женщин и детей... для того чтобы использовать их так или иначе для своего колдовства... если будет убит, ранен, поврежден, иссушен телом любой человек... то каждый такой преступник или преступники, их помощники, соучастники и советчики, будут законно обвинены в любом из упомянутых преступлений и присуждены к смерти, и пострадают от мук смерти, как преступник или преступники, и потеряет привилегию и выгоды священства и церкви»[78].

Интересно однако и то, что статут Якова I говорит о зародившейся в Европе идее шабаша и договора с Дьяволом. Вероятно, английские юристы, ученые и церковные деятели хотели утвердиться в мысли, что колдовство было нечто большее, чем просто преступление против человека: это было преступление против Бога. (Статут 1604 года был отменен только в 1736 году во время правления Георга II).

Король Яков считал, что ведьму следует проверить через испытание водой, то есть заставить ее «поплавать». Обвиняемую бросали в реку или озеро: если она выплывала, значит, она была виновна; если тонула — невинна. «Господь предназначил в качестве сверхъестественного знака за чудовищное неуважение, проявляемое ведьмами, сделать так, чтобы вода отказалась принимать в свое лоно тех, кто отверг святую воду крещения и упрямо отказывался от благодати»[79].

Испытание водой было очень старым методом определения вины или невиновности человека. Подобное обращение к вмешательству Бога было известно уже вавилонянам. «Если один человек обвиняет другого в черной магии, но при этом неясно объяснил свое дело, тогда обвиняемый пойдет к реке и погрузится в воду. Если река победит его, то тогда обвинитель будет владеть его имуществом. Если же река докажет его невинность и он не утонет, его обвинитель неизбежно будет приговорен к смерти, а собственность мертвого станет частью (имущества) того, кто перенес испытание»[80].

Тем не менее, несмотря на свою политику преследования ведьм, Яков I (1603-1625) постепенно начал меняться в своем мнении. Он увидел, что зачастую обвинения основывались на неподтвержденных свидетельствах детей. Этому способствовали Абингдонский процесс 1605 года, где обвинителем выступила четырнадцатилетняя Анна Гюнтер; дело мальчика из Лейчестера (Джона Смита) 1618 года, по заявлению которого было повешено 9 человек, а также аналогичный случай, произошедший с «мальчиком из Билсона», Уильямом Перри два года спустя. Один современник писал: «Частота фальшивого обладания (дьяволом) повлекла изменение мнения короля Якова в том, в... чем он был сначала неуверен, а затем он решительно отверг все суждения о деяниях ведьм и дьяволов как простые предрассудки и заблуждения»[81].

И действительно, за последние девять лет правления лишь пять человек были повешены по обвинению в колдовстве; и это происходило в то время, когда массовые казни в одном только немецком городе Бамберге в сотни раз превосходили их по числу жертв.

Тем не менее, несмотря на то, что и в Англии уже состоялось несколько нашумевших ведовских процессов, в том числе в Ланкашире в 1612 году и в Челмсфорде, самый кровавый год был еще впереди.

Год 1645. На несколько лет Англия превращается в жертву религиозного экстремизма и гражданских войн, во время которых вновь расцвела пышным цветом и охота на ведьм. Движущей силой новых гонителей, на совести которых числится 19 человек, был Мэтью Хопкинс, неудачливый адвокат из местечка Маннингтри в Эссексе. Потерпев неудачу на юридическом поприще, Хопкинс решил нажить капитал, спекулируя на боязни и предубеждении местных пуритан, которые они испытывали в отношении колдовства. Невинные, но просто не пользовавшиеся всеобщим уважением люди становились жертвами религиозного страха и безумия местных жителей, ибо то было время религиозных преследований, невиданных, пожалуй, в Англии уже со времен Тюдоров.

В поисках жертв Хопкинс прибегал к самым беспардонным и гнусным средствам. Один писатель при этом замечал: «Представьте себе на минутку бедное, старое создание, обремененное всеми изъянами и болезнями своего возраста, выставленное дурацким образом посреди комнаты. Вокруг ее дома толпится всякий окрестный сброд. Ее ноги связаны крест-накрест так, что теперь вся тяжесть тела приходится на ягодицы. При таком положении через несколько часов циркуляция крови почти прекращается, и сидеть ей становится столь же больно, как если бы она сидела на деревянной кобыле. Но так ее выдерживают все 24 часа, не давая ей ни есть, ни спать, и уж если это был их любимейший способ дознания, так чего же удивительного в том, что люди, желавшие спасти свои жизни, подтверждали любые выдумки, какие только тем приходили в голову, и о чем они, естественно, никогда не догадывались»[82].

Сэмьюэл Батлер так писал о Мэтью Хопкинсе:

Не он ли целых шесть десятков
Повесил здесь за целый год?
Одних за то, что не тонули,
Других — за то, что день и ночь
Сидели, на луну глазея... —
Теперь висят, им не помочь.
Иных — за «гнусные» проделки
С горластой птицей: каплуны,
Индейки, гуси, даже свиньи
Болезнию поражены от неестественной печали.
Так думал этот сэр...[83]

«Околдование» людей и животных было тем общим знаменателем, под который в Англии подводили практически всех ведьм. В этом чаще всего и обвинял в 1645 году своих жертв Мэтью Хопкинс. Любое, даже косвенное упоминание обвиняемым животного принималось за свидетельство об определенном бесенке или «прислужнике», посланном дьяволом. Еще один писатель, живший, правда, чуть позже, добавляет: «Я думаю, что когда искавший ведьм держал бедняков без пищи и сна до тех пор, пока они хорошенько не понимали, что он сказал, тогда они сами, стремясь избежать этих мучений, рассказывали ему басни об этих кошках, котятах и собаках»[84].

Иногда специально подобранные команды тюремщиков не давали обвиняемым спать до тех пор, пока те, прийдя в состояние полного истощения, не признавались во всем, что было необходимо. Так, например, некоему Джону Лоусу они «не давали спать несколько ночей кряду и заставляли его бегать взад-вперед по комнате до тех пор, пока у него не начало останавливаться дыхание. После чего они давали ему небольшую передышку и все начиналось сначала. Так они делали несколько суток подряд, пока он еще был в состоянии чувствовать, что он говорит или делает»[85].

Действуя таким способом, изобретательный генеральный охотник за ведьмами и его пятеро или шестеро помощников собрали десятки признаний, которые на поверку оказались липовыми. Они начали принимать комиссии и из других городов и деревень вокруг Челмсфорда для того, чтобы уничтожить «ведьм» до конца. В общем, под маховик этой истерической компании попали сотни жителей восточных графств Англии.

Тем не менее, в 1646 году Хопкинс столкнулся с первыми критиками, которых он начал преследовать с той же энергией и той же жестокостью. Народная поддержка, на которой поначалу основывалась его компания, потихоньку иссякала. В 1646 году он вернулся на родину в Маннингтри, где и скончался от туберкулеза год спустя.

Но если главный охотник и умер, то вместе с ним не исчезли народные предрассудки. Последующие десятилетия принесли с собой и новые жертвы. Так, например, в 1652 году в городке Мэйдстоун в Кенте было повешено 6 человек. Девять лет спустя состоялось пе-

чально известное дело в Сент-Эдмундсбери, которое ве известный юрист сэр Мэтью Хейл, ставший впоследст вии главным судьей королевства. Этот процесс напоми нал какой-то гротеск — в его основе лежали детские фантазии, непроверенные сообщения. Основы же законодательства о свидетельских показаниях были самым откровенным образом попраны — судьи верили абсолютно любым слухам.

В Сент-Эдмундсбери самые обличительные показания были даны несколькими малолетними детьми, заявившими, что их околдовали. В качестве врача для проведения освидетельствования на суд был вызван сэр Томас Браун. С некоторыми колебаниями он заявил что как-то даже сомнительно, чтобы дети были действительно околдованы: «Его мнение состояло в том, что дьявол в подобных случаях воздействовал на тела мужчин и женщина на естественных основаниях... Ибо он понял, что эти обмороки были явлениями естественными, только и всего, а вовсе их ничего не окутывает они только усилены до необычайной степени проделками дьявола, соединившегося со злыми проделками тех кого мы зовем ведьмами, при чьем появлении он и делал эти мерзости»[86].

Многие люди, ничего не знавшие о колдовстве, пострадали в результате обвинений этих истериков и Сент-Эдмундсбери. Эти дети вовсе не были околдованы скорее, они были склонны к эпилептическим припадкам. Среди них оказались и семилетняя Дебора и девятилетняя Элизабет Пэйси, жившие в этом городке.

«Припадки у них различались. Иногда вдруг начинала дергаться одна часть тела, иногда другая. Порой все тело становилось столь чувствительным, что дотронуться до них было просто невозможно. В другое время их следовало привести в чувство и отстранить от слушания, чтобы на них не смотрели и не слушали, да хотя бы день или два. В такой же ситуации они были лишены возможности высказываться аж восемь дней а затем все продолжилось.

В другой раз они падали в обморок, но потом, вернувшись к выступлению, начинали страшно кашлять, мокротой, коверкая при этом гвозди либо двухпенсовые булавки с широкой шляпкой. Такие гвозди числом около сорока и более, равно как и булавки, появлялись в суде в сопровождении показаний свидетеля, присутствовавшего в тот момент. В общем, в конце припадк

они принимались за булавки и гвозди. В день такие припадки повторялись четыре-пять раз»[87].

Процессы в Сент-Эдмундсбери стали последними событиями в ряду крупных антиведовских процессов, состоявшихся в Англии. После восстановления у власти в 1660 году Карла II казни почти прекратились. Неуверенность первых лет пуританской эпохи и гражданской войны сменилась терпимостью и социальной стабильностью. Последней жертвой обвинения в колдовстве пала в 1684 году жительница Эксетера Алиса Молланд, хотя процессы продолжались и впоследствии. В 1712 г. Джейн Уэнхем стала последним человеком, которого обвиняли в колдовстве, однако она была оправдана. А в 1736 г. парламент отменил акт 1604 года, согласно которому и проводилась охота на ведьм.

Джон Уогстафф, выпускник Оксфорда, чрезвычайно горячо отреагировал на сам факт массовых казней «ведьм», которые сплошь и рядом встречались в английской жизни, да и в других странах. В середине XVII века он писал следующее: «Я не могу без ужаса и дрожи вспоминать огромное число людей, принесенных в жертву во многих странах и во многие времена во имя этого леденящего кровь суждения. Тысячи, да, наверное, десятки тысяч были убиты, причем многие из них умерли не простой смертью, но ужасающей, изощренной. И вместе с тем, сколько же еще осталось и тех, кто прошел по тому же пути, но кого мы уже не помним?»[88]

Если уж Уогстафф был испуган списком жертв английского правосудия, то еще более его испугало бы перечисление погибших в Шотландии. Между 1573 и 1722 гг. севернее английской границы за колдовство было казнено более 4 тысяч мужчин, женщин и детей. «Ни в одной стране ведовской культ не расцветал с такой ужасающей силой, ни в одной стране это суеверие не существовало так долго, и ни в одной стране преследования не велись жестче, а костры полыхали ярче, чем в Шотландии. Одинокие холмы и запущенные равнины, откликавшиеся эхом лощины и дальние болота считались подходящими убежищами для тайных сил, которые в народном сознании всегда олицетворялись с Дьяволом, являясь средоточием сил смерти, разрушения и адских грехов»[89].

Другой писатель говорил так: «По варварству, проявленному во время охоты на ведьм, Шотландия может уступить разве что Германии. Пресвитерианское духовенство действовало подобно обычным инквизиторам, а церковные собрания часто участвовали в судах наряду со светскими заседателями и судьями. Шотландские законы были в данном вопросе гораздо жестче в отношении обвиняемых. Хорошо еще, что эти дьявольские пытки невольно ограничивались тем, что в области пыточных орудий Шотландия отставала от других европейских стран. Любые же сомнения, появлявшиеся в отношении ведовства, подавлялись незамедлительно»[90].

Гонения в Шотландии начались с ведовского процесса в Норс-Беруике в 1590 г. В это время ведовская истерия в Шотландии достигла своего пика благодаря усиленной поддержке ее Яковом VI (впоследствии английский король Яков I). В отличие от Англии здесь были разрешены самые дикие пытки. Обвиняемые зачастую были осуждаемы за «общую репутацию» ведьмы даже без признания со стороны последней; осужденных не вешали, а сжигали на кострах (вероятно, для того, чтобы предотвратить возрождение тела).

В самых худших случаях жестокость была просто потрясающей. Доктор Фиан, которого считали «известным колдуном» и главой Норс-Беруикских ведьм, был сожжен в Эдинбурге в январе 1591 года. Перед этим он претерпел жесточайшие пытки: «Ногти на всех его пальцах были расколоты и выдернуты инструментом, называемом в Шотландии «турка»; в Англии же мы называем их щипцами; под ногти ему загнали по две иглы, по самую шляпку. Несмотря на эти пытки, доктор ни в чем не сознался и на его признание эти пытки совсем не повлияли.

Затем его подобающим образом приговорили к пытке в башмаках, в которых он оставался долгое время, за которое выдержал множество ударов, так что ноги его были полностью разбиты и зажаты настолько, насколько это было возможно, так что кости и мясо были настолько перемолоты, что кровь и костный мозг полились с необычайной силой, посредством чего его члены стали полностью нетрудоспособными»[91].

Как и везде, в Шотландии информаторы всячески поощрялись к тому, чтобы доносить на тех, кого они сами считают колдуном. «Полый кусок дерева или сун-

дук помещается в церковь и там в него любой может положить кусочек бумаги, в котором может быть написано имя ведьмы, место, время, событие и так далее. И этот сундук, запертый на три замка, каждый пятнадцатый день открывается тремя инквизиторами или чиновниками, назначенными для этой цели, у которых есть три разных ключа. Таким образом, имя обвинителя оставалось неизвестным, так что он не подвергался порицанию и обвинениям в желании навредить или погубить своего бедного соседа»[92].

Многие шотландские города и деревеньки сохранили ужасные записи процессов, происходивших в этих местах. В некоторых из них содержатся описания затрат на судебный процесс и исполнение приговора, т.е. казнь. Данный отчет происходит из Керкалди, 1636 г.[93]:

За 10 возов угля (для того) чтобы сжечь их	5 марок или 3 фунта, 6 шил., 8 пенсов.
За 1 баррель смолы	14 шил.,
За веревку (для повешения)	6 шил.
Пеньковые петли	3 фунта, 10 шил.
За подготовку их	8 шил.

Далее:

Финмауту, помещику, за выполнение судебных обязательств	6 шил.
Палачу за труды	8 фунтов, 14 шил.
И за расходы	16 шил., 4 пенса

Такое отношение к колдовству сохранялось в Шотландии вплоть до XVIII века. В 1704 г., например, в ходе Питтенвинского процесса на восточном побережье Шотландии еще две ведьмы были осуждены и подвергнуты мучительной казни. К этому акту власти отнеслись с благодушием. В июне 1727 г. Дженет Хорн из Дорнеха была сожжена за то, что использовала в качестве лошади для своих полетов на шабаши собственную дочь. А в 1773 г. Объединение пресвитеров формально подтвердило свои взгляды на колдовство — это была своеобразная дань пережитку, укоренившемуся тут двести лет назад.

Глава седьмая

ВЕДОВСКОЙ ПРОЦЕСС В САЛЕМЕ

Пожалуй, ни одно «ведовское» дело не привлекло к себе столько внимания, как процесс, состоявшийся в Салеме в Новой Англии. Дело было в 1692 году. Однако это событие, произошедшее уже на американской земле, стало известно не только благодаря огромному количеству людей, признанных виновными (Салем был маленькой общиной), но, главным образом, за то, что произошло все это уже довольно поздно, в самом конце XVII столетия. В Англии, например, с 1684 года не было казнено за колдовство ни одного человека. Повешенная же в 1656 г. Анна Хиббинс была обвинена в колдовстве только потому, что оказалась чуточку умней своих соседей. Она, как объяснил судья, к несчастью отгадала, что двое ее преследователей, которых она видела разговаривающими на улице, говорили о ней. Это стоило ей жизни, несмотря на все попытки судьи отклонить данное решение. Другими словами Анна Хиббинс пала жертвой обычных деревенских сплетен.

Как и везде, в Новой Англии обвинители обычно страдали истерией. Уже задолго до начала салемского дела в судебной практике встречались лица, страдавшие истерическими припадками. В качестве примера можно привести случай с Анной Коул, жительницей Хартфорда, Коннектикут, произошедший в 1662 году. «У нее часто случались неправильные телодвижения, которые даже угрожали ее здоровью, и ужасали тех, кто в этот момент видел ее. И очень часто она вносила великое беспокойство в общественные церемонии поклонения Господу вместе с двумя другими женщинами, также страдавшими странными припадками. И в день молитвы, по описаниям присутствующих, этими беспокойными особами были созданы такие невероятные трудности и беспорядки, что богобоязненные люди падали в обморок при виде всего этого». Поэтому не случайно, что все вокруг верили в то, что Анна Коул была околдована, либо в нее вселился дьявол. В пуританском обществе, каким была Америка XVII века, в существование дьявола верили столь же истово, как и в бытие Божие.

Подобные истории, столь часто случавшиеся в ходе ведовских процессов, уже давно стали предметом многочисленных споров. Было ли это просто религиозное безумие, либо все происходившее — материал для медиков? Один современный исследователь описывал истерию как процесс, начинавшийся «с боли либо странных ощущений в том или ином месте тела... Она часто начинается в нижней части живота и потихоньку поднимается, распространяясь и на другие органы. Так, например, она часто уходит в надчревную область, в грудь, в горло. То есть она обретает довольно интересные формы, что и принималось в течение длительного времени за характерные черты истерии. Пациент при этом ощущает, как нечто большое, что-то вроде мячика, поднимается к его горлу и душит его»[94].

Это медицинское описание истерии очень похоже на современные заключения врачей, делаемые в подобных же ситуациях. А вот еще один случай истерии, описан-

ный бостонским священником Коттоном Мэзером (1662-1728) в деле детей из Гудвина в 1688 году: «Иногда они глухи, порой — немы, слепы, а иногда — все вместе. У одних язык прилипает к гортани, у других — вылезает до подбородка на необычайную длину. Рты у них так открыты, что порой челюсти выходят из своих связок, но могут захлопнуться с такой силой, словно пружинный замок.

То же самое происходит с их плечами, локтевыми суставами, кистями рук и другими членами тела. Порой они лежат, оцепенев, и их возят так, как делают со связанными, причем их тела можно вытянуть настолько, что становится страшно, ибо в любой момент кожа их может лопнуть. Они могут жалостливо плакаться о том, что их тело, якобы, режут на части или что их бьют с такой силой, что нет никакой возможности все это переносить».

Один современный исследователь так писал о Салеме 1692 года: «Сейчас нам стали очевидны причины всего случившегося. В Салем-виллидж истерия началась с оккультных опытов. А дальнейшие истерические галлюцинации, возникавшие у этих больных людей, подтверждаются многочисленными и весьма конкретными свидетельствами конкретных актов колдовства, а также другого рода признаниями, в большинстве своем тоже истеричными»[95].

Но в те времена подобные объяснения еще не были известны жителям Новой Англии. Искренний и честный человек Коттон Мэзер верил, что за ведьмами следует охотиться со всей решительностью, поскольку они суть порождение дьявола: «Эти дьяволы с помощью сверхъестественных деяний и по ужасному приговору небес возобладали телесно над многими людьми в Салеме и близлежащих местах; и дома бедных людей стали наполняться ужасным плачем и стоном мучимых злобными демонами. В основе же этого необычного акта лежит, вероятно, отвратительное колдовство. Много совершенно непохожих друг на друга людей было обвинено, их осудили и покарали только на основании слов пострадавших». Возможно, Коттон Мэзер был самым влиятельным и активным охотником за ведьмами в районе поселений колонистов, окружавших Массачусетский залив.

О Салеме говорили так: «1692 год стал, наверное, одним из самых беспокойных для Новой Англии. Э

было время политической нестабильности, роль Мэзера в судебных органах возрастала, и он стремился провести чистку среди колониального правительства. Французы вели боевые действия, на тропу войны вышли также и индейцы. Налоги страшно возросли (в 1691 г. колониальное правительство решило собрать с поселенцев 1346 фунтов), прошла жестокая зима, торговые суда подвергались нападениям пиратов, свирепствовала оспа. Вдобавок ко всему, существовавшее напряжение усиливалось и благодаря возрастающему недовольству владельцев земель и пограничных участков. Для мужчин и женщин, воспитанных в ограничивающем евангельском духе, эти тревоги и неудачи 1692 года были безусловно вызваны Дьяволом»[96].

Один из современников, Джон Хейл, так выразил общие страхи, царившие среди жителей Салема. Эти ведьмы, писал он, «решили разрушить Салем-виллидж и, начав с дома священника и развалив церковь Господа, установить царство Сатаны». Также указывалось, что Массачусетс не был республикой или монархией, но теократическим обществом. Колдовство — заговор против Бога — было, следовательно, государственной изменой. Считалось, что оно угрожает самим основам этого религиозного общества, которое составляли жители Салема: к своей же религии они относились весьма серьезно.

В таких обстоятельствах поселенцы, естественно, страшно испугались, когда узнали, что колдовство свило гнездо и в доме их священника, преподобного Сэмюэла Парриса. Одна молодая женщина вместе со своей дочерью Элизабет девяти лет и племянницей Абигейл Уилльямс одиннадцати лет, обычно проводили вечера со своей рабыней Титубой. Последняя рассказывала им страшные, полные суеверий сказки Вест-индских островов, разжигая тем самым их воображение. Вероятно, эти девушки страдали в тот момент лихорадкой или даже истерией, благодаря чему их пуританская основа и подверглась нападению невидимого врага. Как бы то ни было, для жителей Салема тогда существовало только одно объяснение: колдовство. Эти девушки, выращенные в набожной среде, оказались вне всякого сомнения околдованы.

Элизабет и Абигейл страшно напугали этой «околдованностью» своих родителей, превратясь таким образом в центр всеобщего внимания. Не удивительно, что

к ним присоединились и другие впечатлительные де вочки, некоторые из которых были даже постарше воз растом. Среди вовлеченных в эту, как ее называли «игру», оказались Элизабет Паррис (12 лет), Абигеи Уилльямс, Анна Патнэм (12 лет), Элизабет Хаббард (1 лет), Мери Уолкотт (16 лет), Элизабет Проктор (2 лет), Мери Льюис (19 лет), Сьюзан Шелдон (18 лет) Элизабет Бут (18 лет) и многие другие.

Но если они и были околдованы, то кто же был в этом виноват? В ответ на первые распросы девочки бы стренько выбрали своих незадачливых жертв, возмож но, из-за боязни публичного раскаяния, либо чисто из детского упорства. Игра началась и она должна была быть доведена до своего ужасного конца. Одна за дру гой девочки давали показания. Элизабет Бут, напри мер, обвинила своего соседа Джона Проктора: «Пока зания, данные под присягой Элизабет Бут, 18 лет, ко торая засвидетельствовала и сказала, что поскольку ей были причинены страдания ее соседом Джоном Про ктором-старшим, то ее пугало даже появление его при зрака. Также она видела, как Джон Проктор-старши либо его призрак мучительно преследовал и угнета Мери Уолкотт, Мерси Льюис и Анну Патнем-млад шую, щипая, дергая и даже удушая их».

По такому свидетельству Джон Проктор был впос ледствии признан виновным в колдовстве и повешен

Точно так же Мери Уолкотт обвинила в колдовств Абигейл Фолкнер: «Показания Мери Уолкотт, котора засвидетельствовала и сказала следующее: «Около 9 ав густа 1692 года на меня повлияла, причинив страда ния, какая-то женщина, которая сказала мне, что зовут Абигейл Фолкнер. Одиннадцатого же августа, день допроса Абигейл Фолкнер, она еще более ужа ным образом воздействовала на меня во время это процедуры. Я видела, как Абигейл Фолкнер, или призрак, жестоко преследовал и мучил Сару Фелпс Анну Патнем. И я очень верю всей душой, что Аб гейл Фолкнер — ведьма и что она часто воздействова на меня и указанных лиц с помощью колдовства».

Говорили, что «совершившие преступление девочк не могут требовать для себя какого-либо смягчения и ужасающей вины. Ведь никогда, даже во время эк куции, они не выказывали ни малейшего угрызен совести или раскаяния, за исключением разве что С ры Черчилль и Мери Уоррен. Те точно знали, что о

делали. Их действия можно назвать прямым попранием права, они доводили людей до смерти просто так, развлечения ради. 28 марта 1692 года одна из девочек заявила, как на постоялом дворе Ингерсолла мисс Проктор занималась тем, что околдовывала ее. В свою очередь, мисс Ингерсолл «сказала этой девочке, что она солгала, ибо там ничего не было». Затем эта девочка заявила, что она сделала все это ради развлечения: «Должны же они как-то развлекаться».

В это поистине сумасшедшее время люди верили практически во все. Если колдовство служило причиной изменения поведения молодых людей, то его следовало сразу же уничтожить — независимо от того, кто был в это вовлечен. Проблема состояла в том, что во время процессов, проходивших в конце 1692 года, обвинители так боялись указать на «виновную» сторону, что при этом игнорировались самые элементарные условия, принятые для свидетельских показаний. Сумасбродные заявления этих девочек принимались на веру без каких-либо дополнительных подтверждений и проверок.

Но еще хуже было то, что если жертва и могла доказать свое алиби, то тогда ее противники заявляли, что перед девочками являлся призрак этого «колдуна» и околдовывал их. Может показаться необычайно странным, что в то время судьи верили таким «показаниям о призраках». Однако этот мотив постоянно фигурирует в салемском деле — человека осуждали даже за то, что совершал не он, а его призрак.

Коттон Мэзер верил в призраков, но даже он не думал, что их свидетельства можно учитывать во время судебного расследования: «Если не существует других свидетельств против человека, как только то, что на него воздействует призрак, то это свидетельство недостаточно для того, чтобы осудить этого человека за колдовство. Я думаю, никто не сомневается, что черти имеют такую силу, с помощью которой они способны принимать любой образ, который они пожелают. И у меня нет абсолютного обещания, данного Богом, что они не вселились в меня. Все протестантские авторы считают, что Дьявол может таким образом ввести в заблуждение и невиновного...». Но если Коттон Мэзер и противостоял свидетельствам призраков, то большинство людей все еще слишком желало верить в них, тем

более, если в результате расследования определялась вина и выносился конкретный приговор.

Процессы в Салеме имеют много общего с аналогичными ведовскими процессами в Европе и в Англии. Так, например, легенда о полетах ведьм, кочевавшая из одного процесса в другой, появилась и в Салеме в деле Анны Фостер: «Она и Марта Керриер ездили на метлах и особых шестах, когда собирались на шабаш в Салем-виллидж, и как-то раз эта палка обломилась в тот момент, когда они пролетали над верхушками деревьев, и они упали. Но она тут же обвила руками шею Керриер и так они добрались до поселка. При этом она слегка ушибла себе ногу».

В другом свидетельстве говорилось о «спутниках», колдовстве, актах maleficium или о мелких злобных проступках типа убийства свиней, одержимости дьяволом. Одна девочка даже заявила, что она видела, как обвиняемая писала ее имя в «Книге дьявола», но деятели салемского магистрата не смогли поверить в это.

Инкриз Мэзер (1639-1723), будучи президентом Гарварда, высказывал следующее предостережение: «Лучше, если десяток подозреваемых в колдовстве спасется, нежели погибнет один честный человек... Лучше будет освобожден виновный, нежели он будет бездоказательно осужден. Я лучше назову ведьму честной женщиной, нежели осужу честную женщину, окрестив ее ведьмой». Однако на его совет едва обратили внимание, да и все-равно, он верил в ведовство так же, как и его современники.

Процесс продолжался. Показания девушек были приняты, в призраков поверили, религиозные страхи пуританской общины не исчезали. Десятки людей были брошены в тюрьму. Заключенных в Салеме содержали в довольно жестких условиях: «В этом процессе особенно впечатляет то, что обвиняемые должны были платить за свое пребывание в тюрьме, даже если их и оправдывали! За отмену приговора следовала одна плата, за освобождение — другая. Родственники казненного платили деньги палачу. Многие и после освобождения оставались в тюрьме, потому что их имущество было уже продано для того, чтобы доставить средства на пропитание их семьям. Сара Дастин была оправдана в январе 1693 года, однако, не имея никого, кто смог бы заплатить за нее, она так и умерла в тюрьме. Маргарет Джекобс также была оправдана, однако соб-

ственность ее родителей была конфискована, и она содержалась в тюрьме до тех пор, пока некий благородный незнакомец (мистер Гэммон) не услышал о ее положении и выкупил ее. Уилльям Бакли потратил свои последние деньги, чтобы выплатить 10 фунтов для того, чтобы освободить свою жену и детей».

Некоторые из салемских «ведьм» очень сильно подействовали на собравшихся во время экзекуции: «Они говорили о своей невиновности, словно в присутствии всемогущего Бога, пред которым они скоро предстанут. Они пожелали и объявили о своей воле, что их кровь станет последней кровью, пролитой по таким причинам. С необычайным волнением они умоляли мистера Коттона Мэзера молиться с ними. Они молили Господа, чтобы он обнаружил ведьм среди них. Они говорили, не бросая тень на суд и судей, о том, что их признали виновными и осудили.

Они истово просили простить им все их грехи ради драгоценной крови нашего дорогого Искупителя. Они выглядели очень честными, искренними, чувствовавшими все обстоятельства их дела, особенно Проктор и Уиллард, чье поведение, начиная с тюремной камеры и кончая виселицей, было очень трогательным и смягчало сердца многих присутствовавших...»

Невиновным был и преподобный Джордж Бэрроуз: «Вместе со всеми другими мистер Бэрроуз был провезен по улицам Салема. Взойдя на лестницу, он произнес речь, проясняющую его невинность, с таким торжественным и серьезным выражением, что она восхитила всех присутствующих. Его молитва (которую он заключил многократным обращением к Богу) была столь хорошо составлена и при этом наполнена такой горячностью духа, что повлияла на многих, вызвав у них слезы. Кое-кому даже показалось, что зрители могут помешать казни». 19 августа 1692 года Бэрроуз был повешен.

Несмотря на подобные сцены, антиведовские настроения в Салеме казались несокрушимыми. Во время казни Сэмьюэла Уордвелла 22 сентября 1692 года «в то время, пока он говорил людям о своей невиновности, палач курил трубку, причем дым устремлялся тому в лицо, так что он не смог продолжить свою речь. Тогда обвинители сказали, что это Дьявол мешает ему говорить».

Тем не менее, колокольный звон над Салемом, поселком, насчитывавшим примерно сотню домов, плыл постоянно. «Во время этой истерии было арестовано почти 150 человек. Поиски в протоколах судебных допросов несомненно добавят еще несколько человек к этому списку. Из-за недостатка времени в 1692 году были расследованы дела только 31 человека, помимо Сары Черчилль и Мери Уоррен, которые быстро отреклись. Все эти люди были выслушаны и приговорены к смерти. Шестеро из них были мужчины. Девятнадцать человек повесили. Из двенадцати оставшихся две (Сара Осборн и Анна Фостер) умерли и темнице, один (Жиль Кори) покончил жизнь самоубийством, одна (Титуба) осталась в тюрьме. Для двоих (Абигейл Фолкнер и Элизабет Проктор) казнь была отложена под предлогом беременности. Им дали достаточно времени, так что они даже смогли получить отсрочку. Один человек (Мери Браун) убежал из тюрьмы уже после вынесения приговора, пятеро признались, чем и заслужили себе прощение».

Историк Джордж Линкольн Бэрр писал, что «паника, охватившая поселок Салем в Новой Англии, стала последней яркой вспышкой той страшной зарницы, которая столь долгий промежуток времени окрашивала европейскую ночь в самые кровавые оттенки». Другой крупнейший исследователь, изучавший салемское дело, сказал так: «Ошибка очень редко может быть опровергнута одним лишь разумом. Она уступает только логике событий. Но ведовские мотивы не были искоренены из умов людей ни силою науки, ни могуществом интеллекта. Взору мира предстали лишь заблуждения, ошибки и ужасы жизни в том самом виде, в каком они существовали в ней, и в этом и заключались их сила и их бессилие. Вот в чем суть салемского дела, превратившегося в одно из самых заметных явлений мировой истории».

ЭПИЛОГ

Величайшая в истории человечества охота на ведьм, охватившая Западную Европу и продолжавшаяся с 1450 по 1750 год, стала одним из самых странных явлений в истории Запада. Оно примечательно уже не только в силу огромного количества жертв, а их было около ста тысяч, но и потому, что начало его прихо

дится на первые годы европейского Ренессанса. В XV веке в Европе росли и процветали города, освобождаясь от старых, сковывающих норм феодализма. Ученые воскрешали древние науки — физику, химию, математику и астрономию, черпали свое вдохновение в мире античности и сочинениях арабских ученых. Печатники издавали книги и памфлеты, затрагивавшие все стороны жизни — философию, риторику, грамматику, теологию, математику и другие науки, агрономию, архитектуру и т.д. И тем не менее, именно самые образованные и рационально мыслящие люди повсеместно выказывали свою поддержку и участие охотникам за ведьмами. Среди них были и французский философ Жан Бодэн, известные епископы и юристы, короли, вроде Якова I. Однако современный читатель должен помнить, что подобные «чистки» были свойственны не только средневековой Европе. Двадцатый век стал свидетелем гонений на евреев, шесть миллионов которых погибло во время второй мировой войны, постоянных притеснений национальных меньшинств, политического ужаса маккартизма, охватившего Соединенные Штаты, который часто так и называют — «охота на ведьм». Человеческое поведение — вещь не рациональная, как бы люди ни хотели в это верить. К сожалению, в своей жизни они не руководствуются принципами гуманности и терпимости, как то могло бы быть.

ПРИМЕЧАНИЯ

Все произведения, представленные в этой книге, на русский язык переводятся впервые, кроме «Синагоги Сатаны» Ст.Пшибышевского и *«Трактата о суккубах и инкубах»* Л.-М.Синистрари. При работе над текстами переводчики старались максимально сохранить их стиль и дух, иногда, может быть, даже в ущерб литературному качеству перевода. Примечания к очерку Ст.Пшибышевского составлены Ю О Суворовой, к «Государствам и империям Солнца» С.Сирано де Бержерака Н.В.Симоновой, ко всем остальным произведениям — М А Тимофеевым.

Иоанн Триттемий
ТРАКТАТ О ДУРНЫХ ЛЮДЯХ И О КОЛДУНАХ

Автор данного трактата, выдающийся немецкий историк, теолог, знаток оккультных наук родился 1(12) февраля 1462 года недалеко от Трира в местечке Тритхейм, откуда он и получил свое прозвище. Его отец был известным в округе виноделом и впоследствии получил дворянский титул. Его мать, Елизавета де Лонгви, была потомственной дворянкой, что, кстати говоря, в значительной степени помогло ее мужу примкнуть к благородному сословию Примерно через год после рождения Иоанна отец умер, а еще через семь лет молодая вдова вторично вышла замуж Судьба мальчика сложилась традиционно для подобных ситуаций — отчим его не любил, за воспитанием и образованием подростка не следил, а считать, читать и писать по-латыни Иоанн научился лишь благодаря участию и помощи соседа, чье имя в анналах истории не сохранилось* Подобно многим своим сверстникам, он ушел из дома, пробыл некоторое время в Трире и Гейдельберге, но затем опять возвратился на родину

В январе 1482 года любознательный юноша вновь тронулся в путь Маршрут был определен им, видимо, заранее — Шпангеймский монастырь, за стенами которого он хотел скрыться от суетного и не очень доброго к нему мира и заняться наукой 2 февраля 1482 года он окончательно расстался со светской жизнью, а 21 ноября того же года принял посвящение Через восемь месяцев аббат Шпангеймского монастыря неожиданно отказывается от своего места и монахи выбирают своим главой Иоанна Ему шел 22-й год**

---

* R.Ambelain. Le crystal magique or la magie de Jehan Tritheme Paris, 1962, p 7.

** Idem, p 8.

Сделавшись аббатом, Иоанн Триттемий обратил все свои силы на улучшение положения монастыря он следил за бытом монахов, за состоянием монастырских сооружений, за соблюдением правил монастырского общежития За годы его пребывания на этом посту количество рукописей в библиотеке возросло с 48 до 2000* Оставшееся время он посвящал научным и богословским занятиям — тогда и позднее им были созданы его знаменитые труды по истории Германии, «Книга о церковных писателях» (своеобразная биобиблиографическая энциклопедия) и многие другие исторические и богословские трактаты, а также сочинения, посвященные оккультным наукам В результате политических интриг Иоанн был вынужден покинуть монастырь и наконец обосновался в аббатстве св Якова в Вюрцбурге, которое он и возглавлял на протяжении десяти лет с 1506 года до самой своей смерти, наступившей 27 декабря 1516 года Его перу принадлежат около 50 трудов, большинство которых было опубликовано и получило всеобщее признание лишь во второй половине XVI века

Предлагаемые три ответа на вопросы императора Максимилиана были напечатаны в 1581 году в книге Flagellum haereticorum fascinariorum, auctore F Nicolao Jaquerio Francofurti ad Moenum, pp 452 494 в качестве приложения и рассматривались как цельный демонологический трактат под заголовком Ioannis Tritemii, abbatis sancti Jacobi apud Herbipolim, quondam vero Spanheimensis, Tractatus de reprobis atque maleficis (quaestiones III, ad Maximil I Imp Rom) Кроме того они были изданы в «Книге восьми вопросов», текст которой не отличается от указанного издания Ioannis Trithemii Liber octo quaestionum Oppenhem , 1515, Moguntiae, 1601 Настоящий перевод сделан по изданию 1581 года

* * *

1 В издании 1515 и 1601 года эти три вопроса занимают позиции с пятой по седьмую

2 «libertas arbitrii» — лат

3 т е жестокости

4 т е благодаря деятельности демонов

5 Более подробное описание демонов будет представлено ниже, во втором вопросе

6 В отличие от концепции Дж Гиффорда (см ниже), согласно которой ведьма является лишь орудием в руках дьявола и ничего самостоятельно делать не может, позиция Иоанна Триттемия по этому вопросу несколько иная, хотя и менее устоявшаяся Иногда он говорит о равенстве колдунов демонам, иногда об их подчиненности и т д

---

* Ibid, note 1

7 Лк 9 1, см также Мф 10 1, Марк 3 13, 6 7

8 Судя по всему, библейские цитаты автор дает по памяти, а потому, как правило, в искаженном или неполном виде В пользу этого говорит и то, что он никогда не делает точных ссылок на текст В данном случае, возможно, имеется ввиду Лк 10 19 *«даю вам власть наступать на змей и скорпионов, и на всю силу вражью, и никто не повредит вам»* (здесь и далее библейские цитаты, за исключением оговоренных случаев, даются в синодальном переводе)

9 Исх 22 17 «Ворожеи не оставляй в живых»

10 Сам термин «некромантия» греческого происхождения и означает вызывание мертвых и разговор с ними о будущем

11 Иоан 15 5

12 Здесь и далее автор постоянно проводит один из основополагающих тезисов демонологии XVI века о том, что все наказания, обрушившиеся в результате происков дьявола на человека, есть результат божественного решения и разрешения О роли божественного соизволения см Мф 10 29 «не упадет птица на землю без воли Отца Вашего»

13 Тонкость (subtilitas) природы демонов зависит, вероятно, от того, что в прошлом многие из них были ангелами

14 Характерно, что в этом сочинении, написанном в начале XVI века, уже говорится о собраниях (шабашах?) колдунов, наличии договора, дьявольских знаках и отметках

15 В популярной демонологии XVI века гнев ведьмы будет считаться чуть ли не главной причиной, подтолкнувшей ее к злодеянию

16 «animus» — лат

17 «butyrum» — лат

18 т е демонов

19 Подобная трактовка своеобразной свободы колдунов и неподчиненности их демонам встречается нечасто Характерно, что в конце трактата Иоанн пишет даже о колдунах, которые защищаются от демонов с помощью церкви

20 Автор, таким образом, признает самостоятельность ведьм в деле совершения ими колдовского акта и равенства их в этом с демонами

21 «gradibus» — лат

22 Ср градацию демонов у Л М Синистрари и Ф М Гуаццо (по очерку Р Харта)

23 Здесь прослеживается некоторое отступление от взглядов авторов «Молота ведьм» Я Шпренгера и Г Инститориса, считавших виновными в этом непосредственно ведьм

24 Речь идет о первой биографии святого, «Житии святого Антония», написанной Афанасием Александрийским (293—3 5 373 г), вероятно, в 356 357 гг Автор немного неточен, эти слова говорит не Афанасий, но его герой, св Антоний «Великое их множество в

окружающем нас воздухе» (24). Цит. по: Творения святого Афанасия Александрийского. Сергиев Посад, ч.3. 1903, с. 197.

25 Амвросий Медиоланский (333—397 гг.), государственный и церковный деятель, отец церкви. Родился в семье префекта Галлии Стал епископом Милана в 374 году. Жестко выступал против язычества и ересей. Автор трактатов «О должностях служителей», «О таинствах», «О дезстве» и многих других.

26 «telum» — лат.

27 Игнатий Богоносец, еп. антиохийский примерно в 69—110 годах, мученически погиб во время правления Траяна в 110 году. В русском переводе его Послания к жителям Эфеса, опубликованном в 1862 году, эта фраза звучит так: «Нет ничего лучше мира, ибо им уничтожается всякая брань небесных и земных духов». Цит. по: Писания мужей апостольских. М. 1862. с. 382.

28 У Иоанна Златоуста (347—407 гг.) нет произведения с таким названием. Триттемий цитирует последнее из «Трех слов к Стагирию подвижнику, одержимому демоном», называющееся «Об унынии» (а вовсе не третью книгу трактата). Перевод цитаты дается по изданию: Творения Иоанна Златоуста, т. 1. кн. 1. СПб. 1898, с. 243.

29 Автор использует термин «incubones», который в латинском языке имеет три значения: а) лежащий на кладах, т.е. хранитель сокровищ (у Петрония); б) ночной кошмар, инкуб (у Тертуллиана); в) инкуб, дьявол в образе мужчины (в средневековой демонологии). В данном случае мы используем первое значение. Вообще, в описании подземных демонов заметно сильное влияние германской мифологии и фольклора с их карликами, троллями и т.д.

30 Неточная цитата из Тов. 3.2.

31 Иов. 34.10: «не может быть у Бога неправда или у Вседержителя неправосудие» (пер. М.И.Рижского).

32 «дьявол, отец лжи», Иоан. 8.44.

33 Вероятно, автор имеет ввиду сюжет из Деяний, 3—4 об исцелении Петром хромого и его речи перед Синедрионом.

34 Деян. 14.22: «Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие».

35 Прем. Сол. 3.12: «Ибо кого любит Господь, того наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему».

ДОПРОС И ПРИЗНАНИЕ ИЗВЕСТНЫХ ВЕДЬМ В ЧЕЛМСФОРДЕ

Этот памфлет является первой опубликованной записью материалов процесса в Челмсфорде 1566 года. Он вышел сразу же после его окончания тремя выпусками — два появились 13 августа и последний 23 августа этого же года. Перевод сделан по изданию

Witchcraft. Ed. by B.Rosen. London, 1969 (Stratford-upon-Avon library. 6), pp. 72—82.

* * *

1 В оригинале стоит «которых Сатана заразил духом Велиала». Велиал — один из падших ангелов, см. 2 Кор. 6.15.

2 Кошки этой породы появились в Англии около середины XVI века и встречались еще очень редко.

3 Для английской демонологии и ведовских процессов характерен определенный набор желаний кандидатов в колдуны — они хотят укрепить свое материальное положение, что зачастую выражалось в просьбе к дьяволу увеличить поголовье скота.

4 По материалам Челмсфордского процесса 1579 года выясняется, что эти женщины были сестрами.

5 При дизентерии.

6 Очевидное противоречие в материалах и /или в показаниях процесса, поскольку Агнес должна была молить Сатану, а не Господа Бога.

7 Стандартная просьба Сатаны, желавшего полностью завладеть существом связанных с ним людей.

8 В первой публикации памфлета есть иллюстрация, изображающая эту собаку с рогами, ошейником и цепью с ключом. Само изображение очень грубое, так что ее морда скорее напоминает кролика, а не обезьяну, как говорится в тексте.

9 Вероятно, в данном случае все ограничивалось лишь словесной клятвой.

10 Скорее всего, это опечатка оригинала.

11 См. ниже в «Диалоге» Дж.Гиффорда подобный сюжет.

12 Так мы сочли возможным перевести выражение «by public authority». Барбара Розен объясняет латынь А.Уотерхауз приверженностью традиции.

О САМОМ ЗЛОБНОМ ДЕЯНИИ НЕГОДНОЙ ВЕДЬМЫ

Этот памфлет, написанный в 1592 г. и получивший широкое хождение в Англии, является самым неправдоподобным из всей английской демонологической литературы. Никаких записей, которые могли бы документально подтвердить хоть какие-то факты, сообщенные Р.Бертом, не сохранилось. По мнению Барбары Розен, его автор основывался на слухах, в результате чего данное сочинение стало ярчайшей иллюстрацией тех настроений, которые царили в английском провинциальном и не очень образованном обществе конца XVI века. Перевод сделан по изданию: Witchcraft. Ed. by B.Rosen. London, 1969 (Stratford-upon-Avon library. 6), pp. 204—209.

* * *

1 Это стихотворение использовано Р.Хартом в качестве эпиграфа к своему очерку о ведовстве (см. ниже).

2 Синодальный перевод.

3 Все эти образы в большом количестве рассеяны по Ветхому и Новому Заветам: так, образ льва употребляется в 1 Петр. 5.8 дракона — в Откр. 12 и т.д.

4 Скорее всего, автор имеет ввиду католических проповедников.

5 Это сочинение, подобно ряду других памфлетов, разделено на две части — первая, вступление, носит чисто богословский, обосновывающий характер, хотя догма подается на доступном массовому читателю уровне, а вторая рассказывает непосредственно о самих событиях.

6 Демоны — подручные ведьм обычно являлись в образе жабы зайца, ласки, черного пса, кота, хорька. См. материалы Челмсфордского процесса (выше) и очерк Р.Харта (ниже).

7 Лимбо (от лат. limbus) — в католическом учении место, где находятся души некрещенных детей и подростков, которые не совершили какого-либо греха. Однако благодаря отсутствию крещения, они лишены возможности лицезрения Бога. Здесь использовано как иносказание.

8 Страна киммерийцев — здесь имеется ввиду область, населенная мифическим народом, расположенная на крайнем западе в стране вечного мрака (у Гомера).

9 Интересно, что автор не показывает, каким образом Ричарду удалось вернуться домой.

10 На наш взгляд, эти «приключения» были просто выдуманы Ричардом Бертом с целью оправдать свою отлучку,: поэтому никакого реального «колдовского» элемента в этом сочинении не присутствует.

Дж. Гиффорд
ДИАЛОГ О ВЕДЬМАХ И КОЛДОВСТВЕ

Автор данного демонологического сочинения родился, вероятно, ок. 1550 г. В середине 60-х гг. Дж.Гиффорд учился в Харт-холл в Оксфорде, как и его знаменитый современник и соотечественник демонолог Реджинальд Скот. Основная писательская деятельность этого теолога и проповедника приходится на 1573—1590-е гг.; в это время он становится одним из лидеров английских нонконформистов С 1584 года является главой прихода Всех Святых в Мальдоне. За активное участие в движении эссекских нонконформистов в 1584 г отстранен от занимаемой должности, хотя до своей смерти, наступившей в 1620 г., *продолжал заниматься проповеднической деятельностью* в Эссексе. Помимо этого трактата, в 1584 г. Гиффорд выпустил

еще одно демонологическое сочинение. «Диалог» издавался четыре раза: в 1593, 1603, 1824 (перепечатка со второго издания в серии «Percy Society», v. VIII, № 24) и 1931 гг. Наш перевод сделан по последнему, репринтному изданию: A Dialogue Concerning Witches and Witchcraftes, by George Gifford. Oxf., 1931 (Shakespeare Association Fascimiles, № 1), представляющему собой воспроизведение первого издания 1593 года.

* * *

1 Речь идет о первом демонологическом сочинении Дж.Гиффорда «A Discourse of the subtill Practises of Devilles by Witches and Sorceres», вышедшем в 1584 г. По мнению Беатрис Уайт, на создание подобного произведения его подтолкнули знаменитые процессы 1579 г. в Челмсфорде и 1582 г. в Сэнт-Осисе (см. о них книгу Р.Харта), на которых он, возможно, присутствовал*. Помимо этого, в 1584 году увидело свет и монументальное исследование Р.Скота «Открытие ведовства», определившее практически все последующее развитие британской демонологии, в том числе, оказавшее влияние и на эти труды Дж.Гиффорда.

2 К подобным высказываниям автора привели, по-видимому, скандальные признания на Челмсфордском процессе, а также достаточно сильная вспышка народной демономании в Англии во второй половине XVI века.

3 В обращении, как и в основном тексте, Гиффорд строго придерживается ставшей ортодоксальной установки, что дьявол (Сатана) выступает как карающее орудие в руках Господа и именно благодаря ему обладает известной силой. Ср. с сочинением Иоанна Триттемия.

4 Английская демонологическая терминология на всем историческом периоде своего существования так и не устоялась. В нашем переводе мы будем придерживаться следующей системы: witches переводится как «ведьмы», sorceres как «колдуньи». В данном случае «чародеи» обозначены словом conjurors.

5 В этом сочинении достаточно много противоречий, в том числе и в трактовке ключевых моментов демонологической теории. Ниже Дж.Гиффорд несколько раз противоречит себе, говоря, что дьявол лишь пользуется болезнями, объективно имеющимися в человеческом организме.

6 Эти два термина достаточно трудны для точной передачи их на русском языке в данном контексте: в тексте оригинала стоит «cunning men and wise women».

7 Рационалистический мотив в раскрытии причин колдовских явлений и просто рационализм как метод свойственны английской демонологии в целом, за исключением, пожалуй, «Демонологии» Якова VI(I). Не случайно один из героев «Диалога», выражая мысли

---

* A Dialogue..., p. VII.

автора, ниже говорит: «Наверно, околдован твой разум, околдован слепотой и неверием...», совмещая, естественно, рациональный и иррациональный подходы в анализе данной проблематики.

8 В тексте первого издания фамилия автора на титульном листе и в конце посвящения пишется через «а» — «Giffard». Ныне принято писать фамилию через «о».

9 Автор не случайно разворачивает действие своего диалога в сельской местности, поскольку именно в деревнях и, в меньшей степени, в небольших городках обитали женщины, занимавшиеся колдовской практикой.

10 Для всего сочинения Дж.Гиффорда характерен образ ведьмы как старой, порой уродливой женщины. В целом же английской демонологии не свойственна молодая зеленоглазая ведьма-соблазнительница.

11 Здесь и далее мы переводим (исходя из контекста) cunning man как «чародей», хотя возможен и перевод этого термина словом «знахарь».

12 Т.е. ведьма.

13 Исходя из контекста и смысловой нагрузки мы сочли возможным переводить слово devil как «демон» (существо второго порядка поскольку слова demon в данном тексте почти не встречается и Devil как «дьявол». Смысл текста при этом не искажается

14 Ссылка на библейские тексты, в первую очередь, на Новый Завет характерна вообще для подобных сочинений, написанных английскими протестантами.

15 Слова учителя показательны: к концу XVI века демонологи уже признавали одержимость двух родов — естественно-медицинскую и дьявольскую. В этом заключается одна из уступок здравому смыслу.

16 Мф.12.33; 7.12,20.

17 Перекличка со словами Христа, Мф.6.4—5,16,18.

18 Очень часто в тексте при цитировании библейских высказываний Гиффорд указывает только главу. В данном случае см. Иса. 5.20 Здесь и в дальнейшем все библейские цитаты даются в прямом переводе с английского. В примечаниях же все библейские высказывания даются нами в Синодальном переводе.

19 В Синодальном переводе это место звучит так: «что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи», . Фес. 2.11—12. Возможно, что Гиффорд специально сокращает цитаты, адаптируя их для своего текста, либо дает их по памяти

20 Откр.13.3—4. Ср. Синодальный перевод: «И дивилась вся земля следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю. И поклонились зверю...». Мы сочли возможным перевести слово «followed» как «последовал».

21 Откр.12.9: «И повержен был великий дракон, древний змий называемый дьяволом и сатаной». Сближение облика Сатаны

Зверя, Антихриста с римской католической церковью — характерное клише всей протестантской литературы XVI века.

22 Типичный для английской демонологии и народных верований набор зооморфных образов подручных демонов. К ним можно добавить еще зайца (см. выше слова Сэмьюэла). Об их образе жизни и питании см. также книгу Р.Харта.

23 Марк.5.9. В современной Дж.Гиффорду демонологии их количество исчислялось миллионами, см. примечания к книге С.Пшибышевского.

24 1 Петр.5.8.

25 Не совсем точно. Дракон отождествляется с дьяволом, но не с демонами, так как под ними — если следовать библейскому тексту — следует подразумевать его ангелов, сражавшихся вместе с ним против небесного воинства во главе с Михаилом.

26 Мф.12.26. Ср. Синодальный перевод: «и если Сатана Сатану изгоняет, то он разделился сам с собою. Как же устоит царство его?»

27 Исх.7.12.

28 См. прим. 21.

29 В 5 главе 1 Послания ап. Петра не говорится о том, что дьявол в образе льва начинает рычать после произнесения кем-то молитвы.

30 См. Послание к Эфесянам 6.12: «Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных».

31 Ср. Послание к Галатам 5.19-21: «Дела плоти известны; они суть...вражда, ссора, зависть, гнев, распри.. ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное»

32 Общее риторическое место в английской публицистике 60—90-х годов XVI века, направленное против агитации папского Рима и практики гонений на протестантов. Возможно, под этими словами автор косвенно подразумевает действия испанского правительства в Европе.

33 Посл. Эф.6.16: «А паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого».

34 См. там же, 11.

35 Там же, 11,13: «Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней дьявольских», «для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостоять в день злый и, все преодолевши устоять».

36 Иоанн.8.44: «Ваш отец дьявол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего» (слова Христа к иудеям). Слова же ап. Павла в Деяниях, 13.10. обращены к волхву Елиме: «о, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын дьявола, враг всякой правды!». Привлечение цитат несколько произвольно, поскольку все эти слова обращены не к христианам; в нашем же случае речь идет все-таки о заблудших христианах

37 См. прим. 30.

38 См. посл. Эф.5.1—8.

39 Согласно английской народной демонологии, в корзинке с шер стью под кроватью обитали обычно духи в виде кота или жабы

40 Сокрытое в этих словах некоторое сожаление героя (и автора, понятно, так как очень часто на практике «ведьмы» были обычными деревенскими бабками-знахарками, лечившими и людей, и животных. «Ведьмами» они зачастую становились в глазах окружающих после неудачного исхода лечения.

41 Мф.8.31.

42 1 Петр.5.9—10.

43 Очевидно, что в данном трактате существует единая цепь дьявол демон-ведьма, все звенья которой так или иначе взаимодействуют. В этом Гиффорд значительно отличается от демонологической традиции представленной Иоанном Триттемием.

44 О «проверке» Иова см. Иов.1.8—12; 2.4—10. О смерти его детей 1.18—19. Инициатором этого испытания был Сатана. О ведьмах никаких упоминаний в тексте нет.

45 См. 1 Царств.16.14 и сл.

46 См. прим. 41.

47 2 Фес. 2.9—12.

48 См. Иов. 1.8: «ибо нет такого, как он, на земле» (пер. М.Рижского).

49 См. прим. 26.

50 Иов.1.15,17.

51 Еще один пример авторского противоречия: Дэниэл, отрицая сначала абсолютную самостоятельность ведьм в деле сношений с дьяволом, здесь уже наделяет их известной свободой в этом акте

52 Выражение «ангел света» заимствовано из 2 Кор.11.14.

53 Еще одно противоречие, так как ранее Гиффорд писал, что дьявол видит все сокрытые болезни, которые не могут обнаружить даже самые лучшие врачи.

54 Подобная трактовка ведьм как жертв гнусного обмана со стороны дьявола характерна для английской демонологии. В этом проявился рационалистический подход и лояльность отношения к ведьмам, свойственная отчасти и для британского антиведовского законодательства.

55 Вряд ли демоны все-таки добивались подобного восхищения и почитания со стороны английских крестьян и мещан — историческиий материал не дает достаточных доказательств для подтверждения правоты этого утверждения. Вместе с тем, данное упоминание хорошо демонстрирует фактическое наличие одной из составляющих всего этого «ведовского потока». Тысячелетняя история христианства на Британских островах не могла (как и в Европе) искоренить традиционные верования и традиционную медицину, теснейшим образом связанные со знахарством и магическими обрядами. Именно наличием этого сильнодейству

щего культурного феномена можно отчасти объяснить и сам факт расцвета ведовства в XVI веке.

56 См. 1 Цар.28.16—18. Саул просил вызвать дух Самуила.

57 Сивилла — ясновидящая, получившая дар предсказания от божества; как правило, ее пророчества, сделанные в состоянии экстаза, грозят людям бедой. Родиной Сивилл считается Ближний Восток. Наиболее известны (из 10) — Кумская и Эритрейская. Их предсказания записывались в специальные сборники — «Оракулы».

58 Деян.16.16. Однако в библейском тексте не говорится (как пишет ниже Гиффорд), что она вещала о пропавших и украденных вещах, но только то, что она была наделена духом прорицательства.

59 Деян.16.18.

60 Втор.18.11—12.

61 Втор.18.15. В переводе Д.Йосифона (Иерусалим, 1975, с. 248) эта фраза звучит так: «Пророка из среды твоей, из братьев твоих, подобного мне, поставит тебе Господь, Бог твой, — его слушайтесь».

62 Например, Втор.18.14—21.

63 См. 1 Цар.28.6 сл.

64 Еще одно противоречие, звучащее из уст Дэниэла, который впоследствии будет говорить, что эти колдуны также бессильны и все это лишь обман, подстроенный Сатаной.

65 Снова используются образы из 1 Петр.5.8. и Откр.13.

66 См. Мф.12.26.

67 Характерно, что нигде в данном сочинении не сказано ни слова о церковном экзорцизме.

68 Ниже Дэниэл, забыв, видимо, об этом своем утверждении, будет говорить, что именно духи дают изображение на стекло.

69 Втор.18.12. Это выражение используется и далее — см. например, 22.5.

70 По преданию, запахом дьявола был запах серы.

71 Вероятно, М.Б. имеет ввиду Втор.18.21: «Но пророк...который будет говорить именем богов иных, умереть должен такой пророк». См. также Исх.22.17.

72 Этот перечень наглядно показывает изменение отношения в обществе к ведовству, начавшееся примерно в XIII веке. Если до этого времени ведовская практика рассматривалась как уголовное преступление (см. например, Салическая правда, LXIV) то теперь это становится преступлением в гораздо большей степени религиозным, а потому и менее терпимым.

73 См. Исх.22.17: «Ворожеи не оставляй в живых».

74 Это утверждение безосновательно, поскольку в данном месте никаких разъяснений терминологического плана нет.

75 См. Исх.7.11—12.

76 См. Втор.18.10—11.

77 См. прим. 69.

[78] См. Втор.18.10: «Да не найдется у тебя никого, проводящего сына своего или дочь свою через огонь, ни кудесника, ни волшебника...» и т.д.

[79] М.Б. хитрит: во Втор.19.15 говорится о «всяком вообще грехе», так что ведьмы вполне подходят под эту статью.

[80] М.Б., вероятно, забыл уже предыдущую часть беседы, где говорилось о том, что ведьмами и колдунами становятся обычно грешные люди (ниже этот тезис будет в завуалированной форме повторен), так что колдовство и чародейство (в этом толковании) отнюдь не профессиональное занятие; вот почему, уничтожив ведьм, невозможно пресечь возможность их скорейшего возрождения.

[81] Т.е. демона.

[82] Вероятно, говорящий имеет ввиду духа Самуила, однако такое истолкование очень тенденциозно и натянуто.

[83] См. прим. 68.

[84] См. прим. 66.

[85] Дэниэл имеет ввиду дьявола.

[86] См. Деян.16.16.

[87] Мера наказания, характерная для Англии в отличие от континентальной Европы.

[88] *Вольная переделка фразы из 1 Петр.5.8.*

[89] См. 1 Петр.5.8.

[90] См. Откр.13.

[91] Возможно, этот пример был навеян автору материалами Челмсфордского процесса 1566 года (см. выше).

[92] Современная Дж.Гиффорду французская демонология (Ж.Боден) рассматривала причины полета на шабаш более критически, считая это галлюцинацией, вызванной применением наркотических средств.

[93] Так произошло с участниками Челмсфордских процессов 60—80-х гг. XVI века (см. выше).

[94] Этот вопрос фигурирует во многих критических сочинениях, направленных против охоты на ведьм. Действительно, за исключением отдельных случаев, когда дело определял политический или личный интерес, ведьмами и колдунами оказывались бедные люди, зачастую выполнявшие просто роль общественного громоотвода. Об этом же спрашивает в своем письме и С.Сирано де Бержерак (см. его письмо «Против колдунов»).

[95] См. подобного же рода ироническую просьбу в указанном письме С.Сирано де Бержерака.

[96] Один из самых распространенных видов наказания для ведьм (которым отделались и жертвы первого процесса в Челмсфорде). Приговоренных к смертной казни колдунов в Англии вешали.

[97] Вполне возможно, что куры страдали ящуром.

[98] См. Мф.8.31-32. Небольшая неточность автора: в евангельском тексте говорится о бесах, а не об одном демоне.

99 Этот образ, скорее всего, навеян Дж.Гиффорду материалами Челмсфордского процесса 1566 года (см. выше).

100 См. 1 Петр.5.9. «Противостойте ему твердою верою...»

101 Намек на уголовное или колдовское прошлое знахарей.

НЕОБЫЧАЙНОЕ СООБЩЕНИЕ О ШЕСТИ САМЫХ ОТЪЯВЛЕННЫХ КОЛДУНАХ

Этот памфлет, появившийся в Германии в 1600 г. и сразу же переведенный на английский язык, весьма показателен для понимания процесса перерождения и вырождения самой идеи ведовства, а также изменения ее трактовки и восприятия в общественном сознании. Совершенно очевидно, что демонические силы здесь присутствуют почти незаметно, объясняя лишь ловкость этих людей, которые, судя по их провинности, были обыкновенными уголовными преступниками. Что касается инкриминации им убийств малолетних детей, которые фактически являются единственным (помимо мешочков с навозом) «реальным» признаком их отношений с дьявольскими силами, то это вполне могла быть стандартная судебная формула, которой нередко злоупотребляли немецкие судьи несколько лет спустя, в частности, на известных процессах в Бамберге. Настоящий перевод сделан по изданию: Witchcrfaft. Ed. by B.Rosen, London, 1969 (Stratford-upon-Avon library. 6), pp. 316—322.

* * *

1 В тексте стоит слово «invisible» — невидимый, хотя, по предположению Б.Розен, возможен и другой вариант — «invincible», непобедимый. Исходя из контекста, мы сочли возможным придерживаться второго варианта.

2 Набор преступлений, помимо чисто уголовных, стандартен для Германии (достаточно вспомнить буллу папы Иннокентия VIII «Summis desiderantes affectibus» от 5 декабря 1484 г.).

3 Вероятно, речь идет о т.н. «колдовском стуле», который часто применялся в ходе ведовских процессов в Германии.

4 Тела колдунов (как, впрочем, и еретиков) сжигали дотла, чтобы не было возможности для них воскреснуть телесно.

Ф. фон ШПЕЕ
CAUTIO CRIMINALIS
ИЛИ О ПРОЦЕССАХ ПРОТИВ ВЕДЬМ

Фридрих Шпее фон Лангенфельд родился 25 февраля 1591 года в семье чиновника кельнского курфюрста в замке Кайзерсверт около Дюссельдорфа. Окончив иезуитскую школу, он в возрасте девятнад-

цати лет поступил в орден. По поручению руководства ордена осуществлял миссионерскую деятельность по обращению германских протестантов в «истинную католическую веру».

С ведовской практикой и охотой на ведьм Ф. фон Шпее особенно близко столкнулся в Вюрцбурге, куда он был послан в качестве исповедника осужденных по этим процессам. Его книга «Cautio criminalis, seu de processibus contra sagas» увидела свет в 1631 году без указания на титульном листе имени автора. До 1731 г. это сочинение издавалось в общей сложности 13 раз, как на латинском, так и на других языках (в 1632 году на голландском, в 1647 году в Бремене на немецком, в 1660 году на французском). В 1632 году книга вышла вторым изданием сразу в Кельне и Франкфурте-на-Майне*. Скончался Ф.фон Шпее 7 августа 1635 года во время чумной эпидемии в Трире, где он работал врачом, леча пленных французов. Вторая книга о колдовстве, материалы к которой были им уже собраны, в итоге написана не была**.

Предлагаемый перевод сделан по изданию: R.P. Friderici Spee, e Soc. Jesu Cautio criminalis seu de Processibus contra sagas liber... Augusta Vindelicorum, 1731. pp. 334—356.

* * *

1 Подобно многим демонологическим трактатам конца XVI—XVII веков, эта книга написана по образцу уже существовавших трудов. В данном случае ее структура в точности воспроизводит структуру известного демонологического исследования Сильвестра Приерио «De strigimagarum daemonumque mirandis libri tres», опубликованного в 1521 году. Нами выбраны только две главы (вопроса) из труда Шпее, которые более всего позволяют продемонстрировать его достаточно специфическую позицию по вопросам собственно демонологии, так как в целом книга носит в значительной степени правовой характер. Данное сочинение фактически написано в ответ на вышедшую в 1590 году книгу Петера Бинсфельда «Tractat von Bekantnuss der Zauberer und Hexen» (Trier, 1590).

2 in conventibus — здесь и далее мы сочли возможным использовать при переводе термин «шабаш», хотя сам Шпее слова «sabath» нигде не употребляет.

3 Выражение «ангел света» взято из 2 Кор. 11.14.

4 Мартин Антонио Дельрио (1551—1608), испанский правовед, юрист, член ордена иезуитов. Прославился напечатанной в 1599 году книгой «Disquisitiones magicae», основанной на материалах большого количества ведовских процессов и ставшей второй по авторитету после «Молота ведьм» среди юристов.

---

* Langin G. Religion und Hexenprozess, Leipzig, 1888, s. 272—273

** Шинделарж Б. Лов на вещицы. София, 1990. С. 102.

[5] Латинская терминология для обозначения этого понятия многозначна. В данном случае использовано слово «figura».

[6] Здесь Ф.фон Шпее использует термин «magi».

[7] См. прим. 3.

[8] Имеется в виду, в частности, «Молот ведьм» Я.Шпренгера и Г.Инститориса, «Крепость веры против иудеев...» Бартоломео де Спины, «Бич на еретиков» Никола Жакье и др.

С.Сирано де Бержерак
ЗА КОЛДУНОВ. ПРОТИВ КОЛДУНОВ

Известный французский писатель и публицист родился в обедневшей дворянской семье в 1619 г. Не получив систематического образования и не имея прочной социальной базы, вынужден был довольствоваться жизнью литературной богемы. В 40-х годах в одном из научных кружков Сирано де Бержерак познакомился с П.Гассенди и стал настойчивым пропагандистом идей этого французского философа. Подавляющее большинство своих произведений он написал в последнее десятилетие своей жизни, отмеченное затворничеством и болезнью. Именно тогда им были созданы «Государства и империи Луны», «Государства и империи Солнца», «Мазаринады», некоторые из публицистических писем. Скончался в 1655 году. Публикуемые ниже переводы двух писем дают возможность выяснить позицию самого Сирано в этом вопросе, а также наглядно показывают, каково было отношение к проблеме колдовства в некоторых слоях французского общества середины XVII века. Перевод сделан по изданию: Cyrano de Bergerac, S. Les oeuvres libertines. t. 2, Paris, 1921, pp. 208—219. В этом издании письма напечатаны в том варианте, в котором они были изданы в томе сочинений Сирано де Бержерака в 1654 году.

* * *

[1] Как и в других своих произведениях, автор переносит героя в другой мир, на другую планету. В данном случае это делается, скорее всего, для того, чтобы подчеркнуть нереальность и выдуманность происходящего.

[2] Агриппа (Корнелий Генрих) Неттесгеймский — см. прим. 5 к «Государства или империи Луны».

[3] Заратустра, владыка Бактрии — см. прим. 9 к первой части «Синагоги сатаны» Ст.Пшибышевского.

[4] Как известно, демоны подразделяются на несколько видов. См. выше сочинение Иоанна Триттемия, а также гл. 1 книги Р.Харта (фрагменты из сочинения Ф.-М. Гуаццо).

[5] Вероятно, под «большим черным человеком» автор подразумевает Сатану.

[6] Дьявол перечисляет фактически все те деяния, которые инкри минировались ведьмам во время судебных процессов и фигури ровали в демонологической литературе XVI—XVII веков.

[7] В принципе, это письмо направлено не против колдунов, а скорее против признания факта их существования.

[8] См. прим. 5.

[9] Подобно многим людям, выступавшим на темы ведовства и за нимавшим зачастую противоположные позиции, Сирано де Бер жерак считал, что настоящая судопроизводственная система ве дет к самооговариванию человека (см. варианты такой же по зиции у Ф.фон Шпее и Дж.Гиффорда).

[10] Ср. подобное в «Диалоге» Дж.Гиффорда.

[11] По традиции, деньги, полученные от нечистой силы, превраща лись либо в дубовые листья, либо в золу или уголь. Ср. ниже фрагмент из «Государства и империи Солнца».

[12] Сирано де Бержерак мог быть знаком с книгой Ж.Бодена «Де мономания ведьм» (1580 г.), во второй части которой и гово рится об этом.

[13] Примеры взятые из Библии — 1 Цар.28.16—18; Мф.8.30-32 и т д

[14] Возможно, речь идет об испытании колдунов через погружение в воду, хотя скорее всего автор имеет ввиду окропление святой водой.

[15] «Верую» — лат. Начало молитвы.

ГОСУДАРСТВА И ИМПЕРИИ СОЛНЦА

Перевод начала этого произведения Сирано де Бержерака сделан по тексту парижского издания под редакцией В.Спенса: Cyrano de Bergerac, S. Voyage dans la lune et Histoire comique des etats et empires du soleil. Paris, 1963.

* * *

[1] Эта книга является своеобразным продолжением «Государства империи Луны», чем и объясняется несколько неожиданная ма нера ее начала.

[2] «рукописные копии продавались из-под полы» Данное место мо жет служить свидетельством, что произведение «Государства империи Луны» распространялось в рукописных вариантах. На писанное между 1647 и 1650 гг., оно было издано после смерти Сирано в 1657 году.

[3] Длинную одежду носили члены судебных палат и парламента

[4] «обменять бенефиций» означало перебраться в другой приход

[5] Агриппа (Корнелий Генрих) Неттесгеймский — немецкий гума нист, врач, философ, писатель, увлекался и алхимией. Роди в Кельне в 1486 г. Обратил на себя внимание богословским

лекциями в г.Доле во Франш-Конте. Своими едкими сатирами восстановил монахов и, обвиненный в ереси, был вынужден переселиться в Англию. Вернувшись в Германию, издал свое знаменитое сочинение «О недостоверности и тщете наук» (Кельн, 1527 г.), насмехаясь над тогдашнем состоянием науки, за что вновь подвергся обвинению в ереси и бежал во Францию. Умер в 1538 г. (по другим источникам в 1535 г.). У современников Агриппа приобрел славу великого чародея и волшебника.

6 «похожая на Музу, что зовется Евтерпой». Евтерпа — одна из девяти муз, покровительница лирической поэзии

7 «понесла ко рту нечто вроде сарбакана». Духовое ружье: трубка длиной 1,5 — 3 м., вложенная в другую трубку, стрелы отравленные растительным ядом, выдуваются на 30—40 м.

8 «мне постоянно снятся пещеры и огонь. Причина проста — я и холерик и меланхолик». Попытка подобного объяснения снова восходит к теории Гиппократа (ок. 460 — ок. 370 до н.э. — древнегреческий врач, реформатор античной медицины) о четырех темпераментах, согласно которой темперамент индивида зависит от тех или иных жидких сред организма: крови, слизи, черной и желтой желчи. Сангвиник — кровь, жизненная сила; флегматик — слизь; меланхолик — черная желчь, отсюда видения пещеры; холерик — желчь, отсюда видения огня.

9 Из Евангелия: «В начале бог создал ...»

10 «надрываясь пели Литанию» Литания — краткое молитвословие у католиков. Совершается во время церковных процессий. В своей древнейшей форме была торжественным богомолением о ниспослании небесной помощи к произрастанию плодов земли и совершалась в случае засухи и т.п

11 «он сорвал свою епитрахиль». Епитрахиль — часть богослужебного облачения священника;

12 «Физику Декарта». Рене Декарт, латинизированное имя Картезий (1596, Турень — 1650, Стокгольм) — французский философ и математик. Здесь говорится о его работе «Начала философии» (1644).

13 Вельзевул — сатана или глава злых духов, демонов. Еще по одному филологическому толкованию это слово означает «бога навоза» или всякой нечистоты и грязи.

14 По народному суеверию, жаба является одним из существ, воплощающих дьявольскую силу

15 «не хватало лишь жены и разбитого горшка, чтобы походить на Иова». Иов — главное действующее лицо так называемой книги Иова, помещенной в Библии. Яхве (верховное божество в иудаизме) спорил с коварным Сатаной о бескорыстной праведности Иова. Яхве предложил Сатане испытать его несчастиями, только не лишать жизни. Сатана истребил детей Иова, отнял богатства, наконец, поразил его с ног до головы проказою.

16 Наивный, но хитрый мужик опасается стать жертвой колдовского действия, посредством которого листья дуба превращаются в зо-

лотые монеты. Вот почему он желает, что, если монеты прио(ретут свою первоначальную форму, то пусть это произойдет п(сле совершения их покупки.

Л.-М. Синистрари
О ДЕМОНИАЛИТЕТЕ И БЕСТИАЛИТЕТЕ ИНКУБОВ И СУККУБОВ

Автор данного трактата родился в 1622, а умер в 1701 году. В 1647 году вступил в орден францисканцев и вскоре стал одним и самых известных богословов Италии. Некоторое время Л.-М. Сини страри провел в Риме, где занимал место советника при высшем суде Священной Инквизиции, получив, таким образом, возможность по знакомиться с ее архивом. После этого он провел два года при епи скопе Авиньона, а затем переехал в Милан, где стал главным бого словом при местном епископе. В 1688 году принял участие в работе общего съезда францисканцев, на котором ему поручили собрать все статуты ордена. Публикуемый нами трактат был написан, вероятно в середине 80-х гг. XVII века. Русский перевод трактата, сделанный с первого научного издания (Париж, 1872), был впервые опубликован в журнале «Изида», 1915—1916, № 1—6. Фамилию переводчика скрывшегося под инициалами З.Ф.В., установить не удалось. Для настоящего издания текст трактата был отредактирован и снабжен примечаниями.

* * *

1 Хуан Карамюэль де Лоблоковиц (1608—1682 гг.) — один из крупнейших гуманистов и естествоиспытателей Испании, выст павший против схоластицизма и искавший идеологическую оп ру в философии Эпикура. Посвятил ряд трудов проблемам бо гословия.

2 Фома де Вио из Гаэты (Каэтан, Каетанус) (1469—1534 гг.) кардинал, член доминиканского ордена, виднейший неосхолас и оппонент Мартина Лютера. Учению последнего о предопреде лении противопоставлял теологическую метафизику Фомы Ак винского. В комментариях к сочинениям Аквината он развива некоторые идеи, которые у самого Фомы были только намечен например, идею об аналогии бытия и трансцеденталиях. Про тивник гуманизма.

3 Папа Александр VII (Фабио Киджи), понтификат 1655—16 годы. Родом из известной банкирской семьи, был папским нун цием в Кельне, с 1651 года кардинал. Избран папой вопреки желанию французского двора, в результате чего отношения Рима с Францией резко ухудшились. Покровительствовал развити строительства и архитектуры.

4 Весь этот абзац представляет собой почти дословное воспроизведение фрагмента из «Молота ведьм». Ср.: «А в кн. 15, гл. 23. "О граде Божьем" он решает вопрос следующим образом: «Часто говорилось и многими утверждается из личного восприятия и из свидетельств других очевидцев, в достоверности которых не может быть сомнения, что лешие и фавны, которые в народе называются инкубами, обуянные страстью к женщинам, добивались плотского соития с ними и его совершали, и что некоторые демоны (называющиеся у галлов дузами) усердно пытались творить подобные скверны и часто их совершали. Было бы наглостью отрицать это в виду достоверности людей, утверждающих подобное». Вот слова Августина» (Я.Шпренгер, Г.Инститорис. Молот ведьм. М. 1990. С. 100.). У Августина этот фрагмент стоит в главе, в которой автор рассуждает об ангелах. Для сравнения приводим оригинальный текст Августина: «Et quoniam creberrima fama est multique se expertos vel ab eis, qui experti essent, de quorum fide dubitandum non esset, audisse confirmat, Silvanos et Panes, quos vulgo incubos vocant, inprobos saepe extitisse mulieribus et earum appetisse ac peregrisse concubitum; et quosdam daemones, quos Dusios Galli nuncupant, adsidue hanc inmunditiam et temptare et efficere, plures talesque adseverant, ut hoc negare inpudientiae videatur...» и т.д. (Sancti Aurelii Augustini episcopi De Civitate Dei Libri XXII, v. II, Lipsiae, 1908, p. 108). См. также «О граде Божьем», XVIII, 18. (о влиянии демонов на человека).

5 О сношении дьявола с колдунами и обычными людьми также см. «Молот ведьм», с. 95 сл., 120 сл., 282 сл.

6 Самые известные показания, дававшие картину шабаша со всеми подробностями, содержатся в демонологических сочинениях П.де Ланкра и Ж.Бодена, а также в материалах ведовских процессов в Германии начала XVII века.

7 Евхаристия, т.е. причащение — одно из таинств христианской церкви. В переводе с греческого означает «благодарение».

8 О том, как демоны берут сперму у мужчин, см. опять «Молот...», с. 99 сл.

9 Боэс (Бетиус) Гектор (1465—1536 гг.), шотландский историк и гуманист. Учился в Данди и в Парижском университете; друг Эразма Роттердамского, профессор философии в Колледже Монтэгю, основатель университета в Абердине и его первый директор (с 1505 г.). Автор известнейшей «Истории шотландцев», вышедшей в 1527 году на латинском языке, в которой необычайно широко используется шотландская мифология, фольклор, эпические сказания. В написании этого произведения он опирался на рукописи некоего Веремунда по истории Шотландии, хранившиеся тогда в монастыре Иколмкилл и не дошедшие до нашего времени.

10 Самостоятельность этих духов заходит настолько далеко, что они даже не подходят под общий демонический «стандарт» по пер вопричине своего действия.

11 Папа Пий V (Антонио Гислиери), понтификат 1566—1572 годы Родился в бедной семье, в 14 лет вступил в доминиканский орден. Был инквизитором в Северной Италии и Риме; кардинал с 1557 г. Выступал против Реформации, хотя требовал и проводил в жизнь политику соблюдения библейских заповедей и принципов аскетизма. При нем среди духовенства была произведена серьезная «чистка», имевшая целью изгнать со своих постов всех нерадивых священников, начиная с уровня епископа и кончая сельским приходом. Организатор Святой антитурецкой лиги.

12 Бернардин Фельтрский (1439, Фельтре — 1494, Павия), знаменитый итальянский проповедник. Член ордена францисканцев с 1456 года, с 1463 г. преподает во францисканских школах, осуществляет миссионерскую деятельность в различных городах Италии, где параллельно с этим организует сеть домов призрения. Память — 28 сентября. У него есть несколько проповедей, в которых он затрагивает и демонологические вопросы, например, «Quomodo peccator est unus diabolus et peior diabolo» (Sermoni del beato Bernardino Tomitano da Feltre, t. 1, Milano 1964, p. 123—132).

13 Этот рассказ по своему сюжету, структуре, образной системе чрезвычайно близок к характерному и традиционному для эпохи Возрождения жанру новеллы (см. произведения Боккаччо, Сакетти, Страпароллы и т.д.). Дьявол здесь выступает в роли некоего ловкого и удалого молодца, типичного итальянского горожанина, покушающегося на верность добродетельной жены и проделывающего всякие шутки с ней и ее окружением. Сам Синистрари с некоторым юмором относится к этой истории, возможно, считая ее в душе обычной басней.

14 О возможности рождения людей от инкубов, их особенностях и т.д. см. «Молот ведьм», с. 96—104.

15 Беллармино Роберт (1542, Монте-Пульчиано — 1621, Рим), знаменитый богослов-полемист, кардинал с 1598 г. Его мать, Синтия Червини, была сестрой будущего папы Марцелла II. Вступил в орден иезуитов в 1560 г. Три года изучал богословие в Римском коллегиуме, а в 1570—1576 гг. читал лекции о «Сумме» Фомы в Лувене, где и стал известен своими проповедями. С 1592 г ректор Римского коллегиума, с 1602 — архиепископ капуанский. В 1581 г. издал знаменитое сочинение «Disputationes de controversiis fidei adversus hujus temporis haereticos» (3 тт., Рим) Прославился как талантливый систематизатор католической доктрины и полемист с протестантизмом (особенно с англиканством). Некоторые его книги были переведены в конце XVIII века на русский язык.

Суарец Франциско (1548—1617 гг.), испанский философ и пол

итический писатель, окончил юридический факультет Саламанкского университета, член ордена иезуитов, профессор богословия в Сеговии, Алкале, Саламанке, Риме. По праву называется «последним схоластом»; подобная «слава держалась за ним, судя по автобиографии Вико, вплоть до начала XVIII века» (А.К. Дживелегов). Известны его трактаты «О законах» (1612 г.), в котором он, в частности, высказывал своеобразно выраженные тираноборческие идеи, и «Защита католической веры» (1613 г.), на который, вероятно, и ссылается Синистрари.

16 Здесь Синистрари несколько произвольно подходит к библейскому тексту. Во-первых, среди толкователей Библии нет единого мнения по поводу того, кто такие «сыны Божии» — сыновья вельмож, ангелы или благочестивые потомки Сифа (последней точки зрения придерживались бл. Иероним, бл. Августин, св. Иоанн Златоуст и др.). Во-вторых, от брака сыновей Бога с дочерьми *человеческими стали рождаться не исполины*, которые являлись представителями предпотопного человечества (в Ветхом Завете они обозначаются словом «нефилим»), а «сильные, издревле славные люди» (Быт. 6.4), что в православной традиции толкуется именно как физически сильные, выдающиеся личности («гибборим»). Синистрари отходит практически от всех церковных авторитетов и, рассматривая эту действительно очень туманную главу, применяет рационально-логический метод, насильственно «подводя» ее под свою оригинальную схему инкубов и их роли в появлении великанов.

17 Цельс — античный критик христианства, близок к кружку платоников. Относился критически к Новому Завету, считая в целом христианство изменой традиционным верованиям и традициям предков. В качестве положительного примера для христиан в отношении верности своей традиционной религии часто приводил иудеев.

18 IV Латеранский собор, крупнейший католический собор средневековья, был созван в 1215 году за год до смерти папы Иннокентия III. На нем было принято 70 правил, составивших основу нового церковного законодательства.

19 VII Вселенский собор (II Никейский) состоялся в сентябре—октябре 787 года. На нем решались вопросы, связанные с иконоборческой смутой. Епископы-иконоборцы были прощены патриархом константинопольским Тарасием, а почитание и производство икон было восстановлено.

20 Ссылка автора на Аристотеля неточна. В 12 книге «Метафизики» Аристотель пишет не о духах, а об идеальности и неосязаемости высшего начала.

21 Ср. Мф. 11.10: «Ибо он тот, о котором написано: «се, Я посылаю ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой перед Тобою».

22 См. Aug. De divinatione daemonum, cap. III. «...Accessit etiam daemonibus per tam longum tempus quo eorum vita protenditur,

rerum longe major experientia, quam potest hominibus propter brevitatem vitae provenire».// Patrologiae cursus completus. Serie latina. t. 40, Paris, 1865, col. 584.

23 Имеется ввиду книга Реджинальда Скота «Открытие ведовства» (1584 г.).

24 Синистрари ошибается — ни у Платона, ни у его последователей из т.н. «платоновской» школы нет диалога с таким названием хотя сама тема демона Сократа рассматривается им в ряде диалогов, в частности, в «Феаге» и др. Специальное рассуждение о демоне (даймоне) Сократа имеется у Апулея и называется оно «О божестве Сократа».

25 Подобная трактовка инкубов и суккубов принадлежит именно Синистрари, поскольку Я.Шпренгер и Г.Инститорис не квалифицируют их как разумных животных.

26 Примерами похожего дьявольского наваждения и обольщения наполнена вся средневековая христианская (особенно латинская) литература и многие богословские трактаты. В качестве иллюстрации можно привести небольшой рассказ, принадлежащий перу английского философа-мистика XIV века Ричарда Ролле

«Рассказ об искушении Хэмпола
(прозвище Ричарда. — пер.)»

История, которую рассказал отшельник Ричард.

Когда я поставил перед собой единственную цель и оставил обычаи мирские и начал служить более Господу, нежели людям, случилось так, что как-то ночью лежал и отдыхал я — а было это вскоре после моего обращения — и явилась мне прекраснейшая молодая женщина, которую я видел до этого и которую любил в той жизни И когда я заметил это, то удивился я, почему она пришла так поздно в эту пустыню. И тут внезапно, не говоря ни слова, возлегла он здесь же, рядом со мной. И когда я почувствовал это, то убоялся что утащит она меня в бездну, и сказал, что я встану и помолюсь за нас во имя Святой Троицы. Но она так жестоко скрутила меня что не было у меня ни рта, чтобы говорить, ни рук, чтобы помешат ей. И когда я увидел это, то ясно понял я, что то была не женщина но дьявол в обличии женском. Потому обратился я к Господу и сказал про себя, осеняя грудь свою крестным знамением: «О, Иисус Сколь драгоценна кровь Твоя», и тут очень быстро она ослабела, и вдруг все исчезло. И возблагодарил я Бога, освободившего меня, и потому с тех пор заставил я себя полюбить Иисуса, и чем больше я пользовался любовью Его, тем более сладостной находил ее. И до сего дня так и есть, но проистекает то не от разума моего. Так благословенно да будет имя Иисусово в этом мире миров! Аминь, аминь, аминь! Иисус, сын Девы славной, и милость Господня на всем Твоим! Аминь, аминь, аминь. Во милосердие — аминь!" (Пе

ревод сделан с издания: English prose treatises of Richard Rolle de Hampole. London, 1921, p. 5—6).

27 Цитата из кн. Товита приведена неточно: «Он отвечал: если кого мучит демон или злой дух, то сердцем и печенью должно курить перед таким мужчиною или женщиною, и более уже не будет мучиться» (Синод. пер.).

28 Об изгнании демона из Сарры см. Тов.8.2—3.

29 Валезий Генрих (Анри де Валуа) (1603—1676). французский историк, ученый классик, издатель трудов античных и средневековых авторов

30 Толкования упомянутых Синистрари католических богословов действительно носят несколько искусственный характер, так как в книге Товита, 8.3. сказано следующее: «Демон, ощутив этот запах, убежал в верхние страны Египта, и связал его Ангел». Между тем, православные экзегеты также считают, что этот демон (Асмодей) убежал в пустыню (по библейской демонологии, обычное местожительство злых духов) не из-за того, что он почувствовал запах сжигаемых внутренностей рыбы — ведь на него, как существо бестелесное, не могло подействовать материальное средство — а потому, что это было просто чудом в цепи других библейских чудес и объяснению не подлежит. Некоторые из таких исследователей полагают этот акт наделенным столь огромной силой потому, что он, по их мнению, символизировал последовавшую затем молитву Товия и Сарры.

31 См Иоан 1 14: «И Слово стало плотью».

32 Смешение в данном случае понятий инкуба и суккуба показательно, так как для Синистрари уже неважно четкое разграничение их функций, сделанное в духе Я.Шпренгера и Г.Инститориса.

33 Последняя из описываемых ситуаций объясняется, на наш взгляд, довольно просто: ругавшийся и столь непристойно ведший себя инкуб был, скорее всего, плодом больной фантазии диакона, развившейся у него на почве злоупотребления спиртным.

34 Корнелий Лапид (Корнелиус ван дер Стеен) (1567—1637 гг.), теолог, преподаватель Лувенского университета, член ордена иезуитов с 1592 г., профессор Римского коллегиума с 1616 г. Автор известных «Комментариев на Библию»

35 Цитата приведена неточно. В Библии сказано буквально следующее: «И приложил желчь к глазам отца своего и сказал ободрись, отец мой! Глаза его заело, и он отер их. И снялись с краев глаз его бельма. Увидев сына своего, он пал на шею к нему» (Тов.11.10—12).

36 Толкование этого эпизода Синистрари буквально следует библейскому тексту. Однако что касается утверждения о том, что Рафаил приковал Асмодея где-то в пустыне, то можно заявить, что оно не является ни единственным, ни бесспорным Православные экзегеты считают, что слово «связал» (а не «приковал») означает в данном случае не конкретный акт, а то, что ангел с

помощью своей чудесной силы отнял у Асмодея способность и возможность передвигаться в пространстве и творить свои дела.

37 бл. Иероним (340—419 гг.), церковный писатель, экзегет, автор латинского перевода Библии (Вульгаты), а также известного сочинения «О знаменитых мужах». Оставил множество писем

38 св. Афанасий Александрийский (ок. 295—373 гг.), видный религиозно-политический деятель, идеолог борьбы с арианством во вселенской церкви в 30—60 гг. IV века. Автор многочисленных сочинений догматического и полемического характера и первого жития св. Антония.

39 «У конечной цели», «в пути» — лат.

40 «в состоянии пути и воздаяния» — лат.

41 «О подземных существах» — лат. Георг Агрикола (Бауэр) (24.3.1490 — 21.11.1555), выдающийся немецкий минеролог и исследователь в области горного дела.

42 Эттмюллер Михаэль (1644—1683 гг.), немецкий врач. Его труд «Institutiones medicae» пользовался широкой известностью в конце XVII века, см.: Michaelis Ettmulleri... Opera omnia theoretica et practica, Lugduni, 1685.

43 Лактанций, Люций Целий Фирмиан (ок. 250 — после 325 гг.), церковный писатель, преподаватель красноречия в Никомедии. В своем главном сочинении «Божественные установления» попытался установить и систематизировать основы христианского учения. Автор полемических сочинений «О творении Божием», «О гневе Божием» (именно об этих двух сочинениях и пишет Синистрари). Кроме того, Лактанций написал получившее необычайную известность небольшое произведение «О смерти гонителей», в котором осветил борьбу римских императоров с христианством вплоть до начала IV века. За красоту и выразительность слога заслужил почетное прозвание «христианского Цицерона».

Бароний, Чезаре (1538—1607 гг.), крупнейший официальный католический историк эпохи Возрождения. В его «Церковных анналах», изданных в начале XVIII века в сокращенном виде на русском языке, собран огромный, порой уникальный, материал по истории христианской церкви первого и начала второго тысячелетия. Этот труд лежал в основе многих исследований истории церкви, написанных в XVII—XIX вв. В 1913—1915 гг. издан на русском языке вторично.

44 В переводе Торы, сделанном Д.Йосифоном (Иерусалим, 1975), эта фраза переведена так: «Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель из среды потомков его, доколе не прийдет в Шило, и ему — повиновение народов».

45 См. Мф.1.

46 Данное описание из книги Ф.-М. Гуаццо см. ниже в очерке Р.Харта

47 В описании Л.-М. Синистрари характера семени инкуба наблюдаются большие расхождения с традиционной точкой зрения на дьявольское семя. Если у П.де Ланкра, Ж.Бодена и др. сношения

с дьяволом заставляют женщину переживать холод от семени и боль от самого акта, то инкубы Синистрари во всем ему противоположны, в том числе и по своей сущности и происхождению. В этом проявляется самостоятельность и известная оригинальность итальянской демонологии XVII века.

Ст.Пшибышевский
СИНАГОГА САТАНЫ

Талант польского писателя, теоретика искусства и литературы, критика Станислава Пшибышевского (1868—1927 гг.) проявился во многих областях, в том числе и в жанре историко-психологической эссеистики, к которой относится и «Синагога Сатаны». Прежде чем заняться вопросами магии и колдовства, интерес к которым был весьма велик в декадентских кругах конца прошлого века, он изучал музыку, архитектуру, штудировал труды известных психологов и медиков. Все это, а также огромное влияние трудов Ф.Ницше утвердило С.Пшибышевского в его концепции анализа исторических событий. Именно поэтому в «Синагоге Сатаны» автором отводится столь большое место проблеме пола, роли подсознательного, которое, по мнению писателя, есть комплекс биологического и сексуального. Впервые «Синагога Сатаны» была опубликована в 1897 году на немецком языке, а в 1902 году переведена на польский. В настоящем издании воспроизводится заново отредактированный русский перевод этого сочинения, опубликованный в 10 томе собрания сочинений С.Пшибышевского в 1911 году.

* * *

Часть первая

1 Светоносец (Люцифер) — от латинского «lucere», светить. Прямой перевод с латинского имени предводителя восставших против Бога ангелов до его низвержения в ад.

2 Параклет — в переводе с греческого «заступник» — Дух Святой, посланный Иисусом после смерти на землю к людям.

3 Отрок назаретский — т.е. Иисус, который, по христианской традиции, победит в последней битве дьявола. Назарет — городок в Галилее, где провел свое детство Христос.

4 Маги — термин, употреблявшийся в двух значениях: а) в качестве обозначения жрецов в зороастризме, а также пророков и предсказателей; б) как синоним слов «волшебник, чародей».

5 Халдея — другое название Вавилонского государства.

6 Маздеизм — оно из названий религии древних иранцев (зороастризма), происходящее от имени доброго бога Агура-Мазды; религиозно-философское учение, отражавшее идеологию широкого народного движения в Иране в V—VI вв. Основатель — пропо-

ведник Маздак (470—521 гг.). Согласно его учению, в основе мирового процесса лежит борьба между светлым началом, действующим целеустремленно и разумно, и темным началом, действующим слепо. Первоначально люди находились в состоянии полного равенства, которое было нарушено победой зла, породившего присущие обществу беды. Маздеизм отвергал манихейский аскетизм и был пронизан духом борьбы.

7 Святой огонь — зороастрийцы почитали огонь как священную стихию, с которой связывали жизнь.

8 Агура-Мазда — бог добра в зороастризме, владыка аша — порядка, справедливости, праведности. Ему противопоставлен Аигра-Майнью, бог зла. В одной из частей «Авесты» (Ясна, 30.3—5) говорится: «Воистину, есть два первичных духа, близнецы, славные своей противоположностью». Эти первобоги добровольно выбрали добро и зло, после чего началась борьба между ними, ставшая фактически стержнем человеческой истории. В итоге Агура-Мазда выиграет великую битву и сможет уничтожить зло. Бог добра является творцом всего сущего. Сначала он создал все свободным от телесной оболочки, но затем придал своим созданиям материальный вид, видя в этом большее благо. Злой же бог вторгся в этот мир. Он вынырнул из воды, сделав большую часть ее соленой, иссушил растения, убил первого человека и испортил огонь дымом. В конце концов демоны-дэвы и силы тьмы все-равно будут уничтожены в упомянутой битве. Река расплавленного металла потечет вниз, в ад и убьет Аигра-Маньи и сожжет последние остатки зла в мире

9 Заратуштра (Зороастр), пророк. Скорее всего, это реальное историческое лицо, которому принадлежит составление Гат, древнейшей части «Авесты», священной книги зороастризма. Жил примерно между X и VI веками до н.э. Первоначально Зороастр выступал с проповедями у себя на родине, однако не был признан своей общиной. Согласно пехлевийским источникам, он подвергся преследованиям со стороны местного чародея Дурасрава и был вынужден покинуть родину. Погиб в преклонном возрасте от руки жреца-язычника.

10 Сома (от глагола «выжимать») — в древнеиндийской мифологии божественный напиток и божество этого напитка, сделанного из одноименного растения, идентифицировать которое не удалось до сих пор. Этот культ — индоиранского происхождения. Первоначально его название звучало как «хаома». Напиток этот галюцинногенный. Существует ряд гипотез о растении, из которого мог быть приготовлен этот напиток (конопля, ревень, мухомор и т.д.), однако никаких конкретных, позволивших точно определить его, описаний нет. Изначально считалось, что хаома — это растение, первое, созданное богом, и которое в силу этого является прародителем всех остальных растений. В зороастризме хаома восхваляется за то, что он, опьяняя, способен даровать здоровье, целительную силу, развитие, рост, мощь, зна-

ние. Хаома — черта более ранних культов, которую, в силу его популярности, ввел в свое учение и Зороастр.

11 Тот — в египетской мифологии бог мудрости, счета и письма. Женой Тота была богиня истины и порядка Маат. Священным животным Тота был ибис, поэтому Тота обычно изображали в виде человека с головой ибиса. Как божество астральное Тот отождествлялся с луной. Он считался сердцем бога Ра и обычно изображался позади бога Ра-солнце. Тот был создан самим Ра. «Владыка времени», он разделил его на годы, месяцы, дни и вел им счет. Он записывал дни рождения и смерти людей и вел летописи. Тот создал письменность и научил человечество счету и письму. Обладая способностью исцелять, Тот с помощью магических заклинаний исцелили младенца Гора, укушенного змеей. В «Книге мертвых» Тот изображался около весов, записывающим результат взвешивания сердца. В религиозно-мистической литературе древних греков он отождествлялся с Гермесом, который выступал под именем Трисмегиста, «Трижды величайшего».

12 В эллинистический период Тоту приписывалось создание священных книг, в том числе «Книги дыхания», которую вместе с «Книгой мертвых» клали в гробницу, полагая, что они обладают магической силой.

13 Геката — в греческой мифологии богиня мрака, ночных видений и чародейств. От Зевса она получила в удел власть над судьбой Земли и моря. Ночная, страшная богиня, с пылающим факелом в руках и со змеями в волосах, Геката была богиней колдовства, к которой обращались за помощью, прибегая к особым таинственным обрядам. По ночам она бродит среди могил и выводит призраки умерших. Изображения Гекаты часто устанавливались на перекрестках дорог, где ей обычно и приносили жертвы.

14 Сатиры — в греческой мифологии демоны плодородия, входившие в свиту Диониса, бога виноделия. Они покрыты шерстью, длинноволосы, бородаты, с копытами, лошадиными хвостами. На голове у них небольшие рога или лошадиные уши, однако торс и сама голова у них человечьи. Они задиристы, похотливы, влюбчивы, наглы.

15 Пан — в греческой мифологии божество садов, лесов и полей. Он сын нимфы Дриопы и Гермеса, входит в свиту Диониса. Пан козлоног, на голове у него козлиные рожки, сверху покрыт густой шерстью. Известен своим пристрастием к вину и веселью, полон страстной влюбленности и постоянно преследует нимф. Наводит на людей беспричинный, панический страх.

16 В данном случае выступает как символ (или его изображение) оплодотворяющего начала в природе.

17 Тиберий (14—37 гг.), пасынок Октавиана Августа, официально усыновленный в 4 году н. э. под именем Тиберий Юлий Цезарь и в этом качестве объявлен наследником имущества принцепса. С 6 по 9 гг. Тиберий был командующим огромной римской

армии, подавлявшей восстание в Паннонии. Сразу после смерти Августа сенат утвердил его во всех правах, которыми обладал его предшественник.

18 Св. Киприан происходил из знатного рода, получил отличное образование, был адвокатом, прославился как ученый-ритор. Христианство принял на сороковом году жизни в 246 г. Вскоре был поставлен пресвитером, а в 248 г. — епископом карфагенским. Обратившись в христианство, продал все свое имущество, а деньги раздал бедным.

В начале гонений при императоре Валериане (253—260 гг.) был заключен в тюрьму, где, по преданию, ему было видение о предстоящих мучениях. Вскоре его вернули в Карфаген, где он и был казнен. Тело его было похоронено членами христианской общины, а собранная кровь долго хранилась как бесценная реликвия. Киприан умер в 258 г.

19 Тертуллиан, Квинт Септимий Флоренс, знаменитый богослов, по образованию юрист, род. ок. 160 года н.э. Точная дата принятия им христианства неизвестна, однако, по мнению большинства исследователей, до самой своей смерти он придерживался монтанистских убеждений. Прославился сочинениями апологетического и, в меньшей степени, догматического характера. Еще до своего увлечения монтанизмом Тертуллиан написал трактаты «О крещении», «О покаянии», «О терпении», «Об идолопоклонстве» и т.д., в которых он выступал защитником ортодоксального христианства от еретиков и нападок язычников. Впоследствии уделял много внимания борьбе и полемике с гностиками. В вопросах личного поведения был очень строг, предписывал женщинам вести целомудренную жизнь вплоть до отказа от второго брака. Тертуллианом были сформулированы и семь важнейших, смертных грехов — убийство, идолопоклонство, обман, вероотступничество, богохульство, прелюбодеяние и разврат.

20 Св. Иероним (ок 340—420 гг.), один из известнейших отцов церкви на западе. До принятия христианства получил хорошее светское образование. Впоследствии — монах и аскет. Написал ряд церковно-исторических сочинений («О знаменитых мужах», «Хроника»), поучений, проповедей и трактатов. Особенно известен за свой перевод Библии на латинский язык (т.н. Вульгата).

21 Лактанций, Люций Целий Фирмиан (ок. 250—ок. 325 гг.), выдающийся христианский писатель. Родился в Африке (по другим данным — в Италии), получил классическое образование и очень быстро прославился как ритор и стихотворец. До принятия христианства был близок к стоицизму. Был приглашен лично императором Диоклетианом на должность преподавателя красноречия в главную школу г. Никомедия, однако по принятии крещения Лактанций эту должность оставил. С 308 по 317 г. был учителем старшего сына императора Константина (правил 306—337 гг.). В своем главном сочинении «Божественные установления» (304—311 гг.) Лактанций стремился не только опроверг

нуть обвинения, выдвигаемые в адрес христианства со стороны образованных римлян, но и установить систематические основы христианского учения. По мнению богослова, язычество не в состоянии быть ни истинной мудростью, ни истинной религией поскольку в нем эти понятия разделены, тогда как мудрость неотделима от религии и наоборот. Истинное Богопочитание состоит в добродетели, понимаемой в христианском смысле. В конце книги он излагает хилиастическое учение, предвещая наступление конца света через двести лет и начало нового тысячелетнего царства Христа.

Труды Лактанция, в том числе и «О смерти гонителей христианства», высоко ценились церковной критикой. За свое красноречие он даже прозван «христианским Цицероном».

22 Исаврий Иконокласт — имеется ввиду византийский император Лев Исавр (716—741 гг.), при котором началось иконоборческое движение в Византии.

23 Григорий Великий (в православной традиции — Двоеслов). Родился ок. 540, умер в 604 г. Римский папа в 590—604 гг. Происходил из знатного рода Анициев. Одно время занимал должность префекта Рима. С 577 г. — монах. На свои средства основал несколько монастырей на Сицилии и в Риме. С.Пшибышевский намекает на имевшие хождения в эпоху Возрождения и особенно в начале нового времени легендарные сообщения о том, что он сжег Палатинскую библиотеку, уничтожил рукописи сочинений Цицерона и Тита Ливия, разрушал памятники античной скульптуры. Необоснованность подобных заявлений была доказана еще в конце XVIII века, однако в отечественной литературе подобные оценки его деятельности встречались вплоть до недавнего времени.

24 Феодосий II (Младший) (ок. 401—450 гг.), византийский император с 408 г. До 428 г. правил под опекой своей сестры Пульхерии; затем до 441 г. находился под влиянием своей жены Евдоксии. В последние годы правления власть находилась фактически в руках евнуха Хрисанфа. В 442 г. вынужденно заключил мир с предводителем вандалов Гейзерихом, по которому Северная Африка отошла к вандалам. В его правление Константинополь был обнесен мощными стенами (413 г.), создан университет (425 г.), издан т.н. Кодекс Феодосия (438 г.) — первый свод ранневизантийского права.

25 Афродита — в греческой мифологии богиня любви и красоты. Существует две версии происхождения этой богини. Согласно первой, она — дочь Зевса и Дионы; согласно второй, она родилась из крови Урана, которая попала в море, образовав пену. Афродиту представляли как богиню плодородия, вечной весны и жизни, чьей любовной власти подчинены и боги и люди. Ей неподвластны только Афина, Артемида и Гестия. В Риме Афродита почиталась под именем Венеры, считаясь, таким образом прародительницей римлян — через своего сына Энея.

26 Экзорцизм — обряд изгнания бесов, выполнявшийся специально подготовленным священником и проводившийся по специальным книгам. Однако официально считалось, что полностью беса никогда нельзя изгнать из человеческого тела. Этим и вызвано данное замечание С.Пшибышевского.

27 «Люцифер» иногда переводят как «утренняя звезда», т.е. Венера Налицо очевидная игра слов. Автор ошибается в следующем: Люцифер не может заключать день светом Венеры, т.к. Венера, имеющая противоположное ходу Земли движение, в отличие от других звезд восходит утром.

28 Демон — в греческой мифологии обобщенное представление о некоей неопределенной и неоформленной божественной силе, чаще всего злой. Во многих случаях она определяет судьбу человека. Это мгновенно возникающая и мгновенно исчезающая страшная роковая сила, которую нельзя назвать каким-либо именем и с которой нельзя вступить в общение. Иногда демонами называли и олимпийских богов, но только в обобщенном плане или если бог не проявлял себя индивидуально и скрывал свое имя. Демоны непосредственно воздействуют на человека, готовя ему беду, прельщают его, насылают беды, зловещие сны. Каждому человеку дается в жизни свой демон, который определяет и характер человека.

Кроме того, демоны мыслились как разряд божеств низшего порядка, являвшихся посредниками между высшими богами и людьми. У Гесиода поколение «золотого века» после своего исчезновения превращается в «благостных демонов», которые охраняют людей и наблюдают за правыми и неправыми делами В римской мифологии демону соответствует гений. Раннехристианское представление о демоне связано с образом злой, бесовской силы. Бесы — духи зла, войны, слуги и пособники дьявола, «невидимые враги» рода человеческого. Они — воплощение абсолютного зла и всякие контакты с ними, направленные на совершение чего-то доброго, в принципе невозможны.

29 Феодор, еп. мопсуэстский (или мопсуэстийский), ум. в 429 г уроженец Антиохии, выходец из богатой и известной семьи. Из-за своей склонности к монашеской жизни, сопряженной с жаждой знания, ушел на некоторое время в монастырь. Однако под влиянием своего товарища, Иоанна Златоуста ушел оттуда и приступил к серьезной богословской работе. Рьяный приверженец Антиохийской богословской школы. Епископ с 393 года.

30 Константин I Великий (274—337 гг.), римский император, сын Констанция Хлора и Елены. С его именем связано изменение религиозной политики императоров в сторону признания христианства. В 313 году им был издан Миланский эдикт, согласно которому всяческие приследования христиан запрещались и новая религия ставилась в разряд разрешенных. При Константине церковь приобрела некоторые имущественные привилегии, а в ходе борьбы с арианством православное духовенство получало

иногда достаточно действенную поддержку со стороны императора. Однако сам Константин крещение принял лишь перед смертью. Несмотря на все изгибы императорской религиозной политики, он канонизирован как «равноапостольный». В средневековой западной церкви считался образцом христианского правителя. При Константине действительно был принят закон, угрожавший карами колдунам — их лишали имущества и ссылали.

31 Валент (328—378 гг.), римский император с 364 года. После смерти в указанном году Иовиана, римское войско провозгласило своим императором Валентиниана, который выбрал себе в соправители брата Валента, отдав ему восточную часть империи. Валент отличался активным преследованием православных христиан, в том числе Кирилла Иерусалимского, Мелетия Антиохийского. Разрешил поселение готских племен на придунайских землях, однако в ходе сражения с восставшими германцами летом 378 года был убит.

32 Ямвлих (ок. 280—ок. 330 гг.), античный философ, основатель сирийской школы неоплатонизма, ученик Порфирия, продолживший мистическую традицию в неоплатонизме. Ему принадлежит «Свод пифагорейских учений». «Единое» Плотина Ямвлих разделял на два начала: «единое», которое выше всякого понимания и бытия и выше всякого наименования, и «единое», которое является началом всего и заслуживает наименования в качестве «единого» и «блага». Ямвлих стремился к восстановлению древней религии с ее обрядами, чудесами и пророчествами, к реставрации всего ее культа. Указание С.Пшибышевского на то, что Ямвлих был вынужден закончить жизненный путь при Валенте, несколько противоречит истине, поскольку маловероятно, что будущий император начал гонение на философа в двухлетнем возрасте.

33 Месса — литургия католической церкви. В содержание мессы входит чтение молитв, песнопения в сопровождении органа. Заканчивается месса обрядом причащения.

34 Вакханалии — празднества в честь бога Вакха, римского аналога Диониса, бывшего в греческой мифологии богом плодоносящих сил земли, растительности, виноградарства и виноделия. Именно он обучил людей выращиванию виноградной лозы. В праздничном шествии люди обряжались в одежды его спутников — сатиров, вакханок и т.д. По преданию, спутники Вакха впадали в священное безумие, упиваясь кровью растерзанных зверей. Дионис освобождал людей от их забот, ввергая в состояние безудержного веселья и наслаждения.

35 Имеется ввиду Дева Мария.

36 Ной — десятый и последний из допотопных патриархов в прямой линии от Адама, сын Ламеха, родился в 1056 г. от сотворения мира.

37 Аид, Гадес — в греческой мифологии бог — владыка царства мертвых, а также само царство.

38 Евсевий, еп. кесарийский (ок. 260—340 гг.), один из самых выдающихся церковных деятелей первой половины четвертого века, «отец церковной истории». После 324 года сблизился с императором Константином, участвовал в работе Первого вселенского собора в Никее в 325 году. Автор «Церковной истории», «Жизнеописания императора Константина» и других сочинений апологетического, полемического и исторического характера.

39 Рабан Мавр (ок. 780—856 гг.), деятель Каролингского возрождения, ученик Алкуина, с 832 года аббат Фульдского монастыря, с 847 года архиепископ Майнцский. Советник Людовика Благочестивого и его сына. Автор многочисленных сочинений, главным образом, учебников для церковных школ.

40 Флегетон, Коцит, Стикс — реки Аида.

41 Харон — в греческой мифологии перевозчик мертвых в Аиде Изображается мрачным старцем, одетым в рубище. Харон перевозит умерших по водам подземных рек, получая за это плату в 1 обол. Он перевозит только тех мертвых, чьи кости обрели покой в могиле.

42 Автор, вероятно, имеет ввиду секту мессалиан, аскетическое движение, зародившееся в IV веке на востоке в некоторых монашеских общинах Сирии и Малой Азии. Единственным средством спасения они считали молитву, а потому ставили ее превыше всего. Согласно учению мессалиан, каждый человек, в силу происхождения от Адама, приносит с собой в мир злого демона, во власти которого он и пребывает. Крещение не в силах избавить человека от этого спутника и только молитва обладает спасительной силой. Мессалиане отрицали троичность лиц в Боге, считая лица формами одного и того же Бога. В XI веке эта секта вновь появляется во Франции, но уже под вторым своим названием — «евхиты». По их учению, Бог-Отец имел двух Сыновей — старшего, Сатанаила и младшего, Христа. Старший господствовал над всем земным, а младший — над всем небесным Старший поссорился с Отцом и основал на земле независимое царство; младший же остался верен Отцу. Царство Сатанаила в конце концов будет разрушено, а для спасения необходима молитва и стремление к нравственному совершенству. Большое место евхиты отводили религиозной экзальтации, во время которой они получали откровения и удостаивались видения духов. Среди них встречалось много лиц, занимавшихся магией. Возможно, автор пишет именно о второй секте.

43 Сикст V (1585—1590 гг.), римский папа. Настоящее имя Феличе Перетти. Родился 13 декабря 1521 г. в Гроттамаре в бедной семье. Вступил в орден францисканцев, где очень скоро выделился как один из лучших проповедников и проводник идей Тридентского собора. Павел IV доверил ему функции инквизитора в Венеции, а Пий V назначил его кардиналом и генералом

ордена. В период понтификата Григория XIII Перетти оказался не у дел, так как папа просто не выносил его. Взойдя на папский престол, он дал обет покончить с разбоем и бандитизмом, царившим в Риме и на дорогах, ведших к нему. Пойманных разбойников казнили, а их головы выставляли на мосту перед замком св. Ангела. Помимо этого провел реформу римской курии; благоустроил город.

44 Имеется ввиду Ансельм Кентерберийский (1033—1109 гг.), выдающийся средневековый богослов-схоласт и церковный деятель. Родился в Пьемонте, с 1060 г. монах, с 1093 архиепископ Кентерберийский.

45 Антихрист — слово имеет два значения: противник Христа и Лже-Христос. Второе значение самое важное, поскольку именно это лицо придет на землю и именно с ним будет сражаться Иисус Христос.

46 Ответ иудеев на слова Пилата, Мф. 27.25.

47 Вероятно, имеются ввиду следующие слова из «Песни о Левиафане»: «На земле нет подобия ему, он сотворен бесстрашным. На все высокое он смотрит (с презрением). Он царь над всеми гордыми зверьми» (Иов. 41.25—26. Цитируется по: М.И. Рижский. Книга Иова. М. 1991. С. 82.).

48 Мани (216—273 гг.), основатель манихейства. По происхождению иранец из богатой парфянской семьи. Его отец был членом секты эльхаизитов (по взглядам родственной секте ессеев у иудеохристиан). Мани верил в Бога и дьявола, в небеса и ад, в три эпохи, в посмертный суд, конечную победу над злом, вечную жизнь праведников. Согласно учению Мани, этот мир — полное воплощение зла, вот почему он сам полностью отказывается от принятия всего мирского. Зороастризм, христианство, буддизм — все это одна и та же истинная вера, искаженная людским непониманием. Согласно преданию, он проповедывал свое учение не только в Персии, но и в Средней Азии, Индии, Китае. Ему приписывалось семь религиозно-этических сочинений («Книга гигантов» и т.д.). Последователи Мани разделялись на избранных и служителей. Первые должны были отказаться от всяких телесных наслаждений, от всего, что могло омрачить небесный свет; требования, предъявлявшиеся ко вторым, были не так суровы. Обе эти категории могли достигнуть бессмертия посредством очищения в озере, находящемся на Луне (крещение небесной водой), и освящения солнечным крещением (крещение небесным огнем).

49 Гнозис (гностицизм) — философское учение, впитавшее в себя черты христианства и языческой философии. Происходит от греческого «гнозис» — знание. Христианские представления о Троице у гностиков трансформировались в Великую Триаду, олицетворенную Матерью, Демиургом и Искупителем. Части Божественного Существа, высшие истечения называются эонами. Они образуют плерону, т.е. полноту разума. Гностики делили людей

на три разряда: 1) связанные и ограниченные материей, земные люди; 2) достигающие Божественного света духовные люди (пневматики); 3) способные возвыситься до Демиурга (психики). С самого начала это течение разделилось на три группы и множество сект, которые в своем учении смешивали идеи пантеизма, монотеизма, теоретические положения Платона, Гераклита с христианским мистицизмом.

50 манихейство — учение Мани. В Европе получило широкое распространение в Южной Галлии, Испании уже в первые века н.э. Своеобразное «возрождение» идей манихейства происходит при появлении родственных течений — богомильства, катаризма и т.д. Это учение возникло на Ближнем Востоке в III веке и представляет собой синтез халдейско-вавилонских, персидских и христианских мифов. Известное влияние на него оказал и гностицизм. Мани сначала целиком принимал христианство и даже был пресвитером в Агваце, но за следование идее дуализма был отлучен от церкви. Согласно манихейской доктрине, в мире изначально существует два царства: царство добра и света и царство материи, зла и мрака. Первое состоит из пяти чистых стихий — огня, воды, света, воздуха и земли; второе из пяти нечистых — бури, тумана, тины и т.п. Бога первого царства окружают чистые духи — эоны, второго — духи тьмы. Между богами идет постоянная борьба. Однажды демоны увидели привлекательный блеск царства света и из зависти напали на него. Но отец света для защиты границ своего царства произвел из себя Эон-Матерь жизни, который уже для непосредственной борьбы с духами тьмы произвел еще один новый эон — Первочеловека, которого манихеи называли Христом и т.п. Первый человек с пятью чистыми стихиями вступил в борьбу с демонами, но ослабел в ходе ее до того, что демоны сумели овладеть частью его светлого существа. В таких обстоятельствах Отец света произвел на помощь ему еще один эон — Животворящего Духа. Этот Дух освобождает от опасности несогрешившую часть Первочеловека и помещает ее в солнце. Эта часть эона есть бесстрастный Иисус, или Сын Человеческий, часть же, поглощенная царством тьмы, — страждущий Иисус. Чтобы поставить предел освобождению страждущего Иисуса, Сатана предложил своим духам собрать все имеющиеся в царстве тьмы части света в одно место и заключил их в материю. Проделав все это, Сатана таким образом творит человека по образу Первочеловека, красотою которого он был поражен. Чтобы разумная душа не узнала о своем духовном происхождении, Сатана задумал раздробить разум души. Из материи и оставшихся частей света он создает жену, в которой берет перевес материя, чувственность. Разумная душа, разделенная по отдельным личностям, дробится на мелкие частицы, которые удобно удерживать в материальных телах как в темницах. Стремясь освободить свою страждущую половину, Бесстрастный Иисус сходит на землю, принимая вид человека-Христа.

51 В данном случае Авиньон используется как иносказание. В XIV веке, с 1309 по 1377 год, там находилась резиденция римского папы. Население Рима, политические силы, недовольные переездом курии во Францию, в ходе полемики иногда использовали в отношении авиньонских пап термин «антихрист».

52 На тысячный год церковь и все европейское общество ожидали конца света; подобные настроения культивировались помимо общебогословских построений объективными историческими обстоятельствами — стихийными бедствиями, эпидемиями, набегами венгров и т.д., что влекло за собой усиление подобных ожиданий.

53 Оттон I Великий (912—7.5.973), король с 936 г., император с 962 г., представитель Саксонской династии. В борьбе с сепаратизмом герцогов (особенно Швабии, Баварии, Лотарингии) опирался на епископат и аббатов, наделяя их широкими имущественными привилегиями. Он передавал в управление епископам отдельные части герцогских территорий. Оттон продолжил завоевание земель полабских славян, создав на захваченных землях две большие марки. При нем начались завоевательные походы в Италию. В 951 году под видом оказания помощи изгнаному римским населением папе Иоанну XII, предпринял поход на Рим. Используя упадок, в котором находилось папство, подчиненное его власти, Оттон фактически сделал из него орудие своей политики.

54 Сильвестр II (999—1003 гг.), римский папа. Согласно бенедиктинскому историку Вильяму Мальмсбери, он родился во Франции. Первоначально был монахом в аббатстве Ориньяк в Оверни. Затем бежал в Испанию, где несколько лет изучал у арабских ученых естественные науки. По преданию, там же он начал заниматься астрологией и магией. Хронист Сигеберт (ум. 1113 г.) уверял, что так как Сильвестр не покаялся, он был унесен чертом.

55 Возможно, речь идет об утверждении на посту архиепископа Реймского пятилетнего сына графа Гуго Вермандуа. Это назначение было утверждено папой Иоанном X (914—928 гг.).

56 Речь идет о Марозии, дочери римлянина Феофилакта, бывшей любовницей папы Сергия III (904—911 гг.), сын которых стал впоследствии папой под именем Иоанна XI, а также о Теодоре Старшей, жене Феофилакта, которая посадила на папский престол Ландона (913—914 гг.) и Иоанна X (914—928 гг.). По сообщению хрониста Лиутпранда, Иоанн X был любовником Теодоры. Кроме того, Марозией были впоследствии возведены на папский престол Лев VI (928 г.) и Стефан VII (928—931 гг.).

57 Григорий VI (1045—1046 гг.), римский папа, известен также под именем Иоанн Грациан. Происходил из еврейской семьи Пьерлеони. Купил папский титул у Бенедикта IX за 2000 денариев серебром.

58 Григорий VII (1073—1085 гг.), римский папа. Всю свою деятельность направлял на укрепление римской церкви. В 1075 году издал указ, запрещавший симонию и вводивший целибат. Автор сочинения «Диктат папы», в котором провозглашалось право папы быть верховным сеньором и определять судьбу всех светских феодалов. Конечной целью своей деятельности считал создание теократического государства на всей территории Европы.

59 Называть Григория «фанатичным монахом-папой» не совсем правомерно, т.к. его монашество не является бесспорным фактом.

60 Петр Дамиани (1007—1072 гг.), представитель ранней схоластики, возглавлял монастырскую школу в Равенне, епископ, затем кардинал католической церкви. Являлся сторонником теократической программы, жестко выступал против симонии. Один из крупнейших богословов и научных авторитетов своего времени.

61 Петр Ломбардский (ум. 1164 г.), философ и богослов. Родился в Италии, учился в Болонье, Париже, где слушал лекции Петра Абеляра. Преподавал богословие в школе при соборе Парижской Богоматери. В 1159—1160 гг. архиепископ Парижский. В своем главном сочинении «Сентенции» на основе Библии и сочинений отцов церкви дает систематическое изложение католического богословия. Эта книга использовалась для борьбы с различными еретическими сектами вплоть до начала XVI века.

62 Аристотель (384—322 гг. до н.э.), древнегреческий философ и ученый, родился в Стагире. Его отец Никомах был придворным врачом македонского царя Аминты II. Став уже известным философом, Аристотель занял пост воспитателя Александра, будущего царя Македонии. Его сочинения были переведены на латинский язык в средние века, составив основу многочисленных схоластических комментариев.

63 Гарун аль Рашид (годы правления 786—809 гг.), пятый халиф из династии Аббасидов.

64 Абу Али ибн Сина (лат. Авиценна) (980—1037 гг.) — философ, врач, естествоиспытатель и поэт. Выдвинул положение о раздельном существовании религии и философии, о независимости философии как науки, основанной на достижениях человеческого разума. Уничижительная характеристика, данная ему Пшибышевским, мягко говоря, не точна.

65 Фома Аквинский (1225—1274 гг.), выдающийся средневековый ученый и богослов, систематизатор ортодоксальной схоластики. Родился близ Аквино в Неаполитанском королевстве. Учился в монастыре в Монте-Кассино, затем в Неаполе. В 1244 году вступил в доминиканский орден. Образование завершил под руководством Альберта фон Больштедта в Парижском и Кельнском университетах. В 1269—1272 гг. возглавил проходившую в Парижском университете борьбу против аверроизма. Причислен к лику святых в 1323 г.

Фома Аквинский конечной целью и первопричиной своего сущего считал Бога. Сущность Бога и его бытие суть тождествен-

ны. Материя воспринимает меняющие друг друга формы и потому не существует вне формы. Внес большой вклад в изучение христианской ангелологии и демонологии, выступая при этом против ведьм, колдунов и всех видов магии.

66 Иоанн Дунс Скот (1265—1308 гг.), философ-схоласт, теолог. Шотландец по происхождению, учился в Оксфорде, где был принят орден доминиканцев. Один из главных пунктов его учения — вопрос об отношении богословия к философии, веры к знанию. Предмет богословия — Бог, предмет философии — бытие. Отсюда философия может постигнуть Бога не в качестве Бога, а лишь в качестве бытия. Последователи Скота выступали против сторонников Фомы Аквинского. Здесь и ниже Пшибышевский неоправдано утрирует и искажает суть схоластических дискуссий между реалистами и номиналистами, пытавшихся решить сложнейшую проблему частного и общего, формы и содержания, причины и следствия.

67 Здесь автор имеет ввиду, скорее всего, зороастризм.

68 Платон (428—348 гг. до н.э.), древнегреческий философ, чьи взгляды не отвергались христианами и оказали большое влияние (наряду с аристотелизмом) на схоластику и всю философию средневековья и Возрождения в целом.

69 Пьер Абеляр (1079—1142 гг.), французский богослов и философ. Учился в Париже в кафедральной школе у Гийома из Шампани Античную религию, признаваемую им естественной, считал предшественницей христианства. Абеляр утверждал превосходство свободной мысли, ибо нормой истины объявлял мышление, которое не только делает понятным для разума содержание веры, но «в сомнительных случаях приводит к самостоятельному решению». Критерием истинности он считал ее согласие с совестью, которая, в свою очередь, есть естественный нравственный закон, присущий всем людям. Поступок, который совершается в согласии с совестью, не может быть признан греховным. Учение Абеляра было осуждено на Суассонском 1121 г. и Санском 1140 г. соборах. Панегирическая характеристика, даваемая этому философу Пшибышевским, свойственна для многих работ последнего столетия. В нашей стране «положительность» Абеляра долгое время определялась тем, что он боролся против Бернарда Клервосского, виднейшего религиозного мыслителя и политического деятеля первой половины XII века, идеи и деятельность которого считались реакционными.

70 Личные качества Абеляра как человека не были столь величественны, как его теоретические познания. Это был человек очень самолюбивый, высокомерный, эгоистичный и весьма жестокий и циничный по отношению к женщинам, в которых, даже в Элоизе, он хотел видеть нечто, что постоянно восторгалось бы им (см. его письма к Элоизе).

71 Имеется ввиду Ансельм Кентерберийский.

72 Арнольд Брешианский (ок. 1100—1155 гг.), итальянский религиозный и политический деятель, ученик Абеляра. Выступал против богатства и роскоши католического духовенства. Вернувшись после изгнания в Италию (ок. 1145 г.), он снова начал проповедническую деятельность, требуя свободы и независимости от пап и императоров. Скрываясь в Кампании, был пойман папским судом, повешен, а затем сожжен. Прах его был брошен в Тибр.

73 Люций II (1144—1145 гг.), римский папа. Погиб во время беспорядков в Риме — не дожидаясь помощи со стороны императора, собрал отряд и атаковал Капитолийский холм, где размещался сенат. Убит во время сражения.

74 Евгений III (1145—1153 гг.), римский папа. Ученик Бернарда Клервосского. Почти все время своего понтификата находился за пределами Рима, захваченного сторонниками Арнольда Брешианского. В Рим папа смог возвратиться только в 1153 г., подписав договор о помощи с Фридрихом Барбароссой.

75 Аверроэс (Ибн Рушд, 1126—1198 гг.), арабский философ из Кордовы, толкователь Аристотеля. Согласно Аверроэсу, материя вечна, а Бог только способствует актуализации в мире предвечных форм. Религия стоит ниже философии и должна приспосабливать к ней свое учение. Индивидуальная душа смертна, но бессмертен мировой ум — бесконечная субстанция, воздействующая извне на отдельные души и общая для всех.

76 Каббала (евр. «предание») — мистическое течение в иудаизме Каббалистика окончательно сложилась к XIII веку среди евреев Испании и Франции. Основное сочинение книга «Зогар». Краеугольным камнем каббалы является учение об энсофе (бесконечном); данное понятие не имеет определения, так как всякое определение имеет ограничивающее значение. Энсоф — это субстанция, имманентная причина, активное и пассивное начало мира.

77 Фридрих II Штауфен (1194—1250 гг.), германский король с 1212 г., император с 1220 г. Был необычайно широко образован для своего времени, владел несколькими языками, проявлял интерес к наукам, особенно к естественным, автор трактата «Об искусстве охоты с птицами». Основал ряд школ и Неаполитанский университет (1224 г.), проявлял веротерпимость, разрешая преподавание арабам и евреям.

78 Ричард I Львиное Сердце (1157—1199 гг.), английский король с 1189 г., представитель анжуйской династии Плантагенетов, сын Генриха II и Элеоноры Аквитанской, брат Иоанна Безземельного. Один из руководителей III Крестового похода.

79 Имеется ввиду Салах ад-Дин (Саладин) (1138—1193 гг.), султан Египта с 1171 г., основатель династии Айюбидов, по происхождению курд. Покровитель просвещения.

80 Генрих II Плантагенет (1133—1189 гг.), английский король с 1154 г., сын английской королевы Матильды и французского графа Жоффруа Плантагенета.

81 Иоанн Безземельный (1167—1216 гг.), английский король с 1199 г., младший сын Генриха II.

82 Людовик IX Святой (1214—1270 гг.), французский король из династии Капетингов с 1226 г. Погиб во время VIII Крестового похода в Северную Африку.

83 Чернобог — в балто-славянской мифологии злой бог, приносящий несчастье. В «Славянской хронике» Гельмольда, автора XII века, описан ритуал пиршества, на котором пускали вкруговую чашу и произносили заклинания от имени двух богов — доброго и злого. На основе этого противопоставления реконструируется пара Белобог — Чернобог, воплощение противопоставлений «черное — белое, счастье — несчастье» и т.д. В древнеисландской Книтлингасаге упомянут бог Черноголов, изображавшийся в виде идола с серебрянными усами.

84 Богомильство — дуалистическое учение, появившееся в X веке и быстро распространившееся в балканских странах. Зародилось оно в Болгарии, формальным родоначальником его был поп Богомил, о чьей жизни известно крайне мало. Согласно учения богомилов, Высочайший Бог имел первородного сына, Сатанаила, который захотел сделаться независимым от Отца и с частью подчиненных ему духов восстал против Него, за что был низвергнут Отцом с неба. Тогда Сатанаил задумал основать свое независимое царство. Он сотворил видимый мир и тело Адама, но дать ему живую душу не смог. Вот почему он обратился с просьбой к Отцу, чтобы тот послал божественное дыхание для оживления человека. При этом он говорил, что он будет властвовать над телесной природой человека, а Отец над духовной и что человек своей духовной природой заменит Отцу падших ангелов. Однако затем Сатанаил решил совсем покорить себе род человеческий. Для этого он вошел в Змея, соблазнил Еву и произвел от нее Каина и его сестру Каломену. Именно Сатанаил сотворил моря и океаны, создал растения и животных.

85 На юге Франции всегда существовали не просто «всякие» ереси, но именно дуалистические. Вскоре после своего исторического появления здесь обнаруживается манихейство, в IV веке широко распространяется присциллианство. В VI веке возникает провансальское павликианство, в воззрениях которого прослеживается сильное влияние неоплатоников. Эта ересь отвергала всякую внешнюю сторону культа, иерархию и церковную организацию. Наконец, в начале XI века здесь появляется и богомильство.

86 Смаэль (Самаэль) — в иудейской демонологии злой дух, часто отождествляемый с Сатаной. Другое его имя — Малхирия, царь зла. В коптских гностических текстах Смаэль выступает в роли злого демиурга. Он — великий демон, владыка нижней части преисподней и хаоса. Иногда отождествлялся с враждебным вет-

хозаветным Богом-творцом; в таких случаях его называли Саваофом.

87 Ницше, Фридрих Вильгельм (1844—1900 гг.), выдающийся немецкий философ-идеалист, автор известных сочинений «Так говорил Заратустра», «Воля к власти» и т.д.

88 «совершенные» — первоначально катары делились на «совершенных», «верующих» и «сочувствующих». «Совершенные» являлись распространителями веры и организаторами. Они вели очень строгую жизнь, соблюдали аскетические правила и придерживались обета безбрачия, три раза в неделю не ели ничего, кроме хлеба и воды и соблюдали сорокадневный пост четыре раза в году. Они не занимались никаким трудом, так как их деятельность в целом заключалась в проповеди.

89 Катары — название средневековой дуалистической секты, возникшей в XI веке на юге Франции. Этот термин скорее всего происходит от греческого слова, обозначающего «чистые». Противники катар выводили происхождение этого термина от немецкого слова, обозначающего кошку, из-за привычки катар собираться по ночам.

90 Никаких оснований говорить о ненависти к христианству нет, ибо себя катары называли истинными христианами и ставили своей целью восстановление истинного христианства, которое было извращено отцами католической церкви, против которой они, собственно, и выступали.

91 Согласно учения катар, мир сотворил злой Бог, Сатана, о котором и говорится в Ветхом Завете, в отличие от доброго Бога, невидимого Отца, сыном которого был Христос.

92 Попробуем разобраться в катарском культе на примере крещения. Прежде всего, необходимо иметь ввиду, что катары не отрицали крещения как такового, что вынуждены были признать даже инквизиторы. Вместе с тем, они отрицали пользу водного крещения, проводя вместо него другое, духовное, которое называли возложением рук. Они отрицали крещение детей; приему в секту предшествовал испытательный срок, длившийся несколько лет, в ходе которого испытуемый путешествовал по стране, сопровождая совершенного, знакомясь таким образом с будущей своей жизнью. В традиционном же христианском крещении этому обряду предшествует ознакомление с верой; людей, которые намеревались принять крещение, называли оглашенными, и срок их испытания длился от нескольких месяцев до нескольких лет. Крещение детей появилось во II веке, однако до IV века не было принято повсеместно, поскольку считалось неправомерным. При внимательном чтении Деяний апостолов и их Посланий видно, что за водным крещением следовало возложение рук. Этот второй обряд назывался крещением духом и без него водное крещение считалось недостаточным: «Павел... прибыл в Эфес и, нашед там некоторых учеников, сказал им: Приняли ли вы Святого Духа, уверовавши? Они же сказали ему: Мы даже и не

слыхали, есть ли Дух святой. Он сказал им: Во что же вы крестились? Они отвечали: в Иоаново крещение! Павел сказал им: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы верили в грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса. Услышавши это, они крестились во имя Господа Иисуса, и, когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святой, и они стали говорить иными языками и пророчествовать (Деян. 19.1—6). Если сравнить вышеизложенное, то станет ясно, что катары старались следовать истинному (апостольскому) христианству. Если же Пшибышевский действительно считает обряды катар пародией на католические, то это свидетельствует лишь о том, как далеко католики ушли от апостольского христианства.

93 Пшибышевский вновь некритически повторяет основные положения антикатарских произведений. В действительности катарское причащение выглядело следующим образом: в начале каждого месяца катары собирались вместе со своими верующими или отдельно и благославляли хлеб. Держа его в руках и повесив на шею полотенце ии что-нибудь белое, они произносили молитву Богу и затем делили хлеб на маленькие кусочки. Подобная церемония была описана еще св. Юстином и относилась ко времени первоначального христианства. Все это совершалось в глубокой тайне, так что ни здесь, ни в других таинствах ничего общего с шабашем, как пишет Пшибышевский, нет.

94 Катары не принимали крест, поскольку считали его орудием пытки и убийства Христа.

95 В Тулузе у катаров был епископ, один из пяти в Южной Франции, и никакого папы, хотя, согласно источникам, они признавали верховенство богомильского папы Никиты. Никакого собора в Лионе у катаров не было. Единственный известный нам катарский собор состоялся в 1167 г. неподалеку от Тулузы. Председателем его был сам Никита, который для этого специально прибыл из Константинополя. На этом соборе был осужден видоизмененный дуализм Конкореццо и избраны епископы на вакантные кафедры.

96 Лангедок — область на юге Франции, занимавшая земли от Перигора, Дофинэ и т.д. до Каталонии и Савойи.

97 св. Доминик (Доменико де Гусман) — основатель ордена доминиканцев. Родился в 1170 г. в Кастилии, умер в 1221 г. В четырнадцать лет поступил в университет в Валенсии. В 1204 г. оказывается на юге Франции, где впервые и сталкивается с альбигойцами. В ходе крестовых походов следовал со своими последователями за войском, выступая в роли следственной комиссии. Разрешение на основание ордена было дано папой уже после разгрома альбигойцев. С 1233 г. в руки доминиканцев фактически было передано управление инквизицией.

98 Симон IV, граф де Монфор (1160—1218 гг.), крестоносец. В 1190—1200 гг. сражался на Ближнем Востоке; в 1208 г. стал во главе похода против альбигойцев. В 1213 г. близ Мюре разбил

войска Педро II Арагонского и Раймунда VI Тулузского. Убит при осаде Тулузы.

99 По мнению русского историка Н.А. Осокина, при взятии Безье погибло 20 000 человек.

Аббат Сито — глава и идеолог похода 1211 г. против катар. Полное имя Арнольд из Сито, позднее архиепископ Нарбонны. В донесении папе, отправленном им после взятия Безье, говорится: «Пока бароны обсуждали, как высвободить находившихся в городе христиан, какие-то сорви-головы, люди подлого звания и почти невооруженные, пошли на приступ и через два—три часа уже овладели рвом и стенами, и город Безье был взят, причем пали от меча 20 000 человек. Велико было избиение врагов, разграблен был весь город — чудесное свидетельство страшной кары Божьей». Здесь не видно, чтобы Арнольд сожалел о содеянном, скорее он оправдывается перед папой за вынужденную жестокость и кровопролитие.

Иннокентий III (1160—1216 гг.), римский папа с 1198 г. Ведет свое происхождение из рода герцогов Сполето. Настоящее имя Лотарио Конти, граф Сеньи. Оставил огромную переписку, сочинения морально-аскетического характера. Добился невмешательства светских властей в церковные дела.

100 У Н.А. Осокина взятие Каркассона описано иначе. После взятия Безье крестоносцы двинулись к Каркассону, подожгли его предместье и взяли его штурмом. Затем несколько дней обе стороны выжидали. К городу приехал арагонский король дон Педро с сотней рыцарей, так что силы были неравными, поскольку у виконта Безье было всего 400 рыцарей, а общее количество воинов-крестоносцев перевалило за 50 000 человек. Аббат Сито требовал безусловной сдачи города, обещая свободный проезд лишь виконту и 11 баронам. Виконт отказался и дон Педро, не добившись согласия осажденных, вернулся в Арагон. В этот момент в армию крестоносцев прибыл папский легат, на переговорах с которым виконт Безье был схвачен и заключен под стражу. Тогда каркассонцы пали духом и, используя подземный ход, бежали — одни в Тулузу, другие к испанской границе. Крестоносцы вошли в уже опустевший город, не встретив никакого сопротивления ввиду отсутствия горожан.

101 Другое название южнофранцузской ереси, включавшей в себя не только дуалистический катаризм.

102 С тем, что юг был разрушен и пришел в упадок, спорить трудно, однако в отношении смертных казней местных феодалов нельзя говорить с такой уверенностью. Из наиболее известных фигур альбигойского движения в тюрьме умерли лишь двое — барон Безье и барон Термский.

103 Точнее было бы сказать «антикатолической Тулузы».

104 Трудно предположить наличие этого лозунга у катар, известных своей воздержанностью. Кстати, Пшибышевский сам опровергает

себя, говоря ниже о наличие этого греха именно в среде католического священства.

105 Риго, Эд (ум. 1275 г.), архиепископ Руанский с 1248 г. Возможна ошибка переводчика, т.к. скорее всего здесь должно стоять имя Ригора, жившего на сто лет раньше и действительно бывшего хронистом).

106 св. Бертин — не совсем ясно, кого имеет ввиду автор. Святой с таким именем жил значительно раньше, 612—709 гг.

107 Филипп IV Красивый, французский король в 1285—1314 гг. Ведя борьбу с Англией, обложил податями французское духовенство для покрытия военных издержек. В 1296 г. папой была издана булла, в которой, не называя Филиппа, он угрожал отлучением от церкви всем мирянам, налагающим подати на духовенство. Король ответил на это запрещением вывозить из Франции драгоценные металлы. Тогда папа пошел на уступки — духовенству не запрещалось делать добровольные пожертвования на нужды государства. Однако вскоре вражда возобновилась, поскольку в области внешней политики папа поддерживал Англию. В 1301 г. во Франции был арестован папский легат, а в следующем году Филипп созвал депутатов всех сословий, которые высказались против папы и торжественно заявили, что король получил корону от Бога, а не от папы. В ответ на это Бонифаций VIII созвал собор в Риме, осудивший действия французов. Папа настаивал на ответственности светской власти перед духовной и на абсолютной неподсудности духовной. На ответном собрании представителей французского общества сподвижник короля, юрист Гийом Ногаре обвинил папу в различных преступлениях и предложить королю арестовать его и провести суд.

108 Эдуард I (1239—1307 гг.), английский король с 1272 г. из династии Плантагенетов. Он наложил запрет на право церкви приобретать земли. Умер во время похода в Шотландию.

109 Т.е. папа Бонифаций VIII, бывший до того юристом, апостольским нотариусом и консисторским адвокатом.

110 Осмотр останков, проведенный при обновлении гробницы, показал, что папе в момент смерти было немногим более пятидесяти лет. Гийом Ногаре, посланный арестовать папу, проник при помощи Колонна в папский дворец в Ананьи, где в то время находился Бонифаций. Папе удалось вернуться в Рим и вскоре он умер (11 октября 1303 г.).

111 Целестин V, римский папа в 1292—1294 гг.

112 Бенедикт XI, римский папа в 1303—1304 гг. Из семьи пастуха. Умер, будто бы объевшись подаренных ему фиг, но эта версия не получила подтверждения, как, впрочем, и не была опровергнута.

Что касается «бешеной буллы», то ее издал Бонифаций VIII 18.XI.1302 г. и речь в ней шла о соотношении светской и духовной власти.

113 Раймон Бертран де Го, папа Климент V (1305—1314 гг.). Был каноником в Бордо, генеральным викарием Лиона, затем папским капелланом и архиепископом Бордо. Активный участник процесса тамплиеров.

114 Тамплиеры, храмовники — военно-монашеский орден, основанный в 1119 г. в Иерусалиме вскоре после 1 Крестового похода и получивший свое название по местонахождению первоначальной резиденции — места, где, по преданию, находился храм царя Соломона. Орден тамплиеров, основанный якобы для защиты паломников и завоеванных крестоносцами земель от мусульман, вскоре превратился в крупнейшего землевладельца и банкира в Западной Европе, главным образом, во Франции. Под высокие проценты он предоставлял займы французскому королю и другим высокопоставленным лицам. Аббат Иоанн Триттенхейм в начале XVI в. заявлял, что орден храмовников был самым богатым из орденов в Европе. По позднейшим подсчетам, ежегодный доход храмовников составлял 20 млн. золотых талеров. Конфликт Филиппа IV с папой Бонифацием VIII, когда тамплиеры приняли сторону понтифика, показал, что рыцарей-монахов, пользовавшихся поддержкой римской курии, трудно, несмотря на старания короля, обвинить в ереси на одном только основании, что они были нейтральны в альбигойских войнах. Сначала Филипп просил принять его в рыцари ордена, затем через папу Климента V предложил объединить орден храмовников с его постоянными соперниками — орденом иоаннитов. Получив отказ, Филипп составил список обвинений, инкриминировав им, в частности, идолопоклонство, отречение от Христа и иные кощунственные деяния. Весной 1307 г. Климент V вызвал с Кипра магистра ордена Жака де Моле, готовившего там экспедицию в Сирию. В конце сентября канцлером, который должен был вести процесс, ввиду отказа архиепископа Нарбоннского, был назначен Гийом Ногаре. В октябре 1307 г. многие члены ордена подверглись аресту, а орденские дома и замки были поставлены под надзор королевских властей. Известно, что незадолго до своего ареста Жак де Моле сжег многие документы и рукописи, принадлежащие ордену. В 1310 г. в Париже около монастыря св. Антония были сожжены 54 рыцаря ордена. 3 апреля 1312 г. папа огласил буллу, согласно которой орден распускался. 13 марта 1314 г. предстали перед судом и были осуждены магистр ордена и приор Нормандии Жоффруа де Шарне. 18 марта они были сожжены на Еврейском острове напротив королевского дворца.

115 Имеется ввиду Жан Боден (1529—1596 гг.), французский правовед, демонолог, политический мыслитель. Пшибышевский говорит о его книге «Демономания ведьм», вышедшей в 1580 г., в которой он пишет о деяниях дьявола, подробно излагает все существовавшие тогда представления о ведьмах, колдовстве, о шабашах и т.д. Боден свято верил в реальность демонического мира

и ведовских деяний, призывал карать не только ведьм, но и всех, кто не верит в их существование.

116 По другим данным, его обвиняли в том, что он извел ядом королеву Бланку Наваррскую. Ему удалось откупиться от обвинения, уплатив большую сумму дочери Бланки, Жанне, супруге Филиппа Красивого. Однако через три года, после смерти Жанны, Гишара вновь обвинили в отравлении. Утверждали, что епископ был в нее влюблен и добивался ее взаимности, а так как она не отвечала на его ухаживания, то он и прибег к колдовским чарам. Дьявол научил его сделать восковую фигурку, однако Гишар, не видя непосредственного результата манипуляций с фигуркой, бросил ее в огонь, и в тот же мир королева умерла.

117 Людовик X Сварливый (1289—1316 гг.), король Франции с 1314 года.

118 Ангеран Мариньи был богат, приближен к Филиппу Красивому. После смерти последнего, граф Валуа обвинил Мариньи перед Людовиком X в том, что он растратил государственную казну. Мариньи был осужден и повешен (1315 г.). В числе возведенных на него обвинений было и то, что он заставил свою жену и ее сестру общаться с колдуном, который по их заказу изготовлял восковые фигурки, изображавшие короля, его родственников и т.д. С помощью этих фигурок Мариньи, якобы, хотел погубить их.

119 Изабелла (ум. 1358 г.), английская королева, дочь Филиппа IV и жена Эдуарда II английского. Вместе со своим любовником Мортимером она набрала во Фландрии и Франции войска и при помощи брата, Карла Красивого, низвергла и умертвила Эдуарда II.

120 Эдуард II английский (1284—1327 гг.), король Англии с 1307 года.

121 Если поставить запятую после слова «occidere», то фразу можно будет перевести примерно так: «Эдуарда — убить, бояться не следует», а если после «nolite», то так: «Эдуарда не убивайте, следует бояться».

122 Имеется в виду Фердинанд II Арагонский (1452—1516 гг.), король Арагона с 1479 г., Сицилии с 1468 г., Кастилии в 1479—1504 гг., муж Изабеллы Кастильской. В его правление была завершена Реконкиста, проведены экспедиции Х.Колумба, завоевана Наварра, присоединено Неаполитанское королевство.

123 Раймонд Луллий, испанский ученый, религиозный мыслитель. Родился в 1229 г. на о.Майорка. Был членом духовного ордена, однако его больше влекло к проповеднической деятельности среди нехристианских народов, особенно, мусульман, поэтому он начал изучать арабский язык. Самостоятельно, не имея на то папской санкции, совершил множество миссионерских путешествий в Северную Африку. Считалось, что Луллий занимается алхимией и с ее помощью изготовляет золото для английского короля, вот почему его многие называли еретиком и выступали

против его канонизации. Автор многих трудов по алхимии, медицине, философии.

124 Фламель, Никола — французский ученый. Родился в середине XIV в., в бедной семье в Понтуазе. Сначала занимался составлением гороскопов, астрологией, предсказанием будущего. Затем увлекся поисками философского камня, однако, запутавшись в этом вопросе, решил обратиться за помощью к еврейским ученым, жившим в Испании. В 1382 г. ему, якобы, удалось получить искусственным путем золото. Умер в 1414 г., завещав все свое имущество больницам и монастырям.

125 Гельмонт, Ян Баптист ван (1557—1624 гг.), немецкий натурфилософ, последователь Парацельса. Родился в знатной семье в Буале-дюк в Брабанте.

126 См. прим. 82.

127 Флагелланты — члены религиозного движения, возникшего в 1210 г. в Италии. Подвергали себя во время публичных процессий бичеванию в знак покаяния и «крещения кровью», дающего, по их мнению, искупление всех грехов. В 1349 г. осуждены церковью как еретики.

128 Карл VI (1380—1422 гг.), французский король из династии Валуа, психически больной.

129 Вероятно, Пшибышевский имеет ввиду Вацлава IV, короля Чехии в 1378—1419 гг., бывшего также в 1378—1400 гг. императором Священной Римской империи.

130 Скорее всего, автор говорит о Педро I Справедливом, португальском короле в 1357—1367 гг. Отличался крайней справедливостью.

131 После смерти Григория XI, перенесшего свою резиденцию из Авиньона в Рим, римский народ стал требовать папу итальянского происхождения. Им был выбран архиепископ Бартоломео Приньяно, ставший папой Урбаном VI. Некоторое время спустя французские кардиналы, аннулировав решение предыдущего конклава, избрали другого папу. Им стал кардинал Роберт Женевский (1378 г.), принявший имя Климента VII и пытавшийся с помощью оружия покорить Рим. Но римляне поддержали Урбана и Климент вынужден был уйти в Авиньон, где восстановил былую папскую администрацию. С этого момента в католической церкви начинается т.н. Великий раскол. После смерти Урбана VI папой стал Бонифаций IX (1389—1404 гг.), а в 1394 г. в Авиньоне на престол взошел преемник Климента VII — Бенедикт XIII. На стороне авиньонских пап были королевские дворы Франции, Неаполя, Шотландии, Германии. Римского папу поддерживали Англия, Португалия, Венгрия. Другие страны сохраняли нейтралитет.

132 Имеется ввиду маркиза Жанна де Бревье, которая в конце концов была казнена.

133 Характеристика моды, бесспорно, заимствована Пшибышевским из книги Ж.Мишле «Ведьма», влияние которой на автора «Синагоги сатаны» не подлежит сомнению.

Часть вторая

1 Здесь Пшибышевский повторяет тенденциозное истолкование письма Григория I Великого к Дезидерию, еп.вьеннскому, в котором он говорит о невозможности для духовенства с равным рвением предаваться изучению античного наследия и Писания, произведений отцов церкви.

2 Франциск Ассизский (1181—1226 гг.), итальянский религиозный деятельно. Родился в семье торговца тканями. В 1206 г. ушел из дома и посвятил себя проповеди бедности как совершенной формы любви к Богу. В 1207-1209 гг. вместе со своими последователями основал орден братьев-миноритов.

3 «Опыт переоценки всех ценностей» — подзаголовок книги Ф.Ницше «Воля к власти».

4 Агриппа Неттесгеймский (Генрих Корнелий), немецкий писатель, философ, врач. Родился в 1486 г. в Кельне, умер в 1535 г. был известен своими поисками в области алхимии.

5 Парацельс (Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм), немецкий медик и алхимик, швейцарец по происхождению. Родился в 1493 г. умер в 1541 г.

6 Климент VI (1342—1352 гг.), римский папа. По происхождению француз. В 1347 г. откупил Авиньон за 80 000 золотых флоринов у Иоанна I, графа Прованса и Неаполя. Покровительствовал изучению классических языков, развитию астрономии.

По всей видимости, речь идет о Людовике V Баварском, императоре Священной Римской империи, с которым боролся Климент VI.

7 Мелитта — в древнегреческой мифологии имя нескольких персонажей. Здесь, вероятно, имеется ввиду жрица Деметры из Истма, растерзанная своими соседями.

8 Астарта — в западносемитской мифологии олицетворение планеты Венера, богиня любви и плодородия, богиня-воительница. В эллинистический период Астарта отождествлялась с греческой Афродитой.

9 Кибела — Великая Мать богов. Эта богиня требовала от своих служителей полного подчинения, забвения себя в безумном восторге и экстазе, когда жрицы Кибелы наносили друг другу кровавые раны, а неофиты оскопляли себя во имя богини. Кибела появлялась на золотой колеснице с короной в виде зубчатой башни; ее окружала толпа служителей, львы и пантеры. Позднее, в императорском Риме Кибела стала покровительницей благосостояния городов и всего государства.

10 Семирамида — в древнегреческой мифологии дочь сирийской богини Деркето. Оставленную в горах, ее вскормили голуби, вос-

питали пастухи. Сначала она вышла замуж за советника вавилонского царя, но вскоре стала супругой самого правителя, Нина. После смерти она обратилась в голубку. Все это — мифологическое обрамление предания о вавилонской царице Шаммурамат (конец IX века до н.э.).

11 Майя (санскр. «хитрость, обман») — иллюзия, олицетворенная индусской мифологией в лице богини, целью которой являлся обман людей. В Бхагава́дгите весь мир являлся созданием Майи — зрелищем, в котором все иллюзия. Иногда отождествлялась с Дургой, супругой Шивы, как источник колдовства.

12 Дэвы — в иранской мифологии злые духи, противостоящие благим — ахурам.

13 Гея — в древнегреческой мифологии мать-земля. Она сама из себя породила Урана-небо и взяла его в мужья. Вместе с ним она породила титанов, среди которых были Кронос и Рея, родители Зевса.

14 Ламия: 1. В древнегреческой мифологии чудовище, дочь Посейдона. Некогда была возлюбленной Зевса, но после того как его жена Гера убила ее детей, Ламия была вынуждена укрыться в пещере и превратиться в кровавое чудовище, похищающее и пожирающее чужих детей. Кроме того, Гера лишила ее сна, поэтому она бродит по ночам. Помимо этого, ламиями называли ночные привидения, высасывающие кровь из юношей. 2. В мифологии народов Европы злой дух, змей с головой и грудью красивой женщины. Считается, что ламия может убивать детей, соблазнять мужчин, пить их кровь. Живет в лесах, оврагах, на заброшенных землях.

15 Стриги — в римской мифологии ведьмы, крылатые существа, происходящие от гарпий. Принимали облик птиц, чтобы ночью нападать на младенцев. По одной традиции, стриги обязательно кровопийцы, по другой — они похищали детей, оставляя взамен соломенное чучело. Оберегами от них служил белый терновник. В средневековой Европе термин «стриги» был перенесен на злых духов как таковых. В Германии в научной литературе им иногда обозначали и ведьм.

16 Лилит — злой дух, обычно женского пола, в иудейской мифологии. Она овладевает мужчинами против их воли с целью родить от них детей. Поэтому Талмуд не рекомендует мужчинам ночевать дома одним. Считалось, что Лилит не только наводит порчу на младенцев и изводит их, либо же похищает и подменяет детей; ей также приписывалась порча рожениц и женское бесплодие. Согласно одному преданию, Лилит была женой Адама: Бог, сотворив Адама, сделал ему из глины жену Лилит. Но они поссорились и Лилит улетела. Ангелы, догнав ее, взяли с нее клятву, что она не войдет в дом, в котором увидит их самих или их имена. По другим преданиям, она была женой Самаэля и матерью демонов.

17 «Молот ведьм» Якоба Шпренгера и Генриха Инститориса — книга, написанная двумя кельнскими теологами, изданная в 1486 г. и преобретшая огромную известность и авторитет у светских и духовных судей. Положения, содержавшиеся там, вскоре стали считаться равнозначными закону. До 1669 г. выдержала 29 изданий. Существует неполный перевод этой книги на русский язык (М., 1990).

18 Сирах — имеется ввиду книга Иисуса сына Сирахова, часть Ветхого Завета.

19 Иоанн Златоуст (347—407 гг.), отец восточной церкви, выдающийся богослов и проповедник, архиепископ константинопольский в 398-404 гг. Среди его многочисленных трудов есть и такие, которые посвящены проблемам христианской демонологии (К Стагирию подвижнику, три слова). Огромное внимание уделял проблемам христианской и человеческой морали, выступая против праздных развлечений и искажения христианской этики.

20 Луций Анней Сенека (4—65 гг.), римский философ, представитель стоического платонизма. Был воспитателем императора Нерона. Обвиненный в государственной измене, покончил жизнь самоубийством. Прославился и как автор трагедий.

21 Эти места, называемые «печатью дьявола», обычно вызывали большой интерес у судей, потому что именно сюда кололи длинной иглой, проверяя факт одержимости человека. Подробнее об этом см. очерк Р.Харта.

22 Пьер де Ланкр (1550—1631 гг.), знаменитый французский юрист, занимавшийся ведовскими процессами на землях басков. Приговорил к смерти ок. 600 человек. Его отец был богатым виноделом баскского происхождения. Пьер изучал право в Турине и Чехии, затем стал судьей. В 1609 г. два человека из местечка Лабур послали во французский парламент петицию с просьбой назначить им судью, который бы покончил с ведьмами в этом регионе. Туда отправили де Ланкра, по мнению которого в этом краю было ок. 3000 человек, в т.ч. и священнослужителей, отмеченных печатью дьявола. В 1595 г. он издал в Лионе большой труд под названием «Картина непостоянства дурных ангелов и демонов», в котором подробно описал демоническую иерархию, разделив всю армию тьмы на 9 разрядов.

23 В отношении «огнеупорности» ведьм и применения огня единого мнения среди демонологов нет. В конце концов приговоренных к смерти колдунов сжигали, чтобы их тела не смогли восстановиться.

24 Дельрио, Мартин Антонио (1551—1608 гг.), знаменитый испанский демонолог. Родился в Антверпене в аристократической семье испанского происхождения. Изучал философию и право в Париже, Дуэ и Лувене. Вступил в орден иезуитов. Позднее преподавал право. Его книга «Исследования магии» (1599 г.) до середине XVIII в. издавалась 20 раз.

25 Уоллес (Валлас), Альфред Рассел (1823—1903 гг.), известный английский натурфилософ, разрабатывавший теорию эволюции Дарвина. Указанная книга вышла в 1881 г.

26 Нижеследующее описание Сатаны взято из де Ланкра. Здесь и далее в описании шабаша и т.д. Пшибышевский следует уже упоминавшейся книге Ж.Мишле. По времени проведения шабаши обычно совпадали с христианскими праздниками — Пасхой, Троицей, Ивановым днем и т.п. В малом размере шабаши справлялись и в будни, один раз в неделю.

27 Пшибышевский ошибается — материальный бог катаров был злым, а основной, Добрый бог как раз невидимым, нематериальным.

28 Снова ошибка — катары никогда не чтили злого бога.

29 Вир (правильнее Вейер), Иоганн (1515—1588 гг.) — немецкий врач, демонолог, выступал против охоты на ведьм. Считал, что большинство ведьм просто больные с медицинской точки зрения женщины. Вместе с тем, он верил в дьявола и его легионы, предводителей которых описал в трактате «О псевдомонархии демонов», хотя и отрицал то, что дьявол наделяет ведьм силой наносить людям вред. Считал, что вера людей в ведовство есть плод работы дьявола и церковь, поддерживая это, играет ему на руку. Говорил, что все зло причиняет Сатана, а не ведьмы.

30 Черная месса — обряд служения Сатане, пародирующий католическую мессу, своеобразный реквием по живому человеку с целью принести ему вред.

31 Бартоломео де Спина — известный демонолог XV в.

32 Эта история позаимствована автором из книги Ж.Бодена «Демономания ведьм» (1580 г.). Непонятно, каким изданием пользовался Пшибышевский, поскольку в парижском издании 1598 года это 5 глава II части (p.245).

33 Сомнамбулизм — степень бессознательной деятельности человека вплоть до ясновидения.

34 Ремигий — Никола Реми (1530—1612 гг.), французский судья, демонолог. Считается, что он приговорил к смерти за десять лет своей деятельности в округе Лоррэн 900 ведьм. В 1595 г. издал в Лионе «Три книги о дьяволопоклонстве». Данный пример взят из 14 гл. III кн.

35 Нидер, Иоганн — автор классического демонологического труда «Муравейник», который обычно публиковался в качестве приложения к «Молоту ведьм».

36 Жиль де Рэ — маршал Франции Жиль де Лаваль, барон де Рэ. Проведя несколько лет при дворе Карла VII, он удалился в свое поместье, где занялся алхимией, желая открыть секрет производства золота. С целью умилостивить дьявола и снискать его помощь в этом деле, он принес в жертву до 200 мальчиков; после его ареста в подземелье нашли массу детских черепов и костей.

37 Речь идет о мании одержимости, охватившей монахинь монастыря св.Елизаветы в Лувье. Более подробное описание всего этого дела содержится в книге, записанной под диктовку одной из его участниц, Мадлены Бован, и вышедшей в Руане в 1652 г. Она первая заключила договор с дьяволом по настоянию духовника монастыря отца Пикара и очень скоро почувствовала себя одержимой, вообразила, что ее бьют дьяволы, что ее преследует своей любовью кот с горящими глазами. В ходе расследования было выяснено, что из 52 монахинь 6 были «действительно одержимыми», а остальные страдали истерией. Мадлена была заточена навечно в тюрьме, труп Пикара выкопан из земли, состоялся судебный процесс над его преемником Булье, который был признан виновным и вместе с костями Пикара сожжен 21 августа 1647 г. на Рыбном рынке в Руане.

38 Дез Эйлье (или Дезейе) — Катрин Монвуазен. По преданию, в ее саду было закопано 2500 детских трупиков и неродившихся зародышей, а изъятого при обыске крысиного яда вполне хватило бы, чтобы отправить на тот свет несколько сот человек. Ее услугами пользовались герцогиня Орлеанская, герцогиня Бульонская, маркиза де Монтеспан.

39 Гюисман, Жорж (1848—1907 гг.) — бельгийский писатель, автор многочисленных популярных декадентских романов «Наоборот», «Там, внизу» (другое название «Бездна»), в которых большое место занимают оккультные и демонические мотивы. Все эти романы переведены на русский язык. Влияние творчества Ж.Гюисмана на С.Пшибышевского было очень сильным, и мы думаем, что частое использование в тексте «Синагоги сатаны» слова a rebours связано именно с первым романом Ж.Гюисмана, который в оригинале носит именно такое название.

40 Лео Таксиль (наст. имя Габриэль Антуан Жоган-Пажес, 1854—1907 гг.), французский журналист, писатель, историк-популяризатор и мистификатор. Вместе с Карлом Хаксом выпускал иллюстрированный бюллетень «Дьявол в XIX веке».

41 Адонай — «господин», этот термин нередко прилагается и к людям в смысле «господин, хозяин». Заменят слово Иегова.

42 Иегова — в иудейской религии и философии одно из имен Бога, обозначающее вечность, самобытность и неизменность Его существа. Иегова можно переводить и как «Сущий».

43 Розенкрейцеры — тайное религиозно-мистическое (позднее и политическое) течение, примыкавшее к масонству. Легендарный основатель — Христиан Розенкрейцер (1378—1484 гг.), символ — роза и крест.

44 Станислав де Гюэта (или де Гуайта), род. 1860, ум. 1898 г. Поэт, писатель, один из организаторов нового каббалистического ордена розенкрейцеров, в разработке статута которого деятельное участие принимал и Ж.Энкос, более известный под псевдонимом Папюс. Покончил жизнь самоубийством.

Р.Харт
ИСТОРИЯ ВЕДОВСТВА

Очерк истории средневекового ведовства в Западной Европе был написан Роджером Хартом для студентов Оксфорда в качестве подготовительного чтения для более углубленного изучения этого явления западноевропейской культуры. Перевод сделал по изданию: Hart R. Witchcraft, London, 1971.

* * *

1 Р.Бертон «Анатомия Меланхолии» (1652).
2 L.Wilson «Account of his life».
3 J.H.Zopft «Dissertatio de Vampiris Serviensibus».
4 R.Scot «The Discovery of Witchcraft» (1584).
5 S.Harsnett «Declaration of Popish Impostures» (1599).
6 Полный текст буллы см.: Я.Шпренгер, Г.Инститорис. Молот ведьм. М., 1990, с.59-61.
7 Булла 1501 г. «Cum acceperimus».
8 См. его сочинение «Compendium Maleficarum» и ср. с трактатом Иоанна Триттемия.
9 W.West «Simboleography» (1594).
10 Ср. соответствующие фрагменты из «Диалога» Дж.Гиффорда.
11 Gratian «Decretum».
12 Пример взят Р.Хартом из книги Ф.-М.Гуаццо «Compendium maleficarum» (1608).
13 T.Ady «A Candle in the Dark» (1656).
14 Т.Гоббс «Левиафан» (1651).
15 E.Spenser «The Faerie Queene» (1590).
16 R.Bovet «Pandemonium» (1684).
17 T.Potts «The Wonderfull Discoverie of Witches» (1613).
18 См.прим.5.
19 См.прим.4.
20 W.Rowley, T.Dekker, J.Ford. «The Witch of Edmonton», V акт. (1658).
21 См. Трактат Л.-М. Синистрари, гл.III в настоящем издании.
22 J.Fontaine. «Des Marques des Sorieres» (1611).
23 R.H.Robbins «Encyclopaedia of Witchcraft and Demonology» (1959).
24 G.Mackenzie «Laws and customs of Scotland» (1678).
25 См.прим.12.
26 J.Nider «Formicarius» (ок. 1435 г.).
27 «Trial account of Isobel Gowdie, Scotland» (1662).
28 См.прим.12.
29 «The Apprehension and Confession of Three Notorious Witches... in the county of Essex» (1589).
30 «Doctor Lambis Darling» (1653).
31 См.прим.27.
32 «News from Scotland» (1591).

33 Цит. по: R.H.Robbins «Encyclopaedia», p.317.
34 См.прим.12.
35 Там же.
36 Цит. по: R.H.Robbins «Encyclopaedia», p.421.
37 Цит. по: R. Seth. «In the name of the Devil» (1969).
38 H.More. «An Antidote against Atheism» (1653).
39 Дело Изабель Гауди, Шотландия, 1662 г.
40 См.прим.37.
41 Там же.
42 C.Penser. «Commentarius...» (1560).
43 См.прим.12.
44 См.прим.39.
45 Там же.
46 Candidus Brognolus Bergomensis. «Manuale Exorcistarum» (1651)
47 «Wonderful discovery of Witches in the County of Lancashire» (1613).
48 См.прим.39.
49 Там же.
50 Материалы Челмсфордского ведовского процесса 1616 г.
51 Это заклинание приводилось Джеймсом Дэвисом на Ланкаширском ведовском процессе 1612 г.
52 Цит. по: R.Seth. «In the name...»
53 Там же (взято из материалов процесса И.Гауди).
54 Там же.
55 Там же.
56 W.Perkins. «A Discourse of the Damned Art of Witchcraft» (1608).
57 R.Eden. «History of the Travel in the West and East Indies» (1577).
58 См.прим.37.
59 R.Herrick. «A Mocking View of Exorcism».
60 Точной даты основания инквизиции до сих пор не существует. Более употребительна и обоснована другая — 1231/1233 гг.
61 Тридентский собор католической церкви (13.XII.1545 — 4.XII.1563), созванный для решения вопросов по борьбе с протестантизмом и противодействия власти императоров. Были преданы анафеме основные положения протестантской догматики, подтверждено, что авторитет папы выше авторитета соборов, а догматы католической церкви остаются в том виде, в каком они были разработаны в средние века. На соборе были укреплены позиции епископов, которым также приписывалось основывать для подготовки новых кадров специальные учебные заведения — семинарии. В 1564 г. была составлена так называемая «Professio fidei Tridentina», на верность которой должны были присягнуть все духовные лица и профессора Университетов. Постановления собора не были приняты безоговорочно во многих странах Европы, в т.ч. в Испании.
62 Сильвестр Приерио (1456—1523 гг.) итальянский богослов, демонолог. В данном случае подразумевается его известное произве-

дение «De strigimagarum, daemonumque mirandis libri tres... et ratione formandi processus contra ipsas».

63 В русском переводе «Молота ведьм» Г.Крамер выступает под своей латинской фамилией — Г.Инститорис.

64 Цит. по: R.H.Robbins. Op. cit.

65 P.Limborch. «History of the Inquisition» (1692).

66 F. von Spee. «Cautio criminalis» (1631).

67 J.Lindon. «History of Treves».

68 Cornelius Agrippa. De incertitudine et vanitate scientiarum (1531).

69 Цит. по: R.H.Robbins. Op.cit.

70 Письмо датировано 24 июля 1628 г.

71 Цит. по: R.H.Robbins. Op. cit.

72 Там же.

73 «Statutes of the Realm», v.3, p.837. Все приводимые ниже официальные документы цитируются по этому же сборнику.

74 Эта проповедь была произнесена в 1560 г.

75 Все материалы Челмсфордского процесса цитируются по: «The Examenation and Confession of Certain Witches at Chelmsford» (1566).

76 W.Notestein. «History of Witchcraft in Englang» (1911).

77 Речь Якова VI в Толботе, 1591 г.

78 «Statutes of the Realm», v.4, part 2, p.1028

79 James I. «Demonology» (1597).

80 Законы Хаммурапи.

81 T.Fuller. «Church History of Britain» (1655).

82 F.Hutchinson. «Historical essay concerning Witchcraft» (1718).

83 Butler S. «Hadibras» (1664).

84 F.Hutchinson. Op. cit.

85 Там же.

86 «A trial of Witches...» (1682).

87 Там же.

88 J.Wagstaffe. «The Question of Witchcraft Debated» (1669).

89 M.Summers. «The Geography of Witchcraft» (1927).

90 Цит. по: R.H.Robbins. Op.cit.

91 «News from Scotland...» (1591).

92 См.прим.4.

93 Цит. по: R.H.Robbins. Op.cit.

94 P.Janet. «The major symptoms of Hysteria» (1907).

95 C.Hansen. «Witchcraft at Salem» (1970).

96 R.H.Robbins. Op.cit.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Иллюстрации взяты из собраний библиотеки Британского музея, Вейландской библиотеки, коллекции Манселла и библиотеки Ламбетского дворца.

СОДЕРЖАНИЕ

Демонология эпохи Возрождения
(XVI — XVII вв.)

ЛР № 030457 от 14.12.92. Подписано в печать 25.05.92.
Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Условн.печ.л. 29,0. *Уч.-изд.л.* 26,52. *Тираж* 5000 *экз. Заказ* 3400

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
129256, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4. Тел. 181-00-13, 181-01-13

Отпечатано с готового оригинал-макета в Московской типографии № 2 РАН
121099, Москва, Шубинский пер., 6